

ISSN: 2616-8162

**Вестник
Донецкого
национального
университета**

НАУЧНЫЙ
ЖУРНАЛ
*Основан
в 1997 году*

Серия Д
**Филология
и психология**

4/2023

Редакционная коллегия журнала «Вестник Донецкого национального университета.

Серия Д: Филология и психология»

Ответственный редактор – д-р филол. наук, проф. **В.И. Теркулов**

Заместитель ответственного редактора – д-р филол. наук, проф. **О.Л. Бессонова**

Ответственный секретарь – канд. психол. наук, доц. **С.А. Вильдгрубе**

Члены редколлегии: д-р наук по соц. ком., проф. **И.М. Артамонова**, д-р филол. наук, проф. **Ш.Р. Басыров**, канд. психол. наук, доц. **А.В. Гордеева**, д-р филол. наук, проф. **А.В. Домашенко**, д-р психол. наук, проф. **С.Т. Джанерьян** (Южный федеральный университет), д-р филол. наук **А.И. Иваницкий** (Российский государственный гуманитарный университет), д-р филол. наук, проф. **В.Д. Калиушенко**, д-р филол. наук, проф. **А.А. Кораблев**, д-р филол. наук, доц. **А.А. Кудряшова** (Московский центр качества образования), д-р психол. наук, проф. **В.А. Лабунская** (Южный федеральный университет), д-р филол. наук, доц. **М.Ч. Ларионова** (Южный научный центр РАН), д-р психол. наук, доц. **Е.Г. Максименко**, д-р филол. наук, проф. **Г.Н. Манаенко** (Северо-Кавказский федеральный университет), канд. филол. наук **М.Н. Панчехина**, д-р филол. наук, проф. **М.Л. Ремнёва** (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова), д-р психол. наук, доц. **Е.Н. Рядинская** (Донбасская аграрная академия), д-р психол. наук, проф. **С.В. Сарычев** (Курский государственный университет), д-р психол. наук, проф. **А.В. Сидоренков** (Южный федеральный университет), д-р филол. наук, доц. **Л.В. Соснина** (Донецкий национальный технический университет), д-р филол. наук, проф. **В.И. Супрун** (Волгоградский государственный социально-педагогический университет), д-р филол. наук, проф. **В.В. Тулупов** (Воронежский государственный университет), д-р филол. наук **Н.В. Усова**, д-р филол. наук, проф. **Н.В. Уфимцева** (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова), д-р филол. наук, доц. **Е.В. Филатова**, д-р филол. наук, доц. **Л.Н. Ягупова**, канд. психол. наук, доц. **М.И. Яновский**.

Editorial Board of journal “Bulletin of Donetsk National University

Series D: Philology and Psychology”

Editor-in-Chief – Doctor of Philology, Prof. **V.I. Terkulov**

Deputy Editor-in-chief – Doctor of Philology, Prof. **O.L. Byessonova**

Executive Secretary – Candidate of Psychology, Associate Prof. **S.A. Vildgrube**

Members of the Editorial Board: Doctor of Social Communications, Prof. **I.M. Artamonova**, Doctor of Philology, Prof. **Sh.R. Basyrov**, Candidate of Psychology, Associate Prof. **A.V. Gordeeva**, Doctor of Psychology, Prof. **S.T. Dzhanyan** (Southern Federal University), Doctor of Philology, Prof. **V.A. Domašenko**, Doctor of Philology **A.V. Ivanitskiy** (Russian State University for the Humanities), Doctor of Philology, Prof. **V.D. Kaliušenko**, Doctor of Philology, Prof. **A.A. Korablev**, Doctor of Philology, Associate Prof. **A.A. Kudryashova** (Moscow Center for the Quality of Education), Doctor of Psychology, Prof. **A.V. Labunskaya** (Southern Federal University), Doctor of Philology, Associate Prof. **M.Ch. Larionova** (Southern Scientific Center of the RAS), Doctor of Psychology, Associate Prof. **Ye.G. Maksimenko**, Doctor of Philology, Prof. **G.N. Manaenko** (North Caucasian Federal University), Candidate of Philology **M.N. Panchehina**, Doctor of Philology, Prof. **M.L. Remnyova** (Moscow State University), Doctor of Psychology, Associate Prof. **Ye.N. Ryadinskaya** (Donbass Agrarian Academy), Doctor of Psychology, Prof. **S.V. Sarychev** (Kursk State University), Doctor of Psychology, Prof. **A.V. Sidorenkov** (Southern Federal University), Doctor of Philology, Associate Prof. **L.V. Sosnina** (Donetsk National Technical University), Doctor of Philology, Prof. **V.I. Suprun** (Volgograd State Socio-Pedagogical University), Doctor of Philology, Prof. **V.V. Tulupov** (Voronezh State University), Doctor of Philology, Prof. **N.V. Ufimtseva** (Moscow State University), Doctor of Philology **N.V. Usova**, Doctor of Philology, Associate Prof. **E.V. Filatova**, Doctor of Philology, Associate Prof. **L.N. Yagupova**, Candidate of Psychology, Associate Prof. **M.I. Yanovsky**.

Научный журнал «Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология» включён в базу РИНЦ (договор 264-06/2018), в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, соискание учёной степени доктора наук (Приказ МОН ДНР № 576 от 04.05.2019 г.) по следующим группам научных специальностей: 5.9. Филология; 5.3. Психология. **Адрес редакции:** ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», ул. Университетская, 24, 283001, г. Донецк, **Тел:** +7 (856) 302-92-33. **E-mail:** vi.terkulov@mail.ru, s.vildgrube@mail.ru, v.korobova-latyntseva@mail.ru. **URL:** <http://donnu.ru/vestnikD>.

Печатается по решению Учёного совета ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет».

Протокол № 12 от 22.12.23 г.

© ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», 2023

Вестник Донецкого национального университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ОСНОВАН В 1997 ГОДУ

Серия Д: Филология и
психология

№ 4/2023

СОДЕРЖАНИЕ

Филология

- Глазунова О.И.* Представления о норме и благе в значениях качественных имён прилагательных 6
- Головачева О.Н., Кожурина У.Н.* Вербализаторы ценностной семантики, репрезентированные в языковом сознании представителей Трубчевского района Брянской области в русле парадигмы «свой/чужой» 17
- Зайцева И.П.* Взаимодействие различных форм общенародного языка в словесно-художественном дискурсе (на материале повести В.А. Титова «Всем смертям назло») 25
- Королева И.А., Фомина С.Р.* Характеристика именованных персонажей романа Олега Ермакова «Радуга и Вереск» 38
- Соснина Л.В.* Лингвистический аспект специальной военной операции 45
- Шацкая М.Ф.* Языковые маркёры лжи в фейковых сообщениях 57
- Голандам А.К.* Сопоставление абсолютных синонимов в русском и персидском языках: денотативные сферы «пища» и «архитектура» 69
- Бут-Гусаим С.Ф., Свиридович К.В.* Именослов романа Ольги Ипатовой «Золотая жрица Ашвинов» 76
- Гладкая Н.В.* Когнитивный потенциал мемов в условиях информационной войны 84
- Егорова Н.В., Щипанова Ю.В., Олейник Ю.А.* Оказиональная лексика как средство экспрессивизации текста телеграм-канала 93
- Иконникова О.Н., Калинин С.С.* Лексическая аффиксация в салишских языках в ареально-типологическом освещении 103
- Назар Р.Н.* Газетный подкорпус Национального корпуса русского языка как объект корпусной лингвистики и источник текстового материала для изучения аббревиации 116
- Панчехина М.Н.* Аспекты лингвокультурной идентичности дончан 125

<i>Тельнов Р. Е.</i> Трансформация тем региональной прессы в статистическом аспекте (на материале выпусков газеты Грибановского района Воронежской области «Знамя труда» за период 70-х гг. XX в. – 20-е гг. XXI в)	134
<i>Титаренко Э. А.</i> Так сказать с позиции говорящего	140
<i>Щипанова Ю. В., Егорова Н. В., Полуфакина А. А.</i> Функционально-семантические особенности современных жаргонизмов интернет-пространства	148
<i>Калмыкова Д. А.</i> Этнокультурный код бытовой лексики в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» Н.В. Гоголя.	156
<i>Коробова-Латынцева В. С.</i> Акты, средства и способы номинации войны в Донбассе	164
<i>Мозгачёва К. С.</i> Прецедентные имена в тульском тезаурусе	172
<i>Рештаненко А. А.</i> О способах креолизации текста	180

Психология

<i>Максименко Е. Г.</i> Психопатология нацизма: психоаналитическая конструкция денацификации	189
<i>Гордеева А. В.</i> Особенности восприятия социальной рекламы в юношеском возрасте	201
<i>Ковальчишина Н. И., Ковальчишина С. В., Вальтер О. С.</i> Послеродовая психологическая адаптация женщин в контексте сохранения здоровья	211
<i>Липодаева М. А., Ревуцкая И. В.</i> Психологические особенности самореализации личности студентов	220
Правила для авторов	228

Bulletin of Donetsk National University

SCIENTIFIC JOURNAL

FOUNDED IN 1997

**Series D: Philology and
Psychology**

No 4/2023

CONTENTS

Philology

<i>Glazunova O.I.</i> Some ideas about the norm and the good in the meanings of qualitative adjectives	6
<i>Golovacheva O.A., Kozhurina U.N.</i> Verbalizers of evaluative semantics of opposition "Us / Them" in linguistic consciousness of representatives of Trubchevsky district in Bryansk region	17
<i>Zaitseva I.P.</i> Interaction of different forms of national language in verbal-artistic discourse (based on the story "All the Deaths to Spite" by V.A. Titov)	25
<i>Koroleva I.A., Fomina S.R.</i> Names of characters in novel "Rainbow and Heather" by Oleg Yermakov	38
<i>Sosnina L.V.</i> Linguistic aspect of special military operation	45
<i>Shatskaya M.F.</i> Language markers of lie in fake messages	57
<i>Golandam A.K.</i> Comparison of absolute synonyms in Russian and Persian languages in denotative spheres "food" and "architecture"	69
<i>But-Gusaim S.F., Sviridovich K.V.</i> Onomasticon of novel "The Golden priestess of the Ashwins" by Olga Ipatova	76
<i>Gladkaya N.V.</i> Cognitive potential of mems in conditions of information war	84
<i>Egorova N.V., Shchipanova Yu.V., Oleynik Yu.A.</i> Occasional vocabulary as means of text expressiveness in telegram channel	93
<i>Ikonnikova O.N., Kalinin S.S.</i> Lexical affixation in Salish languages in areal-typological perspective	103
<i>Nazar R.N.</i> Newspaper subcorpus of National Corpus of the Russian language as object of corpus linguistics and source of textual material for study of abbreviation	116
<i>Panchehina M.N.</i> Aspects of linguistic and cultural identity of Donetsk people	125

<i>Tel'pov R. E.</i> Transformation of regional press topics in statistical aspect (based on issues of newspaper "Znamya Truda" published in Griбанovsky district of Voronezh region in period of 70s in XX century – 20s in XXI century)	134
<i>Titarenko E. A.</i> So to speak from speaker's point of view	140
<i>Shchipanova Yu. V., Egorova N. V., Polufakina A. A.</i> Functional and semantic features of modern jargonisms in internet space	148
<i>Kalmykova D. A.</i> Ethnocultural code of everyday vocabulary in «Evenings on a farm near Dikanka» by N. V. Gogol	156
<i>Korobova-Latyntseva V. S.</i> Acts, types, and ways of nominating war in Donbass	164
<i>Mozgacheva K. S.</i> Precedent names in the Tula thesaurus	172
<i>Reshtanenko A. A.</i> On ways of text creolization	180

Psychology

<i>Maksimenko E. G.</i> Psychopathology of Nazism: psychoanalytical construction of denazification	189
<i>Gordeeva A. V.</i> Perception of social advertising at young age	201
<i>Kovalchishina N. I., Kovalchishina S. V., Valter O. S.</i> Postnatal psychological adaptation of women in context of maintaining health	211
<i>Lipodaeva M. A., Revutskaya I. V.</i> Psychological features of students' self-realization	220
Guidelines for authors	228

Памяти Евгения Ивановича Царенко

Четвёртый выпуск «Вестника Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология» посвящён памяти ушедшего от нас в ноябре этого года на 85 году жизни доцента кафедры общего, славянского и прикладного языкознания, кандидата филологических наук **Евгения Ивановича Царенко**.

Евгений Иванович научил нас, студентов филфака ДонГУ, любить своё ремесло, научил думать неординарно, научил, в общем-то, всему. Я уже много раз рассказывал о том, какой была моя жизнь «от Царенко». Повторю то, что писал ему живому. «Я пришел на филфак писать стихи, потому что мне казалось, что я как Пушкин, а может, немного лучше. Отвлекаясь, скажу, что одного курса «Введение в литературоведение» было достаточно, чтобы понять, как я ошибался. Но 1 сентября я пришёл

на лекцию с таинственным для меня тогдашним названием «Введение в языкознание» и понял, что пропал. Не нужны мне стали ни мои стишки, ни мои амбиции. Это был космос, в котором вдруг захотелось жить. И этот космос создавал Евгений Иванович. А потом были практические занятия с лингвистическими задачами. Он в конце курса вручил мне грамоту как самому успешному "решале" и предложил заниматься с ним этимологическими дублетами – словами типа *князь – ксёндз – конунг – кинг, горожанин – гражданин, эшафот – катафалк* и т.д. Эти слова, по сути, этимологически являются одним словом (*князь* и иже с ним восходят к германскому *kingas*, *горожанин* и *гражданин* – к праславянскому **gordjaninos*, *эшафот* и *катафалк* – это видоизмененное латинское *catafalicum*). Мне часто предлагали сменить научука, но это было бессмысленно: Евгений Иванович Царенко учил меня очень хорошо. Я гордился тем, что единственным донецким ученым, написавшим словарные статьи для Энциклопедического лингвистического словаря, был именно Евгений Иванович. Я защитил кандидатскую диссертацию под его руководством, чему несказанно рад».

Царствия небесного Вам, Евгений Иванович! Вы навсегда остались в наших сердцах. Спасибо Вам за всё!

С любовью, Ваш ученик, ответственный редактор журнала «Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология»

Вячеслав Исаевич Теркулов

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 811.161.1'37

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О НОРМЕ И БЛАГЕ В ЗНАЧЕНИЯХ КАЧЕСТВЕННЫХ ИМЁН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

© 2023 *О.И. Глазунова*

ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»

В статье рассматриваются прилагательные положительной и отрицательной семантики с точки зрения сложившихся в обществе понятийных представлений о норме и благе, составляющих основу оценочной классификации объектов действительности. В сфере субъективных оценочных значений норма связана с понятием блага, которое традиционно ассоциируется у носителей языка с пользой, счастьем, добром, с представлениями о добре и зле, хорошем и плохом в жизни человека. Исходная сенсорно-прагматическая оценка в зависимости от того, какое воздействие, благоприятное или неблагоприятное, объекты оказывают или могут оказать на человека, служит для дальнейшей их квалификации по самым разным категориальным признакам. От лексем, ориентированных на отражение результатов чувственной оценки, автор переходит к рассмотрению значений, которые соотносятся с внутренним миром человека, обладающих национальными и мировоззренческими особенностями.

Ключевые слова: качественные прилагательные, оценочные значения, понятие нормы, понятие блага, национальная специфика языка.

Введение. Как материальный объект язык подчиняется законам развития внешнего мира, как продукт сознания он выступает в качестве средства его систематизации и оценки. Алгоритм оценивания включает в себя последовательное осуществление субъектом операций измерения и сопоставления объектов внешнего и внутреннего мира на основе присутствующих в сознании нормативных представлений, которые выступают в качестве исходного базового показателя для констатации степени проявления признака.

Например, жёлтый или зелёный цвет лимона рассматривается как норма, а вот зелёный картофель может вызвать удивление, так как не будет соответствовать фоновым знаниям субъекта восприятия. На относительность оценки определительных конструкций указывает Ю.Д. Апресян: «Свидетельством того, что *острый, чистый, свежий, хороший, честный* и т. д. описывают именно соответствие норме, а не ее превышение, является возможность замены этих прилагательных, по крайней мере, в некоторых словосочетаниях, на прилагательное *нормальный*» [1, с. 519].

Описание сложных системных образований происходит на основе последовательного аналитического разложения и синтетической реконструкции их составных частей. Каждая операция в ряду подобных ей операций служит для выполнения определённых задач. При их решении в сознание субъекта поступает сигнал в виде состояния удовлетворения полученной информацией. Именно это состояние определяет момент перехода от синтеза к анализу и обратно. В результате на каждом этапе квалификационной деятельности человек получает необходимый ему объём знаний и имеет возможность двигаться дальше.

Процесс накопления информации осуществляется в соответствии с законом Гегеля о переходе количества в качество, что свидетельствует о связи, существующей

между оцениванием и поступательным развитием окружающего мира. Количество данных, необходимых субъекту для того, чтобы сделать выводы, может варьироваться: кто-то ограничивается поверхностным восприятием, для другого, прежде чем перейти к следующему этапу рассмотрения, требуется досконально изучить все образующие систему связи и принципы структурного взаимодействия.

Помимо этого, время восприятия и оценивания происходящего определяется целями, с которыми человек приступает к исследованию системных образований: чем проще задача, тем меньше усилий затрачивается на её решение. Таким образом, и в природе и в сознании, и на уровне семантики и в синтаксических структурах языка понятие нормы подвижно и зависит от целого ряда сопутствующих факторов.

Основная часть.

1. Специфика реализации сферы субъективных оценочных значений. Базовые физические характеристики объектов, попадая в сферу оценочных значений, менее подвластны аксиологическим методам верификации. основополагающие категориальные признаки: *большой, маленький, тяжёлый, лёгкий, простой, сложный* и др. характеризуют объекты, исходя из физических их параметров на основе сложившегося положения дел в природе: муравей – маленький, слон – большой, перо – лёгкое, металл – тяжёлый и т. д.

К сфере субъективных оценочных значений относятся лексем, которые указывают на 1) эстетические характеристики (не свойства, т. к. свойства – это внутренние качества объектов): *красивый – уродливый, безобразный*; 2) морально-нравственные характеристики: *добрый, честный, благородный – злой, лживый, лицемерный*; 3) финансово-потребительские характеристики: *дорогой – дешёвый*; 4) утилитарные характеристики: *полезный – вредный*; 5) нормативные характеристики: *общепринятый – странный*; 6) производительные характеристики: *эффективный, выгодный – бесполезный, негодный* и т. д. В процессе взаимодействия субъекта с объектами внешнего мира данные характеристики выступают в качестве своеобразных маркеров, которые отражают его представления о возможном их использовании.

В структуре оценочных лексем и, соответственно, в их значении содержится информация о том, какой именно реакцией человек сопровождает оказанное на него воздействие, рассматривает ли он данный объект позитивно или негативно. Таким образом, не только в семантике прилагательных, но и в их морфологии (*безобразный, бесполезный, негодный, общепринятый*) заложены сведения о чувствах, возникающих у человека по отношению к объектам и явлениями внешнего мира.

Кроме аксеологических оценок объектов и явлений действительности, складывающихся на основе их эстетических, этических, культурных, потребительских и т. п. возможностей, в число показателей, которые могут определяться субъектом оценки, входят подлежащие индивидуальной интерпретации физические характеристики предмета: **звук** (*тихий – громкий*), **вкус** (*вкусный – невкусный, сладкий – горький, сладкий – солёный, сладкий – кислый*), **запах** (*ароматный (душистый, благоуханный) – зловонный (смордный, вонючий)*), **пространственные характеристики** (*тесный – просторный, узкий – просторный*). И это вполне объяснимо, так как отношение человека к объектам, обладающим данными признаками, определяется его физическими данными (например, уровнем слуха), а также социально-общественным статусом (образованием, условиями жизни) и сложившимися в данном обществе традиционными представлениями.

Несмотря на то что категория времени не относится к качественным показателям (в мире материи время выполняет исключительно количественные функции), возможна

оценочная интерпретация характеристик времени, указывающих на протяжённость (*долгий – краткий* (или *короткий* по аналогии с *длинный – короткий*)), на точечность или процессуальность действия (*мгновенный – длительный, вечный*), на отношение к времени дня, суток, года (*ранний – поздний, дневной – ночной, зимний – летний*). Очевидно, что понятие нормы для этой категории признаков определяется ситуацией: значения *долгий* или *краткий*, *ранний* или *поздний* трактуются субъектом речи, исходя из ситуации и его отношения к описываемым объектам или событиям.

2. Понятия «норма» и «благо» в ряду оценочных значений. Существование нормы в сфере субъективных оценочных значений связана с понятием *блага*, которое в сознании носителей языка традиционно ассоциируется с пользой, счастьем, добром и, соответственно, соотносится с представлениями о добре и зле, хорошем и плохом в жизни человека. В этимологическом словаре Н.М. Шанского и Т.А. Бобровой указывается на то, что *благо* происходит от той же основы, что и *большой* [2, с. 24]. В свою очередь, слово *худо* ('зло, беда') [3, с. 954], обозначая нечто бедное, худое, тощее, имеет непосредственную связь с понятием *малый*.

Приведённые факты позволяют сделать вывод о том, что первоначально представления человека о благе и тех характеристиках, которые он оценивал как худо, имели визуальные формы воплощения и ориентировались на сенсорно-прагматические аспекты восприятия. В старославянском языке *благо* имеет значение 'добрая вещь'; в болгарском – 'добро, имущество' в македонском – 'богатство, имущество' [4, вып. 2, с. 173], т. е. значение слова *благо* соотносится с материальными ценностями – движимым и недвижимым имуществом человека. Можно предположить, что впоследствии в языке на той же семантической основе образовались синонимичные лексемы *добро* и *зло*.

К сожалению, этимологические словари предоставляют отрывочную информацию о происхождении лексем *добро* и *зло*. Учитывая тот факт, что эти понятия являются умозрительными и не имеют во внешнем мире соотносимых с ними фиксированных объектов, можно предположить, что их образование связано не с прилагательными, а с глаголами. В чешском языке *dobyti se* 'добраться' происходило от праславянского **dobyti/*dobyvati*, которое обозначало достижение результата и сопровождалось положительными эмоциями. Возможно, именно этот факт может объяснить происхождение слова *добро* в русском языке. С другой стороны, в чешском языке употребляется слово *dostati se* 'добраться', которое происходит от праславянского **dostati* и имеет то же значение [4, вып. 5, с. 47, 84]. Приведённые факты позволяют говорить о том, что семантика слова *добро* связана с достижением цели или обретением человеком желаемого.

Исходная **сенсорно-прагматическая оценка** в зависимости от того, какое воздействие, благоприятное или неблагоприятное, объекты оказывают или могут оказать на человека, составляет основу для дальнейшей их квалификации по самым разным категориальным признакам. Принцип позитивного или негативного отношения является основой мировосприятия субъекта и входит в состав значений слов, определяющих различные варианты оценочных значений, которые сформировались на основе практической деятельности человека, результатов осмысления окружающей его действительности и себя самого в этой действительности. Особенно много слов с корнем *благ-* «в древнерусском языке, что обусловлено христианизацией, стремлением воплотить в реальности евангельские заветы. Поэтому в одной лексеме объединяются высокие представления о бытии с обыденными представлениями о земном существовании» [5, с. 959].

Между словами первичной оценочной сенсорно-прагматической семантики существует тесная связь. Сходство значений понятий *худо* и *зло* подтверждается этимологическими словарями. От праславянского **xudoba* были образованы сербохорватское *худоба* в значении ‘злость’; существительное *hudoba* – ‘злость’, ‘гнев’, ‘злодей’ и прилагательные *hûd, hûda* (‘злой, дурной’, ‘плохой’) в словенском языке. От праславянского **xudъ(ъ)* ведут начало старославянское прилагательное *хоудъ* в значении ‘мелкий, ничтожный, скудный’ и русское *худоба* ‘несчастье: вред, зло’ [4, вып. 8, с. 110–111]. В силу чередования согласных г/з можно предположить связь между существительным *зло* в русском языке и праславянским «**globa*: болг. *глоба* ж. р. ‘штраф’ (БТР; Геров: ‘штраф, денежная пеня’, ‘убыток’)). Тот же смысл имеет и словенские *gloha, gldba* [4, вып. 6, с. 131].

В языке нет абсолютных синонимов, и если наряду с оппозицией *благо* – *худо* в нём возникают лексемы *добро* и *зло* с тем же самым сенсорно-прагматическим оценочным значением, можно предположить, что это связано с разницей в сфере их применения. Первоначальная связь, которая существовала между прилагательными *благой* – *большой*, *худой* – *малый*, ориентировала использование прилагательных *благой* и *худой* на оценку физических параметров объектов действительности. Лексемы *добро* и *зло*, в силу того что в их значениях прослеживается связь с приобретением и потерей, напротив, направлены на оценку отношений между людьми.

Ещё одну пару лексем, обладающих сенсорно-прагматическим оценочным значением, в русском языке составляют прилагательные *хороший* – *плохой*.

Исследователи предполагают, что прилагательное *хороший* восходит к праславянскому слову **xorostъ*, которое в русских диалектных языках имело значение ‘удобство, красота, приятность’ [6, с. 469]. Другие приписывают ему значение ‘красота, краса, пригожесть, прелесть’ [7, с. 578]. И в том и в другом случае можно предположить, что лексема *хороший* связана с оценкой эстетических показателей.

Данный вывод подтверждает и сохранившееся в разговорном русском языке существительное *хоромы*, которым на Руси называли богатый, большой деревянный дом или просторное помещение. Показательным также является и тот факт, что в качестве антонимов к этому слову использовались существительные *халупа* или *лачуга*.

Существительное во множественном числе *хоромы* восходит к *хоромине*, которое в древнерусском языке употреблялось в значении ‘дом, строенье’. В русских диалектах и украинском языке исходное значение этого слова сочеталось со значением ‘большой’: ‘большой хороший жилой дом’ [4, вып. 8, с. 74].

Эстетика тесно связана с творчеством, в частности с ритуальным (литургическим) искусством оформления богослужений. Русское слово *храм*, старославянское *храмъ*, чешское *chrđmina* ‘храм’, болгарское, македонское и сербохорватское *храм* указывают на дом, предназначенный для совершения богослужений и религиозных обрядов, что позволяет усмотреть в значении этого слова не только эстетический, но и сакральный смысл.

Сходство корневой части и близость семантических значений позволяют говорить о том, что прилагательное *хороший* имеет родственную связь с глаголом *хоронити*, который в древнерусском языке имел значение ‘прятать, скрывать, беречь’ [4, вып. 8, с. 79–80]. Действительно, прятать и беречь можно только то, что дорого человеку, что вызывает у него особые чувства. В словаре Фасмера усматривается также этимологическое родство между прилагательным *хороший* и праславянским **xogъgъ* (см.), русск. *хоробрый*) [8, т. 4, с. 267].

Прилагательное *плохой*, противопоставленное по значению *хорошему*, соотносится с чешским *plochý* ‘плоский’. Согласно словарю Даля, *плóхой* называли ‘просеку в лесу для расстановки сетей на уток’. И то и другое значения лексемы указывает на узость, незначительность, скудность и в этом плане соотносится со значением прилагательного *худой*. Среди прочих значений лексемы можно выделить ‘смирный, тихий, кроткий’ (укр. *плохий*), ‘болезненный, плохой’ (болг. *плóхи*), ‘пугливый; ветреный; суетный’ (польск. *próchy*) [8, т. 3, с. 286].

Таким образом, наряду с визуальными формами восприятия объектов действительности, основанными на сенсорно-прагматической, положительной или отрицательной, оценке, обусловленной словами *благо* и *худо*, в языке актуализируются значения, соотносящиеся с социальной сферой деятельности: отношениями между людьми, достижением результата или утратой (*добро – зло*), и далее – со значениями абстрактных этических и эстетических категорий красоты, комфорта или их отсутствия (*хороший – плохой*).

3. Традиционное и индивидуальное в оценочной интерпретации. Общая направленность интерпретации прилагательных, обладающих сенсорно-прагматической оценочным значением, не исключает возможность индивидуального их использования в речи. С одной стороны, в сознании носителей языка существуют традиционные представления о том, что является добром и что – злом, с другой – в своей личной жизни и собственных переживаниях каждый волен трактовать понятия добра и зла по своему усмотрению. «Что касается до *добра и зла*, то они <...> не показывают ничего положительного в вещах, если их рассматривать самих в себе, и составляют только модусы мышления, или понятия, образуемые нами путем сравнения вещей друг с другом. Ибо одна и та же вещь в одно и то же время может быть и хорошей и дурной, равно как и безразличной. Музыка, например, хороша для меланхолика, дурна для носящего траур, а для глухого она ни хороша, ни дурна», – заметил Б. Спиноза [9, с. 523].

Вместе с тем в процессе развития общества у его членов вырабатывались общие взгляды, которые находили выражение в закреплённых в сознании морально-этических императивах. Категории этической оценки как «средства к тому, чтобы всё более и более приближаться к предначертанному нами образцу человеческой природы», ориентированы на всех членов общества; в то время как частные оценочные суждения могут быть актуальными для одного человека или для сравнительно небольшого круга людей.

Но даже в частных оценочных суждениях понятие блага формируется на основе опыта взаимодействия субъекта с внешним миром. При этом, по мнению Б. Спинозы, «добро» квалифицируется с точки зрения того, что «для нас полезно». Соответственно, «зло» рассматривается в качестве того, что «препятствует нам обладать каким-либо добром» [9, с. 534], а значит и в этом случае имеет место сенсорно-прагматическая природа данных оценочных значений.

От чувственной, сенсорно-прагматической, оценки, в которой выражается положительная или отрицательная направленность восприятия человеком окружающего мира с точки зрения комфорта существования, его физического и духовного самочувствия, языковое сознание переходит к выработке ценностей, ориентированных исключительно на внутренний мир человека.

Представления о важности, значимости или пользе складываются на основе сопоставления представлений субъекта о том, каким должен быть объект оценки, и тем, каким он является в действительности. В основе данной категории оценочных значений

лежит противопоставление по принципу «хорошо – плохо», а также система норм, сформированных в обществе и сознании носителей языка.

«Сущность культурной идентичности заключается в осознанном принятии человеком культурных норм и образцов поведения, принятых в данном обществе, а также языка и ценностных ориентаций, данных ему, в том числе и через родной язык» [10, с. 11].

Аксиологические оценочные значения задают ценностные ориентиры, определяя принципы отношений субъектов между собой и с внешним миром, направленность человеческой деятельности, мотивацию поступков, существование идеалов, имеющих историческое, социальное или культурное значение для человека и общества: *моральный – аморальный, нравственный – безнравственный, красивый – безобразный, образованный – невежественный, дорогой – дешевый, полезный – вредный* и т. п. И в этой группе «эстетическая оценка отличается от других групп людских оценок своей максимальной субъективностью» [11, с. 357].

Действительно, высшей степенью субъективности обладает не этика, а эстетика, основу которой составляет разделение объектов по принципу «нравится/не нравится». Чувственный субъективный взгляд на объекты действительности предшествует оценке по значимости. Это происходит в силу того, что эстетическая оценка первична и, следовательно, определяет формирование всех последующих оценочных категорий. По словам Иосифа Бродского: «Всякая новая эстетическая реальность уточняет для человека реальность этическую. Ибо эстетика – мать этики; понятие “хорошо” и “плохо” – понятия прежде всего эстетические, предваряющие категории “добра” и “зла”» («Нобелевская лекция»). Красота – категория, которая в большей степени соотносится с духовными переживаниями, этика определяет сферу ментальных представлений, а польза, кроме собственно утилитарных значений, задаёт ценностные ориентиры как в эстетике, так и в этике: ЭСТЕТИКА ↔ ПОЛЬЗА ↔ ЭТИКА.

Становление категории *полезный – вредный* связано с практической деятельностью человека и накоплением им опыта, т. е. совокупности усвоенных на практике знаний, умений, навыков. Если на ранних этапах развития представление о пользе объединялось с такими понятиями, как счастье и удовольствие (см., например: [12, с. 10]), то позднее стало очевидно, что такого рода интерпретация не исчерпывает возможных вариантов оценки.

Очевидно, что горькое лекарство вряд ли может доставить больному удовольствие, однако нет сомнения в том, что оно окажет благотворное влияние на его организм, т. е. будет полезным. Вместе с тем при интерпретации понятия пользы следует различать уровни индивидуального и общественного представления. Например, человеку порочному свойственно рассматривать свои недостатки как то, в чём он нуждается, т. е. с позиции пользы. Однако с точки зрения традиционных представлений потакание порокам может размыть представления общества о нравственности, что неизбежно приведёт к его деградации.

Таким образом, оценка объектов может проводиться на основе объективных показателей (разницы в размере, весе, температуре, форме, строении) или исходя из субъективных представлений субъекта наблюдения и сложившихся у него приоритетов. Если объективная оценка базируется на количественных показателях и измеряется в единицах, соотносящихся с имеющимися эталонами в рамках существующих систем координат, то субъективная (относительная) оценка, хотя в ее основе лежат существующие в обществе традиционные представления, напрямую зависит от субъекта.

В данной работе *под абсолютной оценкой понимается оценка, сделанная на основе количественных показателей*; соответственно, *относительная оценка исходит от субъекта восприятия, который соотносит её со своими взглядами, представлениями, принципами*. Очевидно, что взгляды, представления и принципы могут меняться в течение жизни; отсюда следует, что и оценка, которая складывается под их воздействием, подвержена изменениям и не может рассматриваться как абсолютная. Стоит отметить, что качественные показатели всегда предполагают оценку, которая самым непосредственным образом соотносится с субъектом восприятия.

Оценка, основанная на заложенных в природе количественных показателях, является абсолютной и вряд ли может подвергаться сомнению, в то время как субъективность при вхождении в оценочное значение способна варьироваться. Субъективность восприятия индивидуальных физических характеристик объектов предполагает различные варианты сопоставлений. Кроме того, один и тот же признак может соотноситься с несколькими лексемами с антонимичными значениями. «Автор классических “Принципов этики” Дж. Мур, сравнивая слова *жёлтый* и *хороший*, назвал первое из них естественным (natural) свойством, а второе не-естественным (non-natural). При этом Дж. Мур отметил, что невозможно описать значение слова *хороший* на основании свойства объектов, к которым применим признак “хорошо”, – это так называемая “натуралистическая ошибка” (naturalistic fallacy)» (цит. по [13, с. 26]).

При оценке окружающего мира человек руководствуется сложившимся положением дел: вода должна быть чистой, небо голубым, день начинается с восходом солнца, а ночь наступает при его заходе и т. д. Любой из этих признаков в сочетании со своим носителем рассматривается как нормативный и благоприятный для человека хотя бы в силу того, что он и его предки успели к нему приспособиться. «Вещи являются хорошими не потому, что они имеют особое свойство “добро”, а в силу того, что этим вещам присущи определённые естественные свойства и существуют социальные по своему происхождению стандарты того, какими именно свойствами должны обладать вещи. Слово “хороший” является заместителем имён естественных свойств, но не именем особого естественного свойства» [14, с. 43].

В процессе познания окружающего мира норма служит ориентиром для встраивания новых объектов и явлений в структуру сложившихся иерархических моделей действительности, исходя из их интегральных и дифференциальных признаков. Каждый новый объект, существование которого соотносится с другими объектами по синтагматическим или парадигматическим параметрам, расширяет наши представления об окружающем мире.

Эстетическая оценка, как и оценка вкуса, звука, запаха, может быть в высшей степени субъективной, так как ориентируется на способы мировосприятия субъекта и не требует проверки или подтверждения правильности его реакции на общественном уровне. Это сугубо личный эмоциональный отклик на внешний вид или внутренние характеристики объекта, на особенности его существования в окружающем мире.

Кроме эстетических параметров человеку свойственно оценивать окружающий мир с позиций справедливости его построения и справедливости построения общества, и на основе этого определять правомерность совершённых поступков и результатов своей деятельности в целом. Стоит отметить, что широко известная строка из стихотворения Шиллера «Любовь и голод правят миром» имеет, скорее, ироническое значение, так как указывает на столкновение элементарных физиологических потребностей, которые свойственны не только человеку, но и животным. Мир человека гораздо сложнее и разнообразнее: кроме физиологических потребностей он состоит из

духовной составляющей, ориентированной на соответствие таким чувствам, как красота, польза и справедливость. Именно они составляют основу внутренней жизни человека на высших этапах его развития.

В этой связи наличие нескольких пар лексем с общим значением положительной и отрицательной оценки вполне объяснимо. Прилагательные *хороший – плохой* отвечают за эстетические представления субъекта; *полезный – вредный* определяют утилитарную сферу оценочных значений; противопоставление *добро – зло* лежит в основе формирования этических, морально-нравственных, ценностей: совести, сострадания, смысла жизни, самопожертвования и т. д.

4. Качественно-количественные составляющие оценочного значения. Процесс субъективного восприятия обусловлен множеством факторов. К наиболее значимым из них можно отнести: 1) степень потревоженности наших чувств, т. е. *количественный показатель*, определяющую интенсивность проявления ответной эмоции; 2) градацию по принципу «хорошо/плохо», т. е. *качественный показатель* значения, указывающий на положительную или отрицательную природу значения признака в рамках сложившихся в обществе представлений.

Отвлечённый характер оценочных значений, отсутствие каких бы то ни было объективных соответствий в реальном мире предопределяет обращение субъекта к сложившимся в обществе представлениям. В их рамках в языке существуют градации, которые нашли отражение в семантике прилагательных: *великолепный, потрясающий, бесподобный, замечательный, превосходный, восхитительный, изумительный, отличный, хороший ← средний (так себе) → плохой, ужасный, отвратительный*.

«Выражая те или другие мнения о мире, человек постоянно налагает на него светотеневую сеть общечеловеческих и индивидуальных представлений о добре и зле (хорошем и плохом)» [15, с. 6]. Никаких других способов верифицировать признаковые значения с позиций положительной и отрицательной семантики не существует. Выражая своё отношение к объектам действительности, носитель языка ориентируется на традиции их восприятия в обществе, а также на свой собственный опыт, основанный на индивидуальных физических, психологических и ментальных особенностях.

Субъективная природа сенсорно-прагматических оценочных значений подтверждается образованной от прилагательного *хороший* (древнерусское – *хорошь* (красивый)) формы превосходной степени. Согласно словарям, *лучший* «было образовано из общеславянского *luciti*. В данном случае корень слова тот же, что и в словах “получить”, “случиться»» [16, с. 334].

Другие составители словарей обращают внимание на то, что *лучший* «заимств. из ст.-сл. яз., где оно является формой сравнит. степени (суф. *-ъши-*) от *лукий* “назначенный судьбой”, родственного др.-рус. *лучаи* “судьба”, соврем. *благополучие, случай*» [2, с. 173]. Таким образом *лучший* в сознании носителей языка указывает на обретение желаемого, на подарок судьбы, т. е. его семантика соотносится с некими очень благоприятными событиями в жизни человека, которые возникают вслед за исполнением мечты или удовлетворением потребностей.

Оптимизм традиционного мышления, вера в провидение и нацеленность человека на положительный результат подтверждаются тем фактом, что форма превосходной степени, образованная от прилагательного с противоположным значением, с представлениями о судьбе не связана. Согласно словарям, *худший* имеет непосредственное отношение к прилагательному *худой*, которое в древнерусском языке означало ‘непрочный’, ‘слабый’. Не только форма, но и значения лексем между собой соотносятся: *худший* «используется в устной и

письменной речи примерно с XIII в. с большим количеством значений, старшим из которых является: “слабый”, “жалкий”» [16, с. 613].

Противопоставление положительных и отрицательных значений в языке зависит от степени эмоциональной вовлечённости субъекта в процесс восприятия. Отсутствие эмоционального отклика выражается с помощью лексемы *средний* или её лексических модификаций: *обычный; заурядный; никакой; так себе; ни то, ни сё; ничем не примечательный, удовлетворительный* и т. д., семантика которых указывает на нулевой показатель чувственной ответной реакции субъекта на происходящее.

Следующий этап интенсификации признака выражается в языке с помощью лексем *положительный* и *отрицательный* (*позитивный* и *негативный*), указывающих на незначительно повышенную (со знаками плюс или минус) степень восприятия человеком объектов действительности. К их лексическим вариантам можно отнести прилагательные *похвальный, одобрительный, неодобрительный, достойный порицания*.

Очевидно, что для выражения повышенной степени проявления положительной оценки («очень хороший») в языке используются слова, основу которых составляют варианты сложившихся в обществе идеальных форм мировосприятия: сказок, волшебства, чудес. Прилагательные *сказочный, волшебный, чудный, дивный, идеальный* свидетельствуют о том, что мифология, ориентированная на создание общественно-значимой модели поведения, используется и при оценке составляющих повседневной жизни.

В сознании членов языкового сообщества миф задаёт планку идеального существования, а поэтому всё, что с ним связано, воспринимается в положительном ракурсе. Особую группу в языке составляют прилагательные *божественный, райский*, которые ассоциируются с высшей степенью проявления духовности, справедливости и положительных человеческих качеств. Данная лексика имеет отношение к СФЕРЕ ВНУТРЕННЕГО СОСТОЯНИЯ субъекта.

Другая группа прилагательных положительной семантики: *прекрасный, безупречный, превосходный, прелестный, блистательный, изумительный, восхижительный, потрясающий, упоительный*, указывает на высшую степень проявления эстетического оценочного значения (красоты, прелести) или на особенности восприятия тех фактов реальной действительности, которые оставляют в душе человека ощущение безупречности формы и содержания, превосходства над остальными объектами, а также чувства восхищения, потрясения, упоения, возникающие в процессе наблюдения. Эта группа прилагательных относится к СФЕРЕ ВНЕШНЕГО ВОЗДЕЙСТВИЯ признаков на субъекта.

Группе прилагательных с положительной семантикой противостоят лексемы с отрицательным значением: *дрянной, скверный, возмутительный, прискорбный, отвратительный, гадостный, горестный, безотрадный, тоскливый, дурной, мерзопакостный*, конкретизирующие негативный отклик, который у субъекта вызывают объекты наблюдения.

Ещё одна группа прилагательных со значением повышенной степени проявления положительной оценки: *первосортный, высококачественный, высокопробный, стоящий, отборный, первостатейный*, имеет более приземлённую семантику, так как соотносится с оценкой качества предназначенных для обмена или продажи товаров и услуг. Оценка качества товара может быть абсолютной (*высококачественный*) или относительной (*стóящий*).

Если внутренняя и внешняя оценка зависит от степени потревоженности чувств субъекта наблюдения, то прагматическая оценка товаров и услуг подразумевает

предшествующий выбору процесс их сопоставления: *отборные* фрукты – те, которые хочется взять с собой, оставив другие лежать на прилавке, *стоящий* проект – проект, который стоит вложенных в него усилий, денег и т. д. (подразумевается, что другие проекты могут не оправдать надежд). Прилагательные этой группы имеют отношение к СФЕРЕ ТОРГОВЛИ И УСЛУГ.

С прилагательными со значением прагматической оценки в систему оценочных значений входит принцип относительности. Сравнение происходит уже не между сложившимися в сознании представлениями об идеальном, небесном, божественном варианте проявления признака и конкретном их воплощении в объекте (объектах) действительности, а исключительно в рамках реальной сферы потребления тех или иных объектов или услуг. В отрицательном спектре оценочных значений данным лексемам соответствуют прилагательные *третьесортный, низкопробный, низкосортный*.

К данной группе примыкают лексемы с относительным вариантом реализации оценочных значений: *негодный, непригодный, неважный, незавидный, грошовый, никчемный*, ориентированные на квалификацию объектов, которые человек использует в своей повседневной жизни. При квалификации отдельных предметов деление на общие и частные оценочные значения не применяется, так как общая оценка реализуется только в составе предложения или суждения по отношению к группе имеющихся объектов.

Заключение. Таким образом, признаковые значения, которые лежат в основе оценочной классификации объектов, соотносятся с характеристиками внешнего мира и способностью человека воспринимать и интерпретировать окружающую его действительность исходя из заложенных в обществе традиций, своего эмоционального опыта и сложившихся о ней представлений. Их формирование под воздействием результатов чувственного восприятия действительности, в процессе эволюции человека и общества приводит к тому, что с течением времени они претерпевают значительные изменения и могут служить фактами, способными описать состояние человека и общества на определённом этапе развития.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Апресян Ю.Д. Исследования по семантике и лексикографии. Т. I: Парадигматика / Ю.Д. Апресян. – М.: Языки славянских культур, 2009. – 568 с.
2. Шанский Н.М., Боброва Т.А. Школьный этимологический словарь русского языка. Происхождение слов / Н.М. Шанский, Т.А. Боброва. – М.: Дрофа, 2004. – 398 с.
3. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. Т. 2 / Т.Ф. Ефремова. – М.: Русский язык, 2000. – 1084 с.
4. Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд. Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова. Под ред. член-корр. АН СССР О.Н. Трубачёва. Вып. 1–38. – М.: Наука, 1974–2012.
5. Дмитриева Н.М., Шаклеин В.М. Семантические особенности функционирования доминантных вербализаторов этического концепта БЛАГО в средствах массовой информации // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. Т. 13. № 4. – С. 956–971.
6. Покровский Ф.О. народных говорах сев.-зап. части Костромской губ / Ф.О. Покровский. – ЖСт. Т. VII. – 1897. – 469 с.
7. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка / В.И. Даль. – Т. 4. – СПб.-М.: Тип. М.О. Вольфа, 1882. – 704 с.
8. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка в 4-х томах / М. Фасмер. – М.: АСТ, 2004.
9. Спиноза Б. Этика / Б. Спиноза // Избранные произведения. Т. 1. Общ. ред и вступ. ст. В.В. Соколова. – М.: Гос. изд. полит. лит.-ры, 1957. – С. 359–618.

10. Богданова Л.И. Язык и межкультурная коммуникация: ценности и оценки в процессе культурной трансмиссии / Л.И. Богданова // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. № 2. – С. 9–19.

11. Мечковская Н.Б. Эстетические оценки языка и речи: генезис, диапазон, тенденции / Н.Б. Мечковская // Логический анализ языка. Языки эстетики: концептуальные поля прекрасного и безобразного. Сост. и отв. ред. Н.Д. Арутюнова. – М.: Индрик, 2004. – С. 355–368.

12. Бертам И. Введение в основание нравственности и законодательства / И. Бертам. – М.: РОССПЭН, 1998. – 416 с.

13. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. Изд. 2-ое, доп. / Е.М. Вольф. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 280 с.

14. Ивин А.А. Основание логики оценок / А.А. Ивин. – М.: МГУ, 1970. – 230 с.

15. Арутюнова Н.Д. Аксиология в механизмах жизни и языка / Н.Д. Арутюнова // Проблемы структурной лингвистики (1982). – М.: АН СССР, 1984. – С. 5–23.

16. Семёнов А.В. Этимологический словарь русского языка. Русский язык от А до Я / А.В. Семёнов. – М.: ЮНВЕС, 2003. – 704 с.

Поступила в редакцию 05.12.2023 г.

SOME IDEAS ABOUT THE NORM AND THE GOOD IN THE MEANINGS OF QUALITATIVE ADJECTIVES

O. I. Glazunova

The article addresses adjectives of positive and negative semantics from the point of view of the concepts of norm and good that have developed in society and form the basis for the evaluative classification of objects of reality. In the sphere of subjective evaluative values, the norm is associated with the concept of good, which is traditionally associated by native speakers with benefit, happiness, goodness, with ideas about good and evil, good and bad in human life. The initial sensory-pragmatic assessment, depending on what impact, favorable or unfavorable, objects have or may have on a person, serves to further qualify them according to a variety of categorical criteria. From lexemes focused on reflecting the results of sensory evaluation, the author proceeds to consider meanings that relate to the inner world of a person with national and ideological characteristics.

Key words: qualitative adjectives, evaluative meanings, the concept of norm, the concept of good, national specifics of the language.

Глазунова Ольга Игоревна.

Кандидат филологических наук.

ФГБОУ «Санкт-Петербургский государственный университет».

Доцент кафедры русского языка как

иностранного и методики его преподавания.

E-mail: o.i.glazunova@mail.ru

Glazunova Olga Igorevna.

Candidate of Philology.

St. Petersburg State University.

Associate Professor ad Department of Russian as a Foreign Language and Methods of its Teaching.

E-mail: o.i.glazunova@mail.ru

УДК 81-25

**ВЕРБАЛИЗАТОРЫ ЦЕННОСТНОЙ СЕМАНТИКИ,
РЕПРЕЗЕНТИРОВАННЫЕ В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ
ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ТРУБЧЕВСКОГО РАЙОНА БРЯНСКОЙ ОБЛАСТИ
В РУСЛЕ КАТЕГОРИИ «СВОЙ/ЧУЖОЙ»**

© 2023 *О.А. Головачева*¹, *У.Н. Кожурина*²¹*ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет им. ак. И.Г. Петровского»*²*МБОУ «Гимназия № 7 им. Героя России С.В. Василева» г. Брянска*

В работе рассматриваются лексемы, выражающие ценностную семантику, представленные в языковом сознании жителей Трубчевского района Брянской области. Актуальность исследования продиктована значимостью диалектных особенностей языка в пограничных районах страны, важностью категории «свой/чужой» в современном лингвосоциальном поле. Новизна работы заключается в анализе фольклорных произведений, собранных на территории Трубчевского района Брянской области, выделении в них ценностной семантики. Данный материал, возможно, будет способствовать популяризации русского фольклора, позволит привлечь внимание к особенностям народных произведений приграничья, даст возможность обогатить знания заинтересованного читателя по краеведению.

Ключевые слова: лексема, семантика, частушка, категория «свой-чужой», диалектизмы, Трубчевский район.

Категория «свой-чужой» пронизывает различные произведения, в том числе и фольклорные, преимущественно частушки – «жанр русского музыкального фольклора. Исследователи считают, что он появился в 60-70-е годы XIX века» [13]. Для частушки характерны злободневность тем, метафоричность. Данный жанр возникает преимущественно в сёлах и деревнях, тексты исполняются под одинаковую мелодию в большом количестве. Для частушки характерны «афористичность, неожиданность метафор и рифм, напевно-речитативный тип мелодики, импровизация на основе устойчивых музыкальных форм» [14, с. 621]. Тематика данного жанра варьируется: существуют любовно-бытовые, общественно-политические частушки. Все они позволяли жителям населённых пунктов поднять важные, актуальные для них проблемы. Народ стремился показать, что является близким ему, а что – дальним, чужим. Таким образом, в ряде частушек репрезентирована категория «свой-чужой».

Ю.С. Степанов указывает на противопоставление своего и чужого, которое «в разных видах пронизывает всю культуру и является одним из главных концептов всякого коллективного, массового, народного, национального мироощущения... «Принцип «Свои» – «Чужие» разделяет семьи – нас и наших соседей, роды и кланы... религиозные секты, сексуальные меньшинства и т.д. И уже вполне концептуально и концептуализированно он отличает «свой народ» от «не своего», «другого», «чужого» [10, с. 547]. Авторитетный исследователь считает, что определяющим динамическим признаком этноса выступает совпадение стереотипа поведения. Это может проявляться на довольно широкой территории, а может и отличаться даже в границах одного района. Категория «свой-чужой» в исследуемом ракурсе была рассмотрена в работах современных лингвистов: доктора филологических наук, профессора кафедры русского языка Брянского государственного университета им. И.Г. Петровского О.А. Головачевой (2015) [3], (2020) [4], доктора филологических наук, профессора кафедры прикладной лингвистики и межкультурной коммуникации НИУ «Высшая школа экономики» Нижегородского

филиала Т.В. Романовой (2015) [8], [9], доктора филологических наук, профессора кафедры русской литературы Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина Н.Ю. Желтовой (2012) [6], профессора кафедры русского языка и стилистики Пермского государственного университета Е. А. Баженовой (2009) [2], (2011) [1] и др. на примерах беллетристики и публицистики; но она выпукло представлена и в устном народном творчестве, например, в частушках.

Так, жители того или иного населенного пункта в задорных рифмованных песенках отмечали черты, в основном положительные, которые присущи им, противопоставляя их качествам, считавшимся пороками, характерным для жителей соседнего населенного пункта. Особенно часто это отражалось в частушках, которые пелись во время посиделок, застолий, больших праздников. Этот жанр русского песенного фольклора сопутствовал всей сельской жизни. В народной лирике Трубчевского района Брянской области типично деление на свое и чужое, что демонстрируют частушки, собранные здесь журналистом, переводчиком, литератором Михаилом Филоновым, являющимся коренным жителем деревни Сдесловка. Михаил Михайлович написал книгу «Край мой ненаглядный. Словарь говоров Трубчевского района», где зафиксировал более двух с половиной тысяч слов и терминов, а также включил туда малые жанры фольклора: частушки, пословицы, поговорки, заговоры. «Трубчевские частушки», отдельная глава книги, «в иронической, сатирической и шуточной форме отображают быт сёл и деревень родного края автора» [11, с. 3]. Тексты данного жанра преимущественно репрезентируют заявленную категорию «свой-чужой» напрямую:

*Я не знаю, как у вас,
А у нас в Бобовне
Как-то всё не так идёт,
С каждым днём хреновней.*

В данном примере заметна нетипичная черта для жанра частушки: чужое потенциально хорошо, а своё плохо. Это подтверждается и другими частушками.

Жители Бобовни хотели показать неудачные события в деревне (... *как-то всё не так идёт*), используя для этого словоформу *хреновней*, суффиксальный дериват грамматического уровня от качественного прилагательного *хреновый* - груб. прост., пренебр. очень плохой [15, т. 4, с. 625]. Качественное потенциальное прилагательное *хреновный в форме сравнительной степени имеет подчеркнута отрицательную коннотацию по сравнению с известным грубо просторечным *хреновый* (*хреновей*), выражает негативную самооценку жителей населенного пункта, при этом она эмоционально конденсирована, что является характерной чертой частушки.

*А у нас, не как у вас,
В Голубче у нас всё просто:
Землю держат про запас
Только для погоста.*

В этой частушке жители деревни Голубча Трубчевского района показывают своё трудолюбие, умение обращаться с землёй по назначению, в отличие от тех деликатно не названных соседей, которые ленятся работать. Категория «свой-чужой» реализуется здесь, как и в задорной песенке, представленной выше, с помощью личных местоимений *мы – вы* в форме родительного падежа (*нас-вас*). Население деревень стремилось акцентировать внимание на различии жизни в их местности и других населенных пунктах. Использование личных местоимений для противопоставления является типичным явлением для частушки. Начальные строки в приведённых примерах (*Я не знаю, как у вас, / А у нас...; А у нас, не как у вас...*) характерны для данного жанра.

Особенно часто для реализации категории «свой-чужой» используется противопоставление мужского и женского в разных сёлах, деревнях. Взгляд на женское

даётся через мужское восприятие и наоборот. Положительное изображение девушек и женщин связано с деревнями Аладьино, Копылино, Манцурово, Могорь, Ужа, Сагутьево, Телец, посёлками Будино, Ловша, сёлами Гнилево, Котляково, Рябчевск, Семечки, Усох Трубчевского района Брянской области.

*Как в Аладьино-деревне
Под окошком **цветики**;
Как аладьински **девчонки**
Чистые **портретики**.*

Лексема *девчонка* разговорного стиля имеет значение «уничиж. к девочка; то же, что девочка», то есть «ребёнок или подросток женского пола» [15, т. 1, с. 375]. Положительную оценку репрезентирует метонимический перенос – *девчонки* – *портретики*. На портретах всегда представлялось лучшее изображение человека, не во всем отражавшее черты личности.

*Наше Будино в лесу,
Девчонок хвалят за красу;
Всё – больши и маленьки –
Как цветочки аленьки.*

В данном тексте сразу отмечается внешность поселковых жительниц: очень красивые (*хвалят за красу*) в сравнении с другими. Устойчивое сравнение *как цветочки аленьки* выражает уникальность, редкость красоты девушек Будино, а также на имплицитном уровне передаёт эмоциональное-оценочное отношение к ним своих мужчин, на что указывает притяжательное местоимение *наше*.

*Копылинские **красотки**,
Словно **въедливые** мошки,
Кавалерам **понарошку**
Низко кланяются в ножки.*

Разговорно-просторечная лексема *красотка* имеет значение «разг. Хорошенькая, миловидная женщина» [15, т. 2, с. 123]. Однако милых жительниц Копылино сравнивают с *въедливыми* мошками. Слово *въедливый* имеет одно из значений «перен. вникающий во все мелочи; придирчивый, дотошный» [15, т. 1, с. 243]. *Мошки* – постоянно надоедающие насекомые, от которых трудно избавиться. *Въедливый* – вникающий во все мелочи; придирчивый, дотошный. Такое сравнение позволяет понять характер девушек, их отношение к парням, кавалерам.

*Ловшинские **модницы**
Сидят с газетой в горнице.
По дню хлеба не едят –
За политикой следят.*

Лексема *модница* является феминитивом к лексической единице *модник*, которая имеет значение «разг. тот, кто во всём следующий моде, франт» [15, т. 2, с. 286]. Девушки посёлка Ловша, по нашему мнению, еще и *не едят хлеб*, чтобы поддерживать стройность, которая всегда в моде (также, возможно, поскольку не хватает времени поесть), и следят за политикой, потому что это актуально, – эта информация заключена в частушке.

*В нашем поле ягод **боле**,
Ягоды **спелее**.
Нам рябчевские **девчата**
Кажутся **милее**.*

О красоте жительниц села Рябчевск можно судить по форме сравнительной степени прилагательного *милый*, что означает «1. располагающий к себе, славный, хороший. 2. близкий сердцу; родной, дорогой» [15, т. 2, с. 270]. На наш взгляд, каждое

из двух значений могло быть реализовано или все контаминированы в приведённом тексте. Положительную коннотацию названных адъективов поддерживают местоимения *мы* (в форме *нам*), *наш* (в форме *в нашем*).

Семячковские девахи

Модно наряжаются:

Не умеют щи варить –

Замуж собираются.

Лексема *деваха* имеет значение «разг. сниж. лицо женского пола, достигшее половой зрелости, но не состоящее в браке; девушка» [18]. В частушке чётко прослеживается актуализируемый компонент значения – «не состоящий в браке». Таким образом, социум Трубчевского района (небезосновательно полагаем, что с ним солидарна большая часть страны) не поощряет молодых жительниц села Семячки, которые собираются замуж, но не приспособлены к семейной жизни. По всей вероятности, девушки других населённых пунктов лучше семячковских подготовлены к традиционным бытовым обязанностям жены.

Частушки, связанные с населёнными пунктами Аладьино, Будино и Рябчевском, имеют абсолютно положительную коннотацию в описании лиц женского пола, в то время как произведения фольклора, описывающие жизнь Копылина, Ловши и Семячков, иронично изображают местных жительниц: «*Копылинские красотки, /Словно въедливые мошки...*»; «*Ловшинские модницы /Сидят с газетой в горнице...*». В одной из частушек даже использован разговорный феминитив *девахи*. Мы предполагаем, что частушки про жительниц Копылина и Ловши созданы представителями других населённых пунктов для изображения женщин соседних деревень в дурном свете.

Согласно консервативным народным представлениям, интерес у мужчин вызывают молодые девушки; возрастные в фольклоре безапелляционно номинированы адъективом *старые* («прожившие много лет, достигшие старости, противоп. молодые» [15, т. 4, с. 252]), что создаёт оксюморон при употреблении данного прилагательного в сочетании с существительным *девушки*. Таким образом, слово *старые* выступает как средство предикации в ряде текстов. Указание на возраст дано в частушках про Гнилёво и Манцурово:

А Гнилёво-то деревня

Восемь сажень поперёк.

Половина девок старых –

Никто замуж не берёт.

Как к Манцурову подходим,

Телеграмму подаём:

Убирайте старых девок,

Мы к молоденьким идём!

Лексема *девка* имеет помету просторечное. Мы видим, что *старые девки* не интересны парням, на них не хотят жениться. В более деликатной интерпретации, чем обозначенная выше, эту мысль представляет фразеологизм *в девках засидеться*, то есть «долго не выходить замуж».

В приведенных примерах внимание акцентировано на возрасте женщин Гнилёва и Манцурова с целью изображения в имплицитной зоне, на что указывает глагол *подходим* (к Манцурову), молодости и красоты их соседок, что также изображено в ракурсе категории «свой – чужой».

Сложный характер и незаинтересованность мужчин проявлять интерес к жительницам деревни Сагутьево отображено и в частушках про этот населённый пункт:

Как в Сагутьево берёзки

*Всё не подвиты стоят.
Как сагутьевски девчонки
Все не сватаны сидят.*

Подвязывание берёз было традиционным обрядом во время многих народных и религиозных праздников, например, на Троицу. Это обозначало обновление природы, исполнение желаний. Обряд сохранился в ряде населенных пунктов. О его значении рассказывали авторам возрастные участницы этого традиционного для них действия. Поскольку данной традиции в деревне Сагутьево не следовали, то и девушек, по поверью, ждёт несчастье – «*все не сватаны сидят*», однако объяснение тому не только в приметах, но и в другом, что представлено в следующей частушке, например:

*Как в Сагутьево идти –
Горы усыпучие,
А сагутьевски девчонки,
Как ерши, колючие.*

Сравнение – характерный приём для частушек. В данном примере колкий характер жительниц Сагутьево изображён с помощью сравнения «*как ерши, колючие*». Известно, что ёрш – колючая рыба, иглы которой защищают её от хищников. Почему девушки Сагутьево такие, неясно, возможно, это защитная реакция на нападки соперниц – жительниц других населённых пунктов.

Обилие женского пола в одном из сел представлено в усохской частушке:

*На Неруссе рыбы много –
Надо всю переловить.
А в Усохе девок много –
Надо всех перелюбить.*

В данном примере количество девушек села Усох сравнивается с большим числом рыбы в реке Неруссе, протекающей по территории Брянской области. По нашему мнению, это говорит о желании сельских жительниц продемонстрировать свою красоту и уникальность посредством указанного сравнения, или, напротив, желанием мужской части из соседних показать свою удаль.

Мужское население Трубчевского района представлено в частушках, связанных с деревнями Городцы, Груздово, Козловка, Любовня, Ужа, Могорь, Сдесловка, Сосновка, Телец, посёлком Ложки, сёлами Семячки, Юрово. Представление о мужском дано с точки зрения женщин. В основном коннотация данных произведений отрицательная: в частушках заметна насмешка над возрастом, характером, внешностью мужчин:

*А в деревне Городцы
Все колодцы старые,
Все колодцы старые,
Ребята сухопарые.*

Лексема *сухопарый* имеет значение «разг. сухощавый, худощавый» [15, т. 4, с. 311]. Таких худых парней в деревне сравнивали со старыми колодцами, в которых уже мало или совсем не осталось воды. Мы предполагаем, что худоба, сухость в Городцах Трубчевского района ассоциировалась у жителей с невозможностью выполнять тяжёлую мужскую сельскую работу.

*А груздовские ребята –
Испугались овец:
Колька в гору, Гришка в лес,
Васька на кол не залез.*

Здесь молодые люди из Груздово охарактеризованы как трусливые и в имплицитном противопоставлены другим, адаптированным к сельской жизни и имеющим представления о домашних животных.

*Ахи-ахи-ахоньки,
Ложковски парни махоньки!
Из-за кочек, из-за пней
Не видать наших парней.*

В частушки использовано междометное начало («Ахи-ахи-ахоньки...»), что является типичным для данного жанра и выражает экспрессию. Лексема *махонький* является просторечной и имеет значение «маленький» [15, т. 2, с. 239].

*Могорьские девки – бочки,
А ребята – пузыри,
А ужански девки – крали,
А ребята – короли.*

В данной частушке заметно явное двойное противопоставление мужского и женского (*девки – бочки / девки – крали*), своего (ужанского) и чужого (могорьского). Категория «свой-чужой» репрезентирована посредством сравнений. Девушки и юноши деревни Могорь показаны *бочками* и *пузырями*, то есть крупными, толстыми, в то время как жительницы деревни Ужи названы *кралями*, т.е. «1. прост. красавица» [15, т. 2, с. 119], а жители – *королями* – «2. разг. о том, кто является первым, самым лучшим среди других, кто достиг совершенства в чём-л.» [15, т. 2, с. 106]. В самой трактовке значений отмечено желание выделить себя и вербально обезобразить других.

*Ну, а сдесловских ребят
Издали можно узнать:
Головы мышинные,
Ноги лошадиные.*

Изображение парней из деревни Сдесловки дано карикатурно: им придуманы части тела животных для более забавного изображения (непропорциональность), создания комизма, что является одной из черт частушки.

*Кони сивы, кони сивы,
Кони сивы, сивые.
Все сосновские ребята
Без кудрей красивые.*

В данном примере также присутствует типичное начало, не имеющее отношение к изображаемому/подвергающемуся оценке («*Кони сивы, кони сивы...*») и одобрительное отношение к своему, сосновскому в противовес чужому, не вербализированному в тексте.

Отдельно в частушках представлено мнение народа о вредных привычках. Частушки позволяют высмеять не только черты характера человека или индивидуальные качества, но и иронично изображают очевидные пороки, такие, как курение и алкоголизм:

*Как в деревне во Козловке
Все избушки на боку,
Потому что там ребята
Почернели с табаку.*

*Семячковские ребята
Жизнь весёлую ведут,
Попадёт бутылка с водкой*

Пробку с горлом оторвут.

Обратим внимание, что в частушках выражена ядовитая насмешка, сарказм. По отношению к «своим», не страдающим от курения и алкоголизма, эти вредные привычки представителей указанных деревень относят к чужим, неприятным. Использование местоименного наречия *там* позволяет судить о том, что частушка была создана не на территории Козловки, что позволяет показательно реализовывать категорию «свой-чужой».

Пейоративная на первый взгляд коннотация представлена в частушках про деревню Телец и село Юрово Трубчевского района Брянской области:

*А телецкие ребята
До чего стали форсить:
Вместо часиков в кармане
Стали луковки носить.*

Лексема *форсить* имеет значение «прост. шеголять, франтить» [15, т. 4, с. 578]. В советское время луковками называли карманные часы с крышкой на цепочке. [12]. Столкновение слов *часики* и *луковки* в пределах контекста позволяют создать игру слов, каламбур, что также является характерной чертой рассматриваемого жанра.

*Как у юровских ребят
Голова из трёх частей:
Вентилятор, карбюратор
И коробка скоростей.*

Частушка демонстрирует умение сельских парней разбираться в технике. Известно, что в Юрово всегда было хорошо развито сельское хозяйство, с советского времени в селе располагались тракторы и комбайны для уборки зерна, имелся машинно-тракторный стан. Мы предполагаем, что частушки, имеющие положительную коннотацию, созданы жителями данных населенных пунктов. Это также позволяет судить о вербализации концепта «свой-чужой» в традиционном ракурсе.

Частушки являются замечательным средством для реализации категории «свой-чужой». Их актуальность, экспрессия, прямота высказывания позволяет ярко и полно передать отношение к своему населённому пункту, сравнив его с другим, соседним. Использование топонимов и оттопонимических наименований в данном жанре фольклора выражает мнение жителей конкретной деревне, конкретном селе. Категория «свой – чужой», рассматриваемая в частушках, способствует идентификации жителей населённых пунктов Трубчевского района, определению стереотипов поведения в конкретной местности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баженова Е.А. Нормативное и девиантное в научной коммуникации / Е.А. Баженова // Вестник Пермского университета. – Пермь: 2011. – Вып. 4 (16). – С. 272–274.
2. Баженова Е.А. Имидж политика в аспекте оппозиции свой – чужой / Е.А. Баженова, И.В. Мальцева // Вестник Пермского университета. – Пермь: 2009. – Вып. 3. – С. 28–33.
3. Головачева О.А. Категория свой - чужой и языковые средства её выражения в ранней публицистике Н.С. Лескова / О.А. Головачева // Ученые записки Орловского государственного университета. – Орёл, 2015. – Вып. 6 (69). – С. 124–128.
4. Головачева О.А. Этнокультурный ракурс очерка Н.С. Лескова «Из одного дорожного дневника» в русле парадигмы `свой-чужой` / О.А. Головачева // Вехневолжский филологический вестник. – Ярославль, 2020. – Вып. (22). – С. 76–81.
5. Ерёмкина Е.С. Оппозиция «свой – чужой» как универсальная категория сознания / Е.С. Ерёмкина // Вестник приамурского государственного университета им. Шолом-Алейхема. – Биробиджан, 2022. – Вып. 2 (47). – С. 56–63.
6. Желтова Н.Ю. «Свое» и «Чужое» в романе Г.И. Газданова «Ночные дороги» / Н.Ю. Желтова // Вестник ТГУ. – Томск, 2012. – Вып. 1 (105). – С. 152–156.

7. Желтова Н.Ю. Русское и белорусское в прозе В.Л. Кигна-Дедлова: к проблеме национальной идентичности / Н.Ю. Желтова // Филологическая регионалистика. – Тамбов, 2016. – Вып. 4 (20). – С. 16–20.
8. Романова Т.В. Амбивалентность образа монстра в современной культуре: дихотомия «Свой – чужой» / Т.В. Романова // Евразийский Союз Учёных (ЕСУ). – М., 2015. – Вып. 10 (19). – С. 52–54.
9. Романова Т.В. Язык политкорректности: свой – чужой / Т.В. Романова // Мир русского слова. – М.: МИРС, 2015. – Вып. 4. – С. 21–24.
10. Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры / Ю.С. Степанов // Изд.3-е, испр. и доп. – М.: Академический проект, 2004. – 992 с.
11. Филонов М.М. Край мой ненаглядный. Словарь говоров Трубчевского района / М.М. Филонов. – Брянск, 2012. – 356 с.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

12. Большой толково-фразеологический словарь Михельсона: <https://orthography.academic.ru/39469/%D1%87%D0%B0%D1%81%D1%8B-%D0%BB%D1%83%D0%BA%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%86%D0%B0>
13. Культура.РФ: <https://www.culture.ru/s/vopros/chastushka/>
14. Музыкальный энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990.
15. Словарь русского языка в четырёх томах. М.: Русский язык, 1985
16. Современный толковый словарь русского языка: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/dictionary-efremova/index-196.htm#196>
17. Справочно-информационный портал ГРАМОТА.РУ – русский язык для всех: <http://gramota.ru/slovari/dic/?word=%D1%85%D1%80%D0%B5%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D1%8B%D0%B9&all=x>
18. Электронная библиотека «КиберЛенинка»: <https://cyberleninka.ru/article/n/etnokulturnyy-rakurs-ocherka-n-s-leskova-iz-odnogo-dorozhnogo-dnevnik-a-v-rusle-paradigmy-svoy-chuzhoj>

Поступила в редакцию 01.12.2023 г.

VERBALIZERS OF EVALUATIVE SEMANTICS OF OPPOSITION “US / THEM” IN LINGUISTIC CONSCIOUSNESS OF REPRESENTATIVES OF TRUBCHEVSKY DISTRICT IN BRYANSK REGION

O. A. Golovacheva, U. N. Kozhurina

The paper addresses lexemes expressing evaluative semantics, represented in the linguistic consciousness of the inhabitants of the Trubchevsky district in the Bryansk region. The relevance of the study is accounted for by the significance of dialect features of the language in the country border areas, as well as by the importance of the category "us / them" in the modern linguosocial field. The novelty of the work lies in the analysis of folklore works collected on the territory of the Trubchevsky district of the Bryansk region, with the focus being made on their evaluative semantics. This material may contribute to the Russian folklore popularization. The results obtained will draw attention to the peculiarities of folk works of the border region, and will provide an opportunity to enrich the knowledge of an interested reader in local lore.

Key words: lexeme, semantics, chastushka, category "us / them", dialectisms, Trubchevsky district.

Головачева Ольга Алексеевна.

Доктор филологических наук, доцент.
ФГБОУ ВО «Брянский государственный
университет имени ак. И. Г. Петровского».

Профессор кафедры русского языка.

E-mail: golovacheva-olga@mail.ru

Кожурина Ульяна Николаевна.

Магистр филологии.

МБОУ «Гимназия №7 им. Героя России С. В.

Василева» г. Брянска.

Учитель русского языка и литературы.

E-mail: ulliana.borisova@yandex.ru

Golovacheva Olga Alekseevna.

Doctor of Philology, Associate Professor.

Bryansk State University named after Academician I.
G. Petrovsky.

Professor of the Russian Language Department.

E-mail: golovacheva-olga@mail.ru

Kozhurina Ulyana Nikolaevna.

Master of Philology.

MBOU "Gymnasium No. 7 named after Hero of

Russia S. V. Vasilev", Bryansk.

Teacher of Russian language and literature.

E-mail: ulliana.borisova@yandex.ru

УДК 811.161.1'27:808.1:821.161.1-31

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РАЗЛИЧНЫХ ФОРМ ОБЩЕНАРОДНОГО ЯЗЫКА
В СЛОВЕСНО-ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ
(на материале повести В.А. Титова «Всем смертям назло»)**

© 2023 *И.П. Зайцева*

УО «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

В статье анализируется использование в повести «Всем смертям назло» В.А. Титова, известного луганского прозаика советского периода, языковых средств, отражающих многообразие форм, в которых существует в настоящее время русский общенародный язык, вобравший в себя языковые средства во всём их разнообразии – включая как кодифицированные, так и относящиеся к нелитературным. Рассмотрение взаимодействия в одной из форм персонажной речи – речи прямой (внешней), заключённой в произведении в формы диалога и полилога, – демонстрирует активное обращение писателя к введению в высказывания героев произведения наряду с общеупотребительными единицами языка средств, функционирующих в иных коммуникативно-речевых сферах: разговорных, просторечных, профессионально-жаргонных, диалектных и т.п. Авторское объединение в художественном дискурсе языковых элементов всех перечисленных групп, отчётливо опирающееся на принцип эстетической мотивированности, представляется не только оправданным, но и существенно способствующим воплощению в прозаическом произведении особенностей индивидуально-авторской манеры писателя, что придаёт авторскому стилю повести безусловное своеобразие.

Ключевые слова: общенародный язык, нелитературные формы существования языка, художественная речь, прозаический художественный дискурс, персонажная речь, прямая речь, диалог, полилог, разговорные средства, просторечие, профессионализмы, диалектизмы.

Язык словесно-художественных произведений (художественная речь) представляет сложный и многогранный феномен, своеобразие функционирования которого в невероятном разнообразии воплощающих его коммуникативно-речевых образований (текстов) исследовано ещё далеко не полностью. Среди прочего, это обусловлено и широкими диапазонами жанрово-стилистических форм, которые существуют в рамках каждого из трёх основных родов художественной литературы, а также отсутствием каких бы то ни было ограничений для использования в словесно-художественных произведениях **любых** средств общенародного языка, в том числе и входящих в коммуникативно-речевые сферы явно нелитературного характера. На последнюю из отмеченных особенностей не раз обращали внимание исследователи, приводя это положение в том числе и в как аргумент о неправомерности включения языка художественной литературы в систему функциональных стилей (в качестве художественного стиля), подчёркивая иную природу этого явления. Ср., например, приводимые далее высказывания известных учёных: «Вопрос о «правильности» языка в художественном тексте (например, о допустимости просторечия, диалектизмов, арготизмов, как и профессионализмов, канцеляризмов и т.п.) просто не важен: для писателя **всё, что есть в общенародном языке, – это всё средства изображения и выражения**, при этом выбор конкретной «краски» диктуется не оглядкой на языковую нормативность, а художественной целесообразностью, эстетической мотивированностью (вспомним топографический план Бородинского сражения не в учебнике истории, а в художественном тексте – в «Войне и мире»). **Как в литературе нет запретных тем, так в языке художественной литературы нет запретных слов**» (выделено мною – И. З.) [8, с. 33]; «Речь художественная вбирает самые разные формы

речевой деятельности, включая нехудожественные (например, дневники или мемуары, смс-цитаты, отрывки электронных сообщений и другое)» [7, с. 208] и др.

Выбор тех или иных речевых средств, вводимых автором в словесно-художественную структуру, регулируется, таким образом, принципом, который в наиболее общем его виде А.С. Пушкиным был определён как *принцип соразмерности и сообразности*, а позднее получил название *принципа эстетической мотивированности*. Однако действие этого принципа, в том или ином виде проявляющееся во всех без исключения словесно-художественных произведениях, безусловно, ограничивается при этом влиянием разного рода факторов, среди которых уже упомянутые родолитературные и жанрово-стилистические параметры, в соответствии с которыми создано произведение литературы, а также время написания последнего, его принадлежность к определённому литературному направлению либо школе и т. п.

Так, например, в прозаическом художественном произведении, в структуре которого взаимодействуют такие композиционно-речевые зоны, как *авторская речь* и / или *речь рассказчика*; *персонажная речь* (разграничиваемая как минимум на *внешнюю* и *внутреннюю*); *несобственно-прямая (несобственно-авторская) речь*, наиболее широкие возможности для использования автором всего спектра форм общенародного языка создаются при воплощении речевых проявлений персонажей. Именно в речи персонажей литературных произведений, где характерологическая функция и сопутствующие ей (контактоустанавливающая, экспрессивная и т. п.) являются приоритетными, употребление разного рода нелитературных речевых средств не только возможно, но в ряде случаев и крайне уместно, поскольку, помимо прочего, позволяет более явно воплотить в художественном тексте особенности индивидуально-стилистической манеры автора. (Это, конечно, не исключает возможностей введения нелитературных языковых средств в иные композиционно-речевые зоны прозаического текста, однако представляется, что в таких случаях к их включению автору необходимо подходить более продуманно и эстетически оправданно.) При этом индивидуальная манера писателя в большинстве случаев вмещает в себя региональные коммуникативно-речевые черты той территории, на которой разворачиваются изображаемые в произведении события. Таким образом, прозаический художественный дискурс априори ориентирован на объединение в нём языковых средств, которые являются элементами практически всех форм, выделяемых в настоящее время в общенародном языке, чьё взаимодействие в тексте придаёт словесно-художественной структуре своеобразную вербально-подтекстовую «мозаичность», представляющую очевидный исследовательский интерес.

Луганская Народная Республика – часть Донбасса, более года назад ставшая одним из субъектов Российской Федерации, прежде бывшая – на протяжении 30-ти лет – Луганской областью в составе Украины; а в период существования Советского Союза – Луганской, и некоторое время Ворошиловградской, областью в составе Украинской Советской Социалистической Республики. Этот регион нередко называют «плавильным котлом», объединившим представителей множества наций и народностей (по разным подсчётам в регионе их насчитывается от 100 до 130), которые, соответственно, являются и носителями различных культур и языков, точнее – лингвокультур, взаимодействующих между собой и оказывающих друг на друга определённое влияние. При этом наиболее широко распространёнными на Луганщине являются сегодня две ветви восточнославянской лингвокультуры – русской и украинской, восходящие к общей – древнерусской – основе, чем и обуславливается их близкое родство и безусловное сходство во многих проявлениях.

Взаимодействие этих лингвокультур отражается в первую очередь в нелитературных формах существования общенародного русского языка, которые системно обобщены в приводимой ниже схеме из пособия Н.Б. Мечковской «Социальная лингвистика», где функциональная структура общенародного (национального) языка представлена как иерархия всех форм его существования [8, с. 33]:

ОБЩЕНАРОДНЫЙ ЯЗЫК	Литературный (нормированный) язык	Кодифицированный литературный язык	Официально-деловые стили	Научно-технические стили	ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
			Язык радио, телевидения, газет		
		Устная публичная речь			
	Нелитературные формы существования языка	Неком-фициро-ванная бытовая речь	РАЗГОВОРНАЯ РЕЧЬ		
			Просторечие	Молодежное аргю, сленг	
		Территориальные диалекты	Профессиональное просторечие, социальные аргю.		

Эту схему Н.Б. Мечковская снабжает подробным комментарием, в котором, в частности, сказано: «Формами существования языка являются территориальные диалекты (говоры), наддиалектных языковых образований (койне), различные социальные диалекты (профессиональная речь, профессиональные аргю, тайны корпоративны языки, кастовые языки), просторечие, молодёжное аргю, обиходно-разговорная речь, литературный язык. **В принципе, все формы существования языка (исключая тайные языки) доступны пониманию в пределах данного народа.** Формы существования языка различаются между собой составом языковых средств, социальным статусом (кругом функций, сферами употребления), степенью и характером нормирования» (выделено мною. – И.З.) [8, с. 30–31]. Если проанализировать лингвокультурный «ландшафт» Луганщины, опираясь на приведённую схему устройства общенародного русского языка, то можно убедиться, что в нём в той или иной степени присутствуют все представленные на схеме нелитературные формы существования языка (литературные формы при этом в наличии «по умолчанию»): всё ещё сохраняющиеся *территориальные диалекты* (безусловно, уже в значительно сократившемся объеме), причём как языка русского (говоры *южнорусского* и *слобожанского* наречий), так и украинского языка (говоры *юго-восточного* наречия); получившее весьма широкое распространение, причём в различных группах носителей языка, *просторечие*; несколько групп *профессионального просторечия*, используемого представителями распространённых в регионе профессий (применительно к Луганскому краю, как и к Донбассу в целом, в этом случае чаще всего отмечают присутствие в языковой палитре региона *профессионального языка шахтёров*, в котором немало просторечных элементов); группы *сленговых* языковых средств, прежде всего, как и во многих других регионах, это *сленг молодёжный*.

Представляющие Луганщину авторы словесно-художественных произведений разных жанров часто обращаются к функционирующим в коммуникативном пространстве региона речевым средствам различного характера. Это, например,

родившийся в Луганске и проживший в этом городе больше 20-ти лет выдающийся поэт, публицист и сценарист Михаил Львович Матусовский, в лирических произведениях которого, наряду с литературными речевыми средствами, функционируют разговорные и просторечные речевые единицы, профессионализмы и т. п. (исследование этой проблемы представлено, в частности, в работах Т.А. Дьяковой [4]).

Владислав Андреевич Титов, вне всякого сомнения, принадлежит к плеяде сформировавшихся в контексте многоликкой донбасской лингвокультуры талантливых писателей-прозаиков, которым удалось отразить в произведениях не только неповторимость природы родного края и иных особенностей «внешнего бытия» его жителей, но и – что, пожалуй, наиболее важно – уникальность характера своих земляков. Автор монографии «Культура Луганска: 1961–1991» (2022) Анна Шульгина, оценивая значение творчества этого писателя уже с позиций сегодняшнего дня, так характеризует самое известное произведение этого писателя – повесть «Всем смертям назло»: «Ворошиловградское отделение Союза писателей Украины было создано в 1965 году, в него вошли 12 поэтов и прозаиков. В литературной жизни города за 30 лет самым значительным событием стало издание повести Владислава Титова «Всем смертям назло». Она была издана на 25 языках мира. Повесть читали не только в странах социализма, но и в Японии, Индии, Канаде» [17, с. 6]. Вышедшая в свет в 1967 году повесть «Всем смертям назло», принеся её автору, В.А. Титову, мировую известность, автобиографична: прототипом главного героя Сергея Петрова, с которым происходит трагедия, стал сам писатель: именно с ним, во время его работы на одной из шахт тогдашней Луганской области, произошёл несчастный случай, лишивший его обеих рук и едва не стоивший ему жизни.

В повести «Всем смертям назло» реализован *объективированный* тип *авторского* повествования, при котором описание изображаемых событий ведётся от **3-го** лица; в данном случае реализуется та его разновидность, когда «рассказчик не назван и не обозначен местоимением я и формами первого лица глаголов, но выделяется стилистически, с помощью языковых средств» [3, с. 357].

Для стилистического выделения рассказчика в авторском повествовании рассматриваемого произведения используются преимущественно разговорные языковые средства, не особенно диссонирующие с литературными – ср., например, как стилистически выделен рассказчик в одном из эпизодов начальных глав повести: *«Сергей Петров шёл по штреку в лихо сдвинутой набекрень шахтёрской каске. Казалось, крикни кто «гопля» – и он пустится в пляс, стремительный, неугомонный и несуразный. Сергей торопился. И не потому, что того требовала работа. Нет. Просто им владел ничем не объяснимый восторг и очень хотелось поскорее выехать на-гора, поближе рассмотреть солнышко. К тому же в столе начальника участка его ждали подписанные документы на отпуск»* [12, с. 122].

В приведённом фрагменте для описания состояния главного героя повести, Сергея, автор прибегает к введению в повествование нескольких образно-оценочных элементов, среди которых как собственно языковые: *лихо сдвинутой набекрень* (каска); *«гопля»* («**НАБЕКРЕНЬ**, нареч. (разг). О головном уборе: с наклоном набок, сдвинувшись к уху. *В шапке набекрень.*» [12, с. 472]; *«ГОПЛЯ* межд. Разг. То же, что и гоп» [1, Т. 4, с. 285]), так и индивидуально-авторские – как, например, трёхкомпонентная «цепочка» эпитетов к слову *пляс*, из которых минимум один (*неугомонный*) является олицетворяющим: (*пустится в пляс*) *стремительный, неугомонный и несуразный*. В сочетании с разговорным выражением *пуститься в пляс* («**ПЛЯС** ... (разг). То же, что пляска. *Пуститься в пляс.*» [13, с. 655]) и в результате

введения в сложную синтаксическую конструкцию с контрастирующими частями (это контрастирование в данном случае дополнительно подчёркнуто употреблением пунктуационного знака *тире*, который А.М. Пешковский охарактеризовал как «знак отчаяния») экспрессивность индивидуально-авторского тропа, функционирующего в таком контексте, явно повышается.

Помимо этого, в рассматриваемом текстовом фрагменте функционирует явный **профессионализм** («стилистически маркированное слово, ... называющее представление и формирующееся понятие какой-либо области профессиональной деятельности, используемое в устной речи специалистов в условиях полуофициального или неофициального общения на профессиональные темы» [15, с. 492]) – употребляемое в речи шахтёров наречие **на-гора**: «**НА-ГОРА**, нареч. В речи шахтёров – наверх, на поверхность земли. ◇ *Выдавать, подавать* и т. п. *на-гора*. *Уголь подавался на-гора равномерно, партия за партией*. Игишев. Шахтёры» [2, Т. 11, с. 86]. Этот элемент профессиональной речи вполне гармонично «вписывается» в анализируемый контекст, поскольку основной сферой функционирования профессионализмов является разговорная форма той функционально-стилистической разновидности литературного языка, которую обозначают как *язык для специальных целей* – «особой функционально-семиотической подсистемы, которая используется для профессионального общения, накопления, передачи и интерпретации специальных знаний, а также для оценки реалий профессиональной сферы» [16, с. 775].

Во всех возможных формах представлен в повести В. Титова композиционно-речевой пласт **персонажной** речи: *прямая* речь, *косвенная* речь, *внутренняя* речь и *несобственно-прямая* речь – синкретичная форма, в которой во взаимодействии объединены речь персонажа и речь автора. Остановимся на более подробном рассмотрении функционирования в повести **прямой**, или **внешней**, речи, оформленной в основном как *диалог* либо *полилог* (иногда с небольшими по объёму «вкраплениями других форм речи персонажей).

Прямой речи в *диалогической* форме, включая *полилоги* с небольшим числом коммуникантов (обычно – три-четыре), в рассматриваемом произведении отведена существенная роль: в них участвуют и главные герои повести, Сергей Петров и его жена Татьяна, и те персонажи, которые появляются в ней эпизодически. Так, в самом начале повести, когда описывается обстановка в шахте – на рабочем месте Сергея – ещё до случившейся трагедии, помещён значительный по объёму фрагмент с конструкциями прямой речи, который начинается разговором Сергея с персонажем, обозначенным как «рабочий», а завершается его беседой с бригадиром Яцко, «старым шахтёром», с которым Сергея, судя по тональности общения, связывают не только профессиональные, но и тёплые дружеские отношения: «*Цепь транспортёра натянулась, предупреждая дернулась два раза и поползла вниз, волоча крупные плиты угля. В лаве, куда приполз Сергей, работал комбайн.*

– *Как дела?* – стараясь перекричать шум, спросил он у рабочего.

– **Рубаем** понемногу! – приветливо улыбнулся тот, обнажая белый ряд зубов на чёрном лице.

– *Цикл сделаем, если порожнячком обеспечат, будь они неладны!* – вмешался в разговор бригадир Яцко.

– *Начальник ВШТ на планёрке обещал вашей лаве сто вагонов! Хватит?* – поинтересовался Сергей.

– **Под загашник!** – обрадовался бригадир. Сергей, кивнув в сторону рабочего, спросил:

– Новичок?

– Со школьной скамьи пожаловал к нам. *Университет шахтёрский проходит...* Старый шахтёр вложил в эти слова немалую долю доброго лукавства.

– Ну и как он? *Тянет?*

– Вообще я должен тебе сказать, – длинно начал Яцко, – из парня *толк будет.*

Есть у него *шахтёрская жилка!*

– А какая она, эта жилка, *дядь Петь?* – пошутил Сергей.

– Ты, *Серёга*, не смейся! Этот не сбежит, *коли* вода за шею начнёт капать *аль в другоразье* в кассе получать нечего будет. Зол он на эту *стихею!* Так и говорит: «Обуздать хочу её». Вон кое-кто подшучивает над ним, а я верю. И как тут не верить! Его *батя*, друг мой, таким же *настырным* был. *Врубовку* в сорок шестом хотел спасти и... машину спас, а себя... Видел обелиск за шурфом стоит... *Маркшейдеры* сказали, что там, под тем местом, он... а над ним четыреста метров земли... Солдат известен, а вот могила его... Да кто ж точно скажет – где она...

Шахтёр с силой ударил обушком, поправил глазок фонаря и принялся яростно выдалбливать ямку для крени» (выделено мною. – И. З.) [12, с. 123].

Даже при первом знакомстве с приведённым фрагментом очевидно, что своеобразие включённых в него диалогов в значительной степени создаётся взаимодействием в них общеупотребительных языковых средств с элементами языка, входящих в различные нелитературные формы общенародного языка: *разговорными, просторечными*, относящимися к *профессиональным жаргонам* и даже несколько трансформированными *диалектными*.

Так, весьма обширную группу составляют функционирующие в рассматриваемом фрагменте *разговорные* и *просторечные* языковые средства, которые довольно часто сложно отграничить друг от друга, на что не однажды обращали внимание исследователи. Ср., например, одно из высказанных по этому поводу мнений: «**ПРОСТОРЕЧИЕ** – речь лиц, недостаточно овладевших нормами литературного языка. ...

Просторечие необходимо отграничивать от разговорной речи – они различаются и по составу носителей, и по языковым особенностям, и по отношению к литературному языку. Выделяются «два круга носителей современного просторечия: горожане старшего возраста, не имеющие образования (или имеющие начальное образование), речь которых обнаруживает явные связи с диалектом и полудиалектом (просторечие-1), и горожане среднего и молодого возраста, ... не владеющие нормами литературного языка; их речь лишена диалектной окраски и в значительной мере жаргонизирована (просторечие-2)» [Современный русский язык. Социальная и функциональная дифференциация 2003: 56]» (во втором случае выделено мною. – И.З.) [6, с. 488]. При этом иногда довольно сложно провести границу и между *просторечиями* и *профессионализмами*, поскольку последние нередко представляют собой именно *профессиональные просторечия*.

Опираясь на самый авторитетный сегодня толковый словарь русского языка – «Большой академический словарь русского языка» (БАС 3), как профессионализмы в анализируемом тексте можно квалифицировать следующие элементы языка шахтёров: *рубать, лава* (дважды), *врубовка, крень*. Эта квалификация подтверждается описанием значений перечисленных лексических единиц, помещённых в указанном лексикографическом источнике: «**РУБАТЬ ... 2.** В проф. речи – добывать, высекать уголь в шахте. – *Да что о нём помнить, о старом? Как в ад попадали в забой, На графа рубали задаром, Своей умывались слезой.* С. Васильев, Рассказ старого шахтёра»

[2, Т. 24, с. 55–56]; «**3. ЛАВА** ... В подземной горной выработке – забой большой протяжённости. *Наконец они дошли до своей лавы. В её узком и тесном пространстве нельзя было работать ни стоя, ни сидя; приходилось отбивать я уголь, лёжа на спине.* Купр. В недрах земли» [1, Т. 9, с. 14]; «**ВРУБОВКА** ... В проф. речи – врубовая машина. *Появились машины, каких не было до войны: новые, совершенные врубовки, мощные электровозы, угольные комбайны.* Полторацк. В Донбассе. *Пласт, подрубается врубовкой, дробится силою взрыва.* Волошин. Земля Кузнецкая» [1, Т. 3, с. 243]; «**1. КРЕПЬ** ... Сооружение в горнорудной выработке для предотвращения обвалов. *По горному уставу каждая шахта должна укрепляться в предупреждение несчастных случаев деревянным срубом, ... но зимой, когда земля мёрзлая, на промыслах почти везде допускаются круглые шахты, без крепи.* Мам.-Сиб. Золото» [1, Т. 8, с. 619]. В эту же тематическую группу можно, на наш взгляд, включить номинацию *маркшейдер* – обозначение специалиста по геодезическим съёмкам горных разработок и эксплуатации недр не только в угледобывающей промышленности, но и во всех производственных областях, связанных с добычей полезных ископаемых.

Все перечисленные профессионализмы взаимодействуют в приведённом фрагменте, включающем два диалога, с разговорными и просторечными лексическими единицами, к которым, в соответствии с данными «Большого академического словаря русского языка», принадлежат слова и выражения: *порожнячок, под загашник, тянуть, толк будет, шахтёрская жилка, батя, настырный*. Упомянутый словарь содержит следующие их толкования: «**ПОРОЖНЯК** ... 2. Разг. Транспорт, идущий без груза. ... *Игнат катает, Матвей еле-еле успевают загрузить порожняк.* Жестев, Тархановы» [2, Т. 18, с. 771]; «**ЗАГАШНИК** ... Прост. Место, где что-то хранится, спрятано. ... *Пока профессор рассказывал про лиловый сон, лётчик извлёк из загашника свой персональный пузырь от воблы.* Конецкий. Третий лишний» [1, Т. 6, с. 111]; «**ТЯНУТЬ** ... 15. перен., на кого-что. Удовлетворять необходимым требованиям, соответствовать чему-н. (разг.). ... *Он не тянет на бригадира*» [13, с. 1012]; «**ТОЛК**¹ ... (разг.). ... 2. Польза, прок. *Добиться толку* (добиться того, что нужно). *Понимать или знать толк в чём-н.* (быть знатоком, разбираться в чём-н.)» [13, с. 987] «**ЖИЛКА** ... 6. Перен. Разг. Способность, природная склонность к чему-л. ◊ *Жилка* какая-л., чья-л. *Хозяйственная жилка. Педагогическая жилка.*» [1, Т. 5, с. 661]; «**НАСТЫРНЫЙ** ... Разг. 1. Упорный. Чрезвычайно настойчивый. *Работница вдруг оказалась очень требовательной, или, по-старому, по-фабричному говоря, «настырной».* Б. Полев. Чел. – человеку» [1, Т. 11, с. 406]; «**БАТЯ** ... 1. Разг. Отец. ... – *Батя*, – сказал я и присел возле него. *Отец поднял на меня мутные глаза.* Первенц. Честь смолоду» [1, Т. 1, с. 420].

Приведённый перечень словарных толкований нуждается, с нашей точки зрения, в некоторых комментариях. Во-первых, использованное в рассматриваемом тексте слово *порожнячок*, образованное при помощи суффикса субъективной оценки от номинации *порожняк*, отличается явными признаками профессионализма, поскольку последняя является часто употребляемой в речи шахтёров. Отчасти это подтверждается иллюстративным материалом, которым снабжается толкование данного значения этого слова в толковых словарях – например, в академическом «Словаре современного русского литературного языка» в 17-ти томах (БАС) в соответствующей словарной статье приведена фраза из романа А.Н. Волошина «Земля Кузнецкая» – о жизни шахтёров в не менее известном, чем Донбасс, российском угольном крае, Кузбассе: «– Я говорю о необходимости обеспечить порожняком скоростные забои» [10, стб. 1385]. В данном случае, как представляется, уместно будет также вспомнить и весьма распространённую в речи представителей Донбасса, причём самых разных социальных

слоёв, фразу *Донбасс порожняк не гонит*, которая возникла в 40–50-е годы XX века, заключив в себе своего рода моральную «компенсацию» шахтёрского труда, не только тяжёлого, но и опасного. Этой фразе, принадлежащей к фонду так называемой народной фразеологии, безусловно, присуща сниженная – *разговорно-просторечная* – стилистическая окраска и вместе с тем довольно высокая степень экспрессивности.

Во-вторых, представляется, что перечень разговорно-просторечных речевых единиц, функционирующих в анализируемом фрагменте текста, может быть дополнен выражением явно разговорного характера *проходить шахтёрские университеты*, где компонент *университеты* использован в переносном значении, свойственном разговорному языку – ср.: «УНИВЕРСИТЕТ ... 3. перен. Об источнике накопленных знаний, большого опыта. *Жизнь была его университетом*» [13, с. 1029].

Разговорная тональность диалога между Сергеем и бригадиром Петром Яцко, временами переходящая в разговорно-просторечную, проявляется ещё в ряде особенностей. В частности, стоит обратить внимание на формы личных собственных имён, используемых коммуникантами при обращении друг к другу: *Серёга* (разговорно-просторечный вариант имени *Сергей*, с оттенком фамильярности, но обладающий при этом положительной коннотативной семантикой, поскольку в большинстве случаев передаёт доброжелательное отношение к собеседнику) и *дядь Петь* (усечённый вариант распространённого в русской лингвокультуре обращения к знакомому и старшему по возрасту собеседнику (*дядя ...*), используемого в разговорном общении – как правило, фатического характера).

Бригадир Яцко (именно к нему Сергей Петров обращается, используя вариант имени *дядь Петь*) не входит в число главных героев повести, тем не менее характеризуется автором выразительно и, на наш взгляд, талантливо именно через его речевые проявления. В приведённом диалоге этому персонажу принадлежит несколько реплик, одна из которых (наиболее пространная) отличается явной монологизированностью; именно в ней сосредоточены показательные особенности его речи. Кроме уже отмеченных профессионализмов и разговорно-просторечных элементов, в речи Яцко функционирует несколько диалектизмов, употребление которых в речи современных носителей языка практически сошло «на нет». Это характерные для диалектного языка союзы (*коли, аль*), чаще квалифицируемые словарями как *просторечные* и *устаревшие* единицы языка: «КОЛИ, КОЛЬ, КОЛИ, союз условн. Устар. и прост. Если; в том случае когда; при условии, что. *Коль ты старый человек, Дядей будешь нам навек. Коли парень ты румяный, Братец будешь нам названный.* Пушкин. Ск. о мёртв. царевне...» [1, Т. 8, с. 232]; «АЛИ, АЛЬ, союз. Устар. и прост. 1. Или (в разделительном знач.). ... – *Мать-то где – в избе али в огороде копаются?* Крутилин, За косогором. 2. Или (в вопросительном знач.); разве, неужели. [Никита:] *Что же, матушка, аль и вправду женить меня?* Л. Толст.» [1, Т. 1, с. 159].

Кроме этого, в речи бригадира присутствует слово, которое, с нашей точки зрения, можно квалифицировать как *диалектный неологизм*, созданный на основе уже имеющейся диалектной номинации. Это используемое им слово *другоразье*, которое, судя по контексту, практически совпадает по значению со сходно звучащим элементом диалектного языка – *другорядь*: ср. толкование, помещённое в «Словаре русских народных говоров»: «*Другорядь* и *другорядь*, нареч. В другой раз, вторично, опять; вдругорядь. Пск., Осташк. Твер., 1855. □ Д р у г о р я д ь. Бельск. Смол., 1852. Смол. *Старик ему крикнул: – Вылазь, Ванюшка! – а он не вылазя. Другорядь крикнул: – Если не вылезешь, то я те камнем завалю.* Егор. Ряз., Смирнов. Костром. Еног. Астрах. *Другорядь тык нам и не ходи.* Волог. Кирил. Новг. *Первое стегнёт (плетью) – так*

семь рубцов, А другорядь-то стегнёт – так четырнадцать. Вят., Соболевский. Он однажды им стегнёт [черешком] – семь рубцов, Он другорядь-то – четырнадцать. **Арх. Сев.-Двин., Том., Иркут.** *Перво раз ходили, дак по ведру набрали, а другорядь – совсем, можно сказать, нищеве не принесли.* **Свердл. Шадр. Перм.** *Другорядь захожу и всё застать не могу, когда он дома-то бывает.* **Краснояр.** Кокчет. Акм.» [9, с. 211]. Из приведённой словарной статьи явствует, что диалектизм **другорядь** функционирует в говорах *севернорусского* и *среднерусского* наречий, но никак не *южнорусского*, в зоне которого находится изображаемая в повести В.А. Титова Луганщина. Это дополняет речь Яцко – безусловно, с подачи автора – «иностранному» диалектным элементом, что придаёт его речевой характеристике дополнительное своеобразие. На придание особого колорита речевому образу персонажа «работает» и такая особенность рассматриваемого текста, как отражение в нём диалектно-просторечного произношения общеупотребительного слова **стихия**: отзываясь об одном из членов своей бригады, Яцко произносит его как **стихея** (*Зол он на эту стихею!*).

Таким образом, в достаточно небольшом по объёму диалоге автору повести удаётся весьма развёрнуто и глубоко воплотить характерные речевые особенности бригадира Петра Яцко, что, по нашему мнению, является одним из свидетельств его писательского таланта.

Представляется, что внимания заслуживает ещё один из диалогов повести, помещённых в части повести, где изображены события до случившейся трагедии, – разговор Сергея Петрова с одним из проходчиков, Игорем:

*«С трудом протиснувшись в узкий проход, он вылез **из лавы** на вентиляционный **штрек**. В забое **штрека** работала бригада **проходчиков**.*

– Игорь! – позвал Сергей.

*Луч света поднялся под самую кровлю, метнулся **по штреку** и упёрся в Сергея.*

*– **Це ты!**.. – пробасил долговязый парень.*

*– Кто делал выход **из лавы**?*

– Мы. В чём дело? Узковат?

– Какой ты догадливый!

– Дело поправимое, можно расширить.

*– Не можно, а нужно, и немедленно! Не первый же день в шахте работаете, **черти полосатые!** Только вчера на комсомольском собрании об этом говорили. Ну как с гуся вода!»* (выделено мною. – И. З.) [12, с. 124].

В приведённом фрагменте, как и в анализируемых ранее, наблюдается очевидное взаимодействие общеупотребительных и нелитературных языковых средств разного характера. Группу уже встречавшихся ранее профессионализмов дополняют такие лексические единицы, как **штрек** и **проходчик**: «**ШТРЕК** ... Горизонтальная горная выработка, не имеющая непосредственного выхода наземную поверхность. *Транспортный (откаточный) штрек*» [13, с. 1114]; «**ПРОХОДЧИК** ... 1. Рабочий, производящий проходку (во 2-м знач.). ... *В Воркуте он пробыл меньше месяца. Устроился проходчиком на шахту, поселился в гостинице.* Е. Добровол. *Однажды утром*» («**ПРОХОДКА** ... 2. Углубление или продвижение горных выработок в определённом направлении. *Проходка шахтных стволов*» [2, Т. 21, с. 376–377]).

В речи Сергея в этом диалоге употреблены два экспрессивных устойчивых выражения – *разговорное* и *просторечное*: **как с гуся вода**; **черти полосатые!**, – причём первое из выражений функционирует в данном тексте *одновременно в двух значениях*, что нередко наблюдается в художественном дискурсе («**КАК С ГУСЯ ВОДА** Разг. Экспрес. 1. кому. Совершенно безразлично, никак не действует на кого-либо. [Груша:] *Каких бед с*

ним не было! Два раза из проруби вытаскивали, а ему всё как с гуся вода (А. Островский. Не так живи, как хочется). 2. с кого. Легко, быстро, бесследно исчезает, забывается и т. п. что-либо кем-либо. И то надо помнить, что этот грех замолить – плёвое дело. Клади шесть недель по сту поклонов на день, отпой шесть молебнов мученице Самаиде, ради избавления от блудные страсти, всё как с гуся вода, – на том свете не помянется (Мельников-Печерский. В лесах)» [14, с. 82;] «ЧЁРТ ... 1. В религиозных представлениях и народных поверьях: нечистый дух, олицетворяющий зло (изображаемый обычно человекоподобным существом, в шерсти, с рогами, копытами и хвостом). ... Чёрт полосатый (добродушное выражение неодобрения, порицания; прост.)» [13, с. 1092]).

Наконец, необходимо, с нашей точки зрения, обратить внимание ещё на один нелитературный языковой элемент в анализируемом диалоге. Это **украинизм**, употреблённый в одной из реплик собеседника Сергея – Игоря: – *Це ты!.. – пробасил долговязый парень*. В переводе с украинского языка на русский **це** обозначает **это**; включение этого иноязычного, хотя заимствованного, безусловно, из близкородственного языка, элемента в русскую речь – свидетельство того, что субъект, которому принадлежат такого рода высказывания, общается *на суржике*. Термином **суржик** обозначается особая форма социального полуязычия – «разновидность языка, представляющая собой смесь русского и украинского языков; используется в условиях контактирования этих языков, характерна для людей с низким культурным уровнем с низкой языковой компетенцией как в области украинского, так и русского языка» [11, с. 222]. Языковые элементы, принадлежащие к суржику, которые свидетельствуют о весьма невысоком уровне культурно-языковой компетенции носителя языка, в художественном произведении, как правило, наделяются выраженной характерологической функцией, что можно наблюдать и в повести В.А. Титова «Всем смертям назло» (более подробно эта проблема освещена в одной из наших работ [5]).

Остановимся на рассмотрении ещё нескольких фрагментов повести, в которых воплощается прямая речь; они помещены в другой части произведения, где описываются события, происходящие **после** трагедии, случившейся с главным героем. Характер этого изложения в принципе отличается от тональности, свойственной описанию событий **до** этого момента, в том числе и потому, что для Сергея Петрова кардинально изменился круг общения: несчастье словно выбросило его из привычной профессиональной среды, переместив в иную – среду больниц и всего, что с этим связано.

В этой части произведения композиционно-речевые структуры с прямой речью также отличаются оригинальностью и образностью, в создании которых сочетание литературных и нелитературных средств играет существенную роль, однако характер этого взаимодействия меняется (так, например, из диалогических фрагментов полностью исчезают профессионализмы); вот как оно представлено в беседе Сергея и Татьяны со случайной попутчицей:

«...Серым, непогожим днём Петровы возвращались в Луганск. В купе сидели троём. Щуплая седая женщина лет шестидесяти, их попутчица, переводила взгляд с Сергея на Таню, с Тани на Сергея и украдкой вздыхала. Всем было неловко и потому молчали. ...

– Жена али кто будешь? – осмелев, быстро спросила попутчица.

– Жена, – коротко ответила Таня и вся как-то подобралась и вытянулась.

– Пензия-то хоть большая? – допытывалась старушка.

– Нам хватает! – резко сказала Таня и отвернулась к окну.

Сергей попросил папиросу, и Таня, ловко чиркнув спичкой, прикурила её и подала ему.

– Спасибо! – буркнул он и вышел в тамбур.

«Ну и вредный народ эти бабки! И всё-то им надо, до всего-то им дело. Теперь, пока всю биографию не разузнает, не отстанет!» – с раздражением думал Сергей; затягиваясь папиросой. Постепенно он успокоился, и мысли его опять занялись протезом» [12, с. 171].

Всего две реплики, произнесённые незнакомой Петровым пожилой женщиной, довольно выразительно её характеризуют, давая понять, что это человек с невысоким уровнем образования и иными чертами, свойственными разговорно-просторечной языковой личности, поскольку в каждой из реплик присутствует просторечная единица языка: союз **аль**, описание значения которого приводилось ранее; а также отражённое в письменной речи просторечное произношение слова *пенсия* (**пензия**), которое к тому же употребляется с постфиксом **-то**, что в данном случае является чертой просторечно-диалектной сферы общения. Это впечатление полностью подтверждает разворачивающийся далее диалог между Даниловной и Татьяной, которая, несмотря на первоначальное нежелание общаться, всё же продолжила разговор, куда позднее включается и Сергей:

«Старушка осмелела и нетерпеливо ёрзала по лавке. «Неприменно допрос над Татьяной учинила, – сдерживая улыбку, подумал Сергей, – и по позе видно, всю подноготную нашу знает. Таня, она человек общительный, любит поговорить».

– То, что от мамы на частную квартиру ушли, так это нехорошо, – очевидно продолжая прерванный разговор, сказала старушка.

– Ничего плохого тут нет, – возразила Таня. – Комнатка у неё маленькая, и потом, зачем ей и видеть, и переживать наши невзгоды. Мы так решили.

– За квартиру-то сколько берут?

– Двадцать рублей.

– Хреста на них нет, на хозяевах ваших!

– А мы неверующие, – вступил в разговор Сергей.

– Вы вот что, **касатики** ... – медленно сказала старушка, – **переходите-ка** жить ко мне. Платы мне никакой не надо, нам со стариком **пензии** хватает. Места на всех будет. Переходите. И нам веселее, и вам сподручнее. Дом у нас свой, кирпичный, **под черепицу**, газ наведни провели. Переходите, **касатики**.

– Ну что вы, **Даниловна**, – смущённо ответила Таня. – Нам и там хорошо. Правда, Серёж?

– Как же? Вот так сразу и ... **переходите**. Вы нас, мы вас не знаем, – возразил Сергей.

– **И-и-и-их, сынок** ... – вздохнула Даниловна и подпёрла подбородок рукой, – **шестьдесят второй годок** на людей гляжу, **чай**, пора и различать их научиться. **На лбу** у каждого, и **не написано**, кто он, да всё равно видно.

Она сидела маленькая, тихая, с большими грубыми руками в тёмных прожилках вен, и Сергею вдруг стало стыдно за свои скоропалительные мысли о ней. «Из породы Егорычей», – подумал он.

– Спасибо, **Даниловна!** – искренне сказал Сергей. – Пока нужды большой в этом нет, а **припечёт** ...

– Дело ваше. Подумайте. А **адресок на всяк случай** возьмите. Это недалеко от вас, на улице **Артёма**. И **перебраться** поможем» (выделено мною. – И. З.) [12, с. 172].

В приведённом полилоге **Даниловна** (именно так называет собеседницу Сергей, используя типичную для русской лингвокультуры форму личного имени при обращении к пожилым людям в непринуждённом общении – по отчеству) проявляет себя в речи более полно. Её реплики включают *разговорные*, *разговорно-просторечные* и *просторечно-диалектные* элементы языка различного характера. Это собственно *лексические* единицы:

касатик, **и-и-и** (данное междометие, с нашей точки зрения, включено в текст одновременно в двух имеющихся у него значениях), **чай** (в значении частицы), **сыннок** («1. **КАСАТИК** ... Нар.-поэт. и разг. Ласковое обращение к мужчине, мальчику. – *Что так рано поднялся, касатик? – дружелюбно, как к старому доброму знакомому, обратилась к нему старуха-хозяйка.* Л. Толст. Анна Карен.» [1, Т. 7, с. 691]; «4. **И, и-и** (обычно с повторением), *межд. Разг. 1.* Употр. в ответной реплике для выражения несогласия со словами собеседника, возражения ему и т. п. – *Да, страшно, Виктор Александрович.. – И-и, какой вздор, моя любезная: в чём нашла страх!* Тург. Свиданье. ... 2. Употр. для подчёркивания высокой степени, величины чего-л. – *А мороз-то крепчает!.. выходил я, и-и студёно!* Златовр. В артели» [1, Т. 7, с. 11–12]; «**СЫНОК** ... 2. Ласковое обращение пожилого человека к мальчику, молодому мужчине (прост.)» [13, с. 965]; «**ЧАЙ**² (прост.). 1. *частица. ... 2. вводн. сл.* По-видимому, вероятно. *Ты, чай, его знаешь?*» [13, с. 1082]); *орфоэпические*: помимо уже упоминаемого просторечного произношения слова *пенсия* (**пензия**), в тексте зафиксировано просторечное для русского языка произношение слово *крест*, употреблённого в форме родительного падежа (**хреста** вместо литературного *креста*), которое характерно для донбасского суржика; а также произношение **всяк** вместо *всякий* (краткая форма – усечённая – форма местоимения, архаичная для современного русского языка, но бытующая в просторечном и диалектном общении; словообразовательные: *за квартиру-то, переходите-ка, годок, адресок* – и некоторые другие особенности.

Таким образом, разнообразные элементы, которые входят в состав нелитературных форм, образующих общенародный русский язык, активно привлекаются автором повести «Всем смертям назло», В.А. Титовым, в качестве языкового материала, вводимого в различные композиционно-речевые зоны художественного прозаического дискурса: как в *авторское* изложение, так и в формы, заключающие *персонажную* речь.

Рассмотренные в данном случае фрагменты произведения, в которых заключена *прямая* (внешняя) речь как главных героев, так и эпизодических персонажей повести, воплощаемая в формах *диалога* и *полилога* (иногда в сочетании с иными формами персонажной речи, в частности – речью *внутренней*), с нашей точки зрения, достаточно убедительно свидетельствуют о явной опоре автора на принцип *эстетической мотивированности*. Именно этим принципом регулируется в повести «Всем смертям назло» не только авторский отбор, но и организация писателем языкового материала в произведении, что способствует приданию художественному прозаическому дискурсу очевидного индивидуально-авторского своеобразия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Большой академический словарь русского языка / Гл. ред. К. С. Горбачевич. – М.–СПб.: Наука, 2004–2007. – Т. 1. А–Бишь – 662 с.; Т. 3. Во – Вящий. – 664 с.; Т. 4. Г–День. – 678 с.; Т. 5. Деньга–Жюри. – 694 с. Т. 6. З–Зятюшка. – 826 с.; Т. 8. Каюта–Кюрины. – 839 с.; Т. 9. Л–Медь. – 659 с.
2. Большой академический словарь русского языка / Гл. ред. А. С. Герд. – М.–СПб.: Наука, 2008–2017. – Т. 11. Н–Недриться. – 633 с.; Т. 18. Подлец–Порою. – 772 с.; Т. 21. Прodelать–Пятью. – 630 с.; Т. 24. Розница–Сверяться. – 671 с.
3. Горшков А.И. Русская словесность: От слова к словесности. 10–11 кл.: учеб. для общеобразоват. учреждений. – 9-е изд. / А.И. Горшков. – М.: Просвещение, 1996. – 336 с.
4. Дьякова Т.А. Особенности использования диалектного сегмента стилистически маркированной лексики в произведениях Михаила Матусовского / Т.А. Дьякова // Вестн. Омск. гос. пед. ун-та: Гуманитар. исслед. Науч. журн. – 2021. – № 2 (31). – С. 93–100.
5. Зайцева И.П. Эстетически мотивированное осмысление региональных лингвокультурных особенностей в повести В.А. Титова «Всем смертям назло» / И.П. Зайцева // Лингворегиионоведение в

восточнославянском пограничье : российско-белорусский локус : сборник научных статей / Ред. колл. С.Н. Стародубец, В.Н. Пустовойтов, С.М. Пронченко. – Брянск : РИСО «БГУ», 2023. – С. 77–83.

6. Киселёва Л.А. Просторечие / Л.А. Киселёва // Эффективное речевое общение (базовые компетенции): словарь-справочник [Электронный ресурс] / под ред. А.П. Сквородникова. – Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2014. – С. 488.

7. Кравченко Э.Я. Речь художественная / Э.Я. Кравченко // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / [гл. науч. ред. Н.Д. Тамарченко]. М. : Издательство Кулагиной, Intrada, 2008. – С. 208–210.

8. Мечковская Н.Б. Социальная лингвистика / Н.Б. Мечковская. – М. : Аспект Пресс, 1996. – 207 с.

9. Словарь русских народных говоров. Вып. 8. Дер–Ерепениться / Гл. ред. Ф.П. Филин. – Л. : Наука, Ленинградское отд., 1972. – 370 с.

10. Словарь современного русского литературного языка: в 17 тт. – Т. X. П–Поясочек. – М.–Л. : Изд-во АН СССР, 1960. – 1774 стб.

11. Словарь социолингвистических терминов / Ответственный редактор: доктор филологических наук В.Ю. Михальченко. – М., 2006. – 312 с.

12. Титов В.А. Всем смертям назло // Титов В.А. Проходчики. Всем смертям назло. – М. : Советский писатель, 1983. – С. 121–298.

13. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / РАН. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. Отв. ред. Н.Ю. Шведова. – М. : Издательский центр «Азбуковник», 2007. – 1175 с.

14. Фёдоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка : ок. 13 000 фразеологических единиц / А.И. Фёдоров. – 3-е изд., испр. – М. : Астрель: АСТ, 2008. – 878 с.

15. Фельде О.В. Профессионализмы / О.В. Фельде // Эффективное речевое общение (базовые компетенции): словарь-справочник [Электронный ресурс] / под ред. А.П. Сквородникова. – Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2014. – С. 492.

16. Фельде О.В. Язык для специальных целей / О.В. Фельде // Эффективное речевое общение (базовые компетенции): словарь-справочник [Электронный ресурс] / под ред. А.П. Сквородникова. – Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2014. – С. 775–776.

17. Шульгина А. Культура Луганска : 1961–1991 / А. Шульгина. – Луганск : «Автор», 2022. – 120 с.

Поступила в редакцию 01.12.2023 г.

INTERACTION OF DIFFERENT FORMS OF NATIONAL LANGUAGE IN VERBAL-ARTISTIC DISCOURSE (based on the story “All the Deaths to Spite” by V.A. Titov)

I.P. Zaitseva

The article addresses linguistic means reflecting the variety of forms, in which the Russian national language currently exists, including both codified and non-literary ones. The analysis is based on the use of these means in the story “All the Deaths to Spite” by V.A. Titov, the famous Soviet prose writer from Lugansk. Consideration of the interaction in one of the forms of character speech, i.e. direct (external) speech in the forms of dialogue and polylogue, demonstrates the writer’s active appeal to the introduction into statements of the heroes of the work along with commonly used units of language means functioning in other communicative and speech spheres: means of colloquial, professional slang, dialect, etc. The author’s integration in the artistic discourse of linguistic elements of all these groups, clearly based on the principle of aesthetic motivation, seems not only justified. It significantly contributes to the embodiment in a prose work of the features of the individual author’s style, which makes the author’s style in the story unconditionally original.

Key words: national language, non-literary forms of language existence, artistic speech, prosaic artistic discourse, character speech, direct speech, dialogue, polylogue, colloquial means, vernacular, professionalisms, dialectisms.

Зайцева Ирина Павловна.

Доктор филологических наук, профессор.
УО «Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова».
Заведующий кафедрой мировых языков.
E-mail: irinazaj91@mail.ru

Zaitseva Irina Pavlovna.

Doctor of Philology, Professor.
Vitebsk State University named after P.M. Masherov.
Head of World Languages Department.
E-mail: irinazaj91@mail.ru

УДК 811.161.1

ХАРАКТЕРИСТИКА ИМЕНОВАНИЙ ПЕРСОНАЖЕЙ РОМАНА ОЛЕГА ЕРМАКОВА «РАДУГА И ВЕРЕСК»

© 2023 И.А. Королева, С.Р. Фомина

ФГБОУ ВО «Смоленский государственный университет»

В работе рассматриваются ключевые имена собственные романа Олега Ермакова «Радуга и Вереск», предпринимается попытка анализа денотативных уровней номинации. Актуальность исследования обусловлена тем, что изучение имен собственных романа «Радуга и Вереск» О. Ермакова не проводилась. Рассмотрение ключевых имён собственных, выделение в контексте различных денотативных уровней позволит рассматривать образы героев и роман в целом полно. В процессе исследования текста применялись следующие методы: метод количественных подсчётов, сравнительно-сопоставительный метод, метод сплошной выборки определенной группы онимов, структурно-семантический метод, описательный, метод контекстуального анализа. Имена собственные были разделены на несколько групп, после чего были выбраны и проанализированы с опорой на контекст определённые варианты именований. Сделаны выводы о возможностях анализа имён собственных с опорой на контекст.

Ключевые слова: имя собственное, оним, денотативный уровень, Олег Ермаков, образ героя, имя, фамилия, отчество, антропоним, идеоним.

Имена собственные – важная составляющая художественного произведения. Онимы несут в себе не только значение, которое может содержать в себе определенный звуковой комплекс, но и обладает рядом особенностей. А.Н. Деревяго отмечает, что онимы – это «особый языковой знак», который на содержательном уровне связан с несколькими семантическими элементами [2, с. 5]. А.В. Суперанская писала, что «в семантику имени входят и субъективные, социально обусловленные факторы и эмоции, которые референт вызывает у говорящего» [6, с. 323]. Как отмечают исследователи, имя собственное без контекста и понятного (знакомого) объекта или субъекта не будет восприниматься, открывая полную составляющую своего значения. Поэтому именно в художественном произведении, без отрыва от контекста, имя собственное (далее ИС) способно раскрыть все грани своего значения.

Писатели и поэты активно используют ИС в своих произведениях не только для номинации персонажей, но и, например, для раскрытия образов героев благодаря созданию для определенного онима разных денотативных уровней. Цель исследования: рассмотреть возможность создания автором целостного образа героев произведения при использовании различных контекстов.

В текстах Олега Ермакова нередко ИС (чаще всего антропонимы) имеют несколько таких уровней. Например, в рассказе «Кашмир» из сборника рассказов «Арифметика войны» герой носит прозвище «Дохлак». Глядя только на оним вне контекста, можно предположить, что персонаж имеет такое прозвище, потому что он субтильного телосложения, но в контексте о внешности героя говорится следующее: «Ильдар был красив, как Аполлон, строен, широкоплеч, голубоглаз светловолос – ни дать ни взять сказочный герой» [3, с. 159]. Описание, данное автором, опровергает первое предположение. Далее в контексте наблюдаем, что герой носит такое прозвище из-за своих определенных убеждений: «Все его звали Ильей, ничего субтильного в его фигуре не было. Просто он вбил себе в голову, что погибнет так же, как его дед, зарезанный в финскую войну штыком в живот» [3, с. 159]. Рассматриваемый пример

показывает, что Олег Ермаков использует имя собственное в качестве носитель разных денотативных уровней, что помогает создавать полные и разносторонние образы героев произведения.

В своём романе «Радуга и Вереск», действие в котором разделено на два временных плана (современный и исторический), определённым образом пересекающихся, Ермаков также использует различные денотативные уровни имён собственных. Читатель, взяв в руки книгу, сразу же сталкивается с двумя именами собственными: «Радуга» и «Вереск». Первый денотативный уровень, с которым, не прочитав книгу, встречается читатель, – это привычные значения этих онимов: радуга – разноцветная дуга на небесном своде, образующаяся вследствие преломления солнечных лучей в дождевых каплях [8, с. 787]; вереск – вечнозеленый кустарничек с мелкими листьями и лилово-розовыми цветками [8, с. 81]. Но для понимания того, о чём пойдет речь в произведении и почему эти слова пишутся с большой буквы, этого значения не будет достаточно. С остальными денотатами автор знакомит читателей во время описания штурма Смоленской крепости (XVII век) польскими войсками. Здесь встречаются польский офицер Николай Вржосек и русская девушка Вясёлка. Их именованья (варианты представлены в Таблице 1.) – это и есть Радуга (Вясёлка – бел.) и Вереск (Вржосек (wrzos – польск.)

Фамилия	Имя
—	<i>Вясёлка</i> <i>Радуга</i> <i>Vaivorykštė</i> <i>Tezca</i>
<i>Вржосек</i>	<i>Николай</i> <i>Николаус</i> <i>Мікалай</i> <i>Микола</i>

Таблица 1. – Варианты именованья Вржосека и Вясёлки

Герои знакомятся во время противостояния двух сторон: смоленской (русской) и польской, но они не сталкиваются Ермаковым, не враждуют, а связываются, и эта связь выносится в название романа «Радуга и Вереск». Как отмечает Д.В. Бутеев, отношения между героями становятся «связующим межнациональным звеном» между противоборствующими сторонами [1, с. 10]. Именно любовь Николая к Вясёлке является этим связующим мостом. «И тогда же дал обет уйти отсюда, из этого града смольнян, даже если гарнизон выдержит натиск московитов. Но с собой он вознамерился забрать Вясёлку, сиречь – Радугу» [4, с. 490]. Можно предположить, что символ радуги, как определённого моста, также является одним из денотатов именованья героини. Сам Ермаков даёт толкование имени героини следующим образом: «Удивительное имя, почему ее так зовут?.. Да ясно же: ни у кого нет столь красочных одежд. Внучка иконника знает секрет красок» [4, с. 401].

Автор также показывает, что героиня названа в честь рано пропавшей и погибшей матери: «А мать сгинула раньше, еще при строительстве стены. Пропала, пошла за водой мимо строителей и исчезла. И говорят, что строители ее в башню замуровали, порешили меж собой, кто первый сегодня попадет из горожан на глаза – его и

возьмем. А это оказалась молодая женщина с рыжей косой и столь сочными зелеными глазами, что ее то и звали Вясёлкой. Вот в чем секрет имени и ее дочери» [4, с. 402].

Именованье Вясёлки связано с одним из топонимов, упоминаемых в романе, – башней Веселуха. По одной из смоленских легенд [9], башня называется Веселухой потому, что во время строительства в стенах башни была замурована девушка, которая, не плакала, находясь внутри, а постоянно смеялась. В романе также говорится именно об этой башне.

Вторая легенда о возникновении названия башни связана с радугой. «Название Веселуха пошло от того, что Днепр делает изгиб прямо напротив этой башни, а в местном говоре – радуга называется "веселуха"» [9].

«Веселуха» или «Вясёлка» не только является связующим межнациональным звеном, связующим легенды и истории, но и соединяет два повествовательных плана: исторический и современный.

В современном плане Павел Косточкин, который приехал в Смоленск для того, чтобы подготовиться к свадебной съёмке, слышит странное для себя название башни, знакомится с информацией о ней и решает её посетить. Но прогулка по лестнице в башне заканчивается неудачно, что и заставляет героя остаться в городе и коснуться некоторых его тайн: «Косточкин вернулся к круглой башне Орел, экс Веселухе, постоял, подумал и, вытащив наушники, вдруг прислонился к кирпичам щекой, прижался ухом. <...> И в тот же миг Косточкин потерял равновесие, увидел раскрывшуюся перед глазами книгу и полетел следом, клацая зубами» [4, с. 98].

Автор создает у читателя ощущение связи истории и современности:

«– Вот там за руиной и Веселуха, – сказала Яна.

Косточкин присматривался сквозь лобовое стекло.

– С шатровой крышей? – спросил он.

– Ну да.

– Хм, а была без крыши... Меня и преследует в последнее время такое впечатление...

– Какое?

– Чего-то двоящегося. Раздвоение сознания. Как будто я фотографирую сразу в двух местах. А?» [4, с. 498]

«Веселуха в современном плане романа встречается не только как географический объект, но и как культурная составляющая: «Была там и Веселуха, "угловая шестнадцатигранная башня". Об этой башне некий Федор Андреевич Эттингер, живший в Смоленске с отцом, обер комендантом города, а потом уехавший служить в Петербург коллежским советником, в середине девятнадцатого века написал книжку, которую так и назвал "Башня Веселуха"» [4, с. 57]. «И вообще это какие-то не те разговоры, – сказала она. – Ведь мы на линии Эттингера? Федора Андреевича фон Эттингера? И его романа "Башня Веселуха". Кстати, вы знаете полное название?.. А оно такое: "Башня Веселуха, или Смоленск и жители его двести тридцать лет назад". И такого названия вы больше не найдете в мировой литературе. Оно – живет во времени. Изначально лет было меньше: "...и жители его шестьдесят лет назад". То есть столько было лет, когда в Санкт Петербурге книгу впервые напечатали. И уже вон сколько прошло» [4, с. 590]. Ермаков использует идеонимы также для того, чтобы показать связь эпох и поколений.

В историческом плане название башни встречается единожды при описании топонимического плана романа: «Кватермистром Веселухи был назначен пан Войтех, а не его отец, впавший в немилость у воеводы Гонсевского за отлучку перед осадой» [4,

с. 504]. В остальных случаях башня именуется только латиницей: «А эта башня напротив дома Плескачевских так и зовется – Veselyha» [4, с. 402]. Вероятно, автор использует такое название в историческом плане, чтобы отделять именование девушки от названия башни. Хотя данные онимы всё-таки связаны, что ещё раз указывает на символизм данных ИС, сопоставление их: «Ну а круглая башня под нами, продолжал Войтех, именуется так: Veselyha. Это кличка. Точно такую же носит дочка живописца, живет неподалеку» [4, с. 206].

Имя собственное «Вереск» в романе не встречается, но есть к нему отсылки, например, указывается, что на «гербе» Николауса изображен этот цветок: «Весна в Тартарии на Борисфене была начертана на их плащах и щитах, как герб, точнее невидимая печать на родовых гербах: у одного – подкова и месяц, у другого – вереск и стрела» [4, с. 604].

О вереске существует легенда, которая повествует о том, что этот цветок силен и нежен потому, что не испугался трудностей – не отказался расти на безжизненных холмах [10]. Николай – Вереск тоже силен, например, потому, что, попав в плен, смог выбраться, не погибнуть в заснеженном лесу и вернуться к своим.

Вереск – символ одиночества [5, с. 274]. В конце романа Николаус теряет своего друга Александра – сам убивает его на дуэли, которая состоялась из-за того, что оба были влюблены в Вясёлку. Погибает и Вясёлка: «Вясёлка, известное дело, была, яркая девка... к ха ха рр... проклятье... Нету их больше, пан. Ушли в дым с травами...» [4, с. 650] Николай становится одинок.

В конце романа встречается именование вереска на английском «Heather» и польском «Wrzos» при описании момента, когда Петр Алексеевич взял в руки «ПОВѢСТЬ ВРЕМЕННЫХЪ ЛѢТЪ ЧЕРНОРИЗЦА ФЕДОСЬЕВА МАНАСТЫРЯ ПЕЧЕРЬСКАГО, ОТКУДУ ЕСТЬ ПОШЛА РУСКАЯ ЗЕМЛЯ... И ХТО В НЕЙ ПОЧАЛЬ ПЪРВЪЕ КНЯЖИТИ, И ОТКУДУ РУСКАЯ ЗЕМЛЯ СТАЛА ЕСТЬ» [4, с. 727]. Эту книгу Николай Вржосек нашёл и передал Вясёлке, несмотря на то, что она представляла большую ценность: «...это ваша книга, такому богатству позавидуешь...» [4, с. 600], но он её любил и «снова и снова готов был жертвовать этим богатством, чтобы только еще раз увидеть золотистое сияние девичьих глаз» [4, с. 600].

Именно в страницах этой книги была найдена царём засушенная веточка вереска.

Различные денотативные уровни, но в меньшем объёме, выделяются не только в именовании, вынесенных в название романа. С этой точки зрения вызывает интерес анализ именовании героя современного плана романа (Таблица 2).

Фамилия	Имя	Отчество	Прозвище
<i>Косточкин Павлов</i>	<i>Павел Паша Пашка Павлуша Павлушенька Костя</i>	<i>Евгеньевич</i>	<i>Костя Никкор Фотик Фотик-Павел</i>

Таблица 2. – Варианты именовании Павла Косточкина

В самом начале романа автор сразу же знакомит читателя с героем, используя обычное именование имя+фамилия: ««Я, Павел Косточкин, могу стать вашим свадебным фотографом...» [4, с. 9] Использование онима «Павел» довольно часто

встречается, оно обычно для именованья, поэтому данное ИС скорее несет номинативную функцию (Таблица 3).

Именованье	Количество словоупотреблений
<i>Павел</i>	48
<i>Паша</i>	19
<i>Пашка</i>	19
<i>Павлуша</i>	1
<i>Павлушенька</i>	1

Таблица 3. – Количество словоупотреблений вариантов имени героя

Употребления Паша и Пашка также достаточно часто встречаются. Паша – это нейтральный вариант полного имени героя, поэтому выполняет в тексте аналогичную функцию: «Нет, будь Паша романистом типа Стива Кинга, он бы, естественно, поехал с ними» [4, с. 12]. Именованье «Пашка» используется при описании подросткового возраста и юности героя. «Когда в девяностых они прилетели в Москву, родители, конечно, поперлись на концерт, "Мосты в Вавилон", захватили и Пашку, тогда еще подростка» [4, с. 12]. «Из армии Пашка вернулся новым человеком. Там он подружился с одержимым фотографом Русланом Владимировым, тот и переформатировал аморфного Пашку» [4, с. 15].

Онимы «Павлуша» и «Павлушка» встречаются единожды. «Ох, Павлушенька, чувствую, что тебя надо спасать срочно. Я приеду! Попрошу Кирсановну соседку присмотреть за Галчонком...» [4, с. 292] «А это еще бабушка Антонина учила внучка Павлушу: ежели вдруг привалило – всего не бери, тогда и на худые времена останется» [4, с. 580]. В обоих случаях онимы (наличие в них уменьшительно-ласкательных суффиксов) показывают теплые отношения между персонажами. В первом – между Павлом и его девушкой, во втором – между ним и его бабушкой.

Чаще всего герой именуется по фамилии – 1097 словоупотреблений. Именованье по фамилии довольно простое, привычное, поэтому автор так часто его использует. Это именованье также носит номинативную функцию. «В номере Косточкин записал вчерашние результаты рекогносцировки, чтобы не забыть и, в случае спроса, предъявить клиенту» [4, с. 62]. «Косточкин пытался расслышать его, угадать, кто это и зачем он звонит. Наконец голос пресекся. Вероника растерянно посмотрела на Косточкина, убирая трубку...» [4, с. 695]

Отчество «Евгеньевич встречается трижды:

«– Как ваше отчество? – обратилась она к нему.

– Евгеньевич, – с улыбкой назвал Косточкин.

– Павел Евгеньевич! Ты поняла? – спрашивала она, дергая девочку за руку. <...>

– Павел Евгеньевич, меня вы еще фотографируете на свадьбе! А сейчас, пожалуйста, нас с сестренкой...» [4, с. 312]

Именованье имя+отчество встречается, когда герой и его возлюбленная только знакомятся, она называет его так, показывая существующую еще дистанцию между ними.

В конце романа, перед тем, как Павел Косточкин и его возлюбленная, Яна, расстались, появляется именованье героя «Костя Павлов». Так именуется Яна, назвав себя «Вероника»:

«– Так что давайте знакомиться, – сказала девушка, оборачиваясь к нему и делая движение, чтобы стащить перчатку и протянуть руку, но останавливаясь. – Меня зовут Вероника. А вас?»

Косточкин еще тяжелее молчал.

– Ну, вдруг и я чего то не расслышала, – продолжала девушка. – И вас зовут, например, Костя Павлов. Или как то еще.

– Нет, – откликнулся Косточкин.

– Тогда вы упустили шанс выйти из этой башни другим человеком, – сказала она. – Или самим собой» [4, с. 659].

Яна придумывает себе и любимому новые имена, переименовывает имя и фамилию, чтобы уйти от старой жизни, быть вместе, но Косточкин от этого отказывается. Интересно, что все происходит на ступенях башни Веселуха и девушка постоянно смеется.

Именование	Количество словоупотреблений
<i>Костя</i>	3
<i>Никкор</i>	15
<i>Фотик</i>	1
<i>Фотик-Павел</i>	1

Таблица 4. – Количество словоупотреблений прозвищных именовании героя

Прозвищных именовании героя – четыре (представлены в Таблице 4). Самое частотное – Никкор. Так называет Косточкина Вася Фуджи. Герой именуется так за любовь к объективам известной фирмы: «Косточкин недоуменно пожал плечами, потер переносицу. Кличку Никкор Вася дал ему в отместку за кличку "Фуджи", Косточкин – да, был никонистом, к фотоаппарату "Никон" покупал только родные объективы "Никкор"» [4, с. 540]. «Костя» – понятное прозвищное именование, образованное от фамилии: «Костя, салют! Я сейчас оторвала у букиниста книженцию!» [4, с. 290]

Прозвища «Фотик» и «Фотик-Павел» встречаются единожды даются герою по его профессии:

«– Это ты ее извини, Фотик, – подала голос дурочка.

Косточкин и Вероника посмотрели на нее.

– Вообще меня зовут Павел, – с раздражением заметил Косточкин.

Дурочка закивала:

– Ага, ага!.. Фотик Павел. Плевел. Вспышка – раз! Раз! Хы хы. Фух! Нету. А фотки остались. Картинки. – Она повернулась к Васе. – Ешь, Васечка, чего ты?» [4, с. 681].

Олег Ермаков в своём романе «Радуга и Вереск» использует имена собственные не просто для номинации персонажей, но и для создания с их помощью целостного художественного образа. Автор использует различные именовании персонажей, что помогает раскрыть образ с разных сторон, показать героя в разные временные отрезки его жизни.

Именовании, вынесенные в заглавие романа, имеют разные денотативные уровни номинации, которые открываются в процессе знакомства с произведением, делают чтение романа увлекательным, расширяют кругозор читателя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бутеев Д.В. «Россия и Польша в романе О. Ермакова «Радуга и Вереск» / Д.В. Бутеев // Славянский мир: письменность, культура, история: материалы XXX Международной научно-практической конференции имени В.В. Ильина – Смоленск: ОГБОУ ВО «Смоленский государственный институт искусств», 2021. – С. 5-11.
2. Дервяго А.Н. Имя собственное в художественном тексте / А.Н. Дервяго // Учебно-методическое пособие: Витебск: УО «ВГУ им. П.М. Машерова», 2008. – С. 4-11.
3. Ермаков О.Н. Арифметика войны / О.Н. Ермаков // М.: Астрель, 2012. – 350 с.
4. Ермаков О.Н. Радуга и Вереск / О.Н. Ермаков // М.: Время, 2018. – 736 с.

5. Красиков С.П. Легенды о цветах /С.П. Красиков // М: Мол. Гвардия, 1990. – 303 с.
6. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного / А.В. Суперанская //М: Наука, 1973. – 283 с.
7. Фомина С.Р. Прозвищные именованя в сборнике рассказов О. Ермакова «Арифметика войны» / С.Р. Фомина //Студенческая ономастика в Смоленске и Витебске: проблемы и перспективы исследования: материалы второй международной студенческой научно-практической конференции, Смоленск, 23 июня 2020 года / отв. ред. И.А. Королева. Смоленск: СмолГУ, 2020. С. 117-119.
8. Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / Институт русского языка им. В.В. Виноградова. Отв. ред. Н. Ю. Шведова. // М: 2011: Издательский центр «Азбуковник». – 1175 с.
9. Башня «Веселуха» Режим доступа: <https://4stor.ru/legendi/46100-bashnya-veseluha.html> (дата обращения: 9.11.2023)
10. Л.М. Мартыанова Легенды и мифы о растениях Режим доступа: <https://culture.wikireading.ru/4303> (дата обращения: 9.11.2023).

Поступила в редакцию 02.12.2023

NAMES OF CHARACTERS IN NOVEL "RAINBOW AND HEATHER" BY OLEG YERMAKOV

I.A. Koroleva, S.R. Fomina

The work deals with the key proper names of the novel "Rainbow and Heather" by Oleg Yermakov. An attempt is made to analyze the denotative levels of nomination. The relevance of the research is due to the fact that the study of proper names of the novel "Rainbow and Heather" by O. Yermakov has not been carried out. Consideration of the key proper names, selection of different denotative levels in the context enables to consider in detail the characters' images and the novel as a whole. In the course of the research the following methods have been applied, among which are the method of quantitative analysis, contrastive-comparative method, method of continuous sampling of a certain group of onyms, structural-semantic method, descriptive method, method of contextual analysis. Proper names were divided into several groups. After that certain variants of names were selected and analyzed in the context. Conclusions are drawn about the possibilities of analyzing proper names in the context.

Key words: proper name, onym, denotative level, Oleg Yermakov, character's image, first name, surname, patronymic, anthroponym, ideonym.

Королева Инна Александровна.

Доктор филологических наук, профессор.
ФГБОУ ВО «Смоленский государственный университет».

Профессор кафедры русского языка.

E-mail: innakor@mail.ru

Фомина Светлана Радиковна.

Соискатель.

ФГБОУ ВО «Смоленский государственный университет».

E-mail: ana.vzyatchenkova@mail.ru

Koroleva Inna Aleksandrovna.

Doctor of Philology, Professor.
Smolensk State University.

Professor of the Russian Language Department.

E-mail: innakor@mail.ru

Fomina Svetlana Radikovna.

Post-graduate student.

Smolensk State University.

E-mail: ana.vzyatchenkova@mail.ru

УДК 811.161.1

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ

© 2023 Л.В. Соснина

ГОУ ВПО «Донецкий национальный технический университет»

В статье рассматриваются особенности возникновения и функционирования новообразований, встречающихся в Телеграм-каналах и связанных со специальной военной операцией. Лингвистический подход к изучению СВО весьма актуален и закономерен, поскольку любые социальные изменения оказывают значительное влияние на современную языковую ситуацию. Материалом для исследования послужили примеры, извлеченные способом сплошной выборки из нескольких Телеграм-каналов, освещающих события СВО. Для систематизации данных мы использовали метод дистрибутивного анализа, позволяющий проследить взаимосвязь изучаемых языковых единиц с их окружением или контекстом. Метод компонентного анализа позволил изучить содержательную составляющую языковых структур. Метод логического сопоставления позволил нам сравнить существующие научные концепции и провести теоретическое обоснование исследования. Голофразис рассмотрен как один из способов словообразования, направленный на экономию речевых усилий. Одним из проявлений речевой агрессии является употребление этнофоллизмов, которые служат для уничижительного наименования расовых и этнических групп. Нам удалось описать существующие этнические прозвища и условно разделить их на четыре группы. Значительная часть работы посвящена именам собственным с коннотативным компонентом. По результатам исследования можно сделать вывод, что Телеграм-каналы отражают современное состояние языка, новые качества которого обусловлены общественно-политическими условиями и языковой ситуацией. Подтверждается высокий лингвокреативный потенциал имен собственных, имеющих отношение к известным политическим деятелям и отдельно взятым странам. Перспективы нашего исследования видятся нам в составлении словаря СВО.

Ключевые слова: голофразис, деривация, метафора, номинация, речевая агрессия, семантика, словосложение, структура, Телеграм-каналы, этнофоллизм.

Введение. Одним из важнейших событий современности является специальная военная операция (далее СВО), задуманная как акт освобождения русских людей на граничащих с Российской Федерацией территориях. Специальная военная операция оказалась драйвером для специальной информационной операции, так как «характер вооруженной борьбы определяется сетцентрическими условиями управления военными действиями, а проведение информационных кампаний является ее неотъемлемой составляющей» [16, с. 167]. Лингвистический аспект СВО является малоизученным в силу разных причин, одной из которых является неконтролируемый поток новообразований, порождаемых реальностью и отображаемый в телеграмм-каналах. Современные ученые отмечают, что Telegram обладает преимуществом над такими социальными сетями, как, например, ВКонтакте или Одноклассники, поскольку является мессенджером и «доставляет пользователю каждый пост в формате личного сообщения, что представляет дополнительную гарантию того, что информация не потеряется и не будет проигнорирована на фоне непрерывного новостного потока» [9, с. 373]. Исследователи сходятся во мнении, что существенно увеличилось количество и влияние новостных каналов, мессенджер Telegram активно развивается как новостная площадка, освещающая события СВО. Каждая из сфер современного русского языка развивается и функционирует относительно самостоятельно, но только в языке СМИ все эти сферы предстают «взаимосвязанными, трансформированными, манифестирующими национальный язык в качестве его модели» [12, с. 131].

Как уже отмечалось в наших предыдущих работах, «любые социальные потрясения и межэтнические конфликты способствуют небывалому росту языковых новообразований» [14, с. 3]. Любая эскалация этнического конфликта неизменно сопровождается ростом ненависти с обеих сторон и находит свое отражение в так называемом «языке вражды». По мнению лингвистов, язык вражды должен пониматься «как включающий в себя все виды выражений, которые используются для распространения, провоцирования, стимулирования или оправдания межрасовой ненависти, ксенофобии, антисемитизма или других форм ненависти, основанных на нетерпимости, в том числе: интолерантность в виде агрессивного национализма, этноцентризма, дискриминации и враждебности в отношении меньшинств и мигрантов» [3, с. 119].

Актуальность данной статьи определяется необходимостью изучения в том числе и «языка вражды», а также острой потребностью дать научную оценку и систематизировать большое количество новообразований, встречающихся в современном медийном дискурсе. Несмотря на значительное количество исследований, проблема новых слов является одной из самых спорных и наименее изученных учеными-лингвистами, поэтому существует необходимость их описания и дифференциации в соответствии с современными языковыми тенденциями. **Научная новизна** работы состоит в том, что впервые предпринимается попытка изучения языка нескольких Телеграм-каналов, освещающих события СВО (выбраны наиболее популярные каналы с количеством подписчиков от 50 тысяч до 2,5 миллионов). **Целью** данной статьи является исследование особенностей словообразовательного процесса и комплексный анализ производных слов с учетом специфики их деривационной структуры и функциональной предназначенности. **Объектом исследования** являются языковые единицы, извлеченные способом сплошной выборки из 20 наиболее популярных Телеграм-каналов, освещающих события СВО.

Всестороннее изучение языка Телеграмм-каналов является перспективным направлением для прикладных исследований форм сетевой коммуникации. Интернет-язык в целом базируется на естественном языке, но со значительными модификациями в области лексики, грамматики и орфографии в соответствии с реалиями виртуального общения. Язык Сети являет собой компиляцию всех форм коммуникации, а именно устной, письменной и электронной. Здесь уместно процитировать Л.Г. Чапаеву, которая пишет о связи языка с социальной и культурной историей, причем эта связь особенно заметна в эпохи исторических катаклизмов. Автор полагает, что в истории русского литературного языка демократизация является одним из ключевых процессов. Основным механизмом демократизации связан с перемещением лексических элементов (жаргон, разговорные элементы, просторечие) из периферийных сфер языка в центр системы [15, с. 119].

Таким образом, ученые-лингвисты констатируют, что общество переживает новый период в развитии литературного языка, его новые качества на современном срезе обусловлены общественно-политическими условиями и новой языковой ситуацией, которая, по мнению Г.Я. Солганика, «сложна, многомерна и многофакторна» [12, с. 132].

Основная часть. Следует отметить, что проблема милитаризации языка, языка противоборствующих сил, языка войны и мира всегда находилась в фокусе внимания известных зарубежных и отечественных лингвистов, среди которых Дж. Лакофф, М. Джонсон, П. Чилтон, Т. ван Дейк, К. Шэффнер, А. Венден, Дж. Хейдер, У.К. Гэй, Н.Д. Арутюнова, Э.В. Будаев, А.П. Чудинов и др. Опираясь на существующую

теоретическую и терминологическую базу, предлагаем перейти к рассмотрению основных языковых тенденций периода СВО.

Голофразис

Одним из самых заметных процессов в современном словообразовании является голофразис. Напомним, что данное языковое явление обозначает слово, образованное путем слияния словосочетания или предложения в одну лексическую единицу – *онижедети, ихтамнеты, анасзацо, всепропало*. Согласимся с И.А. Ковыневой, что накопление и описание данных по реально осуществляемому процессу голофразирования даёт возможность к новому осмыслению русского словообразования. Автор выделяет такие особенности голофразиса: тесная связь с фразеологией, своеобразные отношения с аббревиацией, вариативность графического оформления. Голофразис, по мнению ученого, это способ словообразования, направленный на экономию речевых усилий. Голофрастическая конструкция «становится своего рода мегазнаком, в котором в одной единице номинируется целый семантический комплекс и его значение становится синонимичным значению входящих в него слов» [2, с. 111].

Хорошо известная фраза *онижедети* определяется И.В. Ляшенко как «многокомпонентное прозвище, представляющее собой фразовое сложение, выступающее в роли атрибутивного окказионального сложного слова, представляющее собой как бы «застывший», зафиксированный этап процесса номинации» [6, с. 116]. Автор полагает, что данная языковая единица происходит от пропагандистского штампа, появившегося после избития милицией воинствующих молодчиков на Майдане, которых провозгласили символом «избитых детей Майдана» («онижедети, жертвыпропаганды, импробылимозги») [там же, с. 116]. Данным прозвищем называют представителей украинской ультраправой молодежи, принимающих активное участие в политических беспорядках. На таких же позициях стоит Т.Ю. Власкина, полагая, что в качестве имени существительного донбасского лексикона «термин *онижедети* обозначает националистическую молодежь Украины и содержит мотив нравственного осуждения» [1, с. 8].

Мы зафиксировали большое количество голофрастических конструкций в современных телеграм-каналах. Опираясь на данные нашей картотеки, приведем следующие примеры: *Не переживаю и за **онижедетей** всех полов и возрастов* (<https://t.me/dadzibao>); *Внимательно, кстати, следите за руками. Сейчас кое-что запоёт привычную ещё с Украины мантру "**онижедети**"* (<https://t.me/superdolgov>); *Короче все, кто топит за **Крымнаш***); *Пишут, что невыдача президентских грантов "Ночным волкам" и НОДу означает демонстрацию отказа власти от схемы "Крымнаш"* (<https://t.me/superdolgov>); *Надпись «Дорого? Закрой рот и **славаукраине!**»* (<https://t.me/SALOBOY/620>); *Кажется, они говорят «славаукраине?»* (<https://t.me/SALOBOY/620>); *Вот такая **героямслава*** (<https://t.me/SALOBOY/620>); ***Патамуштаарта*** (<https://t.me/readovkanews/50454>); *Я первая увидела **ихтамнетов*** (<https://t.me/superdolgov>); *Как по-польски «**анасзацо!**?»* (<https://t.me/superdolgov>); *Западзагнивает и всеидетпоплану* (<https://t.me/superdolgov>); *А тут вдруг на 10 месяц у всепропальщиков бомбануло* (https://t.me/fighter_bomber); *С момента заявления президента Путина об отмене итурма «Азовстали» не прекращаются спекуляции «**всёпропальщиков**»* (<https://t.me/readovkaru/329>); *Теперь главное – расширение и контроль бывших и **будущихбывших** украинских территорий* (https://t.me/Sladkov_plus); *Хохлы уже колею накатали на мосту "**покоторомутанкиточнонебройдут**"* (https://t.me/fighter_bomber).

Согласимся с Л.Ю. Мирзоевой, что голофрастические конструкции могут рассматриваться как «средство языковой игры, как фактор эмоционального воздействия

и создания экспрессивности политического текста за счет нарушения нормы и разрушения типичных словоупотреблений [7, с. 32].

Интересно проследить, как в современных телеграмм-каналах именуется Украина с использованием различных языковых средств негативной оценки. Современные лингвисты трактуют дисфемизмы как «бранное, грубое, просторечное выражение, используемое в целях дискредитации адресата или выражения негативной, зачастую уничижительной оценки со значением неодобрения, презрения, пренебрежения» [14, с. 5]. Заметим, что до начала СВО Украину преимущественно называли *Укропия*, *Украдина* (слова, образованные способом контаминации), *Бандерштадт*, *Бандерстан*. На современном срезе состояния русского языка фиксируем следующие названия соседнего государства: *незалежная*, *щеневмерлая*, *шароварный улус*, *галушкин улус*, *галушкин каганат*, *шароварный каганат*, *салорейх*, *недорейх*, *ридна ньенька*, *ньенька украина*, например: *Об этом свидетельствует указ, опубликованный на сайте президента незалежной* (<https://t.me/readovkanews>); *Очередное видео насильной отправки на защиту незалежной из самого центра Одессы* (<https://t.me/readovkanews>); *Верховный суд галушкиного улуса признал SS Галичину миротворцами* (<https://t.me/SALOBOY>); *Шароварный улус одобрил пародию на бюджет 2023* (<https://t.me/SALOBOY>); *Выступая всеми силами за свободу «ридны ньеньки», девушки не перевели свое YouTube-шоу «Большие девочки» на мову и продолжают его вести на «языке оккупантов»* (<https://t.me/readovkanews/51682>); *«Мста» и «Коалиция» на порядок превосходят все поставленные в «Неньку» западные образцы* (<https://t.me/RtrDonetsk>); *Смотришь на таких, и сразу за будущее Неньки Украины становится спокойно* (<https://t.me/RtrDonetsk>); *Скупают ньеньку по дешёвке* (<https://t.me/superdolgov>); *В своё время ньенька Украина согрешила с нацистами* (<https://t.me/wargozno>); *Верхушки «недорейха», в том числе и Зеленского* (<https://t.me/readovkanews/51682>); *Едына краына или как Украину разрушит не война, а гостеприимность западных областей* (<https://t.me/readovkanews/51682>); *Страна перманентного Майдана* (<https://t.me/verysexydasha>); *А вот что писали укромейховские СМИ по поводу «контратаки» на Херсонскую область* (https://t.me/Petya_perviy); *У нас – стремительное приближение полной демилитаризации шароварного каганата* (<https://t.me/SALOBOY>).

Этнофолизмы

Наблюдение за современной геополитической ситуацией требует от участников речевого взаимодействия личного отношения к текущим событиям. Такое отношение зачастую носит характер речевой агрессии. В качестве рабочего можно принять такое определение речевой агрессии, когда ее представляют как набор языковых средств для выражения неприязни, враждебности, как манеру речи, оскорбляющую чье-либо самолюбие или унижающую достоинство. Для обозначения проявлений агрессии в современной лингвистике применяются различные термины: «языковая агрессия», «речевая агрессия», «вербальная агрессия», «языковое насилие», «язык вражды» и др. В наших предыдущих работах отмечается, что в современном политическом дискурсе превалирует инвективная лексика. Инвективы – слова и выражения, заключающие в своей семантике, экспрессивной окраске, оценочном компоненте содержания интенцию говорящего или пишущего унижить, оскорбить, обесчестить, опозорить адресата речи или третье лицо, обычно сопровождаемую намерением сделать это в как можно более резкой и циничной форме. Как совершенно справедливо замечает Д.В. Соловьева, «вербальная агрессия используется, как правило, когда не хватает аргументов, в мнимом споре начинает преобладать эмоциональная составляющая, рациональность

отходит на второй план или вовсе исчезает» [13, с. 248]: Приведем следующие примеры: *Еще будучи послом независимой в Германии обозвал канцлера ФРГ Олафа Шольца «ливерной колбасой»* (<https://t.me/readovkanews/37333>); *Вчерашний обмен главарей Азова удивительным образом совпал с ДР папы минских соглашений Суркова* (<https://t.me/superdolgov>); *Привет сурчатнику и прочей мягкой силе* (<https://t.me/superdolgov>); *По итогу сурчатник и прочие гондольеры слились* (<https://t.me/superdolgov>); *Дырляйка официально заявила, что боевые потери зеленского режима превысили 100 000 голов* (<https://t.me/SALOBOY>); *Дырляйку в Пекине даже не покормили* (<https://t.me/SALOBOY>); *Глава Еврокомиссии Урсула фон Дырляйн призналась, что впечатлена прогрессом Украины в реализации реформ* (<https://t.me/SALOBOY>); *Польская Дуда вообще нюхача украинского в игнор отправила* (https://t.me/rt_russian/172634).

В аспекте экологии языка «языковая агрессия» рассматривается как выражение анти-нормы, как фактор, оказывающий отрицательное эмоциональное воздействие на адресата, как коммуникативная стратегия в ситуации конфликта. Само выражение «языковая агрессия» учеными квалифицируется как «широко распространенная «военная метафора», характеризующая явления общественной жизни, в которой в последнее время все активнее отмечается столкновение культурных ценностей и убеждений» [11, с. 824]. По мнению исследователей, рядом с понятием культуры все чаще рассматривается понятие конфликта или культурного конфликта, способного приводить к разрыву коммуникации [там же, с. 824]. Одним из подобных средств выражения агрессивного речевого поведения выступает этнофолизм или, по мнению лингвистов, экспрессивный этноним, эктроним, этнодисфемизм, этнический ярлык, этническое прозвище. Под *этнофолизмом* понимается «уничижительное эмоционально-оценочное наименование для представителей расовых, национальных или этнических групп» [3, с. 120]. Современные ученые полагают, что на образование этнофолизмов оказывают влияние внелингвистические факторы, «такие лексические единицы ситуативны и зачастую остаются окказионализмами и не закрепляются в лексике языка» [10, с. 22]. Важно также отметить, что этнофолизмы используются преимущественно в текстах с негативным инфоповодом, который является субъективным мнением администратора телеграм-канала. Считаю уместным процитировать И.В. Ляшенко, который, обобщая опыт исследователей, заявляет, что примеры этнических прозвищ обладают «экспрессивно сниженной коннотацией, достигаемой широким спектром лингвистических средств, среди которых: использование производящих слов литературного стандарта, имеющих негативную семантику, использование производящих слов нелитературного стандарта, использование уничижительных суффиксов, рифмованных образований, ирония, игра слов» [6, с. 116].

Предлагаем выделить четыре основные группы реализации этнофолизмов в современном медийном дискурсе, имеющем непосредственное отношение к СВО:

- именование украинцев;
- именование русских;
- именование американцев;
- именование англичан, поляков и т.п.

1. К первой группе отнесем следующие примеры – *бандеровцы, бандерлоги, бешенцы, западенцы, мыколы, немывые, рагули, тарасы, укрофашисты, хохлы, чубнявые, щеневмерлы: Поразил спящего бандерлога* (<https://t.me/EnotHersonVDV>); *Щеневмерлы притащили разбитую российскую технику на Хрещатик* (https://t.me/Petya_perviy); *Этот город превратился в мясорубку для хохлов* (<https://t.me/RtrDonetskRtrDonetsk>); *Ночью хохол предпринимал попытки давить*

северо-восточнее (<https://t.me/vysokygovorit>); Трудно найти **немытого Мыколу** в чёрном Киеве (<https://t.me/SALOBOY>); **Немытые** пытались засовестить маскалей этим «ужасно циничным» видеорядом (<https://t.me/SALOBOY>); **Чубнявые** расчехлили ПВО (<https://t.me/SALOBOY>); А так ми-ми-ми-шно, что **чубнявые** хайпятся на калибровках (<https://t.me/SALOBOY>); Каждый вечер Зеленский обращается к **крепостным** прямо из центра Киева (<https://t.me/SALOBOY>); Крупные **чубнявые** каналы зачем-то устраивают голосование «Чей Крым?» (<https://t.me/SALOBOY>); Вы заметили, что холяжкое **бешенец-шоу** в кетчунных труселях как-то поугасло в Европе (<https://t.me/SALOBOY>); Британия свернула программу бесплатного проживания для **бешенцев** (https://t.me/Petya_perviy); После нападения украинских **бешенцев** на таксистов в Вене, Uber заявил об отказе обслуживать украинцев (https://t.me/Petya_perviy); Что забыли на грузинском митинге жовто-блакитные **бешенцы?** (https://t.me/Petya_perviy); Ведь «гордые» **укры** уже давно пиндосов ввели в ранг богов (<https://t.me/RtrDonetsk>); Я в четырнадцатом году сюда по своей инициативе пошел, чтобы сюда не пришли **бандеровцы** (<https://t.me/readovkanews>); Вновь под огнем **укрофашистов** мирные жители Донецка (https://t.me/kulemzin_donetsk); Скакали на майдане вместе, а вот в тяжелую минуту **западенцы** не упускают момент нажиться (<https://t.me/RtrDonetsk>); Единственно, порадуемся за **бандеровцев** – час их встречи со своим кумиром резко приблизился (<https://t.me/RtrDonetsk>); **Рагули** мечтают пройтись со своим прапором по Красной площади победным маршем (<https://t.me/militarydonetsk>); День независимости во Львове, **рагули** во всей красе (<https://t.me/RtrDonetsk>); Это **Мыколам** и **Тарасам** мотивации насыпали (https://t.me/Petya_perviy); Товарищи **Тарасы**, что у вас там происходит? (https://t.me/Petya_perviy); Лица военкомов представили, которые оказались на фронте и встретили **Тарасов** и **Мыкол** (https://t.me/Petya_perviy).

2. Вторая группа – ватники, кацапы, москали/маскали, орки, русня, расеяне, сепары, например: Потому что теперь у **маскалей** осталось ещё меньше ракет (https://t.me/Petya_perviy); Оно у них быстро меняется от "сейчас мы эту **русню**" до "мы все здесь умрём" (<https://t.me/militarydonetsk>); Пока отсталая **русня** ворует унитазаы и интернет (https://t.me/Petya_perviy); Я не знаю, как бороться с **кацапом**, когда свои тыловые шуры мочат вот такое (https://t.me/Petya_perviy); Но воруют все злые кацапы, вы просто не понимаете (https://t.me/Petya_perviy); Как в Крым съездили, **кацапы?** (https://t.me/Petya_perviy); Хохлы негодуют. Как же так, у **ватников** же всё закончилось (<https://t.me/rustroyka1945>); "Ля-ля-ля-ля, мы прогнали **москаля**. Гоп-ца, гоп-ца-ца, йды до дому, злый **кацап**" (https://t.me/Petya_perviy); У пленных боевиков ВСУ обнаружена тушёнка «Бандерівська» из **сепаров** и **маскалей** (<https://t.me/rustroyka1945>); Если **оркам** хочется нести цветы к туалету, почему нет? (https://t.me/Petya_perviy).

3. Третья группа – америкосы, пиндосы, янки, например: Но ведь **янки** сами своим поведением на международной арене показывают своё истинное лицо (https://t.me/Sladkov_plus); **Янки** стоят железно, со святынями других играют, как игрушкой: «А ну-ка, отними» (https://t.me/Petya_perviy); Если такая информация появилась, значит **пиндосы** уже обучают из числа украинских летчиков работу на иностранных самолетах и скоро они будут на Донбассе (<https://t.me/RtrDonetsk>); В этом и извечная ошибка **пиндосов** (<https://t.me/RtrDonetsk>); Ведь «гордые» **укры** уже давно **пиндосов** ввели в ранг богов (<https://t.me/readovkanews>); В **Пиндосии** от опухоли мозга умер сенатор Джон Маккейн (<https://t.me/readovkanews>); **Пиндосам** наши шпионы интереснее, чем нам? (<https://t.me/readovkanews>); **Америкосы** в рамках нового пакета помощи отправят Киеву боеприпасы для HIMARS (https://t.me/chp_donetska); [У Америкосов пятница... Женщины-кошки выходят на охоту...](https://t.me/Petya_perviy) (https://t.me/Petya_perviy).

4. Четвертая группа – *англосаксы, пшеки, фрицы, гейропейцы, проебалты*, например: *Сегодня среди государств, не поддерживающих англосаксов в войне с Россией, нет и речи о втором фронте* (https://t.me/Sladkov_plus); *А теперь они что, плюнут на это, и уйдут в обнимку с англосаксами? А как мы объявим врагами тех же англосаксов, если мы с ними в космос летаем* (https://t.me/Sladkov_plus); *Надеются, наверное, что «танковая коалиция» приблизит долгожданный для пшеков раздел Украины на части* (<https://t.me/readovkanews>); *Крепостные хохлы в Пшекии* (<https://t.me/SALOBOY>); *Пшеки такие забирают Галичину и будут визжать «защо?!»* (<https://t.me/SALOBOY>); *Дело в пендосах и гейропейцах* (https://t.me/Petya_perviy); *Цивилизованные гейропейцы* ([http\(s\)://t.me/Petya_perviy](http(s)://t.me/Petya_perviy)); *Год с лишним фрицы только и делали, что занимались изошрённым садомазохизмом* (https://t.me/medvedev_telegram); *Вот так проебалты относятся к павшим воинам Великой Отечественной Войны* (https://t.me/Petya_perviy); *Третий блок — проебалты и Польша, которые хотят «полного разгрома России»* (https://t.me/belarusian_silovik).

Имена собственные

Мы не претендуем в рамках одной статьи на полноту анализа сложной и многомерной проблемы коннотативных характеристик имен собственных, но хотим попытаться рассмотреть «особенности аксиологической составляющей ономастической коннотации, выявляемые в зависимости от степени известности онима и его включенности в речевую практику» [4, с. 262].

Яньян Ли отмечает, что в основе перехода имен собственных в апеллятив лежат узаконенные коннотации. В любой языковой системе ИС выступает как номинативный знак, но в то же время имеет «потенции реализации скрытых коннотативных значений прецедентной ситуации, активизация которых возникает в определенных условиях контекста», то есть логично заявить, что «вторичная семантизация происходит при определенных культурно-исторических условиях» [17, с. 439]. Такого же мнения придерживается И.В. Крюкова, предлагающая определить аксиологическую коннотацию имени собственного как сложный компонент семантики онима, который, добавляясь к его предметно-логическому содержанию, отражает «отношение носителей языка к внутренней форме имени или к субъекту/объекту номинации, получившему широкую известность в данном языковом коллективе в определенный исторический период» [4, с. 265]: *Украинская кулеба, которую не пустили за стол с белыми людьми* (<https://t.me/SALOBOY>); *По требованию Венгрии, украинская кулеба не смогла участвовать в официальной встрече глав МИД стран НАТО в Бухаресте* (<https://t.me/SALOBOY>); *Кулеба иностранных дел Незалежной* (<https://t.me/SALOBOY>); *Украинская Кулёба запретила всем в мире называть потери ВСУ больше 1 000* (<https://t.me/SALOBOY>).

Интересными представляются примеры, подтверждающие высокий лингвокреативный потенциал фамилии украинского президента. Раньше у Владимира Зеленского было одно рабочее прозвище – «Зе», оно активно эксплуатировалось во время успешной для него избирательной кампании. В телеграмм-каналах на современном этапе упоминания об этом политике носят скорее издевательски-уничижительный характер, что полностью соответствует созданному СМИ образу украинского лидера – *Зе, Зеля, кокаиниссимус, наркет, наногитлер, нюхач*, например: *Зе попал в ДТП* (https://t.me/chp_donetsky); *Зе заявил, что сегодня находится на Донбассе, он выложил видео рядом со стелой на въезде в Славянск* (https://t.me/chp_donetsky); *Видео Зеля записал во время очередных постановочных съёмок* (<https://t.me/HersonEnot>); *Как правильно пишут подписчики в комментариях – Джонсон в Киеве... Вот и картинка для Бори от Зели*

(https://t.me/chp_donetsky); *А Зея в молодости умнее был* (<https://t.me/militarydonetsky>); *Кокаиниссимум выяснил, что россияне не доверяют ни ему, ни украинским СМИ* (https://t.me/chp_donetsky); *Кокаиниссимум сказал – "Всем спать"* (https://t.me/chp_donetsky); *Ничего, зато поэкономят, как призывал кокаиниссимум Зея* (https://t.me/chp_donetsky); *Видимо на совещании у Зеи снова белый порошок с сахаром перепутали* (<https://t.me/RtrDonetsk>); *Как поссорился Зея с Беней* (<https://t.me/readovkanews>); *Наногитлер скажет, что отработали блестяще* (<https://t.me/SALOBOY>); *Люся и наркет расскажут про незламну перемогу* (<https://t.me/SALOBOY>); *Польская Дуда вообще нюхача украинского в игнор отправила* (https://t.me/rt_russian/172634).

Весьма многочисленны примеры, когда фамилия Зеленский употребляется как имя прилагательное: *Зеленские главари очень любят делать всякие прогнозы* (<https://t.me/SALOBOY>); *Боевой дух зеленских боевиков на высоте* (<https://t.me/SALOBOY>); *Чем хуже дела зеленого режима* (<https://t.me/SALOBOY>); *Димка Гордон – молодец, знает как правильно общаться с зелеными боевиками ВСУ* (<https://t.me/SALOBOY>); *Уже даже цыгане знобят немых за попытку втянуть их в зеленскую войнушку* (<https://t.me/SALOBOY>);

Особое место в информационном потоке занимает фамилия экс-советника президента Украины Алексея Арестовича. Современные лингвисты полагают, что коннотативная семантика антропонима отражает его социолингвистическую природу и включает широкий спектр значений, основанных как на лингвистических свойствах имени, так и на его экстралингвистических связях. Соответственно, стилистические и фоновые коннотации различаются в структуре коннотативного значения воплощенного антропонима. Общее эмоционально-оценочное восприятие воплощенного имени отражено в аксиологических коннотациях [7, с. 26]. Наиболее часто встречается вариант Люся Арестович, Люся или Люся-Карамелька (явное указание на нетрадиционное поведение персонажа). Итак, Люся Арестович – человек болтливый, которого не воспринимают всерьез, заведомо распространяющий заведомо ложную информацию, по-женски кокетливый и мягкий, например: *Люся говорит, что бавовна украине только на пользу* (<https://t.me/SALOBOY>); *Пока Люся Арестович ... сами знаете что, выбирая варианты, как преподнести народу потерю ЛНР, начали бои за Северск* (https://t.me/chp_donetsky); *С Люсей сложно не согласиться. Причем, Люся продуманец еще тот* (https://t.me/fighter_bomber); *Люся Арестович рассказывает, что у Украины столько ПВО, что авиация России будет вся уничтожена в первый день войны* (https://t.me/fighter_bomber); *Вообще стоит наверное начать крутить Люсю Арестовича в украинском сегменте, особенно для бойцов нацбата Азов* (https://t.me/fighter_bomber); *Согласно официальным данным, Люся в этом списке не числится* (https://t.me/fighter_bomber); *Люся Карамелька, известная также как советник президента Украины Алексей Арестович, заявила, что если США таки не поставит Украине дальнобойное оружие, то Украина «устроит им (Штатам) образцово-показательную истерику»* (https://t.me/Petya_perviy).

При анализе практического материала в отдельную группу выделяем антропонимы, которые имеют форму множественного числа. Считаем вполне справедливым мнение Е.А. Нахимовой о том, что «при рассматриваемых смысловых преобразованиях прецедентные антропонимы гораздо чаще используются в форме множественного числа», при этом употребление формы множественного числа «акцентирует переход антропонима в разряд имен собственных, возможность его использования по отношению к различным людям» [8, с. 76–77]. Лингвисты полагают, что употребление антропонимов в форме

множественного числа также может служить средством дисфемизации, поскольку антропонимы, употребленные в данном контексте во множественном числе, приобретают пейоративную коннотацию с оттенком презрения, неодобрения, а каждая из перечисленных персон «сама по себе уже является символом отрицательных качеств» [5, с. 55]. Фиксируем следующие примеры: *Галкиным* больше, *галкиным* меньше – все равно (<https://t.me/superdolgov>); *А Москва только на таких и может ставить. Унылых, безвольных медведчуков и януковичей* (<https://t.me/readovkanews>); *Байден и Трасс, разные вторичные блинники и салливаны, брызгая атлантической слюной, требуют от России убрать руку с ядерной кнопки* (https://t.me/medvedev_telegram); *Пока такие Баранцы будут определять информационную повестку, удаchi в морально-психологической сфере не жди* (<https://t.me/mig41>); *Все эти шольцы и штайнмайеры – большие молодцы* (<https://t.me/superdolgov>); *Однако же урсулы должны понимать, что всяких иностранных инвестиций здесь у нас гораздо больше* (<https://t.me/superdolgov>); *Как клялись-божились хохлошари, Антоновский мост жив и здоров* (<https://t.me/SALOBOY>).

Обстрелы

Обострение военной ситуации в Донбассе послужило толчком к образованию новых (часто завуалированных) именовании ситуативных явлений. Существенно возрос деривационный и коннотативный потенциал слова *герань* после того, как им стали называть беспилотные летательные аппараты, используемые для нанесения ударов по военным объектам: *букет гераней, буйство герани, гераньки, преподнести герань, цветет герань, нюхать герань, геранить, отгеранить, загеранить*, например: *В честь дня рождения Владимира Путина вся Украина получит роскошные букеты Гераней* (https://t.me/Petya_perviy); *В Одессе расцвела буйным цветом Герань* (https://t.me/Petya_perviy); *Бойся, хохол, цветения «Герани» У хохлов уже условный рефлекс выработался – во вторник-среду быть готовыми к калибровке и отгераниванию* (<https://t.me/SALOBOY>); *Геранит* и *намопезживает* (<https://t.me/SALOBOY>); *На вооружении у ВС РФ состоит только один беспилотник – «Герань-2», а герани растут только в русской почве* (<https://t.me/readovkanews>); *Толерантные цветы или комментарий Кирилла Фёдорова про Герани* (<https://t.me/NeoficialniyBeZsonov>); *Газета The Sun опубликовала эффектные ночные кадры работы русских «Гераней»* (<https://t.me/militarydonetsk>); *В пригородах Киева ночью цвела «Герань» – поражены объекты инфраструктуры* (<https://t.me/readovkanews>).

Ударный дрон получил название *мопед* из-за характерного звука, напоминающего жужжание транспортного средства. *Мопед* является производящей основой для целого ряда слов – *намопезживает, мопедопробег*, например: *А вот так прилетают «мопеды» по замаскированным военным объектам/личному составу Украины* (https://t.me/Petya_perviy); *«Мопед» спокойно долетает, делает вираж и пикирует на цель* (<https://t.me/militarydonetsk>); *Тогда откуда берутся видео с прилётами мопедов и ракет?* (https://t.me/Petya_perviy); *Также планируется мопедопробег по крупным городам улуса и концерты для балалаек с оркестром* (<https://t.me/SALOBOY>); *Геранит* и *намопезживает* (<https://t.me/SALOBOY>).

Так, по данным нашей картотеки фиксируем множество новых слов, обозначающих обстрелы территорий республики вооруженными формированиями Украины и так называемый ответный огонь – *репарации, транши, прилеты, звуки денацификации, звуки возмездия, гроза возмездия, бавовна, взорвавшийся кондиционер, легли грады, грады, ураган, наши/не наши*, например: *Немытые заявляют о 120+ уже полученных репарациях, а также новом транше из акватории Чёрного моря минуту назад* (<https://t.me/SALOBOY>); *Звук прилетов* был слышен во всем

городе (<https://t.me/readovkanews>); Донецк, Макеевка – продолжается **денацификация** (<https://t.me/militarydonetsk>); Проще перечислить, где **бавовна** ещё не расцвела (<https://t.me/SALOBOY>); После вот этих **самобавовен** становится как-то теплее, уютно, по-домашнему (https://t.me/belarusian_silovik); Поспешили сделать очередной вброс про «**бавовну**» (<https://t.me/readovkanews>); **Бавовна** в Киеве. Воздушная тревога не объявлялась (https://t.me/belarusian_silovik); Донецкая агломерация: на многих участках фронта слышно **гроZZZу воZZZме ZZZдия** (<https://t.me/militarydonetsk>); **Наши** (<https://t.me/militarydonetsk>); Петровский район – сообщается, что **грады легли** в окрестностях Жилплощадки (<https://t.me/militarydonetsk>); Рано утром в четверг противник «накрыл» **градами** Донецк (<https://t.me/NeoficialniyBeZsonoV>); Военкоры сообщают, что ВСУ накрыли полным **пакетом града** (https://t.me/chp_donetska); Дальневосточный «**Ураган**» бушует в зоне СВО (<https://t.me/militarydonetsk>); Запад Донецка, отработали наши **ураганы** (<https://t.me/militarydonetsk>); 08:55 – В Авдеевке **взорвался кондиционер**. Без паники (<https://t.me/militarydonetsk>); Пишут о новых **взрывающихся кондиционерах** в Кривом Роге (https://t.me/chp_donetska).

Наименование ракеты **Калибр** является производным для следующих слов с коннотативным компонентом – **калибровать**, **откалибровать**, **калибровка**, например: **Выживший фашист** показывает свою **откалиброванную** в/ч в Немирове, Винницкая область (<https://t.me/SALOBOY>); Военный объект был "**откалиброван**" 2 марта (<https://t.me/SALOBOY>); Почему до сих пор не **откалиброваны** редакции украинских "СМИ"? (<https://t.me/superdolgov>); Также сегодня была **откалибрована** военная база Часов Яр под Бахмутом (<https://t.me/russianonwars/1417>); Преображенский собор временно оккупированной Одессы частично разрушен во время ночной **калибровки** военных объектов города (<https://t.me/rustroyka1945>); Чубнявые хайпятся на **калибровках** (<https://t.me/SALOBOY>); Это не первая "**калибровка**" данного объекта (<https://t.me/militarydonetsk>).

Заключение. В результате нашего исследования приходим к выводу, что любые социальные потрясения и межэтнические конфликты способствуют небывалому росту языковых новообразований. Специальная военная операция явилась своеобразным триггером, который сгенерировал алгоритм информационно-коммуникативной специальной операции, охватившей все медиaprостранство. Изучение языка Телеграм-каналов убедительно доказывает, что современный русский язык переживает новый период в развитии. Специфические качества литературного языка на современном срезе обусловлены общественно-политическими условиями и языковой ситуацией, которая определяется как сложная и многофакторная. Такими же непростыми и многообразными видятся нам процессы, происходящие в языке и оперативно отражаемые телеграм-каналами.

Мы описали несколько основных тенденций, опираясь на данные нашей картотеки. Многочисленные примеры подтверждают, что голофразис существует как один из способов словообразования, направленных на экономию речевых усилий. Говоря о речевой агрессии, констатируем, что данное языковое явление представляет собой анти-норму, фактор, оказывающий отрицательное эмоциональное воздействие на адресата, коммуникативную стратегию в ситуации конфликта. Столкновение культурных ценностей и убеждений привело к тому, что в Телеграм-каналах появилось большое количество этнофолизмов, которые мы считаем одним из способов проявления речевой агрессии. Мы смогли выделить основные тенденции реализации данных языковых единиц в современном медийном дискурсе и разделили их условно на четыре группы. Также рассмотрен и подтвержден примерами высокий лингвокреативный потенциал имен собственных в аспекте дисфемизации,

проанализирована коннотативная семантика антропонимов, получивших широкую известность во время специальной военной операции.

Перспективы исследования видятся нам в составлении словаря СВО, который позволит обобщить данные нашей картотеки и определить основную стратегию развития языка в ситуации межэтнического конфликта. Также стоит обратить внимание на деривационные характеристики новообразований типа *двухсотый-двухсотить-задвухсотить*, полагаем, что данная проблема будет решаться в нашей следующей работе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Власкина Т.Ю. Семантические и мотивационные основы для формирования неологизмов в тезаурусе по современному Донбассу / Т.Ю. Власкина // Донецкие чтения 2022: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Материалы VII Международной научной конференции, посвящённой 85-летию Донецкого университета (Донецк, 27–28 октября 2022 г.). – Том 4: Филологические науки. Часть 2 / под общей редакцией проф. С.В. Беспаловой. – Донецк: Изд-во ДонНУ, 2022. – С 8–10.
2. Ковынева И.А. Голофразис как способ экономии языковых усилий / И.А. Ковынева // Балтийский гуманитарный журнал, 2017. – Т 6. – № 4 (21). – С. 110–112.
3. Комарова В.В. Этнофолизм как элемент языка вражды / В.В. Комарова, Н.А. Осьмак // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки, 2020. – Вып. 5 (834) – С. 117–127.
4. Крюкова И.В. Аксиологическая коннотация имени собственного: динамический аспект / И.В. Крюкова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2019. – Том 12. – Выпуск 10. – С. 261–266.
5. Лысякова М.В. Лексико-грамматические свойства эвфемизмов (на материале политического дискурса) / М.В. Лысякова, А.А. Гаевая // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика, 2018. – Т.9. – №. 8. – С. 50–76.
6. Ляшенко И.В. Этнические прозвища украинцев в российской и украинской блогосферах / И.В. Ляшенко // Научный результат. Серия: Вопросы теоретической и прикладной лингвистики, 2014. – № 2. – С. 110–119.
7. Мирзоева Л.Ю. Словообразование в Интернет-Сети и проблемы экологии языка / Л.Ю. Мирзоева // Экология языка и коммуникативная практика, 2019. – № 2. – С. 26–34.
8. Нахимова Е.А. Критерии прецедентности имени собственного / Е.А. Нахимова. – Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина, 2011. – Т. 7. – Вып. 1. – С. 73–83.
9. Неренц Д.В. Telegram как перспективная площадка для СМИ в 2022 году / Д.В. Неренц // Донецкие чтения 2022: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Материалы VII Международной научной конференции, посвящённой 85-летию Донецкого университета (Донецк, 27–28 октября 2022 г.). – Том 4: Филологические науки. Часть 1 / под общей редакцией проф. С.В. Беспаловой. – Донецк: Изд-во ДонНУ, 2022. – С. 372–375.
10. Пешкова Н.П. Этнофолизмы как проявление потенциальной конфликтности реципиентов в процессе восприятия информации в интернет-дискурсе / Н.П. Пешкова, А.В. Моисеева А.С. Титлова // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики, 2018. – № 4. – С. 19–32.
11. Пушина Н.И. Язык войны vs язык мира / Н.И. Пушина, О.М. Пушин // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология, 2020. – Том 30, вып. 5. – С. 820–827.
12. Солганик Г.Я. Современная языковая ситуация и тенденции развития русского литературного языка / Г.Я. Солганик // Вестник Московского университета. Журналистика, 2010. – № 5. – С. 122–134.
13. Соловьева Д.В. Семантика противостояния в лексемах современных медиатекстов / Д.В. Соловьева // Вестник Нижегородского ун-та им. Н.В. Лобачевского, 2017. – № 3. – С. 247–253.
14. Соснина Л.В. Языковые особенности военного конфликта в медийном дискурсе / Л.В. Соснина // Вестник ДонНУ. Серия «Филология и психология», 2021. – № 3. – С. 3–8.
15. Чапаева Л.Г. Демократизация литературного языка: исторические параллели / Л.А. Чапаева // Международный научно-исследовательский журнал, 2013. – Вып. 3. – С. 119–121.
16. Шилина А.Г. Информационно-коммуникативная специальная операция: особенности функционирования прецедентных знаков Z, V, O в медиапространстве (на материале Telegram канала и VK-страницы Министерства Обороны Российской Федерации) / А.Г. Шилина, О.А. Субботина // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Филологические науки, 2022. – Том 8 (74). – № 3. – С. 167–177.

17. Яньян Ли. Прецедентное имя и его вторичные коннотации (на материале современных СМИ) / Ли Яньян // Мир науки, культуры, образования, 2020. – № 3(82). – С. 439–441.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Белорусский силовик https://t.me/belarusian_silovik
2. Военный Z Донецк <https://t.me/militarydonetsk>
3. Говорит Долгов <https://t.me/superdolgov>
4. Два майора https://t.me/dva_majors
5. Дмитрий Медведев https://t.me/medvedev_telegram
6. Енот из Херсона <https://t.me/EnotHersonVDV>
7. Империя очень зла <https://t.me/verysexydasha>
8. МИГ России <https://t.me/mig41>
9. Недоблогер <https://t.me/doblog>
10. Неофициальный Безсонов <https://t.me/NeoficialniyBezsonoV>
11. Петя Первый https://t.me/Petya_perviy
12. Раньше всех. Ну почти. <https://t.me/bbbreaking>
13. Репортер Руденко <https://t.me/RtrDonetsk>
14. Ридовка <https://t.me/readovkanews>
15. Салобой <https://t.me/SALOBOY>
16. Сладков + https://t.me/Sladkov_plus
17. Старше Эдды <https://t.me/vysokygovorit>
18. Тройка <https://t.me/rustroyka1945>
19. ЧП Донецк https://t.me/chp_donetska
20. Fighterbomber https://t.me/fighter_bomber

Поступила в редакцию 11.12.2023 г.

LINGUISTIC ASPECT OF SPECIAL MILITARY OPERATION

L.V. Sosnina

The article deals with the peculiarities of the emergence and functioning of new-formations encountered in Telegram channels and related to a special military operation. The linguistic approach to the SMO study is very relevant and natural, since any social changes have a significant impact on the current linguistic situation. The material for the study is presented by the examples extracted by means of continuous sampling from several Telegram channels covering the SMO events. To systematize the data, we used the method of distributional analysis, which enables to trace the relationship between the studied linguistic units and their contextual environment. The method of componential analysis made it possible to study the content component of linguistic structures. The method of logical comparison allowed to compare the existing concepts and to carry out theoretical justification. The holophrasis is considered as a way of word formation aimed at speech effort saving. One of the speech aggression manifestations is the use of ethnophaulisms, which serve for pejorative designation of racial and ethnic groups. The existing ethnic nicknames have been classified into four groups and described. A special focus has been made on proper names with a connotative component. According to the results of the study, Telegram channels reflect the current state of the language. Its new features are accounted for by the socio-political conditions and language situation. The high linguocreative potential of proper names related to famous political figures and countries has been confirmed. The research prospects are viewed in compiling the SMO dictionary.

Key words: holophrase, derivation, metaphor, nomination, speech aggression, semantics, word composition, structure, Telegram channels, ethnophaulism.

Соснина Людмила Васильевна.

Доктор филологических наук, профессор.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный технический университет».

Профессор кафедры английского языка.

E-mail: ludmilasosnina@gmail.com

Sosnina Ludmila Vasilievna.

Doctor of Philology, Associate Professor.
Donetsk National Technical University.

Professor of English Language Department.

E-mail: ludmilasosnina@gmail.com

УДК 81'33

ЯЗЫКОВЫЕ МАРКЁРЫ ЛЖИ В ФЕЙКОВЫХ СООБЩЕНИЯХ© 2023 *М.Ф. Шацкая**ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет»*

В настоящее время в мировой науке идет активный поиск объективных методик выявления лжи в речевых произведениях, в том числе и письменных, что обусловлено и нуждами практики: в связи с развитием интернет-коммуникации проблема выявления лжи в тексте приобрела особую актуальность. Дело осложняется тем, что валидных методик детекции лжи в речевых высказываниях пока не выработано, полученные данные зачастую противоречивы, хотя идет активный научный поиск языковых маркеров лжи. Это объясняется тем, что ложь – очень сложное и неоднородное явление и для ее идентификации необходимо учитывать целый ряд факторов: условия продуцирования лжи, степень подготовленности ложного высказывания, тему, жанр текста, форму речи (устная или письменная), особенности личности ее продуцента и некоторые другие. Наиболее часто в научных исследованиях лингвистов и психологов упоминаются следующие маркеры лжи: неревалентная информация, речевые ошибки и оговорки, тирады, уклончивые ответы и др. В статье представлены результаты исследования, направленного на выявление лингвальных маркеров неправдивых текстов фейковых сообщений во время проведения СВО. Обращается внимание не только на те или иные способы речевого воздействия на аудиторию посредством языковых единиц разных уровней, но и на стилистическую окраску используемых средств, степень обобщенности/конкретности их семантики и др.

Ключевые слова: вербальный маркёр, ложь, речевое воздействие, фейк.

Введение. Специальная военная операция, как известно, носит характер гибридных действий, что подразумевает использование оружия любого типа, включая информационное. Одним из видов последнего являются фейковые сообщения, имеющие целью молниеносного воздействия на широкую аудиторию.

В широком смысле «речевое воздействие» – это воздействие на индивидуальное и/или коллективное сознание и поведение, осуществляемое разнообразными речевыми средствами. В узком смысле под этим термином понимается использование естественного языка с целью построения сообщений, обладающих повышенной способностью воздействия на сознание и поведение адресата(ов) сообщения [14, с. 144]. Любое речевое воздействие направлено на то, чтобы адресат выбрал из числа гипотетических только тот поступок, который выгоден по тем или иным причинам адресанту. Нередко при этом используется ложь. Речевая продукция лжи – «намеренно созданный продукт мыслительной деятельности человека, искажённо (полностью или частично) отражающий действительность» [25, с. 346].

Многие ученые заняты сейчас разработкой специальных методик, помогающих распознать ложь в поведении человека или его высказываниях (среди технических средств – всем известный полиграф). Однако невербальные и паравербальные маркеры не всегда дают точную квалификацию сказанному, часто они являются свидетельством определенного уровня стресса. Это послужило поводом к активному изучению вербальных маркеров лжи (вербальный маркер – «это вычленяемая, подлежащая формализации и дальнейшей параметризации языковая единица, указывающая на присутствие в тексте некоторого более сложного, не поддающегося параметризации явления. При этом общая для всех типов маркеров функция – появляться в тех же контекстах, что и некое искомое исследователями явление») [6, с. 94].

С середины 1960-х годов за рубежом на стыке практической психологии и судебной практики возникло специальное научное направление, изучающее вопросы выявления лжи в речи, – лингвистики лжи. Ввел в оборот термин *лингвистика лжи* немецкий психолог Удо Андеутш. Речевая продукция анализировалась с точки зрения истинности/ложности, а материалом служила транскрибированная устная речь. Для этого применялись технологии автоматической обработки языка (*natural language processing, NLP*) и методы математической статистики (см. об этом подробнее: [18]).

В отечественной науке первым стал изучать ложь как ментальное явление, имеющее свои законы, правила и принципы, А.Р. Лурия [20]. Речевым воплощением лжи занимался и А.А. Леонтьев, который уточнил понятия ложного речевого высказывания как такого речевого произведения, «в котором действительное положение вещей намеренно передается в искаженном виде» [16, с. 35].

Некоторые работы, связанные с тематикой лжи, в основном базируются на материале художественных текстов (см. [31], [24] и др.). Т.А. Литвинова, О.А. Литвинова и П.В. Середин посвятили свои исследования отдельным аспектам проявления лжи в письменном тексте (см. подробнее: [17; 18; 19]). По мнению А.В. Ленец, изучение лингвистического аспекта лжи в отечественной науке только начинает активно формироваться [15], но акцент на том, что людям нужны приемы, помогающие своевременно распознать ложь, был сделан еще 2005 г. В.И. Шаховским [31].

В 2012 г. американские ученые из SAS Institute разработали своеобразный детектор лжи – программное обеспечение для проверки текстов на правдивость. Проверить валидность данной программы невозможно, поскольку ее нет в открытом доступе.

Т.А. Литвинова и О.А. Литвинова в 2014 г. начали сбор так называемого «Банка лжи» в составе корпуса текстов Personality. Задача выявления маркеров лжи в письменном тексте решалась с использованием методов математической статистики. В ходе проведенного исследования были выявлены 4 наиболее важных критерия лжи:

- редкое использование личных местоимений, частое употребление местоимений для называния других людей;
- продуцирование максимально коротких предложений;
- употребление большого количества отрицаний;
- наличие общих слов и фраз, не несущих смысловой информации.

Конечно, нельзя утверждать, что та или иная языковая категория служит маркером лжи сама по себе. Должны учитываться также многие другие факторы: условия продуцирования лжи, степень подготовленности ложного высказывания, тему, жанр текста, форму речи (устная или письменная), особенности личности ее продуцента и др.

Цель статьи – проанализировать, какие маркеры лжи можно обнаружить в фейковых сообщениях, появившихся с февраля 2022 г.

В ходе исследования мы использовали материалы, представленные в Телеграм-канале «Война с фейками» [33].

Понятие фейковых новостей вошло в широкое употребление в 2017 году. *Фейковые новости* – «это сообщение, стилистически созданное как настоящая новость, но ложное полностью или частично» [26, с.150]. Синонимами данного явления также являются, по мнению Ю.М. Ершова, *дезинформация* и *вброс фальшивки* [10].

Исследователь С. Ильченко утверждает, что «фейковая новость – это альтернатива фактам и точным данным» [13]. С. Богданов понимает под фейком в медиа все сфальсифицированные события, сгенерированные таким образом, чтобы быть похожими на правду и привлечь максимальное внимание аудитории [4].

Клипное мышление, сформировавшееся в том числе под большим влиянием Интернета, стало толчком к иному профилю восприятия информации и распространению креолизованных текстов: «изображение-заголовок-текст» [32], что наблюдается и в фейковых сообщениях. В их основе лежит так называемый «wow-эффект», поскольку удивление – одна из самых сильных эмоций, заставляющая человека обратить внимание на то, что вам нужно [7]. Кроме того, фейкам свойственны дискредитация, манипулятивный характер, имитация объективности (наличие фактоидов (недостовверного или ложного суждения) [3] и создание «эффекта» легитимности) и ускользающий эффект (подробную классификацию разновидностей фейковых новостей (или как их еще называют – альтернативных фактов) представил отечественный исследователь А.П. Суходулов; см.: [26]). Даже в случае быстрого дезавуирования фейковой новости, она будет работать на психологию аудитории как манипуляция, тем самым влияя на общественное мнение, действуя тем самым разрушительно.

Во время острых международных конфликтов, касающихся непосредственно участвующих стран, вбросы работают на психологию аудитории гораздо активнее, поскольку в этот период обостряются чувства и эмоции обывателей, такая эмоциональная нестабильность дает возможность для манипулирования этим плохо управляемым потоком человеческой психики.

П. Экман [28] назвал два основных вида лжи – умолчание и искажение (несколько иная классификация у О. Фрая [27]). При умолчании наблюдается сокрытие истинной информации без сообщения ложной, при искажении предоставляется ложная информация, выдаваемая за истинную.

Н.Н. Панченко в своей докторской диссертации [23], исследуя параметры достоверности/недостоверности информации, отметила, что в ложных сообщениях происходит отказ от точности в пользу приблизительности (в частности маркеры, обозначающие «возможное соответствие/несоответствие действительности (проблемная достоверность): дискурсивы *вероятно, возможно, маловероятно, видимо* и др., их атрибутивные корреляты, предикаты неуверенности; служебные слова *будто, будто бы, как будто, якобы, вроде, как бы, типа, словно, точно*, служащие средством передачи субъективной модальности и выражающие мнимость, кажимость; неопределённые местоимения *кое-кто, кое-что, некто, нечто, некоторые* и т.д., различные аппроксиматоры, привносящие в высказывание семантику неопределенности, неточности и др.; ... способствуют понижению статуса достоверности: морфемы *квази-, псевдо-*; сослагательное наклонение; предикаты и вводные конструкции мнения-предположения *полагаем, считаем, думаю*, пропозитивные конструкции *по-моему, по утверждению N* и т.д.» [23, с. 21]), «отклонение в сторону информативной избыточности или недостаточности являются нарушениями информативной нормы и маркируются отрицательно. Иллюстрацией информативной недостаточности служат ответы тавтологического характера, к числу информативно избыточных примеров относятся вводные конструкции, речевые клише, излишняя детализация, чрезмерное многословие, прием «информационной перегрузки», виды и приемы демагогической риторики, уводящие от предмета обсуждения и старающиеся подать неинформативное высказывание в квазиинформативной упаковке [23, с. 11]. Кроме того, следует учитывать и базовую интенцию фейковых новостей – «игру на понижение лица» (в терминологии О.С. Иссерс) – дискредитацию.

С.Н. Котенко относит также к вербальным средствам речевого воздействия лгущего эмоционально нагруженную лексику, жаргонизмы, эмотивные синтаксические конструкции, а также метафоры, иронию и другие стилистические приемы. К лингвистическим особенностям речевого воздействия относятся разнообразные структуры предложений: императивные, инверсионные и вопросительные [14, с. 144].

Основная часть. В ходе исследования мы обнаружили следующие языковые маркеры, которые могут свидетельствовать о сомнительности информации.

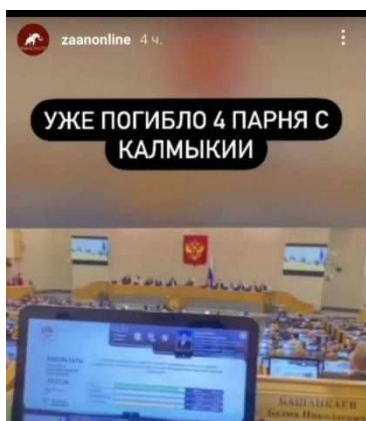

Рис. 1.

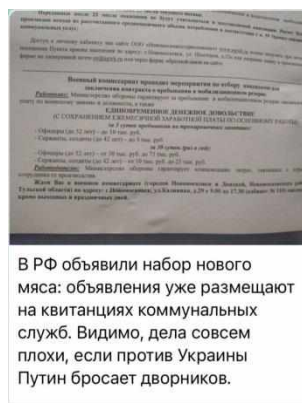

Рис. 2.

Стилистически маркированная лексика: *парни* (Рис. 1), *мясо* (*пушечное мясо* – ‘о солдатах, насильственно или бессмысленно посылаемых на смерть, на убой’ [21, т. 2, с. 320]), *рашисты* (оценочный дериват, относящийся к словообразовательному типу – *ПО суц. + -ист- = суц.* ‘лицо, исповедующее одну из ветвей идеологии нацизма/расизма: превосходство одной нации или расы над другой’; ср.: *фашист, расист, националист*). Играет роль также и прагматическая составляющая таких контекстов. Так, лексема *парень* употребляется обычно среди молодежи по отношению к близким людям (друзьям, возлюбленным). Это создает в фейковом сообщении нужные адресанту эмоции – жалость, сострадание, злость и даже ненависть по отношению к тем, кто причастен к смерти хороших людей.

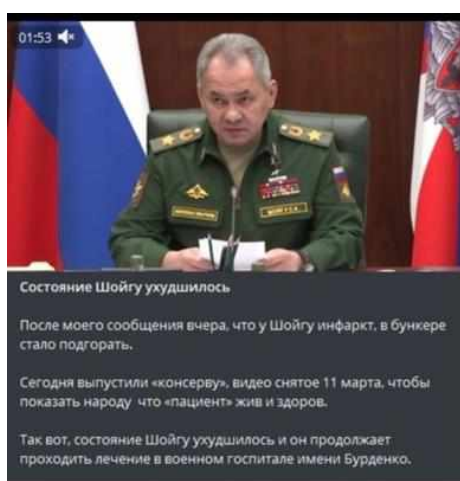

Рис. 3.

Рис. 4.

В следующих контекстах (Рис. 3 и Рис. 4) мы видим арготизм *предьява* (‘претензия, требование компенсации за мнимый или фактически причиненный ущерб,

требование исполнения каких-либо обязательств' [https://argo.academic.ru/4134/предьява]) и метафорическое употребление глагола *поджорать*, апеллирующего, возможно, к фразеологизму *пахнет жареным* – 'прост. экспрес. о грозящей опасности' [https://phraseology.academic.ru/8319/Пахнет_жареным].

Следующим маркёром лжи могут быть слова, имеющие широкую сочетаемость, например, лексема *метка* ('отличительный знак на ком-, чем-либо' [21, т. 2, с. 261]). В сообщении (Рис. 5) говорилось о том, что такие метки служат для маркирования мест, куда нужно наносить авиаудары. На самом деле это геодезические метки для измерения горизонтальных и вертикальных углов, которые можно встретить в любом населенном пункте.

Рис. 5.

Синтаксические конструкции (СПП или включающие вводные слова – Рис. 6 и Рис. 7), в которых указывается на неточный или сомнительный источник информации или ситуацию, также служили своеобразным маркером лжи. Кроме того, в сообщениях использовались глаголы настоящего времени с перенесением в план будущего (Рис. 8) либо гипотетичность (Рис. 9) передавалась, например, модальным глаголом *мочь* (см. о специфике этого глагола: [29]).

Рис. 6.

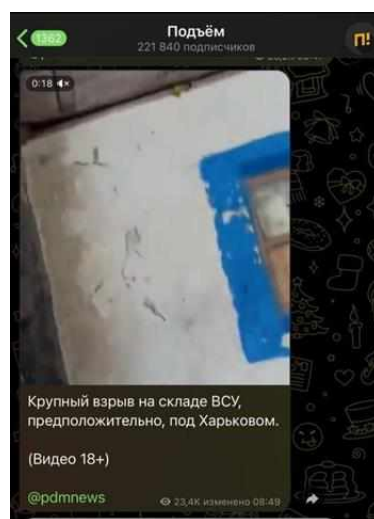

Рис. 7.

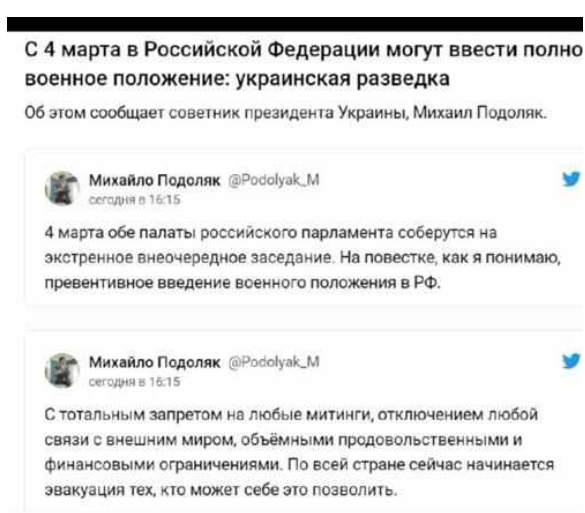
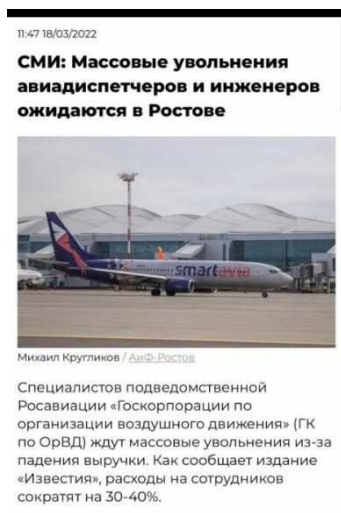

Рис. 8.

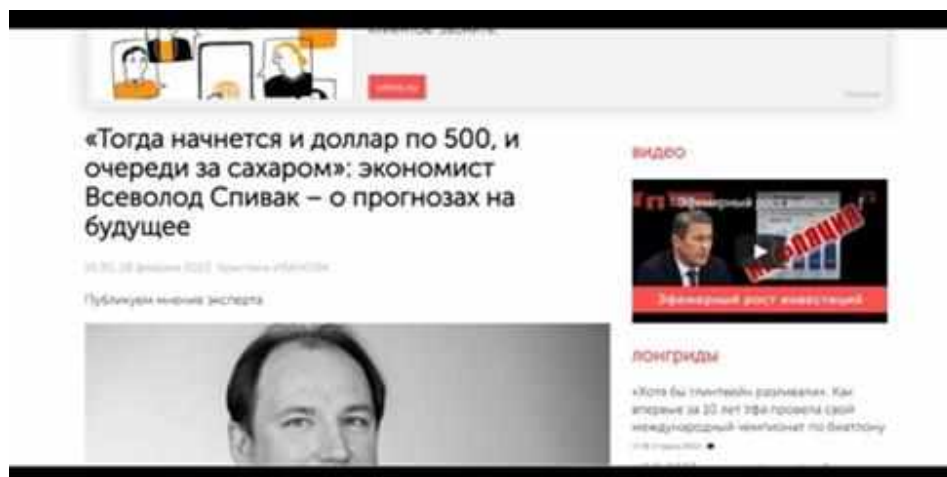

Рис. 9.

Побудительные конструкции (Рис. 10 и Рис. 11), в которых присутствует явный или скрытый антериорный императив. Он «характеризует событие как имеющее предваряющий характер и предшествующее какому-то другому событию, которое еще не состоялось, но должно состояться вслед за первым» [1, с. 190].

Рис. 10.

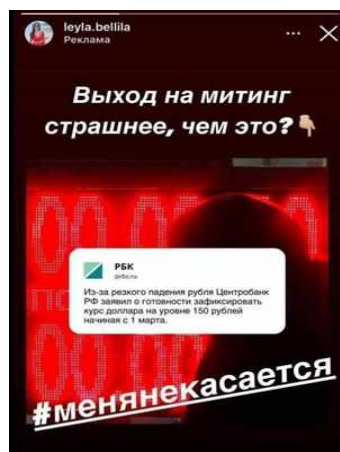

Рис. 11.

Еще одним лексико-грамматическим средством, свидетельствующим о недостоверности информации, может быть индикатив (Рис. 12), причем наличие формы глагола прошедшего времени, сообщающего об уже свершившемся страшном событии, усиливает эмоциональность контекста.

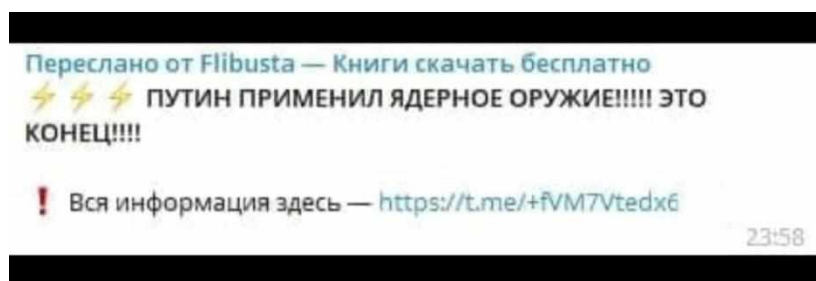

Рис. 12.

Инверсия и/или парцелляция (Рис. 13) акцентирует внимание на нужных адресанту смыслах. Кроме того, мы видим аллюзию к поговорке *вот тебе, бабушка, и Юрьев день!* ('о неожиданно не сбывшихся надеждах, внезапных переменах к худшему; резком ограничении свободы действий' [https://frazeolog_ru.academic.ru/75/вот_тебе%2С_бабушка%2С_и_Юрьев_день%21]):

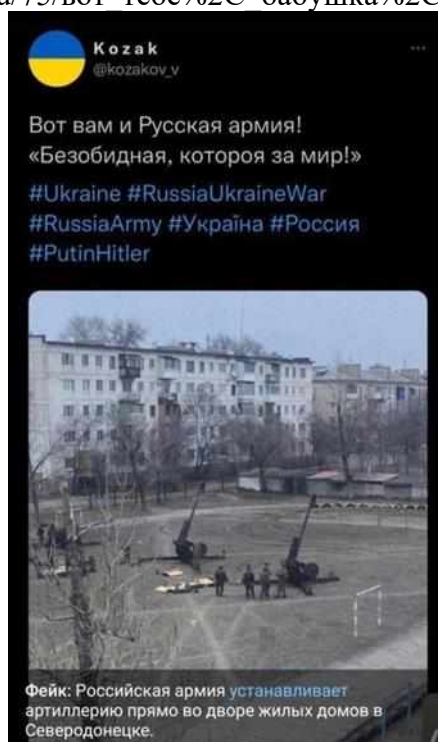

Рис. 13.

Графические маркеры (строчная буква для имен собственных) тоже наблюдаются во многих фейках (Рис. 14 и Рис. 15). Так, мы можем увидеть написание аббревиатуры Российской Федерации со строчных букв. Кроме того, используется прецедентный оним *Мордор* как наименование России (аллюзия: отсылка к трилогии Дж. Толкиена «Властелин колец»; *Мордор* – область королевства Темного Властелина Саурона). В другом фейке мы видим синтаксические эмотивы (восклицательные предложения), в

одном из которых есть и лексический эмотив во фразе *Сбербанк онлайн лежит!* (лежит, как повернутый боец).

Рис. 14.

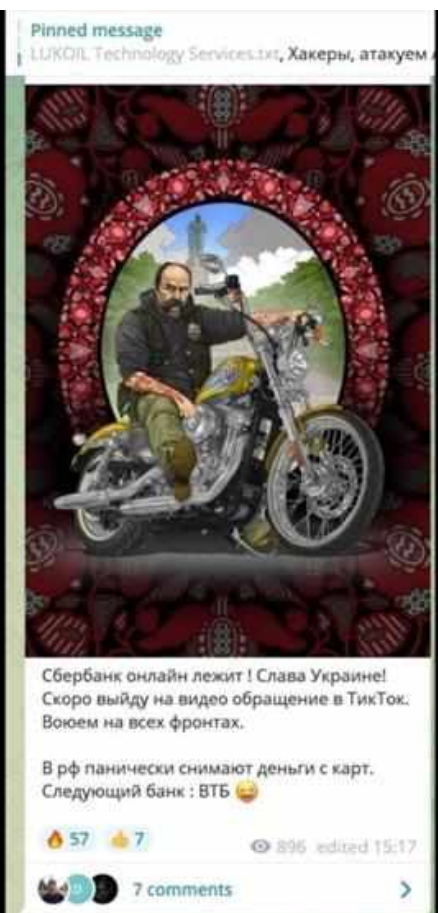

Рис. 15.

До сих пор еще не завершилась интернет-акция «НЕТ войне!» (Рис. 17 и Рис. 18), которая была активно развернута в соцсетях буквально с первых недель СВО. Рассмотрим этот феномен подробнее. Во-первых, подобный лозунг не раз использовался в истории разных стран, когда прогрессивное человечество призывало закончить миром тот или иной военный конфликт. Однако в период проведения СВО этот лозунг активно использовался украинскими и другими иностранными СМИ для того, чтобы посеять вражду и хаос в обществе, разобщить людей, разжечь мятежные настроения. Ставка была на известный приём манипулирования, который у Е.И. Ножина получил именование «сверкающие обобщения»: «при помощи красивых слов «свобода», «патриотизм», «демократия» пытаются уйти от насущных проблем» [22, с. 272]. Кроме того, присутствует лексема *НЕТ*, известная своей морфологической неопределенностью и достаточно ёмкой семантикой (см. об этом подробнее: [5], [2, с. 64–65], [30], [9], [11], [21] и др.) В совокупности с этими средствами в фейках использовались различные побудительные высказывания, выраженные инфинитивными и неполными восклицательными предложениями, морфологическим императивом со значением «совместного действия», специфика которого заключается «в том, что множество «каузируемых» не совпадает с множеством исполнителей искомого действия» [8, с. 43].

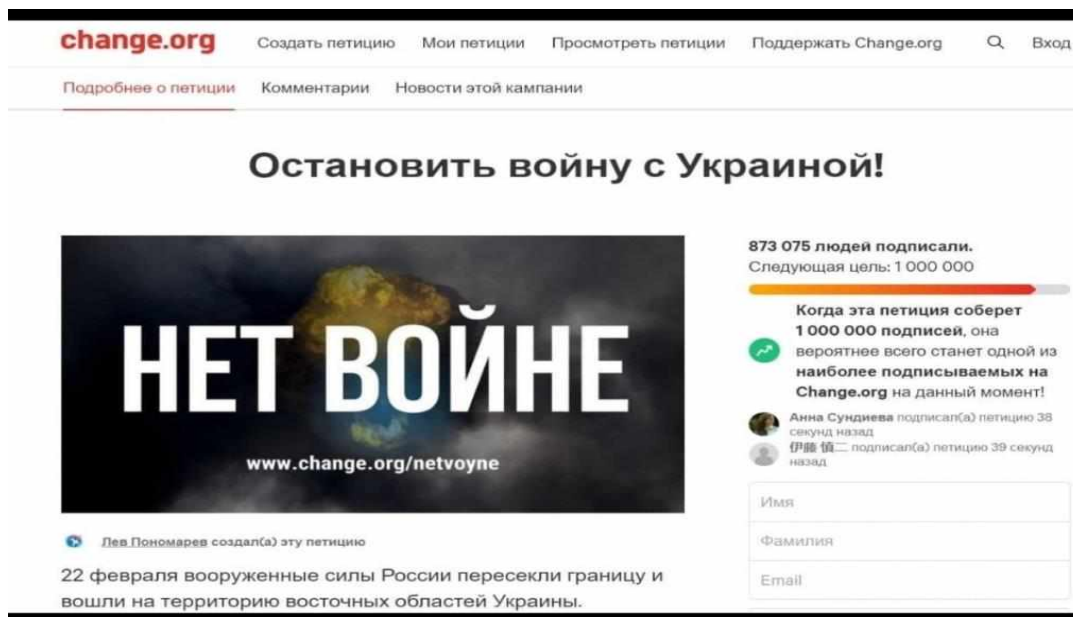

Рис. 16.

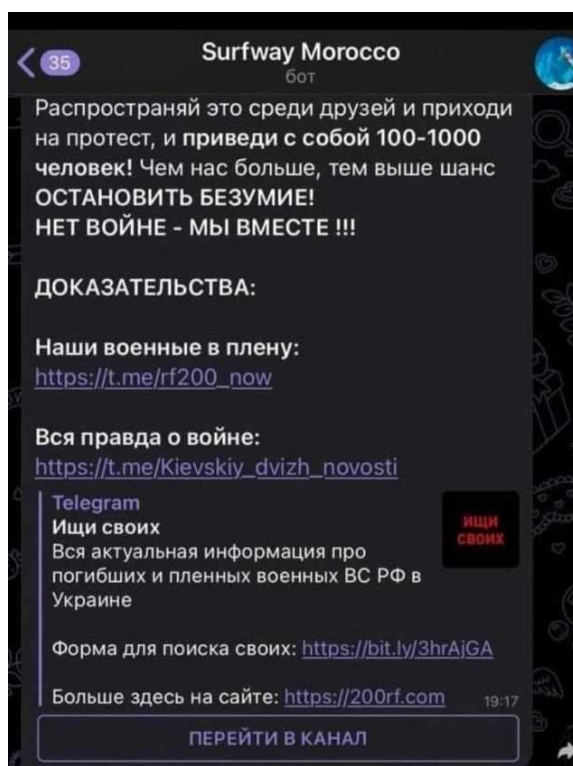

Рис. 17

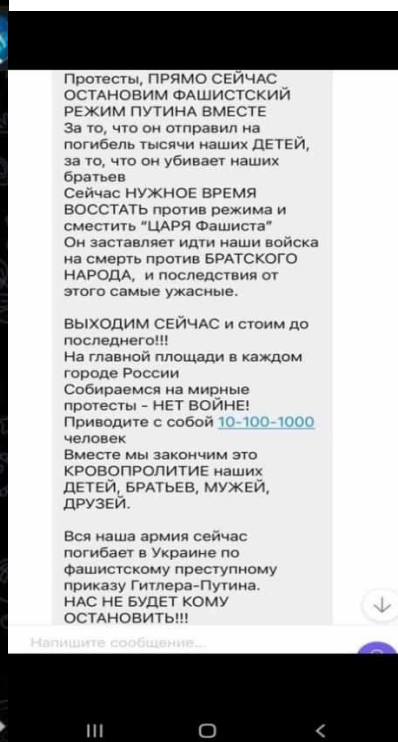

Рис. 18.

В официальных новостях редко можно встретить ошибки различного рода, однако в фейковых они стали маркёром-нормой недостоверности. Так, помимо перечисленных выше средств (синтаксических эмотивов (восклицательные предложения), стилистически маркированной лексики – *уроды*, аллюзии к произведению Дж. Толкиена), мы видим еще искажение орфографии – *по-русски* (Рис. 19).

Рис. 19.

Заключение. В ходе исследования, направленного на выявление лингвальных маркеров неправдивых текстов фейковых сообщений во время проведения *СВО*, было обращено внимание на различные способы речевого воздействия на аудиторию посредством языковых единиц разных уровней, среди которых частотными оказались:

- стилистически маркированная лексика, заключающая отрицательную оценку,
- игра на степени гипотетичности информации или неопределенности ее источника,
- грамматическая специфика – различные императивные конструкции, отражающие побуждение непрямыми императивами, а также отличающиеся имплицитным характером различных призывов (к мятежу, нарушению общественного порядка и пр.).

Все найденные в ходе исследования приёмы так или иначе базировались на известном механизме убеждения/манипулирования, описанном Е.Н. Зарецкой [12, с. 88]: стадия вытеснения системы взглядов оппонента, на которой для расшатывания доверия использовалась массированная «атака» фейками, сменила далее стадией замещения, во время которой стали появляться фейки, формирующие определенную идеологическую базу тем, кто поверил в «правдивую ложь».

Таким образом, перспективами нашей работы можно считать исследование второй волны фейковых новостей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аксенова И.С. Грамматика языка аква / И.С. Аксенова, И.Н. Топорова. – М.: УРСС, 2002. – 335 с.
2. Бархударов С.Г. Грамматика русского языка / С.Г. Бархударов. – Ч. 2. – Синтаксис. – М.: Академия наук СССР, 1960. – 1858 с.
3. Белоедова А.В. О фактах и фактоидах в современных журналистских текстах / А.В. Белоедова // Научные ведомости. Серия: Гуманитарные науки. – 2015. – Вып. 28. – № 24 (221). – С. 90.
4. Богданов С.В. «Мерцающие» события: особенности фейковых новостей и их место в стратегических коммуникациях / С.В. Богданов. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://jf.spbu.ru/upload/files/file_1491298191_5825.pdf (дата обращения: 15.11.2023).

5. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове / В.В. Виноградов. – М.: Высш. шк., 1986. – 300 с.
6. Горностаева Ю.А. Опыт выявления вербальных маркеров психологических и когнитивных процессов в лингвистике: к истории вопроса / Ю.А. Горностаева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2018. – № 8 (86). – Ч. 1. – С. 91–94.
7. Григорян М. Пособие по журналистике / М. Григорян. – М.: «Права человека», 2007. – С. 115.
8. Гусев В.Ю. Типология специализированных глагольных форм императива: дис. ... доктора филол. наук. : спец. 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» / В.Ю. Гусев. – Москва, 2005. – 296 с.
9. Добровольский Д.О. 500 способов сказать «нет» (русско-немецкие соответствия) / Д.О. Добровольский, И.Б. Левонтина // Логический анализ языка. Ассерция и негация / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. – М., 2009. – С. 400–410.
10. Ершов Ю.М. Феномен фейка в контексте коммуникационных практик / Ю.М. Ершов – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://journals.tsu.ru/uploads/import/1674/files/52_245.pdf (дата обращения: 18.11.2023).
11. Зализняк А.А. Грамматический словарь русского языка / А.А. Зализняк. – М., 1987.
12. Зарецкая Е.Н. Риторика: Теория и практика речевой коммуникации / Е.Н. Зарецкая. – М.: Дело, 2002. – 480 с.
13. Ильченко С.Н. Фейковая журналистика как элемент современной шоу-цивилизации / С.Н. Ильченко. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26317610> (дата обращения: 18.11.2023).
14. Котенко С.Н. Приемы речевого воздействия лгущего человека на собеседника / С.Н. Котенко // Ложь: типы и средства выражения: монография / под науч. ред. канд. пед. наук Т.И. Леонтьевой; канд филол. наук О.Н. Гнездечко; Владивостокский государственный университет экономики и сервиса. – Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2018. – 188 с. – С. 140–153.
15. Ленец А.В. Коммуникативный феномен лжи: лингвистический и семиотический аспекты : дис. ... д-ра филол. наук / А.В. Ленец. – Ростов-на-Дону, 2010. – 392 с.
16. Леонтьев А.А. Речь в криминалистике и судебной психологии / А.А. Леонтьев, А.М. Шахнарович, В.И. Батов. – М.: Наука, гл. ред. Вост. лит., 1977. – 62 с.
17. Литвинова Т.А. Поиск признаков лжи в письменном тексте: современные методы и подходы / Т.А. Литвинова, П.В. Середин // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии: материалы XXIV Международной заочной научно-практической конференции [10 июня 2013 года]. – Новосибирск : СибАК, 2013. – С. 126–133.
18. Литвинова Т.А. Исследование лингвистических характеристик текстов, содержащих намеренно искаженную информацию, с помощью программы LINGUISTIC INQUIRY AND WORD COUNT / Т.А. Литвинова, О.А. Литвинова // Вестник МГОУ. Серия: Лингвистика. – 2015а. – № 4. – С. 71–77.
19. Литвинова Т.А. Исследование текста на предмет наличия в нем намеренно искаженной информации: проблемы и перспективы / Т.А. Литвинова, О.А. Литвинова // Известия ВГПУ. – № 2 (267). – 2015б. – Гуманитарные науки. Филологические науки. – С. 189–192.
20. Лурья А. Экспериментальная психология в судебно-следственном деле / А. Лурья // Советское право. – 1927. - № 2 (26). – С. 84–100.
21. МАС – Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М., 1981 – 1984.
22. Ножин Е.А. Основы советского ораторского искусства / Е.А. Ножин. – М.: Издательство «Знание», 1973. – 352 с.
23. Панченко Н.Н. Достоверность как коммуникативная категория: автореф. дис. ... д-ра филол. наук : спец. 10.02.19 – теория языка / Н.Н. Панченко. – Волгоград, 2010. – 45 с.
24. Панченко Н.Н. Средства объективации концепта «ОБМАН» (на материале английского и русского языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.20 - сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание / Н.Н. Панченко. – Волгоград, 1999. – 20 с.
25. Потапова Р.К. Язык. Речь. Личность / Р.К. Потапова, В.В. Потапов. – М.: Языки славянской культуры, 2006. – 496 с.
26. Суходолов А.П. «Фейковые новости» как феномен современного медиапространства: понятия, виды, назначение, меры противодействия / А.П. Суходолов // Вопросы теории и практики журналистики. – 2017. – Т. 6. – № 2. – С. 151.
27. Фрай О. Детекция лжи и обмана / О. Фрай. – М: Прайм-Еврознак. 2005. – 320 с.
28. Экман П. Психология лжи / П. Экман. – С-Пб.: Питер. – 2015. – 304 с.

29. Холодилова М.А. Грамматикализация русских модальных глаголов / М.А. Холодилова. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/grammatikalizatsiya-russkih-modalnyh-glagolov/viewer> (дата обращения: 18.11.2023).

30. Чеснокова Л.Д. Русский язык: Трудные случаи морфологического разбора / Л.Д. Чеснокова. – М.: Высш. школа, 1991. – 192 с.

31. Шаховский В.И. Человек лгущий в реальной и художественной коммуникации / В.И. Шаховский // Человек в коммуникации: аспекты исследования. – Волгоград, 2005. – С. 173–204.

32. Шевченко В.Э. Визуальный контент как тенденция современной журналистики / В.Э. Шевченко // Медиаскоп. – 2014. – Вып. 4. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mediascope.ru/node/1654> (дата обращения: 17.11.2018)

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

33. Война с фейками. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://t.me/warfakes> (дата обращения: 18.11.2023).

Поступила в редакцию 11.12.2023 г.

LANGUAGE MARKERS OF LIE IN FAKE MESSAGES

M.F. Shatskaya

Currently, the world of science is actively searching for objective methods of detecting lies in speech works, including written ones, which is accounted for by the needs of practice. Due to the development of Internet communication, the problem of detecting lies in the text has acquired a special relevance. The matter is complicated by the fact that valid methods of lie detection in speech utterances have not been developed yet. The data obtained are often contradictory, although there is an active scientific search for linguistic markers of lies. This is due to the fact that a lie is a very complex and heterogeneous phenomenon. To identify lies, it is necessary to take into account a number of factors, among which are as follows: the conditions for the production of lies, the degree of preparedness of a false statement, the topic, the genre of the text, the form of speech (oral or written), its producer's personality characteristics and some others. The following lie markers are most often mentioned in scientific research by linguists and psychologists: irrelevant information, speech errors and slips, tirades, evasive answers, etc. The article presents the results of a study aimed at identifying linguistic markers of fake text messages produced during the SVO. The focus is made not only on certain ways of speech influence on the audience through linguistic units of different levels, but also on the stylistic colouring of the means used, on the degree of generalization / concreteness of their semantics, etc.

Key words: verbal marker, lie, speech effect, fake.

Шацкая Марина Федоровна.

Доктор филологических наук, профессор.
ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный
социально-педагогический университет».
Профессор кафедры русского языка и методики его
преподавания.
E-mail: marina.schatzckaya@yandex.ru

Shatskaya Marina Fyodorovna.

Doctor of Philology, Professor.
Volgograd State Socio-Pedagogical University
(VSSPU).
Professor at Department of the Russian Language and
its teaching methods.
E-mail: marina.schatzckaya@yandex.ru

УДК 81'373.421

СОПОСТАВЛЕНИЕ АБСОЛЮТНЫХ СИНОНИМОВ В РУССКОМ И ПЕРСИДСКОМ ЯЗЫКАХ: ДЕНОТАТИВНЫЕ СФЕРЫ «ПИЩА» И «АРХИТЕКТУРА»

© 2023 А.К. Голандам

Гилянский государственный университет г. Решт, Исламская Республика Иран

Абсолютные синонимы как в основном явление синхронное для языка может бытовать во всех его сферах. Данное исследование посвящено контекстуально-ситуативному анализу абсолютных синонимов русского языка в сопоставлении с персидским языком в синхронном отрезке времени. Особое внимание уделяется заимствованным синонимам из западноевропейских стран, вошедших в русский и персидский языки и образующие в этих языках абсолютные (полные) синонимы, которые не отличаются друг от друга ни семантикой, ни сферой употребления и стилистической принадлежностью, ни отношением к активному и пассивному словарю. Русский и персидский языки с каждым днем пополняются новыми словами и заимствованиями в основном из западноевропейских языков. Если данный процесс в прошлом охватывал в основном научную терминологию, то на сегодняшний день это явление можно увидеть во всех сферах языка. В свою очередь на синхронном отрезке времени данное явление требует особого внимания.

Ключевые слова: абсолютные синонимы, русский язык, персидский язык, словарь, заимствование, западноевропейский, терминология, семантика.

Проблема семантического усвоения лексики и его употребления является одной из главных проблем для иранских студентов при изучении русского языка, в частности семантического тождества абсолютных синонимов. Абсолютные синонимы, указывая на одно и то же понятие и имея одинаковое лексическое значение, зачастую различаются своей экспрессивной окрашенностью, закреплённостью за определённым стилем, степенью употребительности. При этом многие абсолютные синонимы не отличаются друг от друга ни лексическим значением, ни экспрессивной окрашенностью. Синонимы абсолютные – это слова, полностью совпадающие по значению и употреблению с возможным расхождением в сочетаемости, например *бегемот – гиппопотам*, *азбука – алфавит*; *забастовка – стачка*; *самолет – аэроплан*, *орфография – правописание*, *номинативная – назывная*, *фрикативный – целевой* и т.д. К ним относятся также однокорневые образования, например *лукавость – лукавство*, *убогость – убожество*, *сторожить – стеречь* и т. д. В персидском языке к таковым относятся *фарханг – логатнаме (словарь)*, *келнекс – дасмалкагази (салфетка)*, *немад – самбол (символ)*, *фестивал – чаинваре (фестиваль)* и т.д. Абсолютные синонимы как в основном явление синхронное может бытовать во всех его идиомах. Данное исследование посвящено контекстуально-ситуативному анализу абсолютных синонимов русского языка в сопоставлении с синонимами персидского языка на синхронном срезе.

Денотативная сфера «пища»

نان باگت – نان فانتزی – французский багет.

В персидском языке существует тождественные синонимы *نان فانتزی* и *نان باگت* «французский багет». В персидском языке слово *نان فانتزی* «французский багет» обладает более широким лексическим значением и может указывать на все виды нетрадиционных выпечек хлеба, в основном во французском стиле. Тождественный

синоним *نان باگت* «французский багет» имеет более узкое значение и указывает на конкретный вид хлеба – длинное и тонкое хлебобулочное изделие, мягкое внутри, с хрустящей корочкой, часто припудренное мукой. У стандартного *багета* длина примерно 65 см, ширина 5-6 см и высота 3-4 см. В БСПЯС [9: 787] выражение *نان باگت* «французский багет» объясняется как «*نوعی نان دراز و لوله ای شکل*» «длинный и стреловидный вид хлеба», а синоним *نان فانتزی* «французский багет» толкуется как «*گفتگو*» *разг.* «вид хлеба приготовленный новым, нетрадиционным способом». Нужно отметить, что в персидском языке в бытовых ситуациях различия между синонимами полностью нейтрализуются: *خریدن دو قرص نان فانتزی یا باگت، خوردن نان باگت یا فانتزی* «купить две буханки французского багета, съесть французский багет». «*با مصرف نان های باگت قند خون افراد به میزان*» «при потреблении хлеба ‘багет’ уровень сахара в крови увеличивается от двух до трех раз» и «*قیمت نان فانتزی به شرایط تولید و عرضه وابسته است*» «*Цена на французский багет зависит от условий производства и поставок*». «*در فرآیند تولید نان*» «*В процессе производства Багетов используется сода в большом количестве*».

Тождественные синонимы *نان باگت* и *نان فانتزی* «французский багет» хотя иногда различаются лексическими смыслами, при употреблении в персидском языке имеют одинаковое употребление и значение, а также характеризуются возможностью взаимозамены.

Кетчуп – томатный соус – красный соус

В русском языке отмечается лексема *кетчуп*, которая имеет абсолютные синонимы *томатный соус* и *красный соус*. В словаре иностранных слов Крысина [7: 378] реалья *кетчуп* объясняется как «острый соус из помидоров с пряностями, добавляемый обычно к мясным блюдам». *Томатный соус* и *красный соус* также имеют подобное лексическое значение. Рассмотрим данные синонимы в примерах. Например, «*Смешайте майонез, сметану, томатный соус или неострый кетчуп и измельченные белки яиц*» и «*На крыльцо выскочил Регалар с поварешкой в руке. С поварешки капал красный соус. – Прятаться над*». В русском языке эти синонимы могут заменят друг друга в текстах.

В персидском языке, так же, как и в русском, так же часто употребляется наименование *کچاپ* «кетчуп». С этим именем можно сопоставит абсолютные синонимы *سس گوجه فرنگی* «томатный соус», *سس قرمز* «красный соус». В БСПЯС [9: 457] лексема *کچاپ* «кетчуп» объясняется как «*نوعی سس غلیظ که معمولاً مواد اولیه آن گوجه فرنگی است*» «один из видов густых соусов, основным компонентом которого являются помидоры». В Википедии свободном словаре толкуется как «*سس کچاپ و یا سس قرمز نوعی سس است که معمولاً از گوجه فرنگی*» «кетчуп или красный соус – один из видов соусов, приготовленный из спелых помидоров». В обиходном употреблении в персидском языке можно встретит все три синонима. Все они равно употребительны и способны на полную взаимозамену. Это дает нам основание считать лексему *کچاپ* «кетчуп» и тождественные синонимы *سس گوجه فرنگی* «томатный соус», *سس قرمز* «красный соус» абсолютными синонимами в персидском языке. В русском языке также слова *кетчуп*, *томатный соус* и *красный соус* можно считать абсолютными синонимами.

Сэндвич - закрытый бутерброд

Реалья сэндвич также употребляется и в русском языке, и в персидском. В Википедии реалья «сэндвич» объясняется как «Разновидность бутерброда. Состоит из двух или нескольких ломтиков хлеба (часто булки) и одного или нескольких слоёв мяса и/или других начинок», а закрытый бутерброд объясняется как «В кулинарии бутерброды делятся на открытые и закрытые, которые в свою очередь получили название *сандвич* («сандвич»)». В БТСРС реалья *сандвич* толкуется как «Кушанье,

представляющее собой два сложенных вместе ломтика хлеба с маслом, сыром, колбасой и т.п. между ними, обычно употребляется для утоления чувства голода в перерывах между приемами пищи». В БСРЯ реалья «сэндвич» объясняется как «бутерброд из двух ломтиков хлеба с какой-либо прослойкой». Рассмотрим данные синонимы в примерах: *В первую очередь, потому что это обязательно теплый сэндвич и его готовят при вас и Закрытые бутерброды делают с теми же продуктами, что и обычные бутерброды, Закрытые бутерброды (сандвичи) готовят из двух тонких ломтиков пшеничного хлеба.*

Как видно из примеров и лексического толкования слов *сэндвич* и *закрытый бутерброд*, эти лексемы можно считать абсолютными синонимами, так как они способны взаимозаменяться и сочетаться с одними и теми же словами и выражениями в различных текстах.

Хот-дог – сосиски

В словаре синонимов Трещина слово *хот-дог* объясняется как «сосиски», а слово в качестве синонима *сосиски* дается «хот-дог». В словаре иностранных слов экзотизм *хот-дог* толкуется как «булочка с вложенной в нее горячей жареной сосиской». В ВСЭ данная реалья толкуется «булка с сосиской или колбаской, приправленной кетчупом либо горчицей и иногда овощами (свежими, маринованными или жареными), зеленью, сыром или беконом». Рассмотрим тождественные синонимы в примерах: *Бруно вынул из кармана нечто действительно очень для него родное, целый хот-дог с щедрой нашлепкой из горчицы и маринованных огурчиков и В одной сковородке или противне можно разместить завернутые по отдельности картофель, рыбу, сосиски, кусочки курицы.*

Так же данные реалии, *هات داگ* и *سوسى* «хот-дог» можно встретит и в персидском языке. В персидском языке экзотизм *هات داگ* «хот-дог» в словаре толкуется как «ساندويچ» (сэндвич с горячей сосиской). В ВСЭ объясняется как «هات داگ ساندويچى گرم» (شامل سوسيس (معمولاً فرانكفورتر) طبخ شده -به صورت بخار پز يا گريل شده (آتش پز)- و نان فانتزى نرم مخصوص هات داگ است که به آن کاهو سس خردل سس کچاپ و ادويه جات نیز زده می شود و انواع و اندازه های مختلفی دارد «горячие бутерброды с сосисками (обычно Франкфуртер)», запеченные на гриле или на пару с булочками для хот-догов. Также добавляется салат, соус, горчичный кетчуп специй. Имеет разные типы и разные размеры». В БСПЯС эта реалья объясняется как «Один из видов сосиски, которое употребляется для приготовления бутерброда». Например, «یک مرد ژاپنی که با بلعیدن چندین «. هات داگ در عرض چند دقیقه یک رکورد جهانی بر پا کرده بود، به خاطر تمرین فشرده دچار آسیب شدید فک شد». *Японец, который проглотил несколько горячих сосисок в считанные минуты, установив мировой рекорд, тяжело повредил челюсть из-за интенсивных тренировок и «. رییس سازمان غذا و دارو درباره مصرف افراطی و روزانه سوسیس و کالباس هشدار داد» Глава продовольственной и лекарственной организации, предупредил об опасности чрезмерного и ежедневного употребления сосисок и колбасы.*

Как видится из примеров и приведенных объяснений в русском и персидском языках слово *хот-дог* может заменяться синонимом *сосиски* и *سوسیس* (сосиски) в русском и персидском языках. Реалию *хот-дог* и *сосиски*, а также *سوسیس* (сосиски) в русском и персидском языках можно считать абсолютным синонимом.

Денотативная сфера «архитектура»

Отель – гостиница

В словаре синонимов Абрамова [9: 358] синоним *отель* толкуется отсылочно к слову «гостиница». В БТСРС [3: 735] слово *отель* толкуется как «то же, что гостиница»,

синоним *гостиница* в данном словаре объясняется как «учреждение, предоставляющее за плату меблированные помещения для временного проживания, а также некоторые услуги (уборку помещения, смену белья и др.)», а также трактуется через синоним «отель». В словаре синонимов Александрова [2: 467] синоним *гостиница* толкуется отсылочно к слову «отель», а синоним *отель* – отсылочно к слову «гостиница». В словаре синонимов Евгеньева [9: 201] синоним *гостиница* объясняется отсылочно к синониму «отель» и толкуется следующим образом: «Наиболее употребительным словом является *гостиница*; *отель* имеет то же значение, но употр., когда речь идет о гостиницах других стран и лишь изредка по отношению к гостиницам нашей страны». Рассмотрим примеры, «*Завтра утром жду тебя в аэропорту. А сейчас езжай в отель. Дома поговорим как следует*» и «*Да нет, этого не может быть! Погодите, какая гостиница? Откуда?!*». Также данные синонимы способны сочетаться с одинаковыми словами в разных предложениях. Например, «*Первый петербургский отель класса deluxe начнет работу в 2011 году, рассказал РБК daily генеральный директор компании-девелопера «Тристар Инвестмент Холдингс» Михаил Масалов*» и «*то есть если это не гостиница класса «люкс» в городе, где спрос только на три звезды*».

ورزشگاه – استادیوم «стадион»

В персидском языке существует абсолютная синонимическая пара *استادیوم* и *ورزشگاه* «стадион». В БСПЯС [9: 689] синоним *استادیوم* «стадион» указывается отсылочно к слову «ورزشگاه» «стадион», а слово *ورزشگاه* (стадион) объясняется как «مکانی معمولاً سرباز که تمرینات و «مسابقات ورزشی در آن انجام می شود و جایگاههای ویژه ای برای نشستن تماشاچیان در آن وجود دارد؛ استادیوم «обычно открытое помещение в котором проводятся тренировки и соревнования, которое включает места для зрителей; стадион». В ТСПЯМ [8: 563], ТСПЯА [11: 378] слово *استادیوم* «стадион», указывается отсылочно к синониму *ورزشگاه* «стадион». В ССПЯ [10:356] и ТСПЯД [5: 256] синоним *ورزشگاه* «стадион» также указывается отсылочно к слову *استادیوم* «стадион». В ТСПЯА [8: 535] синоним *ورزشگاه* «стадион» «جایی «محلّی که به ورزش اختصاص یافته . جایی «(مخصوص ورزش کردن . ورزشگاه . ورزشخانه . زورخانه . گود «обширная территория, как правило открытая для спортивных мероприятий с местами для зрителей. Оба синонима употребляются в одинаковых стилях и способны на взаимозамену, а также на одинаковое окружение. Например, «مدیر ورزشگاه آزادی اعلام کرد؛ ورودی پارکینگهای ورزشگاه آزادی در مسابقه «Директор стадиона Азади, объявил о бесплатной парковке стадиона Азади на матч между командами Персеполис и Трактор» и «جشن صعود فوتبال ایران به «Ceremonia в честь получения права футбола Ирана на участие в чемпионате мира состоится в среду 29 хордада 92 года на стадионе Азади».

Слова *استادیوم* и *ورزشگاه* «стадион», таким образом, в персидском языке составляют пару абсолютной синонимии и покрывают все её характеристики.

رستوران – غذاخوری «ресторан»

Синонимы *رستوران* и *غذاخوری* «ресторан», в персидском языке имеют тождественные лексические значения. Оба синонима имеют частотное употребление в персидском языке, и способны к взаимозамене. В БСПЯС [9: 688] синоним *رستوران* (ресторан) объясняется как «جایی که در آن غذا و نوشیدنی به مشتریان عرضه می شود» «Место, где клиентам предлагается еда и напитки», а синоним *غذاخوری* «ресторан» толкуется как «مکانی عمومی مانند رستوران که در آن غذا خورده می شود» «общественное место, как ресторан, где едят еду». В ТСПЯМ [8: 665] синоним *رستوران* «ресторан» толкуется как «جایی که در آن غذا «место для еды», а также через синоним «غذاخوری» «ресторан». В ССПЯ [10:883] синоним *رستوران* «ресторан» объясняется отсылочно слову «غذاخوری» «ресторан». В ТСПЯД [5: 478] слово *رستوران* «ресторан» толкуется как «جایی که در آن غذا»

«خورند» «Место для еды». В ТСПЯА [11: 865] слово *رستوران* «ресторан» толкуется как «جایی که در آن انواع نوشابه و اغذیه به فروش می‌رسد و مشتریان می‌توانند غذا را ...». В ТСПЯМ [8: 764] синоним *غذاخوری* «ресторан» толкуется как «(کافه ،)» «... مکانی معمولاً سرپوشیده برای خوردن غذا (کافه ،)». В ССАПЯ [10: 535] синоним *غذاخوری* «ресторан» объясняется отсылочно к слову «رستوران» (ресторан). Синонимы *رستوران* и *غذاخوری* «ресторан», могут употребляться вместо друг друга и сочетаться с одними и теми же словами. Например, «*زن گفت: بروید رستوران بیک*» «Женщина предложила пойти в ресторан, чтобы съесть что-нибудь. Пройдя через дверь и три лестницы в подвал, они вошли в столовую».

Монумент — памятник

В БТСРС [9: 348] слово *монумент* толкуется как «Произведение изобразительного искусства (архитектурное или скульптурное), представляющее собой сооружение, воздвигнутое в память о каком-л. историческом лице, событии», а так же через синоним «памятник». В *Тбилиси установлен монумент, посвященный двухсотлетию присоединения Грузии к России (Газ.)*, а синоним *памятник* толкуется как «То же, что монумент. *Разговорившись, мы подошли к памятнику Пушкину и уселись на бронзовые цепи, низко окружавшие памятник, который в то время еще стоял на своем законном месте, в голове Тверского бульвара...* (В. Катаев).

В СЕМ [12: 456] синоним, *монумент* толкуется как «архитектурное или скульптурное сооружение в честь какого-л. выдающегося события, какой-л. выдающейся личности; памятник. *Монумент Петру Первому*», а слово *памятник* толкуется как «архитектурное или скульптурное сооружение в память какого-л. лица, события. *Памятник Пушкину в Москве. Памятник В. И. Ленину. Памятник в честь освобождения страны*». В ШВЕД¹ слово *монумент* толкуется как «архитектурное или скульптурное сооружение в память о каком-н. историческом лице, событии», а синоним *памятник* толкуется как «скульптура или архитектурное сооружение в память кого-чего-н. (выдающейся личности, исторического события). *П. Пушкину. Надгробный п. П.-обелиск*». В СЕМ [12: 456] синоним *монумент* толкуется как «большое архитектурное или скульптурное сооружение в память об историческом лице, событии. *Величественный м. Соорудить, воздвигнуть м. в память о героях*», а слово *памятник* объясняется как «скульптурное или архитектурное сооружение в память выдающейся личности, исторического события. *Гранитный, мраморный, бронзовый п. Надгробный п. П.-обелиск. П. Петру I в Санкт-Петербурге. Поставить, воздвигнуть п. Открытие памятника (церемония представления его публике)*». В словаре ШВЕД и некоторых других синоним *монумент* указывается как книжный, но в большинстве словарях не указывается на другой стиль речи, и оба синонима даются без каких-либо указаний на стиль. В рассматриваемых нами примерах мы также не нашли каких-либо стилистических отличий при употреблении данных синонимов. Например, *Монумент Ленина сохранился до настоящего времени и Дальше стояло огромное здание — Дом Культуры и памятник Ленину указывал на него. Или Когда корабль ещё лежал на дне моря, этот человек уже поставил ему своеобразный памятник и Испанцы тоже хотят сделать небольшой монумент погибшим соотечественникам*.

Как видно из примеров, синонимы *монумент* и *памятник* способны на взаимозамену и сочетаемость с одинаковыми словами в предложении в одинаковых

¹ Ожегов, С.И.; Шведова, Н.Ю. Толковый словарь русского языка Издательство: ИТИ Технологии; М.: 2006 г.944 стр.

позициях, а также могут употребляться в одном стиле речи. На основе проделанного анализа можно считать пару *монумент* и *памятник* абсолютными синонимами.

تالار - سالن

Синонимы سالن и تالار «зал» в персидском языке составляют абсолютную синонимичную пару в значении «банкетный зал». В БСПЯС синоним سالن указывается отсылочно к синониму «سالن سینما، سالن عروسی، سالن نمایش» «Кинотеатры, свадебные залы, театры» и через синоним «تالار» «зал», а слово تالار толкуется как «اتاق بزرگی که از آن برای «برگزاری مهمانی ها، جشن ها و آیین های ویژه استفاده شود: تالار عروسی، تالار نمایش برای проведения банкетов, специальных праздников и ритуалов: свадебный зал, амфитеатр». В ТСПЯМ, ССАПЯ, ТСПЯА и СПЯС слово «سالن» «зал» толкуется отсылочно синониму تالار «зал». В ТСПЯМ, ТСПЯА и ССАПЯ синоним «تالار» (зал) объясняется через слово «سالن» «зал». Оба синонима способны на взаимопотребление и сочетание с одними и теми же словами. Например, «این مرکز در دوطبقه و از چهار بخش علمی- پژوهشی، آموزش، تالار و سالن» «Центр имеет два этажа и четыре подразделения в области научных исследований, обучения, зрительного зала и конференц-зала и современная цифровая библиотека». Как видно из объяснений и примера, данные синонимы способны на полную взаимозамену в одинаковых сочетаниях.

بوستان - پارک

Слова بوستان и پارک «парк» в персидском могут образовать пару тождественных синонимов. Нужно указать на то, что слово بوستان «парк» в персидском языке в древности употреблялось в значении «جایی که گلهای خوشبو در آن بسیار باشد» «место где растет много цветов». Сейчас в персидском языке в основном в разговорной речи в большинстве случаев употребляется слово پارک «парк» и синоним بوستان «парк». Синоним بوستان «парк» несмотря на свою древность сейчас не частотен в разговорной речи. В литературе можно встретить оба синонима. В БСПЯС синоним بوستان «парк» толкуется отсылочно к синониму پارک «парк». В данном же словаре синоним پارک «парк» объясняется как «گردشگاه عمومی، با فضایی وسیع و با وضعی نزدیک به طبیعت» «общественное просторное место, близкое по характеристикам к природе». В ТСПЯМ синоним بوستان «парк» толкуется как «باغ وسیع پر درخت برای گردش و شکار» «большой сад, полный деревьев предназначенный для прогулок и охоты». В ТСПЯА синоним پارک «парк» объясняется как «تفرجگاهی باغمانند با محوطه وسیع و پر درخت» «парк» толкуется как «باغی که دارای گل های فراوان باشد» «сад со многими цветами», а так же через синоним «پارک» «парк». В ССАПЯ синоним بوستان «парк» толкуется отсылочно синониму «پارک» «парк». Рассмотрим данные синонимы в примерах: «بوستان ملت با 34 هکتار به عنوان یکی از بوستان های بزرگ تهران محسوب می شود که طراحی پارک نامنظم را، به سبک پارک های Park Mellat площадью 34 га считается одним из самых больших парков Тегерана. Дизайн нерегулярного парка спроектирован, в английском стиле» или «پارک ملت که نام سابق آن بوستان شاهنشاهی است در شمال تهران و در منطقه ۳» «Парк Меллат, который именовался в прошлом парком Шаханшах, расположен на севере Тегерана в 3 районе». Как видно из примеров, оба синонима способны на взаимозамену и сочетание с одинаковыми словами. Нужно отметить, что синоним پارک «парк» употребляется значительно чаще по сравнению со словом بوستان «парк». В литературе синонимы پارک и بوستان «парк» имеют более равное употребление. Вопреки этому слова پارک и بوستان «парк» можно считать абсолютными синонимами.

В русском и персидском языках можно проследовать одинаковую тенденцию заимствования зарубежных синонимов и, в итоге, образования абсолютных синонимов. Заимствованные синонимы в основном американизмы или заимствованы из

западноевропейских языков. Тенденция заимствования в обоих языках имеет схожий характер. Выбранные заимствования для исследования и анализа частотны в обоих языках.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абрамов Н. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений / Н. Абрамов. – 7-е изд., стереотип. – Москва: Русские словари, 1999.
2. Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка. Практический справочник / З.Е. Александрова. – М.: Русский язык. 2011.
3. Бабенко Л.Г. Большой толковый словарь русских существительных / Л.Г. Бабенко. – АСТ-Пресс Книга, 2009.
4. Гурбанзаде Ф. Словарь Омида Хасана Омида, автор и редактор:, издатель: Ашджа, первое издание, 2009.
5. Деххода. Словарь Деххода. – Тегеран: Тегеранский университет, 1999. – 23199 с.
6. Евгеньева А.П. Словарь синонимов русского языка: В 2 т. Т. 1: С48 А–Н / ИЛИ РАН. – М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 680 с.
7. Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов / Л.П. Крысин. – М.: Эксмо, 2008. – 944 с.
8. Моэн М.А. Словарь / М.А. Моэн. – Тегеран.: Заррин, 2000. – 1816 с.
9. Нури Хассан, Фарханг Бозор Сохн, Тегеран: Сохн 2011, тома 1 и 8.
10. Ходапараста Фараджоллах Словарь синонимов и антонимов Паям Зан. – Мехр, 1376.
11. Amid Hasan, head of writing and editing: Farhad Ghorbanzadeh. Publisher: ASHJA, 1389.
12. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / Российская академия наук. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова; Под общей ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: "Азбуковник", 1998.

Поступила в редакцию 14.12.2023 г.

COMPARISON OF ABSOLUTE SYNONYMS IN RUSSIAN AND PERSIAN LANGUAGES IN DENOTATIVE SPHERES "FOOD" AND "ARCHITECTURE"

A.K. Golandam

Absolute synonyms, as a basically synchronous phenomenon for a language, can exist in all areas of language. This study is devoted to the contextual-situational analysis of absolute synonyms of the Russian language in comparison with the Persian language in a synchronous period of time. Particular attention is paid to borrowed synonyms from Western European countries that entered the Russian and Persian languages and form absolute (full) synonyms in these languages, which do not differ from each other either in semantics, or in the sphere of use and stylistic affiliation, or in relation to the active and passive vocabulary. The Russian and Persian languages are filled every day with new words and borrowings, mainly from Western European countries. If this process in the past covered mainly scientific terminology, today this phenomenon can be seen in all areas of language. In turn, in a synchronous period of time this phenomenon requires special attention.

Key words: absolute synonyms, Russian language, Persian language, dictionary, borrowing, Western European, terminology, semantics.

Голандам Араш Карим.

Доктор филологических наук, ассистент профессора.

Гилянский государственный университет г. Решт, Исламская Республика Иран.

Преподаватель.

E-mail: golandam@mail.ru

Golandam Arash Karim.

Doctor of Philology, Assistant Professor.

University of Guilan, Rasht, Islamic Republic of Iran.

Teacher.

E-mail: golandam@mail.ru

УДК 82-3

**ИМЕНОСЛОВ РОМАНА ОЛЬГИ ИПАТОВОЙ
«ЗОЛОТАЯ ЖРИЦА АШВИНОВ»**

© 2023 С.Ф. Бут-Гусаим, К.В. Свиридович

УО «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина»

В статье рассматриваются использованные в романе О. Ипатовой «Золотая жрица Ашвинов» антропонимы, являющиеся носителями ценной информации о материальной, духовной культуре и мировосприятии славян XIII–XIV веков. Анализ поэтонимикона осуществляется в русле лингвопрагматического и лингвокультурологического исследования художественной речи. Предмет исследования – культурно-исторические особенности поэтонимов в их связях и отношениях с фактами отечественной истории; жанровая специфика именослова исторической прозы Ольги Ипатовой. В работе проанализировано взаимодействие в именослове этого исторического периода языческого и христианского компонентов. Рассмотрена характерная для мифологического сознания креативная сущность имени, согласно которой имя играет дезидеративную роль, определяя существенные черты и судьбу индивида. Имена персонажей произведений О. Ипатовой были рассмотрены с точки зрения степени их смысловой активности. Выделены и проанализированы косвенноговорящие поэтонимы, а также онимы-реминисценции. Особое внимание уделялось осмыслению роли контекста в раскрытии смысловых и эмоционально-экспрессивных возможностей поэтонимов. Основными методами исследования являются метод сплошной выборки ономастических единиц, описательный, метод структурно-семантического и функционального анализа, контекстуальный анализ.

Ключевые слова: оним, поэтоним, антропоним, языческое имя, христианское имя, косвенноговорящее имя, имя-реминисценция, культурно-историческая функция имени.

Введение. Современная белорусская писательница Ольга Ипатова в романе «Золотая жрица Ашвинов» пишет: «Не каждому дается в жизни любовь, которая сильнее смерти, расстояния, препятствий. Но каждая женщина мечтает о ней, каждая хочет быть единственной – на все годы, которые отпустила Судьба, на все испытания, в счастье и несчастье» [2, с. 258]. Поиск женщиной Любви, любимого человека, своего предназначения на Земле – вечная тема в литературе. В исторической прозе Ольги Ипатовой рассказ о женской судьбе вплетается в повествование об одном из самых интересных и сложных периодов отечественной истории – времени правления князя Миндовга, эпохе стремительных перемен, когда формируется новое государственное образование – Великое Княжество Литовское. В это время происходит серьезная трансформация мировосприятия наших предков. Именно в этот период на наши земли приходит христианская религия как православного, так и католического образца и языческий культ постепенно прорастает в христианство. Писательница не только и не столько скрупулезно воссоздает факты и события прошлого. В произведении превалирует личностный аспект художественного осмысления событий истории. Сочетание реалистического отражения прошлого с художественной условностью, использованием мифологических элементов в постижении событий достигается за счет умелого использования О. Ипатовой одного из наиболее древних составляющих языка – имен собственных (онимов), являющихся ценным культурно-историческим памятником.

Имена, функционирующие в произведении, составляют **антропонимическое пространство** художественного текста. Термин антропонимическое пространство обозначает «совокупность всех антропонимов, употребляемых в языке определенного

этноса в определенный исторический период» [10, с. 131]. Писатель в именованном произведении передает и осмысливает реальный мир, действительность. Поэтому антропонимикон художественного текста является отражением определенного этноязычного имени, который объективно сложился и существует в ту или иную историческую эпоху. Создавая антропонимический мир художественного текста, автор выбирает соответствующие месту, времени, этнокультурному региону, в котором разворачиваются события, онимы.

Мир прошлого, созданный в романе, антропоцентричен: «Не столько сама история, сколько Человек в течении ее, показ Личности в острых столкновениях с проблемами своего времени становятся центральными в произведениях О. Ипатовой» [11, с. 98]. Ядро ономастического пространства романа занимают **антропонимы**.

На современном этапе развития литературной ономастики актуальным является вопрос культурно-исторического своеобразия поэтонимикона художественных произведений. Проблема отражения в поэтонимиконе человека не только как носителя языка, но и как хранителя определенной культуры, особого менталитета становится все более актуальной в современной лингвистике. Ономастикон исторической прозы Ольги Ипатовой пока не был объектом лингвокультурологического и лингвопрагматического исследования, чем объясняется перспективность представленной научно-исследовательской работы.

Жанрообразующая роль поэтонимов исторической прозы современных белорусских писателей была рассмотрена в следующих работах ономастологов. Именованное языческого периода исторических романов Зинаиды Дудюк проанализирован в монографии С.Ф. Бут-Гусаим [1]. Именованное периода взаимодействия канонических и языческих имён рассмотрено в работах И.М. Петрачковой, А.А. Шемет [5; 6; 12; 13]. Ономастикон эпохи господства канонического именованного, представленный в исторической прозе белорусских авторов, рассмотрен в исследовании А.А. Шемет [14]. Ономастическое пространство советского периода, отражённое в исторической прозе, проанализировано в работах С.В. Савчук, К.В. Свиридович [8; 9].

Научная новизна представленной работы состоит в том, что впервые на основе системного анализа поэтонимикона исторической прозы современной белорусской писательницы Ольги Ипатовой выявляется зависимость выбора, создания и функционирования имен от жанровых особенностей литературного произведения. Научную ценность имеет сам фактический материал, впервые введенный в научный обиход литературной ономастики и исследованный в лингвистическом и экстралингвистическом аспектах.

Практическая значимость исследования состоит в том, что его результаты могут найти применение в практике университетского преподавания таких дисциплин, как лингвокультурология, ономастика, лингвопрагматика, филологический анализ художественного текста. Теоретические выводы и ономастический материал, представленные в работе, могут быть использованы при составлении словарей поэтонимов современной белорусской литературы.

Научная значимость работы определяется тем, что ее основные положения могут быть использованы для дальнейшего развития поэтической ономастики. Полученные результаты расширяют научные знания о роли и месте поэтонимов в системе национальной ономастики, позволяют глубже познать их природу и специфику.

Основная часть. Цель представленной работы – систематизация структуры антропонимикона романа Ольги Ипатовой «Золотая жрица Ашвинов» с учетом исторических традиций славянского именослова.

Произведение В. Ипатовой интересно и примечательно сочетанием реальных фактов и личностей с персонажами и событиями, созданными воображением писательницы. Поэтому все использованные в произведении антропонимы мы можем разделить на две группы. Во-первых, это имена реальных исторических личностей, во-вторых, это именованья персонажей, созданных фантазией писательницы.

Ольга Ипатова повествует читателю о прошлом Отечества. Проводя главную героиню произведения сложными дорогами жизни по Германии и Византии, автор знакомит нас с событиями и фактами мировой истории. Поэтому на страницах произведения не раз упоминаются имена реальных исторических деятелей. В составе антропонимикона произведения можно выделить **имена-современники**, соответствующие времени действия романа: правителей тогдашних государств мира (славянских и балтских князей *Миндовга*, *Войшелка*, *Викинта*, *Едивила*, *Спрудейки*, *Земовита*, *Казимира*, княгинь *Марты*, *Яксы*, княжичей *Репли*, *Репеньи*, германского императора *Фридриха II*, византийского императора *Болдуина II*, саксонского герцога *Генриха Льва*, короля франков *Людовика IX*, хана *Мунке*), религиозных деятелей (магистра Ливонского ордена *Андрея фон Стирлянта*, папы *Иннокентия IV*, рижского епископа *Альберта*), поэтов (*Готфрида Вайсенбургского*, *Руми*).

В Новгородском княжестве сосуществовали язычество и христианство (католический и православный обряды), поэтому некоторые персонажи упоминаются под двумя именами (языческим и христианским). Так, красавица-жена Миндовга, ради которой новгородский князь убил ее мужа, князя Вышимунта и его братьев Едивила и Спрудейку, сначала носила балтское имя языческой богини любви *Милды*. Став княгиней новгородской, она получает славянское имя с той же семантикой: *Милена* (милая, любимая). Недаром горожане встречали новую княгиню криками «*Люба!*». Приняв католичество, княгиня начинает называться королевой *Мартой*. Дочь Миндовга называется языческим и христианским именами: *Ваверица-Елена*.

Динамизм романа достигается во многом за счет ретроспекции, обращения к прошлому героев. Из воспоминаний верховного жреца Святозара, боярина Агапия, комита Никифора читатель открывает для себя страницы истории Новгородского княжества, Византии, Китая, мусульманского мира. Поэтому в состав антропонимикона романа входят **имена-ретроспекции**, относящиеся ко времени, предшествующему основному действию произведения: властителей мировых держав (славянского князя *Изяслава*, византийских императоров *Болдуина I*, *Феофила*, *Зенона*, *Юстиниана*, *Константина V*, полководца *Алексея Стратигропула*, императрицы *Зои*, царицы Египта *Клеопатры*), деятелей мировых религий (*Иисуса Христа*, *Мухаммеда*, *Заратуштры*), ученых (*Аристотеля*, *Евклида*, *Льва Математика*).

Имена персонажей, созданных фантазией писательницы, отражают модели называния, существовавшие в древних славянских государствах. Такие имена выполняют функцию социальной характеристики. Представители высших сословий носят имена-композиции. Так, верховный жрец языческого храма Ашвинов-целителей носит имя *Святозар*, образованное путем основосложения на базе словосочетания «*святая заря*». Княжеские дружинники и бояре носят имена-композиции *Гастомысл*, *Ратибор*. В таких именах отражена древнейшая традиция **имяславия** – прославления человека с помощью специально созданных именованья. Христианская вера на Беларусь пришла как из Византии (православие), так и из Западной Европы

(католицизм). Часть баяр и княжеской дружины, принявшей христианство, имеет календарные имена (как римско-католические, так и византийско-православные формы), пришедшие из греческого, латинского, древнееврейского языков *Аганий, Анфия, Евлампия, Роман, Прокопий, Бартоломей*. Католический священник носит имя латинизированную форму календарного имени *Томаш*.

Одним из компонентов антропонимической формулы является **отчество**. «Отчество, или патроним, восходит к древнему именованию, которым называли человека по именам его предков по мужской линии» [4, с. 57]. Патронимы не просто выражали отношения родства, «они выполняли юридическую функцию, обозначая наследников представителей высших сословий» [7, с. 41]. Такая форма именованья использована для называния галицко-волынского князя *Данилы Романовича*.

Славянские по происхождению имена представителей низших сословий являются прозваниями, образуемыми на базе нарицательных существительных: названий растений и их частей (*Калина, Ива, Дубина*), животных и птиц (*Заяц, Векша (белка), Сова*), предметов быта (*Сермяжка*), наименований времени появления ребенка на свет (*Липец (июль)*). Они могут отражать характер человека (*Рада*). Имена могут указывать также на желательность рождения ребенка (*Ждан*). Часть представителей низших сословий носит народно-разговорные формы канонических имен (*Гринь, Микола*).

Главная героиня произведения попадает в разные страны, сталкивается с людьми разных национальностей и культур. Информацию об их национальной принадлежности несут иноязычные имена: немецкие (*Райнер, Руна, Элизабет, Хельга, Хильда, Тореса, Хэссен, Вульфил* и др.), чешские (*Яр, Вондржих*), тюркские (*Аварга, Кагедей, Фатима, Салим*) и др.

Отраженная в произведении архаическая модель мира предполагает тождество имени и природы его носителя. Для древнего человека имя было связано с глубинной сущностью личности. Постигание имени давало возможность разгадать суть его носителя. Согласно древним представлениям, имя оказывает активное воздействие на индивида, формирует его, предопределяет судьбу. **Дезидеративная (пожелательная)** роль имени выявляется в следующем диалоге персонажей романа:

– *Уна – это на древнем языке значит юная, – рассматривая девочку, задумался Святозар. – Имя свидетельствует о высокой судьбе, которая ее ждет.*

– *Разве имя может предрекать судьбу? – удивился Ждан. – Родители же дают его, как им захочется.*

– *Это не они выбирают, а судьба. Поэтому по имени тоже можно угадать предопределенность* [2, с. 12].

Многие из имен персонажей, созданных фантазией автора, являются говорящими онимами. По степени смысловой активности их можно отнести к **косвенноговорящим** поэтимам.

Косвенноговорящие имена имеют «затемненную» внутреннюю форму, для выяснения которой нужен контекст. Нередко контекстом выступает текст всего произведения, способствующий раскрытию характеристики, заложенной в поэтоне.

Значимость косвенноговорящих прозваний постигается путём глубокого осмысления художественных характеров, созданных писателем. Э.Б. Магазаник отмечал: «Такие имена – не табличка, заранее объясняющая читателю то, с кем он имеет дело, а аккомпанемент, звучащий только для чуткого уха. Постигнув подтекст такого имени, расшифровав тайные знаки авторской характеристики героя, мы обогатим свое восприятие художественного произведения» [3, с. 30].

Своеобразным предсказанием судьбы главной героини «Золотой жрицы Ашвинов» является ее имя **Живена**. Смысл поэтонима соотносится со значением слов *жизнь, живой, оживлять*. Девушка тонко чувствует человека, обладая редкой способностью исцелять духовные и телесные болезни, даря здоровье и *жизнь*. **Живена** спасает *жизнь* маленького мальчика, родители которого трагически погибают, становясь для ребенка настоящей матерью. Пережив тяжелые испытания судьбы, **Живена** посвящает свои способности и талант провидицы для лечения людей и укрепления их духа.

Особенностью мировосприятия **Живены** является видение окружающего мира как *живого*, имеющего божественное начало. Образом главной героини О. Ипатова утверждает идею одухотворенности окружающего мира, населённого волшебными существами и богами. Дуновение ветра, луч солнца, крик птицы являются проявлениями богов, духов, всемогущей Судьбы, светлых и темных сил, которыми наполнен окружающий мир и которые приносят человеку добро или несчастье, например: «*Богиня утренней зари Аушра стремительно вспорола своим мечом перину облаков, и по первому ее розовому следу потянулись на каменную башню жрецы*» [2, с. 10]; «*И опять в Живенином сне шевелил бесчисленными листьями священный Дуб, из дупла выглядывала прозрачно-светлая, в веночке из белых ромашек Ляля, а за нею толпились Русалки, и тонкие голоса наполняли пространство музыкой*» [2, с. 100]. Действенным, живым явлением для жрицы является слово: «*Непомерную силу имеет Слово! Оно останавливает кровь и наводит сон, овладевает ветром и насыляет град, находит в недрах клад и посылает уйму злыдней, а также, бывает, оживляет покойников. Есть слово вещее и слово мёртвое. О, как их учили в храме чувствовать СЛОВО! Учили помогать, отводить зло*» [2, с. 19].

Значимым, характеристическим является имя возлюбленного главной героини романа **Ждан**. «Говорящее» имя имеет влюбленный в Живену юноша, который дождался ответного чувства: «*Живена вспомнила взор Ждана, робкую улыбку на губах, которая так не подходила к его смелой, гордой фигуре. Увидела поклоны, которыми приветствовал при встречах, и румянец на щеках, внезапный и непреодолимый, которого явно стеснялся, вспомнила и удивилась сама своей слепоте. Взгляд молодого охотника нечаянно пронзил ее тоненькой серебряной иглой*» [2, с. 200]. Заканчивается произведение описанием момента ожидания главнейшего события в земной судьбе женщины: «*Небо раскинулось во всей своей могучей широте, звезды дрожали, передавая ей свое трепетание, и путь, словно полотно, был переброшен через плечо Ночи-сваты. И она почувствовала, что все то, что пережито и, возможно, еще придет в ее жизнь, уже окуплено этой минутой*» [2, с. 290].

Креативная (созидательная) функция названия, в соответствии с которой имя оказывает активное воздействие на человека, формирует его личность, предопределяет жизненный путь, проявляется в обычае переименования при переходе человека в иной статус. Сын Миндовга княжич **Войшелк**, постригшись в монахи, принимает имя своего духовного отца, старца **Елисея**. Принятие имени умершего было вызвано стремлением получить духовные качества погибшего старца. Смена имени связывается с изменениями характера княжеского сына, который смиренно посвящает свою жизнь переписыванию книг святых отцов и укреплению монастыря: «*Тайна Живениного рождения нашла Войшелка в монастыре, где смиренным монахом Елисеем переписывал он священные книги и работал в саду. Крестился Елисеем в честь убитого язычниками духовного наставника, и, если бы остался жив, нарадоваться не мог бы на него Елисей*» [2, с. 145].

В Византии, став приемной дочерью комита Никифора, покрестившись, Живена получает такое же имя, как и знаменитая белорусская просветительница – *Евфросинья*. Подобное имя можно отнести к **онимам-реминисценциям**. Употребление поэтонимов этого типа основано на «перенесении определенных черт лица, названного именем-оригиналом, на другой персонаж, по отношению к которому намеренно используется имя образа-"первоисточника"» [3, с. 11]. Подобно великой просветительнице, Живена переписывала книги и открыла школу при храме, учила детей, неся им свет человеческой и Божьей мудрости: *«Она неустанно заполняла страницу за страницей, описывая способы лечения. Писала не на санскрите – священном языке жрецов, а на языке старославянских просветителей Кирилла и Мефодия. Боялась, что не успеет передать свои знания детям. Главное, чтобы дети научились различать посылы светлых или темных сил, чтобы они преодолевали в себе и окружающих зло и стяжательство»* [2, с. 167].

Имя верховного жреца храма Ашвинов – *Святозар*, образованное на базе словосочетания 'святая заря', несет важную смысловую нагрузку. Служители храма поклоняются богине утренней зари Аушре. В храме постоянно горели священные костры, доносящиеся до богов просьбы верующих. Жизнь жреца озарена светом служения богам и человеку. Жрецы лечат людей, помогая им почувствовать гармонию с окружающим миром. Моральный императив служителя света высказывается в беседах Святозара с Живеной: *«Все ужасы жизни притягиваются самим человеком, и в себе, веря богам и светлому началу жизни, надо искать спасения. Держись света. Надо делать свое, настраивать душу в лад со светлыми струнами бытия»* [2, с. 20]. С верой в связь имени с природой индивида связан обычай давать имя в честь близкого человека, чтобы с именем передать ребенку качества носителя онима. Спасенный Живеной младенец получает имя *Святозар*: *«Казалось, что между мальчиком и великим жрецом Святозаром существует некая таинственная связь, и когда она порвется, никогда Живене не вернуться на Новгородчину»* [2, с. 200].

Греческое по происхождению имя героя романа *Аганий*, которое означает 'любовь', несет важную смысловую нагрузку. Огнепоклонник язычник Куп, веселый вой княжеской дружины, потеряв любимую Калину, которая сгорела во время вражеского набега, ищет опору в жизни, принимает крещение на Афоне и выбирает для себя новое имя – напоминание о потерянной **любви**. Дочери своей дает имя *Апфия* (от греч 'зажигать'), напоминающее об *огне* молодого трагического чувства, пронесенного через всю жизнь и вылившегося в **любовь** к потомкам, сохранившим дух Калины на земле: *«Ему бы остановить биение непослушного сердца, рванувшегося к маленькому розовому комочку плоти, из которого, как рассыпанные на склоне анютины глазки, смотрят бессмертные глаза его любви, которая, оказывается, никогда в нем не умирала»* [2, с. 99]. Светлая **любовь**, заложенная в имени, озарила судьбу христианина *Агания*, посвятившего свою жизнь служению Новгородскому княжеству и защите соотечественников. В последних словах *Агания*, обращенных к внучке Живене, звучит завет любить Отчизну: *«Тебе одно могу завещать: люби нашу землю, отдай ей лучшие силы души»* [2, с. 200]. Завет **любви** к Родине и землякам был выполнен Живеной и ее потомками: Ратибором, Гайной, Лозкой и Кужелем – героями следующих частей цикла произведений О. Ипатовой «Жрец Гедимины» и «Ольгердово копьё».

Большой интерес вызывают имена, связанные своим происхождением с животным и растительным миром. В таких прозваниях отражены отголоски тотемизма – веры в божественность растений и животных. Давая такие имена, родители выказывали определённые пожелания ребенку, начерчивая его жизненный путь.

В основе языческого имени *Сов* лежит название птицы, которая в народном сознании закрепились как символ знаний и мудрости, приобщения к душам предков. Недаром такое имя принадлежит одной из старейших жриц языческого храма богов-близнецов Ашвинов, помогающих людям прикоснуться к тайнам потустороннего мира.

Заключение. Поэтонимы романа О. Ипатовой «Золотая жрица Ашвинов» выполняют **культурно-историческую функцию**. Имена персонажей передают мировосприятие славян XIII–XIV вв. В антропонимическом пространстве романа присутствуют имена, выражающие веру людей в единение с природой через предка-тотема, стремление через имя получить помощь богов, определить счастливую судьбу, уберечь от болезней и неудач. Сочетание художественного отражения реальных и вымышленных человеческих судеб, реалистической презентации конкретного событийного материала с романтическим и мифологическим осмыслением истории достигается за счет умелого использования Ольгой Ипатовой социального и культурно-исторического содержания антропонимов, являющихся одним из важнейших средств создания в произведении колорита древней эпохи и способом характеристики мировосприятия наших предков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бут-Гусаім С.Ф. Жанраўтваральная роля паэтонімаў у мастацкіх творах берасцейскіх пісьменнікаў: манаграфія / С.Ф. Бут-Гусаім. – Брэст: БрДУ, 2020. – 150 с.
2. Ипатова О. Золотая жрица Ашвинов О. Ипатова / О. Ипатова // Ольгердово копье: романы. – Минск: Беллитфонд, 2002. – С. 3–299.
3. Магазаник Э.Б. Ономапэзіка, или «говорящие имена» в литературе / Э.Б. Магазаник. – Ташкент: Фан, 1978. – 148 с.
4. Мезенка Г.М. Беларуская анамастыка: навуч. дапам. для студэнтаў ун-таў / Г.М. Мезенка. – Мінск: Выш. шк., 1997. – 119 с.
5. Петрачкова И.М. Значимость имени собственного в художественном тексте (на материале современной русской прозы): автореф. дисс. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.02 «Русский язык» / И.М. Петрачкова. – Минск, 2003. – 21 с.
6. Петрачкова И.М. Роль імён собственных в создании жанра исторической прозы / И.М. Петрачкова // Актуальные вопросы славянской ономастики : [сб. науч. ст.]. – Гомель: ГГУ, 2004. – С. 146–159.
7. Рогалев А.Ф. Введение в антропонимику. Именование людей с древнейших времён до конца XVIII века (на белорусском антропонимическом материале) / А.Ф. Рогалев. – Брянск: Десяточка, 2009. – 147 с.
8. Савчук С.В. «Говорящие» поэтонимы в повести Зинаиды Дудюк «Свободный полет» / С.В. Савчук // Молодежь в науке и творчестве [сб. науч. ст.]. – Гжель: ГГУ, 2022. – С.179–180.
9. Свірыдовіч К.У. Анамастыкон рамана Уладзіміра Гніламедава «Ліхалецце» / К.У. Свірыдовіч // Нацыянальна-культурны кампанент у літаратурнай і дыялектнай мове [зб. навук. арт.]. – Брэст: БрДУ, 2023. – С. 6–11.
10. Хрышчановіч Л. «Па імені і жыццё»: антрапанімічная прастора беларускай народнай казкі / Л. Хрышчановіч // Роднае слова. – 1999. – № 5–6. – С. 131–139.
11. Шынкарэнка В. Нястомных пошукаў дарога : Праблемы паэтыкі сучаснай беларускай гістарычнай прозы В. Шынкарэнка. – Мінск: Беларуская навука, 2002. – 198 с.
12. Шэмет А.А. Гісторыя беларускага іменаслову ў лютэрку анамастыкону зборніка Сяргея Тарасова «Фрэскі» / А.А. Шэмет // MediaLex-2020 : [сб. науч. ст.]. – Брэст: БрГУ, 2020. – С. 167–169.
13. Шэмет Н.А. Гісторыя Наваградскага княства ў лютэрку іменаслову рамана Генрыхы Далідовіча «Кліч роднага звона» / Н.А. Шэмет // Станаўленне [зб. навук. арт.]. – Брэст: БрДУ, 2020. – С. 149–153.
14. Шэмет А.А. Уласныя асабовыя імёны ў гістарычнай апавесці Ю. І. Крашэўскага «Кароль у Нясвіжы. 1784» / А.А. Шэмет // Язык, реч, текст [сб. науч. ст.]. – Брэст: БрГУ, 2020. – С. 98–100.

Поступила в редакцию 26.11.2023 г.

ONOMASTICON OF NOVEL
"THE GOLDEN PRIESTESS OF THE ASHWINS" BY OLGA IPATOVA

S.F. But-Gusaim, K.V. Sviridovich

The article addresses the anthroponyms used in the novel "The Golden Priestess of the Ashwins" by O. Ipatova. The anthroponyms under study are carriers of valuable information about the material, spiritual culture and worldview of the Slavs of the XIII–XIV centuries. The analysis of the poetonymicon is carried out in line with the linguopragmatic and linguoculturological research of artistic speech. The focus is made on the cultural and historical features of poetonyms in their connections and relations with the facts of national history, as well as on the genre specificity of the onomasticon of historical prose by Olga Ipatova. The interaction of pagan and Christian components in the nomenclature of this historical period is analysed in the article. The creative essence of the name, characteristic of mythological consciousness, is considered, according to which the name plays a desiderative role, determining the essential features and fate of the individual. The names of the characters of O. Ipatova's works are considered from the point of view of the degree of their semantic activity. Indirect-speaking poetonyms, as well as onyms-reminiscences are identified and analyzed. A special attention is paid to understanding the role of context in revealing the poetonyms semantic and emotional-expressive potential. The main research methods are the method of continuous sampling of onomastic units, description, the method of structural, semantic and functional analysis, contextual analysis.

Key words: onym, poetonym, anthroponym, pagan name, Christian name, indirect-speaking name, name-reminiscence, cultural-historical function of the name.

Бут-Гусаим Светлана Феодосьевна.

Кандидат филологических наук, доцент.

УО «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина».

Доцент кафедры белорусской филологии.

E-mail: svfbg@tut.by

Свиридович Карина Владимировна.

УО «Брестский государственный университет имени имени А.С. Пушкина».

Студент.

E-mail: sviridovitch.karina@yandex.ru

But-Gusaim Svetlana Feodosievna.

Candidate of Philology, Associate Professor.

Brest State University named after A.S. Pushkin.

Associate Professor at Department of Belarusian Philology.

E-mail: svfbg@tut.by

Sviridovich Karina Vladimirovna.

Brest State University named after A.S. Pushkin.

Student.

E-mail: sviridovitch.karina@yandex.ru

УДК 81'42

КОГНИТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ МЕМОВ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ

© 2023 Н.В. Гладкая

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»

Статья посвящена наиболее популярной единице в интернет-коммуникации – интернет-мему. Рассматривается и анализируется история развития и осмысления понятия мема. Актуальность статьи обусловлена активным использованием мемов в условиях информационных войн. Ключевой проблемой в понимании мема как информационного оружия является различение формы и содержания. В исследовании также рассмотрены наиболее распространенные методы воздействия на пользователей социальных сетей, а также проанализированы успешные мемы-символы, используемые Россией для распространения пропатриотических настроений не только у пользователей Интернета, но и в реальной жизни. В ходе исследования доказывается высокая эффективность мемной манипуляции, мемы выступают главным оружием сетецентрической войны и средством психологической разгрузки в условиях тяжелой политико-экономической ситуации, кроме того, выявлен механизм манипуляции сознанием при помощи интернет-мема.

Ключевые слова: интернет-мем, интернет-коммуникация, прецедентный текст, когнитивный потенциал, пропаганда, информационная война, меметическая война, медиа, механизм манипуляции, информационное оружие.

Развитие Интернета и проникновение социальных сетей в жизни людей с каждым годом все увеличивается, а контролировать поток информации становится все сложнее. Очевидно, что и методы информационной борьбы меняются в зависимости от целей и запросов акторов. «Возросла роль невоенных способов в достижении политических и стратегических целей, которые в ряде случаев по своей эффективности значительно превзошли силу оружия. Акцент используемых методов противоборства смещается в сторону широкого применения политических, экономических, информационных, гуманитарных и других невоенных мер, реализуемых с задействованием протестного потенциала населения. Все это дополняется военными мерами скрытого характера, в том числе реализацией мероприятий информационного противоборства...» [4].

Все это свидетельствует об активной фазе сетецентрической войны, т.е. *войны, ведущейся посредством пропаганды и информационных технологий* [3]. В ней диверсионную деятельность проводят внутри информационного общества противника. При этом диверсии носят стратегический характер и запланированы на годы вперед. В результате в умы граждан страны-противника внедряют антигосударственное общественное мнение и оправдывают влияние на неё иного государства [1].

Сегодня основным инструментом сетецентрических войн является **memetic warfare (меметическая война)** – *развлекательный контент, содержащий политический подтекст*. Традиционно, этот контент принято обозначать словом «мем», понимая его как информационную единицу, которая используется для подражания и распространения. Влияние мемов рассчитано на массового зрителя и определяется эмоциональным откликом реципиентов.

Напомним, что сам термин «мем» вошел в оборот в 1976 г. благодаря биологу и этологу Ричарду Докинзу. Позже это слово появляется во множестве публикаций в области психологии, эволюционной биологии, а также науки о подсознании. По мнению Докинза «Примерами мемов служат мелодии, идеи, модные словечки и выражения...

Точно так же, как гены распространяются в генофонде, переходя из одного тела в другое с помощью сперматозоидов или яйцеклеток, мемы распространяются в том же смысле, переходя из одного мозга в другой с помощью процесса, который в широком смысле можно назвать имитацией» [6], т.е. мем выступает основной единицей культурной передачи (трансмиссии). Позднее теорию Докинза дополнил психолог Клер Грейвз, который отметил, что мем проявляется в виде мировоззрения, структуры убеждений, системы ценностей, уровня психологического существования, организующих принципов, способа мышления и образа жизни человека. Дуглас Рашкофф рассматривает мемы как скрытый идеологический код, который способен воздействовать на человека, как медиавирус [11].

Мемы могут передавать любую культурно значимую информацию в сжатом виде, поэтому мы можем считать мемы разновидностью прецедентных текстов. В интернет-среде информация распространяется очень быстро и зачастую бесконтрольно, однако не каждый информационный повод может стать мемом и будет реплицироваться. Мемы конкурируют между собой в интернет-среде, следуя одной цели – репликации, при этом невозможно предсказать последствия их движения. «Как правило, мемы появляются как реализация творческого потенциала пользователей социальных сетей и реакция на социально значимые изменения в обществе, а их распространению способствуют простота воспроизведения и восприятия, комическая составляющая, а также актуальность и злободневность затронутой темы» [5]. Успешность мема определяется наличием большого количества дериватов и репликатов.

Информационные войны современности имеют множество форм. К их числу российские специалисты относят войны ментальные, направленные на изменение коллективной идентичности, концентрические и когнитивные, на разных уровнях «работающие» с индивидуальным сознанием, и целый ряд других. Общей чертой информационных войн является воздействие на коллективное и индивидуальное сознание в долгосрочной либо в краткосрочной перспективе в зависимости от ставящихся заказчиком целей.

В широком смысле информационные технологии морально нейтральны, но они могут являться оружием, применение которого зависит от внутренних намерений актора. Любое оружие может быть использовано как для агрессии, так и для защиты. В нашем исследовании мы понимаем мем как строительный материал наших политических и неполитических взглядов, некую базовую идею, влияющую на мышление. В этом смысле воздействие мемов может быть отнесено к *когнитивному типу информационного оружия*.

С.А. Шомова, описывая мемы, представляет их в качестве краткого фрагмента медийного текста, который отличается реальным и/или приписываемым ему аудиторией символическим смыслом, сочетающий в себе информационное содержание с яркой «упаковкой» и подвергающийся, благодаря этому, многократному копированию в культурной среде заинтересованной аудитории. Такие мемы способны быть выражением ценностей того или иного сообщества, создавать его внутренний «язык», фиксировать его значимые символы, ритуалы, моменты истории и т.д.» [13].

Ключевой проблемой в понимании мема как информационного оружия является различие формы и содержания. Мем – это способ упаковки содержания – смысла (концепта, фрейма, стереотипа, идеологии) – с помощью формы – «изображений, картинок, фотографий» – для последующей медийной транспортировки. Форма мема должна отсылать к культурным символам, разделяемым заинтересованной аудиторией, чтобы быть успешно декодированной.

Принципиальной особенностью мемов является то, что информация в них максимально сжата и благодаря этому очень быстро считывается, позволяет отличить «своих» от «чужих», обладает привлекательной «упаковкой» [13] и проста для воспроизводства и распространения. Все это обеспечивает высокую востребованность мемов в политическом дискурсе.

Мемы, несмотря на свою мнимую простоту и комический характер, служат средством манипулирования.

В современных социальных сетях наиболее распространенные следующие методы воздействия:

1. Метод сокрытия важной информации путем массового заполнения бесполезной информацией новостной ленты в социальных сетях. Так, чем больше пользователь социальных сетей занимается скроллингом (от англ. scrolling – «просматривание; прокрутка»), тем меньше важной информации он может выделить;

2. Метод постепенного продвижения какой-либо идеи (например, популяризация ЛГБТ, бодипозитива и проч.);

3. Метод умышленного унижения человеческих достижений, навязывания идеи бесполезности;

4. Метод шокированного воздействия, когда пользователи настолько поражены контентом, что эмоции не позволяют реально и рационально оценить представленную информацию;

5. Метод популяризации и навязывания идеи о том, что модно быть безграмотным, пошлым (распространяются мемы с аморальными шутками, пошлыми изображениями, орфографическими ошибками);

6. Метод высмеивания (высмеиваются через мемы любые ситуации, социальные проблемы, люди, политические лидеры – все, что актуально в данный момент и вызывает отклик у пользователей);

7. Метод обучения (интернет-мемы могут использоваться и как средство обучения, яркая иллюстративность и сжатость способствуют быстрому запоминанию темы).

Несомненно, методов манипулирования при помощи мемов намного больше и их выбор зависит от поисковых запросов, интересов и информации, публикуемой пользователем [12]. Попытки объяснить почему одни мемы становятся популярны и быстро распространяются, а на другие не обращают внимания, приводят ученых к идее, что исследование интернет-мема невозможно без параллелей с психологией, социологией, культурологией, т.к. интернет-мем – это социокультурный феномен современности.

Не вызывает сомнений неразрывная связь медиа и войны. «Все мы заложники медиаугара, заставляющего нас верить в войну... Медиа привлекают внимание к войне, война привлекает внимание к медиа» [2, с. 31]. Информационная борьба в ходе украинского кризиса и периода борьбы за независимость народных республик не стала исключением. Так, мемы «вежливые люди», «колорады», «няш-прокурор», «крымнаш», «кто не скачет, тот Москаль», «крымчанка», «хунта», «укропы», «кондиционеры взрываются», «сами себя обстреливают», «Работайте, братья!» и др. в процессе информационной войны оказали существенное влияние на восприятие людьми новой реальности и способствовали укреплению коллективной идентичности определенных социальных групп. В нашем исследовании мы рассмотрим самые распространенные и успешные мемы, оказавшие влияние на рост пропатриотических настроений в обществе. «Разнообразные метафоры для обозначения врага – необходимый компонент любого вооруженного конфликта... Психологи объясняют, что такие разговорные

словечки служат своеобразными культурными метками, отражающими поляризацию между группами «свой – чужой» [9].

Интернет-мем «**Вежливые люди**» стал наиболее заметным примером успешного информационного противоборства России. «Вежливые люди» достаточно быстро вышли за пределы Сети, приобретя всероссийскую известность, а затем и преодолев границу виртуального и реального миров: прошел путь от заголовка в блоге, а затем популярного интернет-мема, до памятника, государственного праздника и символа нового имиджа Российской армии. Это первый мем федерального значения, который употребляют все – от интернет-пользователей и журналистов до президента и министра обороны.

Данный мем появился спонтанно, причем с легкой подачи украинского интернет-издания «Главред», в котором появилась новость, где впервые фигурирует слово «вежливые»: «Примерно в час ночи захвачен аэропорт Симферополя – теми же людьми. С оружием, крепкие, в такой же одежде. Начальник охраны сообщил, что его людей **вежливо** попросили выйти» [8]. На следующий день крымский блогер Борис Рожин написал фразу, ставшую основой мема. Большую роль в распространении мема в российском информационном пространстве сыграл блог «Вежливые люди», созданный в «Твиттере» Станиславом Апетьяном и его командой: «Мы поняли, что мем про вежливых людей – это подарок с точки зрения пропаганды, информационной войны, которым нужно пользоваться. Мы решили закрепить этот мем, создав аккаунт, в котором мы будем давать правильную пропагандистскую информацию, заниматься военной пропагандой без перехлеста, давать ее объективно» [8].

Главную роль в популярности мема сыграли публикации фотографий простых граждан – родителей с детьми, молодых девушек, животных, комичных ситуаций на фоне «вежливых людей» (Рисунок 1, 2, 3) Такие изображения вызывали когнитивный диссонанс, т.к. люди относились к людям в балаклавах и с оружием не с опаской, а наоборот высказывали им свою поддержку.

Рисунок 1

Рисунок 2

Рисунок 3

Рисунок 4

Можно отметить, что наибольшую популярность мем получил благодаря своей реплике – фотографии, на которой запечатлен «вежливый человек» и обращающийся к нему кот: «*Спасибо, что я больше не KIT*» (Рис. 4). Так как кошки являются отдельным весьма популярным интернет-мемом, это расширило аудиторию через создание новых «упаковок» для транспортировки мема. Впоследствии возник целый мемокомплекс из мемов про кота и «вежливых людей», который нашел свое отражение во многих репликах и в оффлайн мерчандайзинге (Рис. 6).

Рисунок 5

Рисунок 6

На примере «вежливых людей» видно, что жизненный цикл успешного интернет-мема состоит из трех этапов:

1. Для лучшего продвижения мема в медиапространстве он должен постепенно расширяться за счет новых коннотаций и метафор, и постепенно отходить от изначального сюжета. Это существенно расширяет аудиторию, создает новые формы мема и позволяет захватывать новые пространства;

2. Репликация мема в другие типы креолизованных текстов (фотографии с мирными жителями и в комичных ситуациях с подписями, появление новых визуальных форм – рисунков, аниме, стикеров, гифок, комиксов и др.);

3. Методом ассоциаций извлекаются новые смыслы, начинают порождаться размышления на тему особенностей российской военной тактики – занимать территории без единого выстрела, когда «вежливость города берет» (Рис. 5). Вокруг мема происходит образование многих ассоциативных цепочек, например, русского воина как защитника добра и справедливости, единения народа и армии и как символа исторического момента [7].

Условно весь этот процесс можно назвать образованием симулякра (ссылаясь на известный концепт Жана Бодрийера), так мем «вежливые люди» превратился в одну из «узловых точек» российского дискурса о возвращении Крыма и прошел путь от поста в Интернете до самостоятельного медиаобъекта, порождающего смыслы и даже материальные объекты.

Для новых киевских властей «вежливые люди» были образом врага, причем врага, который одерживал победу, захватывал административные здания, уклонялся от провокаций. Однако мем был принят оппонентами помимо их воли, с украинской стороны его использовали такие издания, как «Страйк», «Корреспондент.нет», «From_ua.ru», «Вести-репортер», «Гордон» и др. Поскольку принятие риторики врага означает поражение, проблема осознавалась украинской стороной уже в ходе конфликта. Поэтому для «вежливых» пытались придумать антиобраз, разрушающий положительные коннотации – «зеленые человечки», однако большой популярности и

долгой жизни мем не получил, поскольку был создан искусственно и украинская сторона не смогла представить образ в противовес «вежливым людям».

Схожая ситуация была и с мемами «Алёша» и «Бабушка с красным флагом» («Бабушка Z»). Мем «Алёша» также получил случайное распространение благодаря видеоролику в социальной сети, в котором мальчик Алёша из Белгородской области каждый день выбегал на дорогу провожать колонны войск, чтобы отдать им честь и пожелать удачи. В знак благодарности танкисты подарили ему настоящий шлемофон, комплект кадетской формы и генеральские погоны. Образ мальчика стал настоящим символом поддержки СВО. В разных российских городах стали появляться граффити с его изображением, а Белгородская кондитерская фабрика в честь мальчика выпустила шоколад «Алёшка» (шоколадки получили военнослужащие, находящиеся в госпиталях и на передовой) (Рисунок 7, 8).

Рисунок 7

Рисунок 8

Образ смелой украинской бабушки, которая с советским флагом в руках дала достойный отпор издевавшимся над ней солдатам ВСУ моментально стала символом освобождения Украины от нацизма. Причем, как и в случае с «вежливыми людьми», видео было опубликовано украинской стороной. В апреле 2022 г. в дом на окраине одного из сел Харьковской области нагрянули солдаты ВСУ, их вышла радостно встречать пожилая женщина в платочке и с советским знаменем в руках, искренне считая, что перед ней – российские военные. Солдаты ВСУ бесцеремонно стали требовать убрать флаг и взамен предлагали пакет с едой. Не забывая все фиксировать на телефон, когда старушка отказалась подчиниться их воле, солдаты выхватили флаг из ее рук и начали топтать. «*Это знамя, за которое мои родители воевали, а вы наступили...*» – только и смогла сказать женщина.

Отпор, который дала бабушка, многие сочли настоящим героизмом. Смелый поступок пенсионерки сделал её героиней российских новостей. Старушка с красным знаменем в руках стала не просто героиней соцсетей, но и настоящим символом для тех, кто поддерживает спецоперацию. Буквально за несколько дней ее слова разобрали на цитаты, а ее изображение появилось не только в СМИ, но и в виде граффити на стенах домов и др. Видео вызвало резонанс не только в русскоязычном сегменте Интернета, но и за границей, так многие иностранные пользователи были возмущены поведением украинских войск. Однако такая резкая популярность бабушки не осталась незамеченной в Украине, и уже после были совершены попытки украинской пропаганды разрушить образ патриотизма, воплощенный в старушке путем распространения сфабрикованных видео.

Рисунок 9

Рисунок 10

«Благодаря своей краткости и точному отражению конкретной эмоции, ценности или стереотипа, мемы быстро распространяются среди членов группы... Опыт совместных переживаний и реакций на актуальные события кристаллизуется в отдельных фразах, рисунках, популярных фотографиях и видеозаписях, становящихся знаковыми для конкретного сообщества» [10].

Большим меметическим воздействием обладает и ставшая крылатой фраза «*Работайте, братья!*» (последняя фраза Магомеда Нурбагандова, лейтенанта полиции, убитого боевиками). Во время СВО этот фразеологизм стал использоваться как маркер поддержки российских войск, а видеоролики с тренировками или отработкой боевых действий российских силовиков часто начинаются фразой «Работайте, братья!», а заканчиваются они словами «Работаем, брат» (Рисунок 11, 12, 13).

Рисунок 11

Рисунок 12

Рисунок 13

Сильное мемное воздействие могут оказывать не только изображения и фразы, но даже буквы. Так, в ходе СВО мемом стали буквы Z, O, V (обозначения тактических направлений). Буквы, изначально появившиеся на российской военной технике, достаточно быстро стали символом выражения поддержки российской армии и России. Знаки начали наносить на гражданские автомобили, делать мерч, а также активно употреблять в языковых играх и словотворчестве (*Za победу, Сила V правде, Задача будет ВыпОлнена, ZOV и др.*). Можно сказать, что буквенные обозначения мифологизировались в сознании граждан настолько, что вызвали информационную волну даже в западных странах. Так, французский бренд Louis Vuitton раскритиковали за рекламу новой коллекции украшений (пользователи сети увидели букву Z (по задумке авторов – это знак молнии) и связали известный бренд с Вооруженными Силами РФ).

Это лишь немногие примеры успешной реализации патриотической российской пропаганды через мемы. Но, к сожалению, Россия пока отстает в методах

информационной войны, т.к. отсутствие национальных государственных соцсетей разрушили монополию власти на информацию и позволили использовать соцсети как удобный, скрытый, подрывной инструмент для широкого спектра манипуляций сознанием молодых пользователей. Кроме того, исследование явления мема и его влияния на реципиентов в России началось значительно позже, чем на Западе. Россия только приходит к необходимости учиться воевать посредством мемов, делая это скорее интуитивно, чем осмысленно.

Тем не менее, сейчас наметились позитивные изменения в молодежной среде в медиапространстве. Так, вопреки санкциям и ограничениям, российские производители компьютерных игр начали разрабатывать отечественные, пропатриотические игры, которые приобрели большую популярность у молодежи. Контентом, содержащим в себе огромный потенциал для пророссийского меметического воздействия на виртуальное пространство можно назвать релиз игры Atomic Heart (Рисунок 14, 15). Она представила целую систему мемов-мифов, которые транслируют в сознание российского и западного потребителя положительной образ Советской России. Осуществляется это посредством эстетического воздействия: через картинку, музыку, и через сопереживание виртуальному герою в ходе развития истории игры.

Рисунок 14

Рисунок 15

Становится очевидно, что в условиях сетевидной войны необходимо создавать и транслировать позитивный внутренний образ России в противовес глобалистским установкам. Любое оружие может быть использовано не только для нападения, но и для защиты. В ходе нашего исследования показываются были выявлены не только интенсивность перевода политической коммуникации на язык мемов, но и активность противостояния смыслов и идеологических позиций в мемосфере. Меметическая война в политическом дискурсе является сложным процессом противостояния смыслов, в котором задействованы не только интересы различных политических акторов, но и различные формы и жанры вирусных меметических конструкций, постоянно видоизменяющихся, подвергающиеся творческому переосмыслению пользователей социальных сетей и динамично перемещающихся из Интернета в реальную жизнь.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев А.П. Цифровизация и когнитивные войны / А.П. Алексеев, И.Ю. Алексеева // Философия и общество. – 2021. – № 4 (101). – С. 39–51.
2. Бодрийяр Ж. Дух терроризма. Войны в заливе не было / Ж. Бодрийяр. – М.: Рипол Классик, 2019. – 224 с.

3. Биндас Д.В. Философская парадигма информационной войны и обеспечения медиабезопасности : дис. ... канд. филос. наук. – М., 2023. – 168 с.
4. Герасимов В. Ценность науки в предвидении. Новые вызовы требуют переосмыслить формы и способы ведения боевых действий / В. Герасимов // Военно-промышленный курьер. 26.02.2013. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.vpk-news.ru/articles/14632> (дата обращения: 20.11.2023).
5. Гладкая Н.В. Влияние интернет-мемов на формирование общественного мнения: теоретический аспект / Н.В. Гладкая // Вестник ДонНУ. Сер. Д: Филология и психология. – 2021. – № 4. – С. 30–35.
6. Докинз Р. Эгоистичный ген / Р. Докинз. – М.: Мир, 1993. – 318 с.
7. Зиновьева Н.А. Анализ процесса конструирования смысла Интернет-мема / Н.А. Зиновьева // Дискуссия. – 2019. – № 9 (39). – С. 133–137.
8. Известия IZ. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://iz.ru/news/567947> (дата обращения: 21.11.2023).
9. Овчинников Ю.Д. Интернет-мем как феномен современной информационной культуры / Ю.Д. Овчинников, М.Ю. Холодков // Социальное воспитание. – 2019. – № 2 (6). – С. 72–75.
10. Почепцов Г.Г. Первая смысловая война в мире (Украина, Крым, Россия) / Г.Г. Почепцов // Media Sapiens. 1.06.2014. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ms.detector.media/ethics/manipulation/pervaya_smyslovaya_voyna_v_mire_ukraina_krym_rossiya/ (дата обращения: 08.11.2023).
11. Рашкофф Д. Медиавирус! Как поп-культура тайно воздействует на ваше сознание / Д. Рашкофф // Пер. с англ. Д. Борисова. – М.: Ультра. Культура, 2003. – 368 с.
12. Черников М.В. Манипуляция как инструмент пропаганды / М.В. Черников, Е.В. Авдеенко // КАНТ. – 2023. – № 2 (47). – С. 245–251.
13. Шомова С.А. Мемы как они есть / С.А. Шомова. – М.: Аспект Пресс, 2020. – 136 с.

Поступила в редакцию 04.12.2023 г.

COGNITIVE POTENTIAL OF MEMS IN CONDITIONS OF INFORMATION WAR

N.V. Gladkaya

The article addresses the most popular unit in Internet communication, i.e. the Internet meme. The history of the development and understanding of the concept of meme is considered and analyzed. The relevance of the article is due to the active use of memes in the context of information wars. The key problem in understanding a meme as an information weapon is the distinction between form and content. The most common ways and means of influencing social networks users are considered in the study. Successful meme symbols used by Russia for maintaining pro-patriotic sentiments among Internet users and in real life are analysed. The study proves the high effectiveness of meme manipulation. Memes are the main weapon of network-centric warfare and a means of psychological relief in a difficult political and economic situation. A mechanism for manipulating consciousness with the help of an Internet meme has been identified in the research.

Key words: Internet meme, Internet communication, precedent text, cognitive potential, propaganda, information war, memetic war, media, manipulation mechanism, information weapon.

Гладкая Наталия Витальевна.

Кандидат филологических наук.

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет».

Доцент кафедры русского языка.

E-mail: Nata.gladkaya25@yandex.ru

Gladkaya Nataliia Vitaliivna.

Candidate of Philology.

Donetsk State University.

Associate Professor of the Russian Language Department.

E-mail: Nata.gladkaya25@yandex.ru

УДК 811.161.1

ОККАЗИОНАЛЬНАЯ ЛЕКСИКА КАК СРЕДСТВО ЭКСПРЕССИВИЗАЦИИ ТЕКСТА ТЕЛЕГРАМ-КАНАЛА

© 2023 *Н.В. Егорова, Ю.В. Щипанова, Ю.А. Олейник*
ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет»

В работе рассматриваются окказионализмы, используемые в текстах современных телеграм-каналов. Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения языковых возможностей окказионализма не только как приёма привлечения внимания, но и как эффективного средства экспрессивизации текста. В ходе исследования текстов телеграм-каналов применялись различные методы и приемы: сплошная выборка, анализ, синтез и дифференциация окказиональных лексем. Выделены основные тематические группы окказионализмов: наименования известных личностей и политических деятелей, названия стран и иных географических объектов, окказионализмы-этнонимы, указывающие на принадлежность группы лиц к той или иной народности, наименования групп лиц по их основной деятельности или другому социальному признаку, наименования социально значимых процессов или действий; определены наиболее эффективные способы усиления экспрессивности самого индивидуально-авторского образования и текста в целом.

Ключевые слова: окказионализм, индивидуально-авторское образование, телеграм-канал, способ образования, функция окказионализма, экспрессивизация, аббревиация, прецедентное имя.

На сегодняшний день интернет-пространство считается самым актуальным средством получения информации, а передовые технологии позволяют современному человеку сделать это практически мгновенно. Но общество по-прежнему пребывает в поисках наиболее удобного источника передачи и обмена информацией об окружающей действительности. В настоящий момент одним из таких источников является кроссплатформенная система «Telegram».

Отличительной чертой мессенджера «Telegram» можно назвать наличие телеграм-каналов разной тематики. Телеграм-канал – один из инструментов многофункционального приложения, цель которого заключается в предоставлении различной информации обществу. Пользователи платформы активно вступают в каналы интересующих их направлений, получают определённые сведения и имеют возможность прокомментировать то или иное сообщение. Участие (подписка) в телеграм-каналах является добровольным, а пользователи, как и администраторы, по правилам мессенджера могут сохранять свою анонимность.

Информация в телеграм-каналах подается посредством публикации постов (постов-сообщений). Данный вид текста, в отличие от публицистических статей, представляет собой короткий, но информативный блок с упрощенной структурой (заголовок + основная мысль). В зависимости от авторской задачи пост-сообщение может выполнять информационную, развлекательную или продающую функции.

Тексты постов отличаются доступностью, что достигается в том числе использованием разговорной (порой сниженной) лексики. Возможность сохранения конфиденциальности позволяет авторам текстов и подписчикам телеграм-канала открыто и эмоционально реагировать на происходящие в мире события, без ограничения использовать слова из различных языковых пластов.

Как отмечает Н.А. Смольникова, «любой журналист, раскрывающий на страницах газеты или журнала социально значимую тему, стремится представить ее оригинально как в плане выражения, так и в плане содержания» [9, с. 130]. По замыслу авторов

постов-сообщений в телеграм-каналах, текст должен привлекать и удерживать внимание аудитории. Одним из наиболее эффективных и распространенных инструментов пробуждения читательского интереса к тексту является использование специальных слов, которые отличаются необычной формой и не всегда оказываются понятными вне контекста. Лексемы подобного рода являются авторскими, практически никогда не входят в активный состав языка, а их значения не фиксируются в нормативных словарях. В отечественной лингвистике такие образования многие исследователи называют окказиональными, индивидуально-авторскими (Н.И. Фельдман, Е.А. Земская, Ю.Н. Пацула, Н.А. Смольникова).

В современном языкознании нет единого определения термина «окказионализм» или «окказиональное слово». Так, в словаре Т.В. Жеребило «окказионализмы» рассматриваются в качестве разновидности неологизмов: «авторские, индивидуально-стилистические неологизмы, которые создаются для придания образности художественному тексту. Окказионализмы как бы «прикреплены к контексту, имеют автора. Они могут создаваться по необычным моделям» [2, с. 232]. Аналогичная точка зрения в отношении окказиональных слов у Т.В. Матвеевой, которая считает, что данные лексемы «можно считать разрядом неологизмов: индивидуально-авторскими речевыми неологизмами» [4, с. 260]. Е.А. Земская, в свою очередь, под окказионализмами подразумевает «необычные слова, существующие, как правило, лишь в определенном, породившем их контексте, не вошедшие в язык» [3, с. 239]. Схожее определение окказиональных слов в своей работе дает Ю.Н. Пацула, которая считает, что окказионализм – «это экспрессивная единица речи, обладающая свойствами невоспроизводимости, производности, контекстуальной связности, номинативной факультативности» [5, с. 8].

Основываясь на указанных дефинициях, в работе мы будем использовать термин «окказионализм» («индивидуально-авторское образование»), понимаемый нами как индивидуально-авторская экспрессивная неузуальная единица речи, которая тесно связана с контекстом, не зафиксирована в нормативных словарях и построена по продуктивным и непродуктивным моделям русского языка, с возможным нарушением правил орфографии и лексической сочетаемости. Особенностью окказиональной лексики, ставшей объектом нашего исследования, является факт её активного использования участниками интернет-коммуникации, что в большинстве случаев не позволяет определить автора конкретного слова или телеграм-канал, который первым употребил эту лексему. Таким образом, упоминая телеграм-каналы, мы обозначаем источники материала для анализа в нашем исследовании, но не указываем на их авторство в образовании тех или иных окказионализмов.

Индивидуально-авторские лексемы, обладая известной степенью непостоянства, «не вошли в язык и в силу этого сохраняют свою новизну независимо от момента» [12, с. 65]. С течением времени одни окказионализмы сменяются другими, ориентированными на современную действительность, поэтому их изучение в области неологии оказывается актуальным на всех этапах развития языка.

Окказиональные слова, используемые авторами, выполняют в тексте ряд функций. Основываясь на классификации Ю.Н. Пацулы, мы определили, что вне зависимости от характера сообщения каждой индивидуально-авторской лексеме будут свойственны номинативная (назывная), прагматическая и экспрессивная функции. Контекст способен активизировать у названных лексических единиц частные функции: изобразительно-выразительную, маскировочную, функцию создания комического эффекта, функцию экономии времени и другие [5, с. 6].

Определенно можно утверждать, что индивидуально-авторская лексема может одновременно выполнять сразу несколько задач, но в первую очередь она служит в тексте средством выражения авторских чувств и эмоций. В связи с этим, по нашему мнению, именно эмоционально-экспрессивная (экспрессивная) функция является ведущей у окказиональных слов в текстах телеграм-каналов.

Цель настоящего исследования – изучить окказиональную лексику как средство экспрессивизации текстов телеграм-каналов. Экспрессия – «выразительно-образительные качества речи, отличающие ее от обычной (или стилистически нейтральной) и придающие ей образность и эмоциональную окрашенность» [1, с. 524].

Под экспрессивностью окказионального слова мы будем понимать «свойство языковых средств, позволяющее выразить отношение говорящего к содержанию или адресату речи и тем самым воздействовать на личность реципиента, читателя» [6, с. 7]. Необходимо отметить, что связь с контекстом и повышенная выразительность, как признаки окказионального слова, напрямую не зависят друг от друга, но при совместном употреблении повышают эффективность выполнения конкретной функции использованным в тексте окказионализмом. Контекст позволяет логически выстроить ассоциативные ряды и определить значение индивидуально-авторской лексемы (содержание), экспрессивность отражается в необычной форме слова, которая на начальном этапе восприятия текста привлекает к себе внимание читателя. При этом степень выраженности экспрессивности может отличаться. Ю.Н. Пацула отмечает, что ее интенсивность напрямую зависит от структуры нового слова: «окказионализмы, образованные стандартным путем, по высокопродуктивным словообразовательным моделям, менее экспрессивны, а созданные нетипичным способом имеют сильную экспрессивную окрашенность» [5, с. 22].

В качестве материала для исследования окказионализмов как средства экспрессивизации нами были отобраны тексты авторских телеграм-каналов, освещающих последние события социальной и политической жизни, за 2022–2023 годы («Политрук», «ЗлойПруф», «Орда», «Говорит Топаз», «Aeronaut», «ДОНЕЦК ДНР НОВОСТИ СВО», «ZERGULIO», «Московская прачечная», «Swiss Vатnik», «Пакет с пакетами»), в которых методом сплошной выборки выделены окказиональные слова, используемые в постах-сообщениях для обозначения предметов и явлений действительности. Индивидуально-авторские лексемы мы разделили на несколько тематических групп: 1) наименования известных личностей и политических деятелей; 2) названия стран и иных географических объектов; 3) окказионализмы-этнонимы, указывающие на принадлежность группы лиц к той или иной народности; 4) наименования групп лиц по их основной деятельности или другому социальному признаку; 5) наименования социально значимых процессов или действий.

В первую группу окказионализмов вошли лексемы, которые использовались авторами постов-сообщений для обозначения известных личностей и политиков. Слова данной группы призваны вызвать у читателей обратную реакцию и сформировать определенное отношение к личности-объекту. Экспрессивная окрашенность таких наименований может проявляться различными способами. Например, с помощью включения в окказиональное сочетание лексической единицы, которая указывает на явную или предполагаемую особенность поведения человека, качество личности, черту характера: «*Пишет, поездка поставила администрацию деда Дементия в неудобное положение...*». «Дед Дементий» – окказиональное словосочетание, является прозвищем президента США Джо Байдена. Возраст политического деятеля (81 год) вполне объясняет наличие в словосочетании лексемы «дед». Экспрессивность

оказиональному сочетанию придает входящее в его состав мужское имя Дементий, не имеющее логической и этимологической связи с именем Джо. В интернет-пространстве существует мнение, что поведение (в том числе речевое), зрелый возраст, некоторые внешние признаки указывают на сходство с больным деменцией. Исходя из этого можем предположить, что слово «Дементий» в анализируемом окказионализме является не именем собственным, а своеобразной отсылкой, основанной на фонетическом сходстве, к термину «деменция» – «слабоумию», которое часто наблюдается у людей преклонного возраста. Замена одного слова другим, совершенно иным по смыслу, позволяет автору не только заинтересовать подписчика необычным «именем», но и выразить свое субъективное мнение в отношении политического деятеля, дать ему негативную характеристику, используя нейтральную лексику.

Личность и имя американского президента Джо Байдена стали основой для создания ещё нескольких окказиональных сочетаний в текстах телеграм-каналов: «Самоходный дед», «Дед Бидон». Вне контекста («*Самоходный дед заявил о намерении участвовать в президентских выборах 2024 года*») понять смысл окказионализма сложно, однако контекст в совокупности со значением сочетания создают алогизм, который делает индивидуально-авторское образование максимально выразительным и экспрессивным. Алогизм проявляется в употреблении прилагательного «самоходный» в отношении человека. Для характеристики личности термин «самоходный» не используется, только для описания механизма: «движущийся автоматически», то есть, по заданным ему правилам и установкам [11, с. 44]. В данном случае «Самоходный дед» – прозвище Джо Байдена, полученное им из-за появления на публике с запиской-шпаргалкой, в которой был прописан алгоритм обязательных действий политического деятеля. По мнению автора текста, «самоходный дед» – человек, способный двигаться, выполнять свои функции, исключительно опираясь на предоставленные ему инструкции. Указанный окказионализм часто встречается в авторских телеграм-каналах и выражает негативную оценку, кроме того, наряду с уже названной функцией, он реализует и функцию создания комического эффекта.

А.Д. Юдина отмечает, что в настоящее время при создании окказионализмов авторы активно используют имена собственные и «при этом прибегают к способам словообразования, не известным или почти не известным языковой системе» [13, с. 113]. Так, экспрессивность может достигаться за счёт создания окказионализмов путём русификации иностранных имен собственных: «*Свободу политическому узнику Доне Трамповичу!*». Окказионализм «Доня Трампович» мотивирован именем собственным бывшего президента США Дональда Трампа. При создании индивидуально-авторской лексемы происходит сокращение имени по русской модели: Дональд – Доня (как Даниил – Даня). В американской культуре отчество не используется, его заменяет среднее или второе имя. В рассматриваемом окказионализме наблюдается трансформация (грамматическое оформление) фамилии политика в отчество: Трамп – Трампович (как Александр – Александрович). Изменение имени и фамилии по образцам русского языка позволяет автору не только привлечь внимание к имени персонажа (а следовательно, и к содержанию текста), но и дать положительную оценку личности деятеля, воздействуя на сознание читателя через традиционную в этом случае оппозицию «свой – чужой».

Примечательны окказионализмы, которые образованы от антропонимов и одновременно с этим содержат в своей структуре прецедентные имена. К таковым, например, относится окказионализм «Зелебоба Первый» («*Я теперь царь, просто Царь. Зовите меня Зелебоба Первый*»). Окказиональное сочетание «Зелебоба Первый»

в тексте поста-сообщения отличается особой экспрессивностью в силу того, что оказывается представленным в необычной форме. Во-первых, обращает на себя внимание контекст, в который помещён окказионализм. Прецедентная фраза «Царь, просто царь» ассоциируется у большинства носителей русского языка с двумя советскими фильмами: «Обыкновенное чудо» и «Иван Васильевич меняет профессию». В первом фильме оригинальная фраза звучала как «Я – король, просто король, обыкновенный король», но через некоторое время стала популярна у обывателя в процитированном ранее варианте, подразумевая под собой скромность великого человека. Во втором фильме из уст главного героя, ставшего на некоторое время «царём» из-за ошибки учёного, звучала фраза: «Царь, приятно познакомиться, царь», которая, в свою очередь, стала визитной карточкой «маленького человека», поверившего в свою величественность. Во-вторых, интересен состав самого окказионального сочетания. Лексемой «Зелебоба» автор обозначает президента Украины В.В. Зеленского. Основу окказионального слова составило прецедентное имя «Зелибоба» – имя персонажа известной детской передачи «Улица Сезам». Читатель, проводя параллель между политиком и героем мультфильма, начинает выстраивать ассоциативные связи и понимать логику автора текста. Так, например, в основу первой ассоциации ложится тот факт, что В.В. Зеленский нередко оказывается на публике в неопрятном виде, что роднит его с лохматым Зелибобой из телепередачи. Следующая ассоциация обусловлена тем, что в прошлом В.В. Зеленский являлся комиком, а Зелибоба в мультфильме – весельчак, который много смеется. Заключает ассоциативный ряд схожесть фонетической структуры имен собственных. Изменение гласного [и] на [е] усиливает связь двух наименований между собой (Зелибоба/Зелебоба). Объединение всех вышеупомянутых фактов в единый ассоциативный ряд позволяет читателю не только понять, о каком человеке в тексте идет речь, но и увидеть детали его портрета в соответствии с замыслом автора. Усиливает экспрессию индивидуально-авторского образования слово «Первый» в его составе. Традиционно после имени собственного царей, королей ставили порядковое числительное, чтобы разграничить людей с одинаковыми именами, занимавших этот пост в разное время. Этим элементом автор добавляет последний штрих в «портрет» человека, волею судьбы ставшего «царём» и поверившего в свою исключительность. Допускаем, что на формирование конкретного образа в сознании аудитории оказал влияние и снятый до начала политической деятельности Зеленского комичный видеоролик, в котором также использовалась лексема «царь».

Следующую группу составили окказионализмы, которые использовались авторами для обозначения географических объектов и населенных пунктов. Некоторые из таких индивидуально-авторских образований мотивированы именами собственными и выполняют в тексте роль топонимов. Так, пост «Зеленский поручил сегодня правительству проработать вопрос переименования России в Московию. Получилось не очень» сопровождался изображением карты мира, где Россия была переименована в «Московию», а расположенная с ней на границе Украина стала «Подмосковьем». В данном случае «Подмосковье» – окказиональное слово, образованное лексико-семантическим способом. Особенность данного типа образования заключается в наделении общеизвестного слова, топонима, иным, новым значением. Подмосковье в сознании читателей – неофициальное название Московской области, административным центром которого является город Москва. Исходя из изображенного на карте «Подмосковья» на месте Украины, становится понятен авторский замысел: если, по мнению В.В. Зеленского, Россия станет Московией (центром сосредоточения власти), то Украина, присоединившись к ней (России), окажется Подмосковьем. Необходимо отметить, что усиливает экспрессивную функцию данного окказионального образования невербальный контекст (графическое изображение).

Изображения, которые сопровождают посты-сообщения и включают в себя окказиональные слова-топонимы, используются авторами сообщений достаточно часто. Примером может послужить картинка, где, кроме графических элементов, важную роль играет словесное сопровождение. Так, на одной из иллюстраций в посте телеграм-канала изображен петух (домашняя птица), который смотрит на свою тень и видит орла (хищная птица). Графически объекты обозначены «Польша» и «Ржачь Посполитая» соответственно. Авторская ирония заметна на изобразительном уровне в противопоставлении домашней и хищной птиц. Однако смысловую наполненность данной картинки завершает «Ржачь Посполитая» – окказионализм, возникший путем намеренного изменения первого компонента устойчивого сочетания «Речь Посполитая» – наименования федеративного государства, образовавшегося в 1569 году и существовавшего до 1795 года. В указанном окказиональном сочетании комический эффект создается за счет намеренного изменения звукобуквенного состава первого слова. Жаргонным словом «ржач» в русском языке называют то, над чем смеются, нечто веселое, смешное, остроумное. Таким образом, изменение известного топонима с помощью нарушения орфографической нормы (ржач – ржачь) и использование слова в несвойственном ему значении создают экспрессию и удерживают внимание читателя за счет усиления комического эффекта.

В текстах телеграм-каналов окказиональные лексемы, мотивированные именами собственными, выступающие в качестве наименований стран и населенных пунктов, встречаются часто: «Хохлоина», «Бандерстан», «Хинзиростан», «Фашингтон», «Усраина», «Галушкин Каганат», «Вагнерленд». Авторы постов-сообщений, стремясь сделать свой текст более экспрессивным и одновременно понятным читателю, используют при создании окказиональных топонимов такие слова, которые известны среднестатистическому пользователю: *«Прошу Сурувикина отправить десяток Гераней на отключение света по всей территории страны 404»*. «Страна 404» – индивидуально-авторская лексема со значением «Украина», включающая в себя цифру, используемую на веб-страницах для обозначения определённого вида серверной ошибки. Данная ошибка подразумевает ограничение на пользование ресурсом в данный момент времени и характеризуется способностью возобновлять работу в дальнейшем, однако без гарантии сохранения прошлой информации. Окказионализм используется в тексте для придания ему экспрессивности, номер сервисной ошибки вносит негативную коннотацию и используется автором для передачи собственного представления о будущем названного государства.

В некоторых случаях для качественного семантического восприятия окказионализма от читателя требуется наличие определенных, например исторических, знаний. Так, «Укрорейх» (*«В Укрорейхе всё стабильно, как в морге»*) – одно из авторских обозначений Украины с негативной коннотацией. Рейх сознанием человека, знающего историю, воспринимается как отсылка к Третьему Рейху (неофициальное название фашистской Германии, места зарождения и расцвета фашизма). Проводя ассоциативные связи, читатель понимает, что, по мнению автора, Укрорейх – поклонник и последователь конкретной идеологии.

Третью группу окказионализмов составили слова, которые используются в текстах постов-сообщений для обозначения представителей определенной национальности или народности. Нередко авторы обращаются к окказиональным образованиям с целью обозначить или высмеять определённую черту характера, поведение человека в обществе: «скакуасы», «хохлядь», «наглобританцы». Таковой, например, является индивидуально-авторская лексема «Чубатая рагулиха» (*«Чубатая рагулиха и адекватный таксист в Одессе»*). «Чубатая» – прилагательное от слова

«чуб». Согласно словарю Д.Н. Ушакова, «чуб» – это «отращённый длинный клок волос на бритом темени у запорожцев, украинских казаков», другими словами, «хохол» или «хохоллок» [11, с. 1298]. То есть прилагательное «чубатый» описывает человека с хохолком. Эта разновидность причёски считается одной из национальных черт украинца. Итак, «чубатая» в составе окказионализма – это «украинская». Флексия -а и суффикс -их-, который используется для образования наименования самки животного в литературном языке (слониха, зайчиха) и наименования представительницы отдельных профессий в основном в разговорной речи (дворничиха, портниха), в слове «Рагулиха» с морфологической точки зрения даёт нам основание полагать, что автор публикации говорит о представительнице женского пола. Лексема образована от слова «рагуль/рогуль», которое в сознании обывателя ассоциируется с глупым, некультурным человеком. В русском языке данная лексическая единица является жаргонизмом, пренебрежительным прозвищем по отношению к украинскому народу. Таким образом, словосочетание «чубатая рагулиха» обозначает жительницу Украины, которая не обладает достаточными знаниями о культуре поведения.

С аналогичной целью используется и окказионализм *чубаноиды*: «*Чубаноиды из 34 батальона...*». Данный окказионализм создан по аналогии со словом «гуманоид». Гуманоид (от лат. *humanus* – «человеческий» и греч. «*eidōs*» – «вид») – «гипотетическое человекоподобное существо, обитающее на земле или других планетах» [4, с. 235]. В индивидуально-авторском образовании часть слова со значением «человеческий» заменена на уже упоминавшийся нами ранее (как одна из характерных черт украинского народа) «чуб». Сочетание новых корней в одной лексеме порождает и новую (негативную) семантику: «чубатый вид» или «вид чубатых», то есть автор подобным образом на примере наименования намекает на происходящий у отдельных представителей данной национальности процесс «расчеловечивания», проявления у них таких качеств, которыми не должен обладать человек.

Нами был зафиксирован факт использования при создании соответствующего окказионализма аббревиатуры – названия страны, в которой проживают представители определённой национальности: «*СШАнцы, выходите на улицы!*». Окказионализм «СШАнцы» образован по аналогии с нормативными названиями национальностей и народностей, таких как испанцы, немцы, американцы, употребляется автором в тексте сообщения для обозначения жителей США. Перед такого рода образованием стоит цель привлечь внимание пользователей, при всей своей экспрессивности чётко выраженной негативной коннотации слово не несёт.

В четвёртую тематическую группу мы включили наименования групп лиц по их основной деятельности или другому социальному признаку: «инфобудулайцы», «демонократы». Индивидуально-авторские лексемы такого рода обычно строятся по продуктивным моделям русского языка: «*Да, наша Белгородчина – изумрудный край, как говорят, но то, что хотят эти безлюди с ней сотворить...*». Лексема «безлюди» не зафиксирована в нормативных словарях русского языка, однако слово построено по продуктивной модели, вследствие чего его значение доступно для понимания вне контекста. Семантически окказионализм не связан с общепринятыми словами «безлюдный» или «безлюдье» в значении «отсутствие людей» [7, с. 72], однако близок к лексеме «бесчеловечный» – «очень жестокий, чуждый сострадания» [10, с. 136]. Схожим значением и формой обладает лексема «нелюди» – «плохие, дурные люди» [8, с. 453]. Можно предположить, что автор назвал новой лексемой группу лиц, не обладающих нормами морали, принятыми в человеческом обществе. Использование окказионального слова, по нашему мнению, вызвано не только желанием привлечь

внимание читателя, но и стремлением найти лексему, содержащую больше экспрессии, для характеристики определенного круга лиц.

Аналогичным способом (по имеющейся в русском языке продуктивной модели), путем присоединения к существительному суффикса -ист, с помощью которого образуются слова мужского рода, называющие лица по профессии, роду деятельности, занятию или увлечению (связист, футболист, аферист), создан окказионализм «алкоголист» («*А вываливает охранник в «Пятерочке» вероломного алкоголиста*»). Слово используется автором для придания тексту комического эффекта, для повышения экспрессивности текста: алкоголист – это не «большой алкоголизмом» [10, с. 28] (алкоголик), а увлеченный своим делом человек, посвятивший ему жизнь. Именно индивидуально-авторское образование делает законченным портрет человека, который в состоянии алкогольного опьянения вступил в борьбу с серьезным противником (охранником).

В данную группу нами был также включён окказионализм «убежант» («*И убежанты-релоканты-пацифисты-голуби мира как по команде показали свое истинное лицо*»). Слово в словарях русского языка не зафиксировано, является производным от лексемы «бежать», близко по значению слову «эмигрант», так как тоже называет человека, покинувшего какую-либо территорию. Но имеющееся в литературном языке слово не привлекло бы внимания подписчиков, не наделило бы текст экспрессивностью, так как эмигрант – это человек, который добровольно или вынужденно покинул свое отечество, автору же было важно указать на то, что «убежанты» – это те, кто намеренно покинул свою родину, сбежал. Окказионализм, использованный автором в тексте, несёт негативную коннотацию, автор с пренебрежением относится к «убежантам», осуждает названную категорию лиц.

Среди окказионализмов, обозначающих наименования групп лиц по их основной деятельности или другому социальному признаку, наблюдаются лексемы, содержащие в своём составе аббревиатуры. Такие образования экспрессивны, несут дополнительный негативный оттенок значения (пренебрежение, неуважение): «ТЦКшники», «ВСУшники».

Пятая группа представлена окказионализмами – наименованиями социально значимых процессов или действий. Слова этой группы создаются по продуктивным моделям, их значения доступны читателям (в том числе благодаря эффекту «узнавания»): «*Совражество: в Бишкеке завершился саммит СНГ, от участия в котором, помимо Украины и Молдавии, демонстративно отказалась Армения*»). Слова «совражество» в нормативном русском языке нет, однако можно предположить, что данная лексема используется автором текста в качестве антонима слова «содружество». Лексема «содружество» в словарях определяется как «взаимная дружба, дружеское единение» [12, с. 354]. Имеющиеся в литературном словаре антонимы этого слова не передают, по мнению автора, той экспрессии, которая содержится в новом слове. Приставка со- при добавлении к существительному образует слова с общим значением «объединённая принадлежность к чему-либо» (сокурсники, сородичи, созвездие), таким образом, «совражество» – это объединение врагов. Названное слово не только привлекает внимание своей необычностью, но и позволяет автору очень точно и эмоционально описать отношения между некогда «братскими» республиками, входящими сейчас в состав Содружества Независимых Государств.

К этой же группе мы отнесли окказионализм «дефабержировать» («*Например, дефабержировать «спортсменок» перед стартом*»), который выполняет сразу несколько функций: экспрессивизация, эвфемизация и создание комического эффекта. Уникальность слова в том, что реализуются эти функции с помощью включения в состав индивидуально-

авторского образования прецедентного имени «яйца Фаберже» – так называется серия ювелирных изделий фирмы Карла Фаберже, созданная по заказу Российского Императорского дома. Приставка де-, использованная для образования окказионализма, обозначает удаление, отмену, прекращение, устранение чего-либо (деблокировать, деморализовать), то есть слово употребляется в значении «удалить половые железы, оскопить». Комический эффект создаётся включением в контекст существительного «спортсменок» (кавычками автор призывает увидеть иронию в его словах).

Таким образом, проведенный нами анализ лексики в текстах отдельных авторских телеграм-каналов, позволил выделить пять тематических групп окказионализмов: 1) наименования известных личностей и политических деятелей; 2) названия стран и иных географических объектов; 3) окказионализмы-этнонимы, указывающие на принадлежность группы лиц к той или иной народности; 4) наименования групп лиц по их основной деятельности или другому социальному признаку; 5) наименования социально значимых процессов или действий. Кроме прочих функций, индивидуально-авторские образования направлены на экспрессивизацию текста. Вне зависимости от особенностей тематической группы, в которую входит окказиональное слово, при его образовании может быть использован один из способов усиления экспрессивности самого новообразования и, следовательно, текста:

- непродуктивный способ словообразования;
- выстраивание конкретного (по замыслу автора) ассоциативного ряда, сравнение с чем-либо или с кем-либо;
- нестандартная, необычная подача информации об «основной деятельности» или индивидуальной особенности лица;
- усиление роли контекста;
- русификация иностранного имени собственного;
- реализация подчеркнуто негативной коннотации;
- реализация положительной коннотации путём отнесения объекта к числу «своих»;
- использование неязыковых средств (иллюстрация);
- нарушение орфографической нормы;
- использование слова в несвойственном ему значении;
- создание ассоциативного ряда на основе исторического факта;
- использование аббревиации;
- использование прецедентного имени.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – Глав. ред. М.В. Лазарева. – М.: «Советская энциклопедия», 1966. – 608 с.
2. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов / Т.В. Жеребило. – 5-е изд., испр. и доп. – Назрань: ООО «Пилигрим», 2010. – 486 с.
3. Земская Е.А. Современный русский язык. Словообразование: учеб. пособие / Е.А. Земская. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Флинта: Наука, 2011. – 328 с.
4. Кузнецов С.А. Большой Толковый словарь русского языка / С.А. Кузнецов. – Спб: «Норинт», 2000. – 1536 с.
5. Матвеева Т.В. Полный словарь лингвистических терминов / Т.В. Матвеева. – Ростов н/Д: Феникс, 2010. – 562 с.
6. Пацула Ю.Н. Окказионализмы новейшего времени: структурно-семантический и функционально-прагматический аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук : спец. – 10.02.01 «Русский язык» / Ю.Н. Пацула. – Ростов н/Д, 2005. – 28 с.
7. Самыличева Н.А. Окказиональные слова как средство экспрессивизации газетного текста (на материале нижегородских СМИ): автореф. дис. ... наук : спец. – 10.02.01 «Русский язык» / Н.А. Самыличева. – Нижний Новгород, 2011. – 24 с.

8. Словарь русского языка: в 4 т. Т. I. А-Й / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А.П. Евгеньевой. – 3-е изд. стереотип. – М.: Русский язык, 1985. – 969 с.
9. Словарь русского языка: в 4 т.С. Т. II. К-О / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А.П. Евгеньевой. – 3-е изд. стереотип. – М.: Русский язык, 1986. – 736 с.
10. Смольникова Н.А. Окказионализмы в заголовках современной российской прессы: редакторский взгляд / Н.А. Смольникова // Слово – текст – смысл : [сб. студен. науч. раб.] – Екатеринбург: Урал. уос. ун-т, 2008. – Вып. 3. – С. 130–134.
11. Толковый словарь русского языка. В 4 т. Т.1. А-Корюдины / Сост. Г.О. Винокур, Б.А. Ларин, С.И. Ожегов, Б.В. Томашевский, Д.Н. Ушаков; под. ред. Д.Н. Ушакова. – М.: Гос. ин-т «Сов. энцикл.» ОГИЗ, 1935. – 1562 стб.
12. Толковый словарь русского языка. В 4 т. Т.4. С-Ящурный / Гл. ред. Б.М. Волин, Д.Н. Ушаков; Сост. Г.О. Винокур, Б.А. Ларин, С.И. Ожегов, Б.В. Томашевский, Д.Н. Ушаков; под. ред. Д.Н. Ушакова. – М.: Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1940. – 1502 стб.
13. Фельдман Н.И. Окказиональные слова и лексикография / Н.И. Фельдман // Вопросы языкознания. – 1957. – Вып. 4. – С. 66–73.
14. Юдина А.Д. Окказионализмы, мотивированные именами собственными / А.Д. Юдина // Вестник РГПУ им. А.И. Герцена, 2020. – Вып. 195. – С. 126–134.

Поступила в редакцию 01.12.2023 г.

OCCASIONAL VOCABULARY AS A MEANS OF TEXT EXPRESSIVENESS IN TELEGRAM CHANNEL

N.V. Egorova., Yu.V. Shchipanova, Yu.A. Oleynik

The paper deals with the occasionalisms used in the text of modern telegram channels. The relevance of the research is due to the need to study the linguistic possibilities of occasionalisms not only as a means of attracting attention, but also as an effective means of text expressiveness. In the course of the telegram channel texts analysis, various methods and techniques have been applied, among them are continuous sampling, analysis, synthesis and differentiation of occasional lexemes. The following main thematic groups of occasionalisms have been singled out: names of famous personalities and political figures, names of countries and other geographical objects, occasional ethnonyms indicating the appurtenance of a group of people to a particular nationality, names of groups of persons by their occupation or another social attribute, names of socially significant processes or actions. The most effective ways of enhancing expressiveness of the author's individual style and the text as a whole have been determined.

Key words: occasionalism, author's individual style, telegram channel, way of formation, function of occasionalism, expressiveness, abbreviation, precedent name.

Егорова Наталья Валентиновна.

Кандидат филологических наук.
ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет».

Доцент кафедры русской филологии и методики преподавания русского языка.

E-mail: stella-env@yandex.ru

Щипанова Юлия Владимировна.

Кандидат филологических наук.
ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет».

Доцент кафедры русской филологии и методики преподавания русского языка.

E-mail: yuliya_yuliya_77@mail.ru

Олейник Юлия Александровна

ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет».

Студент.

e-mail: Julia_09_0_02@mail.ru

Egorova Natalia Valentinovna.

Candidate of Philology.

Orenburg State University.

Associate Professor at Department of Russian Philology and the Russian language Teaching methods.

E-mail: stella-env@yandex.ru

Shchipanova Yulia Vladimirovna.

Candidate of Philology.

Orenburg State University.

Associate Professor at Department of Russian Philology and the Russian language Teaching methods.

E-mail: yuliya_yuliya_77@mail.ru

Oleynik Yulia Alexandrovna

Orenburg State University.

Student.

E-mail: julia_09_o_02@mail.ru

УДК 811.8

ЛЕКСИЧЕСКАЯ АФФИКСАЦИЯ В САЛИШСКИХ ЯЗЫКАХ В АРЕАЛЬНО-ТИПОЛОГИЧЕСКОМ ОСВЕЩЕНИИ

© 2023 *О.Н. Иконникова¹, С.С. Калинин²*¹*ЧОУ ВО «Таганрогский институт экономики и управления»*²*ОАНО ВО «Международный славянский институт»*

Лексическая аффиксация является одной из характерологических черт салишской языковой семьи. Лексические суффиксы салишских языков определяются как закрытый класс связанных морфем, выражающих субстантивные значения. При этом лексические суффиксы в большинстве случаев не обнаруживают синхронных или диахронных связей с соответствующими независимыми субстантивными формами. Указанная черта составляет одну из отличительных типологических особенностей салишской семьи языков. Выявлены также и характерологические особенности лексической аффиксации салишских языков в ареально-типологическом сопоставлении с языками другой генеалогической принадлежности, в которых обнаруживаются структурно и типологически схожие морфемы, а именно: с языками вакашской, цимшианской, чимакумской, чукотско-камчатской, ирокезской, каддоанской, алгонкинской, паноанской, тотонакской и аравакской семей, группе атабаскских языков, семьи на-дене и эскимосских языков эскимосско-алеутской языковой семьи, а также языках-изолятах тараско, тиви и мапудунгун. Ареальное распределение языков с наличием лексической аффиксации демонстрирует, что большинство из них принадлежат к циркумтихоокеанскому союзу, что может указывать на нее как на ареально-типологическую черту языков данного союза, которая получила широкое «волновое» распространение.

Ключевые слова: лексический аффикс, лексический суффикс, типология лексических аффиксов, аффиксальный предикат, салишские языки, языки циркумтихоокеанского языкового союза, языки коренных народов Северной Америки, языки коренных народов Центральной Америки, языки коренных народов Южной Америки, типологические характеристики языков коренного населения Америки.

Введение. Салишские языки представляют собой одну из аборигенных семей индейских языков Северной Америки. Их можно охарактеризовать как полисинтетические языки. Согласно типологической классификации Й. Маттиссен [20, с. 72–73] они являются аффиксационными полисинтетическими языками, которым свойственны слабая частеречная дифференциация, в частности, отсутствие «жесткой» границы между именем и глаголом, а также отсутствие именной инкорпорации. Многие лексические и лексико-грамматические значения, вместе с тем, в салишских языках передаются с помощью лексических аффиксов (далее ЛА).

Термин «лексический суффикс» (lexical suffix, далее обозначается как ЛС), по всей видимости, впервые был употреблен в работе Д. Кинкейда [15], и, вероятно, получил свое название ввиду того, что данные аффиксы связаны со сферой не грамматики, а лексики. В то же самое время ЛС является связанной морфемой, которая не может употребляться самостоятельно, что и обуславливает наименование данной морфемы как «суффикса» в постпозиции глагольного корня. ЛС как характерная типологическая черта салишских языков были отмечены во многих исследованиях, начиная еще со времен Э. Сепира: из современных работ здесь можно указать обзорную статью Г. Дэвиса [10, с. 461–462].

ЛС составляют несколько условно выделяемых семантических классов, таких как «части тела», «феномены природы» (деревья, растение, волна, земля, ягода), «предметы, сделанные человеком» (каноз, одежда, ткань, одеяло, стрела):

колумбийский венатчи *skintwill*
skint=will
индейский=**каноз**
'каноз'

колумбийский венатчи *wawakiʔalp*
wawakiʔ=alp
дуб-**дерево**
'дуб'

кёр-д'ален *hin xasi 'lgwas*
hin-xas=i'lgwas
ЛОС-хороший-**сердце**
'Он добрый' (букв.«быть хорошим сердцем, умом»)

северный стрейтс (саанич) *Øiʔiws*
Øiʔ=iws
строить-**тело**
'Она оделась' (букв.«создавать тело»)

сквамиш *tkaiaʔn*
tk=aiaʔn
слушать-**ухо**
'слушать' (букв. «слушать ухом»)

сешельт *ylɥlsin*
yl-yl=sin
крутить(RED)-**нога**
'возвращаться'.

Класс соматических лексических суффиксов, обозначающих части тела является одним из многочисленных и составляет более половины во всех ЛС, которые насчитывают от 50 до 100 единиц в зависимости от языка. При этом в синхронии ЛС демонстрируют наличие полисемии во всех салишских языках. Например, соматический ЛС со значением 'рот' имеет разные значения:

кёр-д'ален *-tsin* (- *tsan*, - *tsEn*)
'рот, край, берег'

северный стрейтс (саанич) *-aØin*
'рот, щека, язык'

северный стрейтс (самиш) *-asən*
'рот'

лиллуэт *-c*
'рот, грань, отверстие, еда, язык'

спокан *-cin*
 ‘рот, губы, речь, язык, еда’

белла-кула *-uts*
 ‘рот, ротовое отверстие, речь, еда, дверь, берег, грань, режущая кромка ножа, прилив, канал, река’

халкомелем *-aŋ*
 ‘рот, губы, край, граница’

лушucid *-ucid*
 ‘рот, водоем, река, язык, дверной проем’

сквамиш *-c*
 ‘рот, губы, край, отверстие, дверь’

колумбийский венатчи *-cin (-cn)*
 ‘рот, грань, язык, ручей, еда’
-cn (-cin)
 ‘рот, губы, язык, речь’

тилламук *-dzin*
 ‘рот’

шусвап *-cin*
 ‘рот, голос’.

Таким образом, на примере вышеуказанных ЛС можно видеть, как они постепенно развивают и расширяют исходные соматические или предметно-конкретные значения.

Основная часть. Соматические суффиксы широко используются при конструировании нового языкового материала, соответствующего существительным, прилагательным, глаголам индоевропейских языков; и этот процесс является продуктивным в синхронии, даже детерминирует степень владения салишским языком носителем. Более того, мы наблюдаем, что в узусе полисемия суффикса не всегда предсказуема, так как комбинация корня и лексического суффикса могут приносить новые семы суффикса в пропозициональной единице. Продемонстрируем это явление на примере ЛС с базовой семемой «рот» на материале различных салишских языков (здесь исходный ЛС и его русскоязычное соответствие выделены полужирным шрифтом):

кёр-д’ален *k'u'łtsntsut*
k^wul’=cin-t-sut
 делать-**рот**-TRANS-REFL
 ‘готовить’ (букв.«готовить еду, для своего рта») (полисемия ЛС ‘рот → еда’)

северный стрейтс (саанич)
x^w-māk^w=ŋi-tsx^w

LOC–морщить-рот-TRANS-3O-2S

‘Ты поцеловала его’ (букв. «сморщить губы») (полисемия ЛС ‘рот → губы’)

северный стрейтс (саанич)

sətx^w=aʔən-sen-ʔal

закрыть-рот-1S-предел

‘Я замолчал’ (букв. «закрыл рот до предела»)

клаллам *nəx^wsaʔəti:sən*

nəx^w-s-aʔmi=ucn

LOC-s –язык.клаллам=рот

‘язык клаллам, говорить на языке клаллам’ (полисемия ЛС ‘рот → язык’)

лиллуэт *ʔat:sa:n*

ʔat-s-an

кормить=рот-TRANS

‘кормить’ (букв. «кормить едой») (полисемия ЛС «рот → еда»)

лиллуэт *sa:k^w-c*

sa:k^w=c

расстилать-рот

‘скатерть’ (букв. «расстилать еду/рот»).

Лексические аффиксы являются характерной особенностью не только салишских языков. Встречаются они и в других языках коренного населения Америки. В частности, они имеются в вакашских языках, которые распространены в непосредственной территориальной близости от салишских языков.

Вакашские языки демонстрируют огромное разнообразие различных типов лексических аффиксов. В частности, оно типично для южновакашских языков (нутка, нитинат и маках). Общее число ЛС в вакашских языках очень велико: так, в нутка и в маках их имеется около 500 в каждом языке (см. [9, с. 95]). Достаточно разнообразна и семантика, передаваемая ЛС вакашских языков, которая сближается с семантикой ЛА салишских языков. Так, среди вакашских ЛС представлены локативные, ориентационные, инструментальные, контейнерные, номинализирующие, вербализирующие, количественные суффиксы, примеры которых приводятся ниже:

ЛС языка нутка:

ʔi'h^w=(š)tu'p

большой=вещь

‘кит’ [9, с. 194]

mat='aʔa-ma'-ʔala

холодный=на.скалах-IND-НАВ

‘на скалах всегда прохладно’ [9, с. 202]

iʔat=(č)i:t-šil- 'aλ-λa:

стрела=делать-PRF-ТЕМП-снова

‘Они снова стали делать стрелы’ [9, с. 188]

Кроме того, лексические аффиксы отмечены и в других языках коренного населения Северной Америки, относящихся к так называемому языковому союзу северо-западного побережья: они встречаются в цимшианских (в частности, в нисга’а) и в чимакумских языках (зафиксированы в квилеуте).

Как отмечается М.-Л. Тарпент [23, с. 716], лексические суффиксы в языке нисга’а очень малочисленны (в отличие от салишских и вакашских языков): «настоящих» производных от именных основ лексических суффиксов в этом языке найдется не более десятка. Производные суффиксы перечисляются в работе [23, с. 717–721], приведем пример:

qamksi:wá:=mq

белый.человек=язык/речь

‘английский язык’ [23, с. 719]

М.-Л. Тарпент упоминает и о наличии лексических префиксов в нисга’а, которые, в отличие от суффиксов, функционируют по продуктивным словообразовательным моделям, многие из них передают глагольные значения и легко могут подвергаться грамматикализации [23, с. 571-572].

В языке квилеут, согласно данным М. Андраде [3, с. 193–202], имеется большое количество лексических аффиксов различного типа. В этом языке представлены как аффиксы, передающие глагольную семантику, так и аффиксы, передающие именную семантику. Кроме того, в квилеуте представлены аффиксы, выражающие локативные, темпоральные, модальные, инструментальные и пр. значения. Примеры:

paqe=’tal

работать=место.в.котором.совершается.что-либо

‘мастерская’ [3, с. 195].

t’sixile=qusa’

верхний=сторона.каноз

‘верхняя часть каноз’ [3, с. 195].

Имеются структурно и типологически близкие лексическим аффиксам морфемы и в ирокезских языках (чероки):

àta

вода

gà-nèèhnée-’a

3SG-давать-PRES

‘Она дает ему воды’ [19, с. 112]

Представленный выше пример лексического аффикса функционально и типологически близок глагольным ЛС вакашских языков. Лексическая аффиксация представлена и в других ирокезских языках, например, согласно выводам А.И. Виняра, она имеется в языке онейда [1, с. 11–12].

Присутствует она и в алгонкинских языках оджибве и блэкфут. В оджибве имеется значительное количество аффиксальных глагольных предикатов, в частности, суффикс *-ke*, значение которого может быть интерпретировано как ‘делать’ либо

'совершать различные действия с вещами и субстанциями' (строить дом, готовить еду, разводить огонь и т.п.); *-i* со значением 'иметь'; *-wi* с экзистенциальным значением [18, с. 101–102, с. 106, с. 107]. В блэкфут аффиксальные предикаты *-oo* и *-ip*, выражающие семантику движения, являются связанными, они должны сопровождаться превербами [26, с. 21]. Ниже приводятся соответствующие примеры:

Оджибве:

Eric gii-naboob-ke-w

Эрик PST-суп-делать.VAI-3SG.S

'Эрик готовил суп'[18, с. 102]

Блэкфут:

Nit-ii-so-oo

1-PST-в.воду-идти.AI

'Я шел в воду'[26, с. 121]

Следует заметить, что лексическая аффиксация в этой языковой семье значительно отличается от «прототипической» аффиксации по салишскому и вакашскому типу. В оджибве и блэкфуте именная инкорпорация и лексическая аффиксация функционируют параллельно. При этом строение предикатной вершины в алгонкинских языках допускает относительно свободное, не ограниченное жесткой схемой словоформы присоединение значащих формантов и включение именных групп (см. [13, с. 14–16]). Тем самым морфосинтаксис этих языков отличается от строго организованных и жестко упорядоченных салишских словокомплексов.

Среди других североамериканских языков, в которых имеются лексические аффиксы, можно упомянуть атабаскские языки и каддоанские языки (например, сам язык каддо). Ниже приведен пример из атабаскского языка коюкон, демонстрирующий лексические аффиксы соматического и локативного класса:

y-e-do-hu-de-l- 'eeh

3.OBL-к-рот-область.пространства-слово-DETRANS.TRANS-действовать:IPF

'он/она читает это', буквально: 'он/она действует словесно на область пространства по направлению к этому'[14, с. 507]

Пример из языка каддо демонстрирует распространенность голофразисных конструкций с именным значением, производных от связанных глагольных аффиксов:

nak-yi-ka-dts

INST-DEFOC.AGT-PREVB-мыть

'мыло' (буквально – 'то, при помощи чего моют') [7, с. 587]

За пределами распространения индейских языков, наиболее близкими аналогами лексических аффиксов являются аффиксальные глаголы эскимосско-алеутских языков, представляющие собой связанные морфемы глагольной семантики, не встречающиеся в свободном виде вне глагольных словокомплексов. В частности, они представлены в восточногренландском эскимосском языке:

siki-kkiiq-pu-q

лед-идти.по/через-IND-3S
 ‘Он идет по льду’ [24, с. 59]

Аффиксальные глаголы эскимосских языков могут передавать разнообразную семантику (в частности, семантику движения, что демонстрирует пример выше). Кроме того, среди таких глаголов представлены экзистенциальные глаголы, посессивные глаголы, глаголы, обозначающие конкретные действия, а также так называемые «легкие глаголы», лексическая семантика которых расширилась от конкретного к абстрактному значению.

Подобное явление встречается и в других языках субарктического региона, а именно, в языках чукотско-камчатской семьи, за исключением ительменского. Так, например, в языках этой семьи засвидетельствованы аффиксальные предикаты, употребляющиеся исключительно как связанные морфемы (см. работу А.И. Виняра и соавторов о чукотских аффиксальных предикатах [25]). Примечательно, что в работе Т. Куребито [16, с. 65–66] такие морфемы именуется «лексическими аффиксами». По своим свойствам чукотские аффиксальные предикаты функционируют аналогично аффиксальным глаголам или «легким глаголам» эскимосско-алеутских языков, однако, они могут передавать более широкий спектр значений: они выражают не только «идею» глагольности, но и субстантивности, адъективности, при этом всегда функционируют в предикативном употреблении:

qaa-yete-yʔ-e
 олень-искать-ТН-2/3SG.S
 ‘Они искали оленей’ [25, с. 7].

Наличие лексической аффиксации зафиксировано и в Австралии, в частности, в куньвинькуской семье (язык далабон, см. об этом более подробно статью Н. Эванса [11]), а также в языке-изоляте тиви, распространенном на островах Мелвилл и Батерст у побережья северной Австралии. В тиви получила крайне широкое развитие инкорпорация аргументных имен и именных групп в состав глагольной вершины. Помимо этого, в данном языке зафиксировано параллельное существование свободных имен и связанных именных аффиксов, обладающих идентичной лексической семантикой: имеется 100-150 связанных инкорпорированных форм, для которых имеются параллельные свободные формы [17, с. 160]. Последние употребляются только в составе глагольных словокомплексов, как и в гренландском эскимосском. Ср. следующий пример из тиви (далее *kukuni* – свободная лексема, *-tang-* – связанная форма, входящая в состав инкорпоративного комплекса):

свободная форма
Kaghi kukuni awungarra nga-nti-ri-ki-yamuk-urughi
 PREP вода здесь 1.PL.INCL-P-CONN-вечер-вместе-ставить
 ‘Здесь, у воды, мы вечером разобьем лагерь’ [17, с. 396]

связанная форма
ta-ma-jingi-mang-ini
 EMPH-CON.M-внутри.какого-либо.объекта-вода-держать
 ‘Держи воду в сосуде!’ [17, с. 166]

Представлены языки с лексическими аффиксами и в Центральной и Южной Америке. Так, например, такое явление обнаруживается в мексиканском языке тараско (пурéпеча). В этом языке имеются локативные суффиксы, передающие различные конкретные пространственные значения, подобно салишским и вакашским ЛА [8, с. 683–686]. В качестве примера можно привести следующие предложения (суффиксы выделены):

waxa-ru-x-ti
сидеть-улица-AOR-ASS.3S
‘Он сидел на улице’

waxa-k'ara-x-ti
сидеть-внутри.дома-AOR-ASS.3S
‘Он сидел в доме’ [8, с. 683]

Лексическая аффиксация, типологически близкая к салишским языкам, обнаруживается и в семье тотонакских языков, распространенных в центральной части Мексики, прилегающей к побережью Мексиканского залива. В тотонакских языках имеются преимущественно только лексические префиксы с соматическими значениями, которые достаточно прозрачным образом связаны с аналогичными именами существительными в свободной форме [5, с. 11–12]. Здесь можно привести такой пример из верхненекахского языка [5, с. 12]: *ʔe:n* ‘спина’ (свободная форма) – *ʔe:-* ‘спина’ (связанный ЛА).

В тотонакских языках представлено довольно большое количество соматических ЛС: так, в уже упомянутом верхненекахском языке их насчитывается 75 [5, с. 11]. Особенностью тотонакских ЛА является и то, что они могут употребляться как в прямом, так и в метафорически переосмысленном значениях. Последнее представляет собой расширение их исходной семантики: так, ЛА могут употребляться для обозначения частей тела животных, деталей и частей различных неодушевленных объектов и сооружений [5, с. 71], кроме того, они могут приобретать локативную семантику и выражать различные события, а также функционировать в составе конструкций, аналогичных предложным конструкциям европейских языков [5, с. 13]. Эти аффиксы также могут включаться в состав различных глагольных словокомплексов. Ниже приводятся примеры из верхненекахского языка, в первом из которых соматический ЛА употреблен в прямом значении, а во втором – в метафорически переосмысленном:

lanʔs   *mat lakpa:-lás-li*
звукоподражание   QTV   щека-ударить-PRF
‘Бац! Он ударил его по щеке’ [5, с. 70]

wamá: tilmáx   *laka-wi:ʔ*   *mistu*
этот одеяло   лицо-сидеть кошка
‘Кошка сидит на этом одеяле’ [5, с. 72]

Во втором примере ЛА *laka-* с исходным значением ‘лицо’ используется для выражения локативной семантики, что представляет собой уже дальнейшее развитие значения этого аффикса. Так, в этом примере аффикс передает семантику нахождения

одного предмета или существа на другом сверху или над другим. Подобным образом могут функционировать и другие ЛА в верхненекахском языке.

Другие языки с такой особенностью обнаружены в Южной Америке, в частности, на территории Амазонии. Сюда можно отнести, в частности, паноанские языки, в большинстве которых, согласно описанию Д. Флека, имеется около 30 моносиллабических морфем, обозначающих части тела, либо семантические расширения этих исходных значений: такие морфемы могут присоединяться перед основной имени существительного или прилагательного либо глагола [12, с. 59]. Ниже приводится пример из паноанского языка матсес, в котором, по сведениям Д. Флека, насчитывается 27 различных префиксов, обозначающих части тела [12, с. 63–67]. Таким образом, ЛА в данном языке функционально и типологически схожи с соматическими ЛА салишских и вакашских языков:

ma-nën-e-bi

голова-болеть-NPAST-1S

‘У меня болит голова’ [12, с. 79]

debi-Ø

Дэви-ABS

‘Дэви моет свои руки’ [12, с. 80]

më-pan-ad-e-k

рука-мыть-REFL-NPAST-IND

К такому же типу языков относятся аравакские языки, демонстрирующие наличие аффиксальных предикатов, функционирующих типологически схоже с аналогичными предикатами чукотско-камчатских и эскимосских языков. Аравакские языки демонстрируют чрезвычайно высокую глагольную насыщенность (Д. Пейн характеризует, например, ашининка кампа как «высокоглагольный язык» [22, с. 9]). Как пишет Д. Пейн [22, с. 19], аффиксальные глагольные предикаты в аравакских языках (в частности, в языке ашининка кампа) не могут употребляться изолированно, в виде несвязанной морфемы, например:

iroñaaka

теперь

‘Теперь он ушел’ [22, с. 185].

ir-iyaa-an-ak-i

3М-идти-DEP-PRF-NFUT

Что касается остального южноамериканского ареала, здесь следует отметить язык язык-изолят мапудунгун (он же – арауканский язык), распространенный в Чили и в Аргентине. Лексические аффиксы в мапудунгуне связаны преимущественно с обозначениями частей тела [13, с. 12]: вообще, лексическая аффиксация в этом языке имеет ограниченное распространение. Ниже приводятся примеры соматических аффиксов мапудунгун, использующихся для именной деривации:

nge-trewa

глаз-собака

‘глаз собаки’ [4, с. 98]

longko-kachilla

голова-пшеница

‘колос пшеницы’ [4, с. 598].

Доказательством того, что выделенные морфемы действительно являются лексическими аффиксами, по данным М. Бейкера и К. Фасолы [4, с. 599], является невозможность их употребления в конструкциях с именами собственными, вроде **nge-Antonio* ‘глаз Антонио’, и в свободной форме с детерминативами, например, **nge tii fachi trewa* ‘глаз этой собаки’.

Заключение. Таким образом, наряду с территорией распространения салишских языков на юго-западе Канады и северо-западе США, мы можем выделить 11 основных ареалов распространения языков (которые можно сгруппировать по 5 основным географическим зонам), где имеются лексические аффиксы или структурно и функционально подобные им морфемы (см. рис. 1: «Ареальное распределение языков с лексической аффиксацией», который представляет собой дополненную версию карты, представленной в одной из наших работ [2]):

1. Северная Америка: тихоокеанское побережье Северной Америки в районе провинции Британская Колумбия и штатов Орегон и Вашингтон, район Великих Озер, североамериканские Великие Равнины;

2. Центральная Америка: центрально-южная часть Мексики, юго-западное побережье Мексиканского залива;

3. Южная Америка: Амазония, Андский регион, южные регионы Чили и Аргентины;

4. Субарктическая территория Евразии и Северной Америки;

5. Северная Австралия (Арнемленд, о-ва Мелвилл и Батерст).

Рисунок 1. Ареальное распределение языков с лексической аффиксацией.

Данный рисунок демонстрирует, что значительная часть языков, в которых имеются лексические аффиксы или их близкие аналоги, располагается в Новом Свете:

они имеются как в Северной, так и в Центральной и Южной Америке. На этом основании наличие лексических аффиксов/аффиксальных предикатов можно считать устойчивой фреквенталией, характерной именно для языков Нового Света.

Представленное ареально-типологическое распределение языков (см. также рис. 1) показывает следующее:

1) лексическая аффиксация может сочетаться как с наличием, так и с отсутствием именной инкорпорации. Так, лексическая аффиксация имеется в чукотско-корякских языках, имеющих именную инкорпорацию, и в вакашских языках, в которых она отсутствует;

2) лексическая аффиксация зависит и от различий в устройстве словоформы конкретного полисинтетического языка. Так, лексическая аффиксация встречается в языках и с жестко упорядоченной организацией словоформ (например, в атабаскских), и в тех языках, где есть возможности для свободного присоединения формантов (например, эскимосские языки), что обусловило разнообразие ее проявлений в полисинтетических языках, с одной стороны, и трудности в ее отграничении от словосложения и инкорпорации, с другой.

Особый случай представляют эскимосские языки, поскольку территориально они распространены в нескольких частях света. Кроме того, аффиксальные глаголы встречаются и в эскимосских инуитских, и в эскимосских юпикских языках. Все же, более правильным, по-видимому, будет считать наличие лексических аффиксов в эскимосских языках тоже фреквенталией субарктического региона, потому что аналогичные явления, как было указано ранее, представлены и в чукотско-камчатских, и в атабаскских языках данного ареала (например, в языке коюкон).

Следует также отметить, что большинство из языков, в которых имеются лексические аффиксы, относятся к территориально обширному языковому союзу тихоокеанского пояса, что отмечается и другими исследователями, например А. Муром (см. сноску в [21, с. 6]). А. Муром относит сюда, помимо салишских и вакашских языков, также и цимшианские, чимакумские, эскимосско-алеутские и чукотско-камчатские языки [там же].

Существует и расширенное понимание тихоокеанского языкового союза, представленное, например, в работе Б. Бикеля и Дж. Николза, где он назван циркумтихоокеанским языковым союзом, а тихоокеанский пояс рассматривается как входящая в него область, более узкая по площади и ограниченная побережьем [6, с. 6]. При таком подходе к определению циркумтихоокеанского союза почти все из представленных в данной работе языков будут включены в него – в том числе и языки севера Австралии, и языки Амазонии, расположенные ближе к Андам и тихоокеанскому побережью Южной Америки. Таким образом, присутствие лексической аффиксации в каком-либо из представленных видов можно рассматривать, по всей видимости, как отличительную особенность языков либо фреквенталию циркумтихоокеанского союза.

Условные сокращения:

ABS – абсолютив; AGT – агентив; AI – показатель интранзитивного глагола неодоушевленного класса; AOR – аорист; ASS – ассертив; CON.M – показатель конкомитатива; CONN – коннектив; DEFOC – дефокусировка; DEP – направительная модальность; DETRANS – показатель детранзитивации; EMPH – эмфаза; HAB – хабиитуалис; INCL – инклюзивная форма множественного числа; IND – индикатив; INST – инструментальный показатель; IPF – имперфектив; LOC – локатив; M –

показатель мужского класса; NFUT – небудущее время; NMLZ – номинализатор; NPAST – непрочитанное время; O – объект; OBL – обликвис; P – предикативность; PAT – пациентив; PL – множественное число; POSS – поссессивность; PREP – предлог; PRES – настоящее время; PREVB – преверб; PRF – перфектив; PST – прошедшее время; QTV – пересказывательная модальность; RED – редупликация; REFL – рефлексив; S – показатель субъекта; SG – единственное число; TEMP – показатель темпоральности; TH – тематический показатель; TR – транзитивность; TRANS – показатель транзитивации; VAI – интранзитивный глагол одушевленного класса; 1 – первое лицо; 2 – второе лицо; 3 – третье лицо; = – лексический суффикс.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Виняр А.И. Суффиксальные предикаты в чукотском: семантика, типология и источник возникновения / А. И. Виняр // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. – 2019. – № 3 (25). – С. 9–21.
2. Калинин С.С. К ареальной типологии лексической аффиксации / С.С. Калинин // Универсальное и специфичное в вербальных традициях народов современной России: Тезисы Всероссийской научной конференции с международным участием, Новосибирск, 11–15 октября 2021 года. – Новосибирск: Общество с ограниченной ответственностью «Академиздат», 2021. – С. 64–67.
3. Andrade M.J. Quileute / M.J. Andrade // Handbook of American Indian Languages. – Ed. by F. Boas. Vol. 3. – New York: Columbia University Press, 1933. – P. 149–292.
4. Baker M.C., Fasola C.A. Araucanian: Mapudungun / M.C. Baker, C.A. Fasola // The Oxford Handbook of Compounding. – Ed. by R. Lieber and P. Štekauer. – Oxford: Oxford University press, 2009. – P. 594–608.
5. Beck D. A grammatical sketch of Upper Necaxa Totonac / D. Beck. – Munich: LINCOM Europa, 2004. – 112 p. + iii p.
6. Bickel B., Nichols J. Oceania, The Pacific Rim and the theory of linguistic areas / B. Bickel, J. Nichols. – Berkeley Linguistic Society. 2006. – 32. – No. 2. – P. 3–15.
7. Chafe W. Caddo / W. Chafe // Oxford Handbook of polysynthesis. – Ed. by M. Fortescue, M. Mithun and N. Evans. – Oxford: Oxford University press, 2017. – P. 583–602.
8. Chamoreau C. Purepecha, a polysynthetic but predominantly dependent-marking language / C. Chamoreau // Oxford Handbook of polysynthesis. – Ed. by M. Fortescue, M. Mithun and N. Evans. – Oxford: Oxford University press, 2017. – P. 667–695.
9. Davidson M. Studies in Southern Wakashan (Nootkan) grammar / M. Davidson // PhD Dissertation. – The State University of New York at Buffalo, 2002. – 471 p. + xvii p.
10. Davis H. Salish languages / H. Davis // The Routledge Handbook of North American languages. – Eds. by D. Siddiqi, M. Barrie, C. Gillon, J. Haugen, E. Mathieu. – New York–London: Routledge, Taylor & Francis Group, 2020. – P. 453–472.
11. Evans N. Polysynthesis in Northern Australia / N. Evans // Oxford Handbook of polysynthesis. – Ed. by M. Fortescue, M. Mithun and N. Evans. – Oxford: Oxford University press, 2017. – P. 312–335.
12. Fleck D.W. Body-part prefixes in Matses: derivation or noun incorporation? / D.W. Fleck // International Journal of American Linguistics. – 2006. – Vol. 72. – No. 1. – P. 59–96.
13. Fortescue M. Introduction / M. Fortescue, M. Mithun, N. Evans // Oxford Handbook of polysynthesis. – Ed. by M. Fortescue, M. Mithun and N. Evans. – Oxford: Oxford University press, 2017. – P. 1–18.
14. Kibrik A.A. Toward a typology of verbal lexical systems: A case study in Northern Athabaskan / A.A. Kibrik // Linguistics. – 2012. – Vol. 50. – Issue 3. – P. 495–532.
15. Kinkade M.D. Origins of Salishan Lexical Suffixes / M.D. Kinkade // Papers for the 33rd International Conference on Salish and Neighboring Languages. – Seattle: University of Washington, 1998. – P. 266–295.
16. Kurebito T. On lexical affixes in Chukchi / T. Kurebito // Languages of the Pacific Rim. – 2001. – 6. – P. 65–84.
17. Lee J. Tiwi today: A study of language change in a contact situation / J. Lee. – Canberra: The Australian National University, 1987. – 449 p. + vii p.
18. Mathieu E. Denominal verbs in Ojibwe / E. Mathieu // International Journal of American Linguistics. – 2013. – Vol. 79. – No. 1. – P. 97–132.
19. Mithun M. The Languages of Native North America / M. Mithun, – New York: Cambridge University Press, Cambridge Language Surveys, 1999. – 773 p.

20. Mattissen J. Subtypes of Polysynthesis / J. Mattisen // The Oxford Handbook of Polysynthesis. – Eds. by M. Fortescue, M. Mithun, N. Evans. – Oxford: Oxford University Press, 2017. – P. 70–98.
21. Muro A. Lexical affixation in Salish and Wakashan and its relevance for a theory of polysynthesis / A. Muro // Padua working papers in linguistics. – 2008. – №2. – P. 1–28.
22. Payne D.L. The phonology and morphology of Axininca Campa / D.L. Payne. – Dallas: Summer Institute of linguistics, 1981. – 285 p.
23. Tarpent M.-L. A grammar of Nisgha language / M.-L. Tarpent // PhD Dissertation. – The University of Victoria, 1987. – 908 p.
24. Tersis N. Lexical polysynthesis: Should we treat lexical bases and their affixes as a continuum / N. Tersis // Variation on polysynthesis: The Eskaleut languages. – Ed. by M.-A. Mahieu and N. Tersis. – Amsterdam–Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2009. – P. 51–64.
25. Vinyar A., Chukchi Denominal Verb Construction: Overview and Relation to Noun Incorporation / A. Vinyar, P. Kazakova, P. Naletova // Basic Research Program 58. Working Papers. Series: Linguistics. – National Research University Higher School of Economics, 2017. – 21 p.
26. Zúñiga, F. On the morphosyntax of indigenous languages of Americas / F. Zúñiga // International journal of American linguistics. – 2017. – Vol. 83. – No. 1. – P. 111–139.

Поступила в редакцию 08.12.2023 г.

LEXICAL AFFIXATION IN SALISH LANGUAGES IN AREAL-TYPOLOGICAL PERSPECTIVE

O.N. Ikonnikova, S.S. Kalinin

Lexical affixation can be considered one of the remarkable traits of the Salish language family. Salish lexical suffixes are defined as a closed class of bound morphemes expressing substantive meanings. At the same time, lexical suffixes in most cases do not reveal synchronous or diachronic connections with the corresponding independent substantive noun stems. This feature is included in a set of the distinctive typological features of the Salish languages. Characteristic features of the Salish lexical suffixation of Salish languages are also studied in an areal-typological comparison with the languages of other genealogical affiliations, in which structurally and typologically similar morphemes can be found. Among them, the following languages can be mentioned: the languages of Wakashan, Tsimshian, Chimakuan, Chukchi-Kamchatka, Iroquoian, Caddoan, Algonquian, Panoan, Totonac and Arawakan families, the Athabaskan group of Na-Dene languages and the Eskimo group of the Eskimo-Aleut language family, as well as the isolate languages of Tarasco, Tiwi and Mapudungun. The areal distribution of the languages with lexical affixation demonstrates that most of them belong to the Pacific Rim linguistic area. It enables to indicate this marker as an areal-typological feature of Pacific Rim languages, which has received a wide “wave-like” distribution.

Key words: lexical affix, lexical suffix, typology of lexical affixes, affixal predicate, Salish languages, Pacific Rim languages, indigenous languages of North America, indigenous languages of Central America, indigenous languages of South America, typological characteristics of American indigenous languages.

Иконникова Ольга Николаевна.

Кандидат филологических наук.

ЧОУ ВО «Таганрогский институт экономики и управления».

Доцент кафедры гуманитарных дисциплин.

E-mail: iconolga@mail.ru

Калинин Степан Сергеевич.

Кандидат филологических наук.

ОАНО ВО «Международный славянский институт».

Научный директор научно-образовательного центра русского языка и славянской культуры.

E-mail: rage_of_gods@inbox.ru

Ikonnikova Olga Nikolaevna.

Candidate of Philology.

Taganrog Institute of Economics and Management.

Associate Professor at Department of Humanities.

E-mail: iconolga@mail.ru

Kalinin Stepan Sergeevich

Candidate of Philology.

International Slavic Institute.

Scientific supervisor of Scientific and Educational Centre of Russian language and Slavic culture.

E-mail: rage_of_gods@inbox.ru

УДК 81'367.4

ГАЗЕТНЫЙ ПОДКОРПУС НАЦИОНАЛЬНОГО КОРПУСА РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ОБЪЕКТ КОРПУСНОЙ ЛИНГВИСТИКИ И ИСТОЧНИК ТЕКСТОВОГО МАТЕРИАЛА ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ АББРЕВИАЦИИ

© 2023 *Р.Н. Назар*

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»

В статье рассмотрен газетный подкорпус Национального корпуса русского языка как объект корпусной лингвистики и источник текстового материала для изучения аббревиации. Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения аббревиации, как процесса словообразования, включая внутренние и внешние условия, их лексикографическое описание в различные периоды, словоупотребление на материале текстов СМИ. Представлена история становления газетного подкорпуса как значимой части текстового материала Национального корпуса русского языка. Обобщены языковые особенности газетных текстов, жанровая неоднородность, примеры текстов СМИ (печатных газет, электронных агентств, региональной и зарубежной прессы), что подкреплено иллюстративным материалом. Изучена многоаспектность аббревиатурных процессов в русском языке. В процессе исследования употребления аббревиатур в текстах газетного подкорпуса применялись различные методы и приёмы: анализ, синтез, сплошная выборка лексических и текстовых единиц, сравнение значений аббревиатур с различными лексикографическими трактовками и их отражением в текстах СМИ. Сделаны выводы о роли газетного подкорпуса как обширной текстовой базы для исследования аббревиации в различных аспектах.

Ключевые слова: газетный подкорпус, Национальный корпус русского языка, аббревиация, русский язык, СМИ, лексикография.

Введение. Устный или письменный текст служит основным источником языкового материала для проведения филологических и лингвистических исследований. Анализируя тексты, лингвист может исследовать грамматические, морфологические, синтаксические, выразительные средства, частотность и продуктивность словоупотребления и сделать определённые выводы о том или ином языковом явлении. С конца XX – начала XXI столетия развитие науки и вычислительной техники дало толчок появлению огромного количества текстов в машинописном или электронном виде, что, в отличие от печатных, делает их более доступными, объединяет в библиотеки, коллекции и корпуса. Работая с большими объемами цифровых текстов, исследователь имеет возможность извлечь необходимую информацию намного быстрее и проще. Таким образом стали создаваться лингвистические корпуса, в которые тексты отбирались и размечались по различным лингвистическим методам, параметрам, репрезентативности, имели определенную систему поиска, возможность получения аналитических и статистических данных для различных экспериментальных исследований [6, с. 36].

Целью нашего исследования является изучение роли газетного подкорпуса (ГП) Национального корпуса русского языка (НКРЯ) в проведении лингвистических исследований употребления аббревиатур.

Основная часть. В мировой лингвистике еще с 50-х годов XX столетия существуют попытки собирания коллекций электронных текстов английского и французского языков. В 1978 г. академиком А.П. Ершовым была высказана идея создания «Машинного фонда русского языка» (МФ РЯ), которую попытались реализовать в 80-х годах XX столетия в Институте русского языка АН СССР Андриященко В.М., Аношкина Ж.Г., Караулов Ю.Н., Колодяжная Л.И., Шайкевич А.Я. путем размещения на сайте МФ РЯ словарей, архивов

текстов русской литературы XIX–XX столетий и газетных текстов конца 90-х годов XX века – всего около 10 млн словоупотреблений.

В 2003 г. был основан проект «Национальный корпус русского языка» (НКРЯ, www.ruscorgora.ru), который и сейчас разрабатывают два института Российской академии наук: Институт русского языка им. В.В. Виноградова и Институт проблем передачи информации им. А.А. Харкевича, в сотрудничестве с поисковой системой «Яндекс» и специалистами из Москвы, Санкт-Петербурга и других регионов.

Над созданием НКРЯ в разное время работали Аброскин А.А., Алексеевский Л.А., Архангельский Т.А., Вербицкая Л.А., Воейкова М.Д., Казанский Н.Н., Кудинов М.С., Кустова Г.И., Орехов Б.С., Плунгян В.А., Поляков А.Е., Рахлина Е.В., Савчук С.О., Сибирцева В.Г., Сичинава Д.В., Соколова Е.Г., Шаров С.А. и др. [6, с. 36–37].

Плунгян В.А. под корпусом понимает электронное собрание текстов, размеченное таким образом, чтобы в нём можно было быстро найти слова и конструкции с заданными грамматическими и другими интересными лингвистическими свойствами [9, с. 7].

Газетный материал, по мнению Савчук С.О., имеет ряд особенностей, которые нашли положительную оценку у создателей корпусов. Это и стилистическая неоднородность – когда газета, наряду с публицистическими текстами, включает художественные, официально-деловые и научно-популярные. И жанровая неоднородность – от максимально стандартизированных (строгих – хроника, информационное сообщение) до свободных (репортаж, эссе, очерк), и тематическое разнообразие текстов. Также на жанровом, тематическом, языковом составе разных изданий и их рубрик отражена ориентированность газет. Язык газеты не только оказывает влияние на практическую языковую картину, но и отражает текущее языковое употребление. В настоящее время газетный текст пришёл на смену художественной литературе, как фактор формирования языкового вкуса эпохи, поскольку он более доступен.

Все указанные выше особенности делают газетный текст более привлекательным для создателей языковых корпусов, которые включают газетный материал в состав всех больших корпусов русского языка.

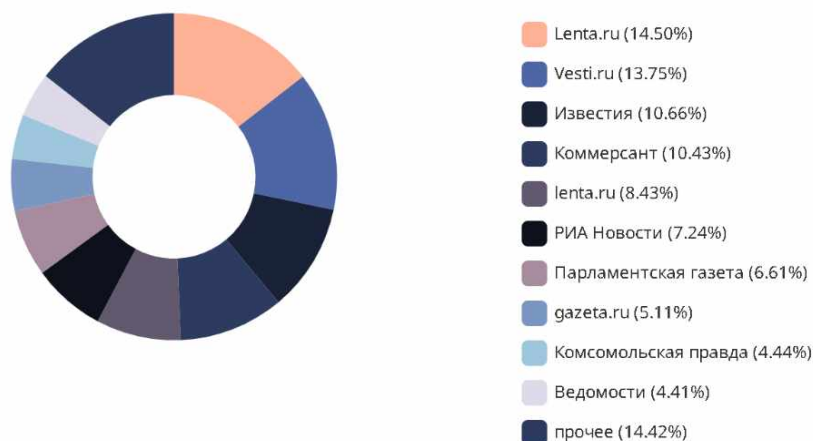
В составе основного корпуса письменных текстов НКРЯ газетный подкорпус первоначально был сформирован в виде корпуса современной прессы, который включал тексты более 100 газет за 2000–2004 годы и подбирались по таким параметрам: место выхода издания, периодичность, тематическая и политическая ориентированность, возрастные, количественные и профессиональные признаки аудитории. Подкорпус, в соответствии с принципами формирования НКРЯ, содержит только целые тексты – газеты включаются целиком, и имеют метатекстовую, морфологическую и семантическую разметки (часть текстов вошла в корпус со снятой омонимией).

Газетный подкорпус, по мере развития диахронической составляющей НКРЯ, в дальнейшем пополнялся (и продолжает пополняться) материалами газет, относящихся к разным периодам истории. Наиболее значительные коллекции относятся к периодам 1990-х годов, 1960–1980-х годов, 1900–1910 гг. Газетные тексты XX в. попадают в корпус либо в оцифрованном виде (в основном в формате djvu), либо проходят полный цикл обработки от сканирования бумажных оригиналов до перевода файлов в корпусной формат xml. Трудоемкостью и дороговизной процессов обработки «исторического» газетного материала объясняется то обстоятельство, что мы еще далеки от идеально сбалансированного корпуса газет XX века. Отчасти отсутствие газетного материала за какие-то периоды компенсируется текстами журнальной

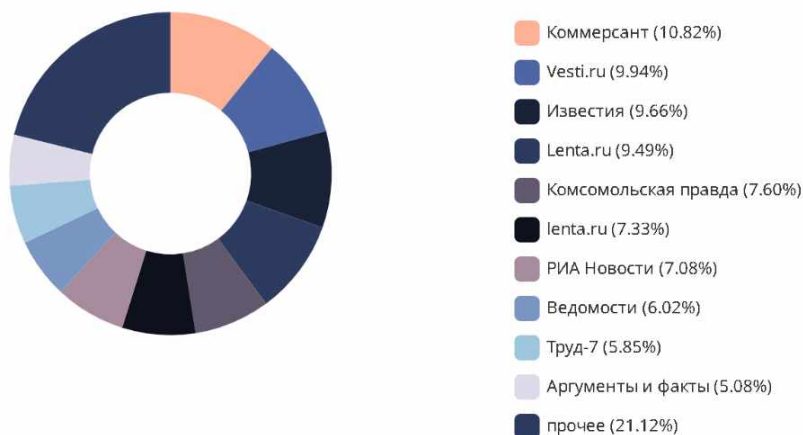
публицистики, но в планы развития НКРЯ постоянным пунктом включено и заполнение лакун в газетном подкорпусе [10, с. 151].

Газетный корпус НКРЯ состоит из центральных и региональных СМИ. Подкорпус центральных СМИ открыт в 2010 г. и охватывает статьи из средств массовой информации начиная с 1983 г. (газета «Аргументы и факты») до 2021 г. Значительные объёмы текстов СМИ, доступные в электронном виде и предоставляющие большой интерес для мониторинга языковых изменений «в режиме реального времени» (например, как появляется и становится привычным слово смартфон или расширяет употребительность предлог по), не могут быть полностью включены в основной корпус, поскольку нарушили бы его репрезентативность, как тематическую, так и хронологическую. Для отдельного газетного корпуса такого ограничения нет; по объёму это крупнейший подкорпус НКРЯ, превосходящий основной корпус и приближающийся к отметке 1 млрд словоупотреблений.

В корпус газетных текстов примерно в равном объёме включены тексты нескольких СМИ – как печатных газет, так и электронных агентств, их распределение представлено на диаграмме [7].

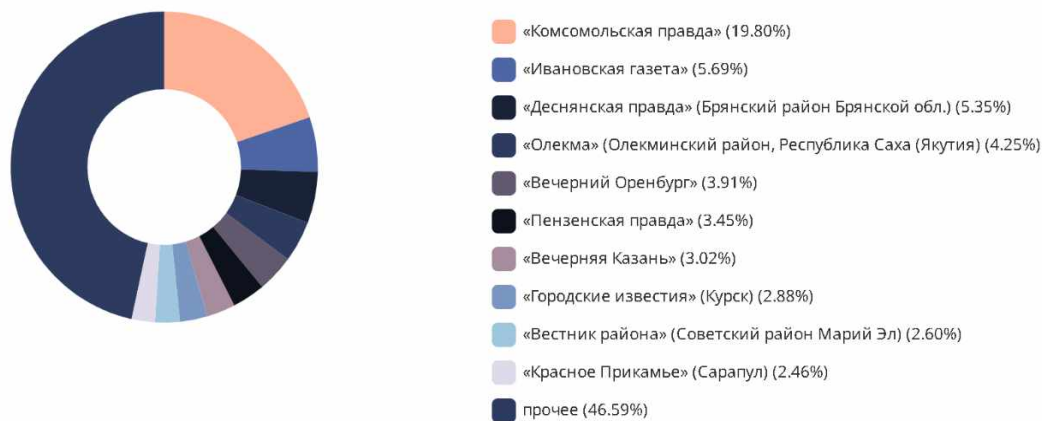

Продолжается ежегодное пополнение корпуса; каждый год выпуска должен быть представлен одинаковым объёмом текстов в несколько десятков миллионов словоупотреблений, что также отражено на диаграмме [7].

В 2015 г. в газетном подкорпусе НКРЯ стали доступны тексты региональной и зарубежной прессы – это газеты нескольких уровней: региональные выпуски центральных газет, газеты регионального уровня и местные издания (городские и районные) за 1996–2020 годы, представляющие прессу всех федеральных округов России, стран СНГ (Беларусь, Молдова, Кыргызстан) и Балтии [7].

Четыре коллекции текстов русскоязычных газет Брестской и Гродненской областей Республики Беларусь на русском и белорусском языке («Лингвистический иллюстративный корпус СМИ Гродненщины»), региональных газет России с дистанцией в 20 лет – газеты 1990–2000-х годов и СМИ 2010-х годов и региональных выпусков «Комсомольской правды» выделяются в текущей версии регионального газетного корпуса.

С которыми можно работать как с единым массивом, так и с каждой коллекцией в отдельности, что обеспечивается поиском по корпусу.

С 2022 года в региональном корпусе в тестовом режиме доступен ряд параметров. Аналогичная разметка будет распространена на все тексты НКРЯ с неснятой омонимией, написанные на современном русском языке.

Во-первых, это поиск не только с неснятой лексико-грамматической омонимией, но и по автоматической снятой омонимией. Во всем корпусе региональной и зарубежной прессы приписаны наиболее вероятные леммы и грамматические признаки. Разметка выполнена при помощи нейросетевой модели, обучавшейся на 6-миллионном корпусе со снятой вручную омонимией. Возможны ошибки в выборе грамматических помет, а также в выборе (и облике) лемм.

Во-вторых, в региональном корпусе размечены синтаксические группы, например, типы клауз (предикативных групп), группы подлежащего и сказуемого и другие параметры. Разметка также проводилась путем обучения нейросети [7].

Тексты современных СМИ и репортажа, в частности, изобилуют наличием сокращений. Демократизация языка и свобода слова способствуют применению новообразований русского языка, в том числе и аббревиатур. Начиная с конца 80-ых годов XX века публицистика перестает носить официальный характер. Аббревиация, как процесс словообразования, ярко проявляет свои возможности в разных жанрах публицистики. Доминирующие позиции в текстах занимают зачастую аббревиатуры.

Аббревиатуры прочно вошли в современные языки, их количество чрезвычайно велико, они составляют значительную часть словарного состава, проникают почти во

все слои лексики, широко применяются как в устной, так и в письменной речи. В текстах СМИ: статьях, заметках, очерках и тезисах, существует активная тенденция к широкому использованию сокращенных лексических единиц различного рода и вполне отчетливо проявляется в последнее время во многих языках. Для существования и образования аббревиатур необходимы внешние (экстралингвистические) и внутренние (внутрилингвистические) условия, например: к внешним относятся общественно-политические и научно-технические факторы, а к внутренним – условия языкового порядка. Аббревиатуры служат базой для появления новых слов, и достаточно жизнеспособны. Возникновение и частое употребление сокращённых единиц в речи и языке зависит от экономии речевых средств или принципа наименьшего усилия. Аббревиатуры являются неотъемлемыми элементами современной языковой системы; придают экспрессию тексту, а их количественная представленность в речи и языке нашего времени многократно увеличилась, особенно многочисленны инициальные сокращения буквенного и звукового характера.

В русском языке необходимо рассматривать аббревиатурные процессы многоаспектно. Определения сокращений и принципы их классификации многочисленны и неоднородны. До настоящего времени не выработаны универсальное определение и универсальная теория аббревиации. При изучении проблем слова, можно выделить следующие: значение, деривационные, мотивационные и парадигматические отношения, семантизация внутренней формы, дискурсивная и информационная обусловленность. Работы Д.И. Алексеева [1], Ю.Д. Апресяна, Е.А. Бирюковой [2], А. Вежбицкой, В.В. Виноградова, Е.А. Земской [3], Ю.В. Горшунова, Е.А. Дюжиковой, В.И. Карасика, А.Д. Краева, О.Г. Косарева, Е.С. Кубряковой, В.В. Лопатина, Р.И. Могилевского, А.С. Мурычева, Т.Г. Нургалеевой [8], Е.Н. Ожогина, Е.Д. Поливанова, Г.Г. Почепцова, Н.О. Светличной [11], В.И. Теркулова [12, 13], М.И. Тибилевой [14], А.Н. Тихонова, И.С. Улукханова, С.В. Фадеева [15], М.А. Федоровой [16], И.Н. Чуриловой [16], А.П. Шаповалова, М.А. Ярмашевич [17] и др. посвящены изучению аббревиации, сокращений и типологии аббревиатур с точки зрения грамматики, орфоэпии, прагматики, семантики, структуры. В XX и XXI столетиях исследования лингвистов о проблеме сокращений не охватывают ее полностью и дают разное толкование терминов «аббревиатура» и «аббревиация» [5, с. 37].

Объектом лексикографического исследования аббревиатуры стали в конце XX – начале XXI столетия, когда появился целый ряд специализированных словарей, нацеленных на демонстрацию расшифровок аббревиатур.

Среди наиболее авторитетных выделим «Словарь сокращений русского языка» под ред. Д.И. Алексеева (1984), «Словарь современных русских сокращений и аббревиатур» Н.Н. Новичкова (1995), «Тематический словарь сокращений современного русского языка» С.В. Фадеева (1998), «Новые сокращения в русском языке 1996–1999» под ред. И.В. Фаградянца (2000), «Словарь сокращений и аббревиатур армии и спецслужб» А.А. Щелокова (2003), «Словарь сокращений современного русского языка» Г.С. Складневской (2004), «Словарь аббревиатур. Транспорт, строительство, экономика, менеджмент, маркетинг, системотехника, информатика, геоинформатика» под общ. ред. В.И. Грицыка (2009), «Словарь аббревиатур и акронимов русского языка» И.А. Елисеева (2015) и др.

С развитием науки и техники, цифровизацией аббревиатуры представлены также на просторах сети Интернет, например, «Словари и энциклопедии “Академик”» (<https://academic.ru>), «Расшифровка аббревиатур» (<https://словобот.рф>), «Расшифровка

аббревиатур» (<https://rasshifrovka-abbreviatur.ru>), «Словарь сокращений» (<https://sokr.ru>, студия Артемия Лебедева), «Справочно-информационный портал русского языка» (<https://gramota.ru>), «Словарь сокращений и аббревиатур русского языка» (<https://словарь-сокращений.рф>), «Словарь сокращений русского языка (сводный)» (<https://rus-yaz.niv.ru>), «Словарь сокращений и аббревиатур русского языка» (<https://sokrascheniya.ru>), «Список общепринятых сокращений русского языка» (<https://poprivilam.com>blog/sokrascheniya-osnovnyue.html>), «Электронный словарь стандартизованных сокращений на русском и 25 иностранных европейских языках для библиографических записей» (<https://gpntb.ru>deyatelnost/339...slovar...sokraschenij.html>), «Русские словари» (<https://slovari.ru>), «Новейший словарь аббревиатур русского языка» (<https://netter.ru>) и др.

Отметим, однако, что в представленных словарях не отражаются семантические и стилистические аспекты функционирования аббревиатур, что вызывает некоторые трудности при их использовании широкой аудиторией читателей, а словарей использования аббревиатур в текстах СМИ и вовсе нет.

Исследуя тенденции аббревиации, необходимо учитывать противопоставление слова-лексемы как единицы системы реализованному слову-словоупотреблению. В зависимости от специфики знаний и языка, это позволяет проследить наиболее продуктивные способы вхождения в систему функционирующих в речи аббревиатур, разграничить их как закрепленные в системе языка, так и появляющиеся в речи и не ставшие фактами языка. Исследование аббревиатурного пространства дискурса является также важным.

Продуктивным способом компрессии многословных названий является создание аббревиатур, что отражено в текстах современных СМИ. Аббревиатуры, вследствие этого, во многих тематических сферах занимают доминирующее положение. Как правило, это наименования различных стран, структур, организаций: *РФ* (Российская Федерация), *ДНР* (Донецкая Народная Республика), *ЛНР* (Луганская Народная Республика), *ФГБОУ ВО «ДонГУ»* (федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет»), *ФИЯ* (факультет иностранных языков), *Филфак* (филологический факультет) и др. Аббревиатуры отражают стремление говорящих предельно сократить текст сообщаемого, используя минимальное число языковых средств, т. е. обладают наибольшей степенью имплицитности в языке. Сложносокращенные слова выступают в роли своеобразных синонимов тех многословных названий, от которых они образованы. Например: *вуз* (высшее учебное заведение), *ВО* (высшее образование), *ВПО* (высшее профессиональное образование), *УМС* (учебно-методический совет). Некоторые учебные заведения за свою историю сменили несколько названий, например: *МИСИ* и *МакИСИ* (Макеевский инженерно-строительный институт), *ДонГАСА* (Донбасская государственная академия строительства и архитектуры), *ДонНАСА* (Донбасская национальная академия строительства и архитектуры), *ГОУ ВПО «ДОННАСА»* (Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донбасская национальная академия строительства и архитектуры»), *ФГБОУ ВО «ДОННАСА»* (Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донбасская национальная академия строительства и архитектуры»). За счет аббревиатур происходит увеличение языкового кода, что дает значительную экономию на уровне текста. Благозвучность является важным условием закрепления аббревиатур в языке. Однако в исследуемый период проявилась тенденция к возникновению неблагозвучных единиц в текстах современных СМИ: *АД* (автомобильные дороги и артериальное давление), *ГЕИ*

(государственная единая инспекция), *гр. ЗАД-51* (группа заочников автомобильные дороги – 51), *ЗАМКОМ по МОРДЕ* (заместитель комитета по морским делам), *МУДО* (Муниципальное учреждение дополнительного образования), *ПДРС* (полицейская дорожно-регулирующая служба), *ПИДР* (полицейский инспектор дорожного движения), *ПИЗДЮН* (полицейский инспектор защиты детства и юношества), *ПИСКА* (полицейский инспектор службы контроля за автотранспортом), *ПУППС* (полицейское управление патрульно-постовой службы), *ОПСОС* (отдел полиции соблюдения общественного спокойствия) и др. Лексикализация аббревиатур, сознательное приобщение их к обычным лексическим единицам является своеобразной реакцией на аббревиатурное перенасыщение [4, с. 74]. Активизация этих предельно экономных и семантически емких номинативных единиц обусловлена появлением в реальной действительности сложных денотатов, требующих для своего обозначения многокомпонентных наименований.

Обратимся к изучению вопроса о способах ввода сокращений и их расшифровок в тексты современных СМИ на материале газетного подкорпуса центральных и региональных СМИ Национального корпуса русского языка.

В процессе исследования употребления аббревиатур в текстах ГП НКРЯ применялись различные методы и приёмы: анализ, синтез, сплошная выборка лексических и текстовых единиц, сравнение значений аббревиатур с различными лексикографическими трактовками и их отражениями в текстах СМИ. Нами проанализированы более 20000 аббревиатур и сокращений русского языка по количеству значений (расшифровок), частоте употребления в текстах, количеству текстов, количеству аббревиатур в текстах, количеству значений в текстах и определено 980 наиболее продуктивных, имеющих 500 и более упоминаний. Рассмотрим их далее на примерах.

Так, по количеству значений (расшифровок) наиболее продуктивными являются: *ПП / пп* (206), *СП* (140), *КС* (139), *СК* (127), *ПК* (125), *ПС* (108), *КП* (106), *ПР / пр* (106), *ОП* (105), *МК* (101), *МП / мп* (99), *МС* (97), *ТС* (93), *ВК* (91), *ТК* (90).

По частоте употреблений в текстах ГП НКРЯ наиболее частотные: *США* (897606), *РФ* (611403), *млн* (541306), *РИА* (533367), *г/г* (472841), *млрд* (424957), *руб. / РУБ* (391130), *тыс.* (329942), *м* (311738), *СМИ* (192263), *МВД* (178923), *ООН* (155962), *МИД* (131812), *ЕС* (130373), *СССР* (125493).

Упомянутыми в наибольшем количестве текстов ГП НКРЯ нами определены следующие: *РИА* (397035), *США* (374978), *РФ* (353205), *млн* (206702), *м* (162881), *г/г* (153368), *млрд* (147242), *тыс.* (145681), *СМИ* (142284), *ТАСС* (115884), *руб. / РУБ* (115715), *МВД* (102973), *ИТАР-ТАСС* (97835), *МИД* (79595), *ООН* (68767).

По количеству значений в текстах ГП НКРЯ аббревиатуры расположились следующим образом:

№	Количество значений в текстах ГП НКРЯ	Количество аббревиатур	Значение
1	24	1	<i>РП</i>
2	12	1	<i>НТС</i>
3	10	1	<i>ОП</i>
4	9	3	<i>НПК; РС; СПК</i>
5	8	2	<i>ПУ; РК</i>
6	7	7	<i>ГС; МБК; НПС; ПС; РСР; СБ; СД</i>
7	6	11	<i>ДС; МБ; ОК; РПП; СИБ; СК; СКП; СНП; ССГ; ТПК; ФАП</i>

8	5	15	ГСП; ЕК; МФК; ОЗК; ПГ; ПД; ППС; ПТ; РВК; РСК; СДС; СПС; СР; СЭС; ТМ
9	4	39	ВАО; ГМ; ГП; ГТ; ДП; ДПС; КП; КТК; КЦ; МЖК; МПК; НГ; НИС; НРК; ОПС; ПМ; ПН; ПСК; ПТК; РА; РАО; РГО; РМ; РН; РСМ; РТК; САР; САС; СКМ; СКР; СМП; СП; СПГ; СТС; СУ; ТБ; ТКС; ТТ; ФСК
10	3	83	ВСЕ ОСТАЛЬНЫЕ АББРЕВИАТУРЫ
11	2	190	
12	1	627	

Наиболее продуктивными в ГП НКРЯ являются аббревиатуры и сокращения на буквы *М* (118), *Р* (83), *С* (83), *Г* (69), *В* (58), *П* (55), *А* (51); наименее продуктивными – *Я* (2), *Х* (4), *Ш* (5), *Ю* (6), *Ж* (9), *Э* (10), *Л* (10) и непродуктивными – *Ё*, *Й*, *Щ*, *Ы*, *Ъ*, *ь*.

Заключение. Таким образом, газетный подкорпус НКРЯ служит обширной текстовой базой для исследования аббревиации. Использование НКРЯ в повседневной деятельности лингвистов становится нормой. На материале корпуса выполняют практические задания, пишут курсовые и дипломные работы, защищают диссертационные исследования. Исследователь может быстро найти пример на грамматическую конструкцию или редкое слово, проверить употребление или написание интересующих единиц. Корпус – это не нормативное пособие, язык в нём отражается не с точки зрения автора, а таким, каким он является на самом деле.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев Д.И. Сокращенные слова в русском языке / Д.И. Алексеев. – Саратов : Изд-во Саратовского университета, 1979. – 328 с.
2. Бирюкова Е.А. Функционирование аббревиатур в современной речи : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.01 Москва, 2007. – 309 с., Библиогр.: с. 246-265. – РГБ ОД, 61:07-10/1638.
3. Земская Е.А. Современный русский язык. Словообразование : учебное пособие / Е.А. Земская. – М. : Флинта : Наука, 2011. – 328 с.
4. Касьянова Л.Ю. Инициальная аббревиация в процессах неологизации русского языка [Текст] / Л.Ю. Касьянова // Русская академическая неография (к 40-летию научного направления : материалы Международной научной конференции. – СПб. : Изд-во «Лема», 2006. – С. 72–75 (0,4 п.л.).
5. Назар Р.Н. Аббревиация и сокращения в текстах современных СМИ / Р.Н. Назар // Донецкие чтения 2022: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности : Материалы VII Международной научной конференции, посвящённой 85-летию Донецкого национального университета (Донецк, 27–28 октября 2022 г.). – Том 4: Филологические науки. Часть 1 / под общей редакцией проф. С.В. Беспаловой. – Донецк : Изд-во ДонНУ, 2022. – С. 36–39.
6. Назар Р.Н. Национальный корпус русского языка как практическая основа лингвистических исследований / Р.Н. Назар // Донецкие чтения 2023 : образование, наука, инновации, культура и вызовы современности : Материалы VIII Международной научной конференции (Донецк, 25–27 октября 2023 г.). – Том 4 : Филологические науки. Часть 1 / под общей редакцией проф. С.В. Беспаловой. – Донецк : Изд-во ДонГУ, 2023. – С. 36–38.
7. Национальный корпус русского языка. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.ruscorpora.ru (дата обращения: 20.09.2023).
8. Нургалева Т.Г. Аббревиация как средство экспрессивного словообразования : Автореферат дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04. – М., 2010. – 19 с.
9. Плулган В.А. Зачем нужен Национальный корпус русского языка? Неформальное введение / В.А. Плулган // Национальный корпус русского языка : 2003–2005. – М. : Индрик, 2005. – С. 6–20.
10. Савчук С.О. Корпус современной русской прессы: из опыта создания и использования / С.О. Савчук // Труды Международной конференции «Корпусная лингвистика – 2011». – СПб. : Изд-во СПбГУ, 2011. – С. 149–154.
11. Светличная Н.О. Аббревиация и дезаббревиация в современном русском языке: лингвопрагматический аспект: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2009. – 15 с.

12. Теркулов В.И. Типология сокращенных конструкторов аббревиатур / В.И. Теркулов // Известия ВГСПУ. – Волгоград, 2015. – № 3 (98). – С. 127–133.
13. Теркулов В.И. Сложносокращенные слова: синхронный и диахронный аспекты описания / В.И. Теркулов // Вестник Московского университета. Серия 9 : Филология. – 2017. – № 6. – С. 73–97.
14. Тибилова М.И. Аббревиатуры-инновации: системно-описательный и лингвопрагматический аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Владикавказ, 2011. – 22 с.
15. Фадеев С.В. Тематический словарь сокращений современного русского языка. Ок. 20000 сокращений / С.В. Фадеев. – М. : РУССО, 1998. – 538 с.
16. Федорова М.А., Чурилова И.Н. Тематические группы инициальных аббревиатур терминологии охраны труда английского языка / М.А. Федорова, И.Н. Чурилова // Филологические науки. Вопросы теории и практики (входит в перечень ВАК). – Тамбов : Грамота, 2018. – № 4. – Ч. 2. – С. 399–402. ISSN 1997–2911.
17. Ярмашевич М.А. Аббревиация в современных европейских языках: структурный, семантический и функциональный аспекты : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Ярмашевич Марина Аркадьевна. – Саратов, 2004. – 481 с.

Поступила в редакцию 01.12.2023 г.

**NEWSPAPER SUBCORPUS OF NATIONAL CORPUS OF THE RUSSIAN LANGUAGE
AS OBJECT OF CORPUS LINGUISTICS AND SOURCE OF TEXTUAL MATERIAL
FOR STUDY OF ABBREVIATION**

R. N. Nazar

The article addresses the newspaper subcorpus of the National Corpus of the Russian Language as an object of corpus linguistics and a source of textual material for the study of abbreviation. The relevance of the research is due to the need to study abbreviation as a process of word formation, taking into consideration the internal and external conditions, their lexicographic description at different periods, as well as word usage based on the material of media texts. The history of the formation of the newspaper subcorpus as an important part of the National Corpus of the Russian language is presented. The linguistic features of newspaper texts, genre heterogeneity, examples of media texts (printed newspapers, electronic agencies, regional and foreign press) are considered, with the illustrative material being suggested. The multidimensional nature of abbreviation processes in the Russian language is studied. In the course of the analysis of the abbreviations use in the texts of the newspaper subcorpus, various methods and techniques have been applied, among them are analysis, synthesis, continuous sampling of lexical and text units, comparison of the abbreviations meanings with various lexicographic interpretations and their reflection in media texts. Conclusions are drawn as to the role of the newspaper subcorpus as an extensive textual basis for the study of abbreviation in various aspects.

Key words: newspaper subcorpus, National Corpus of the Russian language, abbreviation, Russian language, mass media, lexicography.

Назар Роман Николаевич.
Кандидат филологических наук, доцент.
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный
университет».
Докторант кафедры русского языка.
E-mail: nazar_roman@mail.ru

Nazar Roman Nikolaevich.
Candidate of Philology, Associate Professor.
Donetsk State University.
Doctoral student of the Russian Language Department.
E-mail: nazar_roman@mail.ru

УДК 81'27:39

АСПЕКТЫ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ДОНЧАН

© 2023 М.Н. Панчехина

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»

В статье рассматриваются базовые лингвокультуремы в речи дончан: *завод, шахта, роза, степь*. Каждая из указанных единиц является именем (ядром) для лингвокультурологического поля, внутри которого располагаются лексемы с основными и периферийными значениями, при этом периферийные значения становятся актуальными для регионально маркированных лингвокультурем, что позволяет описать модель лингвокультурологического поля как асимметричную. Между единицами, находящимися внутри лингвокультурологических полей с именами *завод, шахта, роза, степь*, устанавливаются синонимические и антонимические отношения. Синонимические отношения являются вариативными по своей сути, так как едва ли не все единицы, включённые в поле, воспроизводят основное значение и / или его оттенки. Своеобразие антонимических отношений заключается в том, что противопоставление может возникать на уровне имени (ядра) поля и лексемы с центральным значением: *шахта – террикон*. Представленные в статье лингвокультурологические поля позволяют описать специфику языковой картины мира дончан, обозначить основные аспекты лингвокультурной идентичности жителей данного региона. В исследовании применяется метод семантического (лингвокультурологического) поля, метод метаязыкового описания, описательный метод.

Ключевые слова: лингвокультурная идентичность, лингвокультурема, лингвокультурологическое поле, имя (ядро) лингвокультурологического поля, группы лингвокультурем.

Введение. Лингвокультурная идентичность субъекта – одно из ключевых понятий современной лингвистики, которое предполагает, что, «принадлежа к определённой культуре и говоря на определённом языке, личность владеет соответствующей лингвокультурой, т.е. умеет кодировать и декодировать знаки данного языка как знаки данной культуры» [4, с. 12]. Лингвокультурная идентичность субъекта проявляется в его коммуникативном поведении, а значит, нормы общения, отдельные лексико-грамматические формы, стилистически маркированные лексемы и вообще язык в широком смысле, принятый и используемый в конкретном социуме, – это аспекты описания феномена лингвокультурной идентичности.

Основополагающим для данного исследования является подход В.В. Красных, согласно которому лингвокультурная идентичность обуславливается внешними факторами, соотносящимися с лингвокультурным окружением субъекта речи и лингвокультурой в целом, и внутренними, зависящими от культурного самоопределения личности. Описание отдельных аспектов лингвокультурной идентичности базируется на теории Н.Ф. Герман: исследователь рассматривает понятие лингвокультурной идентичности субъекта в аспекте межкультурной коммуникации, выделяет «основные условия сохранения устойчивости структуры идентичности и возможности её трансформации» [3, с. 6].

Средствами выражения лингвокультурной идентичности являются лингвокультуремы – комплексные межуровневые единицы, в основе которых лежит взаимодействие лингвистического (знак, значение) и экстралингвистического (понятие, предмет) компонентов, при этом сам говорящий одновременно «и субъект коммуникации, и субъект языка, и субъект культуры» [4, с. 12].

В новейших исследованиях 2022–2023 годов существует тенденция рассматривать лингвокультурную идентичность в контексте изучения этноса. Так, в

статье Г.Т. Хухуни, И.И. Валуйцевой «выявлены и изучены факторы, оказывающие влияние на процессы сохранения / утраты этнической и лингвистической идентичности: признание / отрицание её наличия со стороны государственных органов, рассмотрение этнической общности как “коренной” или “пришлой”, квалификация идиома как “языка” или “диалекта”, религиозная составляющая лингвокультурной идентичности» [10, с. 85].

Цель данной статьи состоит в том, чтобы описать специфику лингвокультурной идентичности жителей Донецка, используя в качестве примеров устную и письменную речь дончан.

Достижению цели способствовало выполнение следующих задач:

- определить базовые лингвокультуремы в речи дончан;
- обозначить единицы, формирующие лингвокультурологические поля;
- установить тип отношений между данными единицами;
- описать место лингвокультурологических полей в структуре языковой картины мира дончанина.

Работа выполнена в рамках научно-исследовательской темы кафедры русского языка Донецкого государственного университета – «Структурно-функциональные параметры существования и развития русского языка XX–XXI столетий в его региолектном и общезыковом воплощениях» (шифр Г 20 / 7, номер государственного учёта НИОКТР 0120Д000037).

Результаты, полученные в данной работе, могут использоваться для исследования языковой ситуации в Донецке при изучении вузовских курсов «Лингвокультурология», «Этнолингвистика», «Когнитивная лингвистика».

Основная часть. Донецк формировался как промышленный город, место тяжёлого физического труда, что прослеживается при выделении первой группы базовых лингвокультурем, – это *промышленные* лингвокультуремы, к которым относятся следующие единицы: *завод* и *шахта*.

В 1869 году был заключён договор между Джоном Юзом, основателем Донецка, и царским правительством о строительстве завода по производству рельс. В этом же году было создано Новороссийское общество каменноугольного, железного, стального и рельсового производства. «Такого заводища, пожалуй, во всей империи не сыщешь другого» [5], – пишет А.И. Куприн в рассказе «Юзовский завод». При описании цикла производства А.И. Куприн широко использует метафоризацию, благодаря которой завод становится местом особой энергии и силы: «Огни коксовых печей тянулись длинными правильными рядами, иногда один из них вдруг вспыхивал и разгорался, точно огромный красный глаз. < > Казалось, гигантский апокалипсический зверь ворчит там, в ночном мраке, потрясая стальными членами и тяжко дыша огнём» [5].

Лингвокультурема *завод* представляет собой имя (ядро) лингвокультурологического поля, центр поля образован лексемами, связанными с металлургией: *гудок, железо, металл, огонь, сталь*.

Для дончан заводской гудок – один из символов города, по нему сверяют часы, а сам звук обозначает привычный для промышленного города ход жизни. О сигнале, традиционно звучащем в первый раз в пять утра, сохранились воспоминания в рабочем фольклоре. Например: «*Вставай, милочек, гудит гудочек*»; существовала и лексема с негативной окраской – *гудила*.

Интересно наблюдение Алисы Фёдоровой, которая в тексте для акции «Донецкий диктант – 2018» назвала гудок «озвученным биоритмом города», диктант завершается

следующим резюме: «Жизнь продолжается, – поёт *гудок*, – просыпайтесь, идите куда-нибудь, дышите, танцуйте, пойте, вы же живые!» [8].

Лексемы *железо*, *металл*, *сталь* используются для описания характера дончан: *железный характер*, *люди из металла*, *люди из стали*, что подчёркивает твёрдость нрава, особый тип человека, живущего в данном регионе.

Итак, лингвокультурологическое поле с именем *завод* основывается на множестве лексем, «обладающих общим (инвариантным) смыслом, характеризующих определённую культурную сферу» [2, с. 65] и имеющих социокультурное значение в конкретном регионе.

Как и *завод*, лингвокультурема *шахта* является именем (ядром) лингвокультурологического поля. Её специфика в том, что помимо собственно лексического значения «горнодобывающее предприятие, ведущее подземную добычу угля», «горная выработка с выходом на поверхность», данная единица дополняется дополнительными экстралингвистическими оттенками.

Так, для дончан *шахта* – это «место жительства» Шубина, героя шахтёрского фольклора. Он покровительствует шахтёрам и предупреждает об авариях: согласно поверьям, его видят перед взрывом метана или обрушением пласта. Образ Шубина поэтически осмысливается в одноимённом стихотворении Ольги Старушко:

*Добрый Шубин – только к шахтарям,
чья работа въелась в заусенцы:
к сыновьям земли и дочерям,
ныне – ополченкам, ополченцам.*

*В метр ростом, обушок, фонарь –
он заглянет в самый дальний угол,
чтобы жизнь беречь, как было встарь,
но в глазницах полыхает уголь...*

(О. Старушко «Шубин»)

Имя (ядро) лингвокультурологического поля *шахта* охватывает лексемы, которые являются регионально маркированными: *жужелка*, *тормозок* и общелитературными: *на-гора*, *террикон*, *уголь*. Рассмотрим каждую из них.

Лексема *жужелка*, по-видимому, обнаруживает этимологическую близость слов *уголь* и *огонь*, она обозначает сгоревший уголь, отдавший тепло для растопки печи. Лексема активно используется на южнорусской территории. Иллюстративным примером включения лексемы в художественный текст является стихотворение Алексея Парщикова «Жужелка»:

*Находим её на любых путях
пересмешницей перелива,
букетом груш, замёрзших в когтях
температурного срыва.*

(А. Парщиков «Жужелка»)

Слово, ставшее названием стихотворения Алексея Парщикова, не было понятно современникам, автор добавил сноску: *жужелка* – фрагмент шлака. Примечательно воспоминание современника поэта, Д. Бавильского: «Алексей прочитал мне это стихотворение, держа на вытянутых руках невзрачный камушек, кусок застывшей лавы, пузырчатый шлак, найденный им на обочине шоссе. Оказалось, что всё стихотворение посвящено ему, точнее, тем ассоциациям, которые

у поэта вызвал этот невзрачный объект. Не зная ключа, все эти красоты текста каждый воспринимает по-своему» [1].

Кроме *жуželки*, частотной в бытовом общении является лексема *тормозок*: изначально так называлась еда для перекуса, которую шахтёры берут с собой под землю. В настоящее время значение расширилось: слово используется для обозначения еды, которая даётся в школу детям, берётся с собой в дорогу, на любую работу.

В отличие от *тормозка*, слово *на-гора* является общелитературным. Однако для многих молодых жителей Донецка проблематично установить его значение. Указанное наречие обозначает буквально «на поверхность» (ср. «*выдавать уголь на-гора*»). Его этимология связана с шахтёрским профессионализмом: рудник и наземная часть шахты назывались *горой*. В древнерусском языке слово *гора* обозначало «наверху». В современном русском языке используются выражения типа «*извлечь на-гора смыслы*» – то есть актуализировать и разъяснить те значения, которые были неочевидными, скрытыми.

Если слово *на-гора* содержит этимологическую связь с *горой*, то буквально «донецкими горами», «донбасскими пирамидами» называют *терриконы* – отвалы породы, имеющие треугольную форму. О бытовом осмыслении лексемы свидетельствует тот факт, что дончане дают иллюстративные клички домашним животным: *Террикон*, *Террикоша*, *Тер(р)ик*.

Данная лексема используется при создании некоторых донецких эвфемизмов: «*отнести за террикон*» в значении «похоронить», «*жить за терриконом*» в значении «очень далеко», «*соорудить на голове террикон*» – сделать высокую причёску. Популярна среди жителей Донецка и фраза «*Счастье не за горами, оно – за терриконами*».

Хотя донецкие терриконы и являются именно промышленными символами Донбасса, не следует забывать о стремлении их «окультурить»: в 2023 году на биологическом факультете Донецкого государственного университета появились проекты, авторы которых предлагают создать на терриконах и рядом с ними рекреационные зоны.

Поэтизация образа «донецких гор» характерна для многих стихотворений о Донецке. Приведём фрагмент из стихотворения Леонида Мартынова:

*Вы,
степные исполины,
терриконы-великаны,
тащатся к вам на вершины
вагонетки-тараканы.*

(Л. Мартынов «Терриконы»)

Прослеживая специфику формирования лингвокультурного поля с именем (ядром) *шахта*, следует отметить особое место центральной лингвокультуры *уголь*. Это настоящее «чёрное золото», которое в речи дончан обозначается как «уголёчек», «хлеб», «хлебушек». Интерпретация угля как символа края использовалась при создании монумента «Слава шахтёрскому труду»: шахтёр держит в поднятой над городом руке угольную глыбу. Монумент расположен на Шахтёрской площади города Донецка.

Образ угля широко используется в стихотворениях о Донецке и Донбассе: в поэзии Арсения Александрова, Александры Зайцевой, Евгения Мокина, Анны Ревякиной и других. Ранее нами уже указывалось, что «Угольная элегия» Алексея

Парщикова «является способом репрезентации лингвокультуры «уголь», очевидно связанной с донецким регионом» [6, с. 39].

Примечателен фрагмент из стихотворения «Чёрный хлеб» луганского поэта Елены Заславской:

*Последний пласт. Из недоступных недр.
Наверх. Из самой преисподней.
История желает перемен
и крутит, крутит, крутит чёрный жёрнов.*

*Мы стали чёрным хлебом на войне,
а были...были золотые зёрна.*

(Е. Заславская «Чёрный хлеб»)

Как видим, данное лингвокультурологическое поле вмещает в себя систему единиц, которые «имеют не только языковое, но и своеобразное внеязыковое измерение. Их семантика является по существу единством языкового значения и внеязыкового смысла» [2, с. 59]. Представленные выше частотно используемые в языке и речи дончан слова, связанные со сферой тяжёлого физического труда, оригинально переосмысляются и наполняются метафорическими смыслами. Дополнительные значения позволяют обозначить традиционное в данной культуре отношение к предмету речи (хлеб как синоним угля), осмыслить самоопределение жителей Донецка (люди из стали), наконец, отметить несомненную мифологизацию промышленного пространства и существование в нём специфического местного типа городского просторечия – донецкого диффузного региолекта (термин В.И. Теркулова [7]).

Наряду с базовыми промышленными лингвокультурами *завод* и *шахта*, формирующими лингвокультурологические поля, функционирует и другой тип лингвокультур, который мы определили как *природные*. К данной группе относятся *роза* и *степь*.

«Городом роз» Донецк стал называться в конце 60-х – начале 70-х годов 20 века: в этот период Донецкую область возглавлял Владимир Дегтярёв, «хозяин Донбасса», поручивший высадить на территории угольной столицы два миллиона роз. Роза символизирует яркую, южную красоту города, изображение цветка используется на гербе города Донецка.

При описании лингвокультурологического поля с именем *роза* следует выделить периферийные значения, которые становятся актуальными в связи с военными действиями в Донецке: *цветок розы* – символ страданий Христа, *красная роза* – эквивалент крови, *шипы* – сопротивление войне. Как видим, для данного поля периферийные значения имеют хронологическую привязку, они не были столь актуальными для невоенного периода. Это позволяет предположить, что границы лингвокультурологического поля с именем *роза* подвижны и, вероятно, событийно обусловлены.

В языковом сознании дончан роза часто дополняется определением «*донецкая*», само определение подчёркивает идентификацию лингвокультуры с конкретным пространством, усиливает мотив регионального патриотизма. Например: «Я приехала из Москвы посмотреть на *наши розы*, на *настоящие розы*, *донецкие*», «*Донецкие розы* – это *Розы*», «Она попросила, чтобы ей продали *самые красивые розы* – *похожие на донецкие*».

Ср. в стихотворении Вячеслава Теркулова:

*Мой город, моё пространство, моя ойкумена,
мой утренний дождь
и кофе,
её кокетство –
это театра огромная
полная страсти сцена,
утопающая в розах моего Донецка.*

(В. Теркулов «Мой город, моё пространство, моя ойкумена...»)

При формировании лингвокультурологического поля с именем *роза* очевидно, что оно представляет «не столько совокупность взаимосвязанных языковых знаков, сколько совокупность культурных знаний, сведений и представлений, окружающих один языковой знак» [9, с. 79].

Здесь прослеживается тенденция, актуальная и для лингвокультурологического поля с именем *степь*: периферийное значение, маркированное региональной значимостью, перемещается в центр поля и приобретает особую семантику. Так происходит со словосочетанием *донецкая роза*, это же явление наблюдается и при использовании словосочетания *донецкая степь*.

В известной песне «Спят курганы тёмные...» *степь* – протяжённое пространство, к которому герой песни попадает «через рощи шумные и поля зелёные», но, пожалуй, самое содержательное описание даётся в финале песни:

*На работу славную,
на дела хорошие
вышел в степь донецкую
парень молодой.*

(Б. Ласкин «Спят курганы тёмные»)

Донецкая степь осмысливается как место труда и «место хороших дел», в чём прослеживается безусловная связь с образом земли-кормилицы, плодородного донбасского чернозёма. Географическое определение, стоящее перед именем лингвокультурологического поля *степь*, указывает на то, что в данной местности находится залежи угля, что сближает данную лингвокультуру с промышленными. Об особом отношении к степи говорит тот факт, что в 2022 году в Донецкой Народной Республике был создан заповедник «Степь Донецкая» – особо охраняемая природная территория, охватывающая Володарский, Краснолиманский, Славянский, Новоазовский, Тельмановский районы. Площадь заповедника составляет 3033, 2 га.

Разумеется, что *степь* является общекультурно значимым образом, однако в сознании дончан она принципиально *донецкая*, то есть *своя, наша*. Данная лексема может выступать как аналог *родной земли, родины, отеческого пространства*.

Природные и промышленные лингвокультуры, отмеченные в устных и письменных текстах о Донецке, не существуют отдельно друг от друга; лингвокультурологические поля, которые они образуют, способны пересекаться. Иллюстративным примером такого взаимодействия являются популярные в Донецке кованые розы: они изготовлены из *стали* (промышленная лингвокультура), но воплощают *донецкую розу* (природная лингвокультура).

Взаимодействие промышленного и природного начал прослеживается и в другой знаковой для Донбасса скульптуре – пальме Мерцалова. Она была выкована в 1895 году кузнецом Алексеем Мерцаловым из куска рельса, выпущенного «Новороссийским обществом каменноугольного, железного и рельсового производства». Оригинал

хранится в Санкт-Петербурге, в Донецке установлены как минимум две копии. Самой популярной является скульптура, расположенная на бульваре Пушкина, неподалёку от Донецкой областной государственной администрации, вторая копия находится рядом с выставочным залом «Экспо-Донбасс». О популярности пальмы Мерцалова говорит тот факт, что её изображение использовалось на гербе Донецкой области.

Отметим, что на образ реально существовавшего Алексея Мерцалова наслаивается прототип Гефеста – кузнеца, трудящегося в нечеловеческих условиях, в адской наковальне, укрощающего огонь. Вообще труженик, устанавливающий рекорды на производстве, борющийся со стихией, – традиционный образ для Донбасса, воплощающий мировидение и языковую картину жителей промышленного края.

Итак, выделенные лингвокультурологические поля являются подвижными, динамичными структурами, внутри которых лингвокультуремы уподоблены частицам силового поля. В лингвокультурологических полях, как было показано выше, легко выделяется имя (ядро), центральные и периферийные значения. Однако, согласно концепции В.В. Воробьёва [2], единицы внутри лингвокультурологического поля вступают в категориальные отношения, а это значит, что между ними устанавливаются синонимические и антонимические отношения.

Синонимические или вариативные отношения лексем внутри представленных полей выделяются достаточно легко. Для лексемы *завод* синонимами и её вариантами будут *предприятие, цех, комбинат, фабрика, мануфактура* и др. Для *шахты* – *выработка, горнодобывающее предприятие, копь, рудник*, для *розы* – *королева цветов, царица цветов*, для *степи* – *равнина, простор, долина*. Можно утверждать, что все лексемы, которые входят в состав поля, так или иначе дублируют основное значение, обозначаемое как имя (ядро), формируют семантические оттенки.

Проблематичным является выделение лексем, вступающих в антонимические отношения внутри указанных лингвокультурологических полей. Наиболее информативными являются антиномические отношения лексем внутри лингвокультурологического поля с именем (ядром) *шахта*. Здесь нами выделена особая лексема *террикон*, которая выполняет как минимум две основные функции: во-первых, она выступает как носитель центрального значения для выделенного поля, что уже рассматривалось выше, во-вторых, эта же лексема является контекстуальным антонимом к имени поля: *террикон* – это как бы вывернутая на поверхность шахта.

Ср. в стихотворении Алексея Парщикова:

*Молочный террикон в грозу – изнанка угля,
откуда ты не вычитаем, даже если
слоистые, как сланцы, твои дубли
все удаленнее (их тысячи, по Гессе)
от матрицы, запомнившей твой облик.*

(А. Парщиков «Мемуарный реквием»)

Таким образом, две лексемы – *шахта* и *террикон* – вступают в оппозицию, формируя асимметрию лингвокультурологического поля.

Для других лингвокультурологических полей с именем *завод, роза, степь* антонимическое значение будут нести лексемы, которые не соотносятся с данными реалиями донецкого региона. Всё, что не связано с заводом, розой, степью, – это чужое, чуждое, оторванное от местной промышленности и родной природы. Имена указанных лингвокультурных полей можно рассматривать как некие прототипы – прецедентные феномены, формирующие в речи и мышлении дончан представление о мире и малой родине, лежащие в основе языковой личности жителей региона.

Заключение. Итак, в устной и письменной речи дончан нами выделены лингвокультурологические поля с именами *завод, шахта, роза, степь*. Поля легко формируются в две тематические группы: первая – промышленная, вторая – природная.

Имена лингвокультурологических полей, выступающие как базовые лингвокультуремы, несут базовую семантику, которая усиливается благодаря лексемам со смежными понятиями. Однако для уяснения модели лингвокультурологических полей важно учитывать не только основное значение, но и периферийные смыслы. Именно они могут оказываться важными для понимания специфики лингвокультурной идентичности, так как актуализируют регионально значимые коннотации, как это было рассмотрено на примере словосочетаний *донецкая роза* и *донецкая степь*. Актуализация периферийного компонента позволяет переосмыслить структуру поля, которую мы в контексте регионально значимых лингвокультурем называем *асимметричной* – то есть такой, где периферийное значение перемещается в центр поля.

Об асимметричной структуре лингвокультурологических полей с регионально значимыми лингвокультуремами свидетельствует и тот факт, что между единицами внутри полей выстраиваются сложные антиномические отношения, при которых противопоставление возникает не на уровне основного и периферийного значения, а на уровне имени (ядра) и лексемы с основным значением: *шахта – террикон*.

Остальные лингвокультурологические поля характеризуются фактическим отсутствием антиномических единиц внутри поля, что свидетельствует об их широте и о том, что они, по-видимому, продолжают формироваться в языковой картине мира дончан.

Лингвокультурная идентичность дончан подразумевает использование в языке и речи сложных единиц – лингвокультурем, вокруг которых формируются поля смыслов и коннотаций. Лингвокультуремы позволяют обозначить тот факт, что за привычными лексемами, называющими городские реалии, скрываются дополнительные культурные смыслы, определяющие самобытность региона, его языковую уникальность и красоту.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бавильский Д. Нулевая степень морали. Алексей Парщиков [Электронный ресурс] / Д. Бавильский // Топос: литературно-художественный журнал. – Режим доступа: <https://www.topos.ru/article/1356> (дата обращения: 20.11.2023).
2. Воробьев В.В. Лингвокультурология / В.В. Воробьев. – М.: Издательство РУДН, 2006. – 331 с.
3. Герман Н.Ф. Лингвокультурная идентичность субъекта современной межкультурной коммуникации : автореф. дисс. ... канд. культурологии : спец. 24.00.01 «Теория и история культуры» / Н.Ф. Герман. – Челябинск, 2009. – 22 с.
4. Красных В.В. Лингвокультурная идентичность Homo loquens / В.В. Красных // Мир русского слова. – 2007. – № 4. – С. 11–15.
5. Куприн А.И. Юзовский завод [Электронный ресурс] / А.И. Куприн // Александр Иванович Куприн: сайт. – Режим доступа: <http://kuprin-lit.ru/kuprin/proza/yuzovskij-zavod.htm?ysclid=lp5od2iyf976957688> (дата обращения: 20.11.2023).
6. Панчихина М.Н. «Уголь» как лингвокультурема в поэзии Алексея Парщикова / М.Н. Панчихина // Вестник ДонНУ. Серия Д. Филология и психология. – 2021. – № 3. – С. 38–44.
7. Теркулов В.И. Параметры описания лексической системы диффузного региолекта (на примере донецкого региолекта русского языка) / В.И. Теркулов // Русский язык в поликультурном мире: сб. науч. ст.: в 2-х т. – Симферополь: Ариал, 2018. – Т. 1. – С. 403–408.
8. Фёдорова А. «А где у города сердце?» [Электронный ресурс] / А. Фёдорова // Сайт МБОУ «Школа № 1145 г. Донецка». – Режим доступа: <https://dnrschool-145.ru/wp-content/uploads/2018/01/3-russkiy-txt.pdf> (dnrschool-145.ru) (дата обращения: 20.11.2023).
9. Хайруллина Р.Х. Лингвокультурологическое поле как единство языка и культуры / Р.Х. Хайруллина, В.В. Воробьев // Международный научно-исследовательский журнал. – 2021. – № 4-4. – С. 78–80.

10. Хухуни Г.Т. Сохранение этнической и лингвистической идентичности: единство и противоречие / Г.Т. Хухуни, И.И. Валуйцева // Вопросы современной лингвистики. – 2023. – № 3. – С.85–93.

Поступила в редакцию 05.12.2023 г.

ASPECTS OF LINGUISTIC AND CULTURAL IDENTITY OF DONETSK PEOPLE

M.N. Panchehina

The article addresses such basic linguistic culturemes in the speech of Donetsk residents, as *factory, mine, rose, steppe*. Each of these units is the name (core) for a linguocultural field, incorporating lexemes with basic and peripheral meanings, with peripheral meanings being relevant for regionally-marked linguistic culturemes, which makes it possible to identify the model of the linguocultural field as asymmetric. Synonymic and antonymic relations are established between the units within the linguistic and cultural fields with the names *plant, mine, rose, steppe*. Synonymic relations are variable in nature, since almost all units of the field render the main meaning and/or its shades. The peculiarity of the antonymic relations lies in the fact that the opposition can arise at the level of the name (core) of the field and a lexeme with a central meaning: *a mine – a landfill*. The linguistic and cultural fields touched upon in the article enable to describe the specificity of Donetsk people's linguistic worldview, to reveal the main aspects of the linguistic and cultural identity of the inhabitants of this region. A number of relevant methods have been applied in the research, among them are the method of semantic (linguoculturological) field, the method of metalinguistic description, and the descriptive method.

Key words: linguistic and cultural identity, linguistic cultureme, linguoculturological field, name (core) of linguoculturological field, linguocultureme groups.

Панчехина Мария Николаевна.

Кандидат филологических наук.
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный
университет».
Доцент кафедры русского языка.
E-mail: mpanchehina@gmail.com

Panchehina Maria Nikolaevna.

Candidate of Philology.
Donetsk State University.
Associate Professor of the Russian Language
Department.
E-mail: mpanchehina@gmail.com

УДК 181-114.4

**ТРАНСФОРМАЦИЯ ТЕМ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПРЕССЫ
В СТАТИСТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ВЫПУСКОВ ГАЗЕТЫ
ГРИБАНОВСКОГО РАЙОНА ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ «ЗНАМЯ ТРУДА»
ЗА ПЕРИОД 70-х гг. XX в. – 20-е гг. XXI в)**

© 2023 *Р.Е. Тельпов*

ФГБОУ ВО «Государственный институт русского языка имени А.А. Пушкина»

В нашей статье мы рассматриваем трансформацию основных тематических блоков в газете Грибановского района Воронежской области «Знамя труда». Материалы газеты распределены нами по трем основным типам контекстов: производственные, социальные и информационно-развлекательные. Производственные и социальные контексты могут носить как поощрительный характер, так и критический. Соотношение материалов, распределенных по контекстам, перечисленным нами выше, было проверено нами с использованием критерия χ^2 для установления их статистической значимости. Статистический анализ, проведенный нами, наглядно продемонстрировал смену местами производственных и социальных контекстов в качестве приоритетных и определяющих облик региональной прессы. Переходным периодом для выявленной нами смены контекстов стали 90-е годы прошлого века, когда приоритетным видом контекстов стали информационно-развлекательные контексты.

Ключевые слова: региональная пресса, критерий χ^2 , статистические методы, лингворегионоведение, статистическая значимость, история прессы, стандартизированные остатки, эмпирические величины, теоретические величины.

Материалом к исследованию послужил 661 материал (статьи, заметки интервью, эссе и т.д.), полученный методом сплошной выборки из 40 выпусков газеты Грибановского района Воронежской области «Знамя труда» за июль 1977, 1985, 1994, 2004, 2023.

На первоначальном этапе газета называлась «Вперед», первым редактором и основателем газеты был Гаврила Капустин. Издание выходило на двух полосах два раза в неделю тиражом 1 тысяча экземпляров. В марте 1962 года газета получила название «Путь Ленина» и тираж ее был увеличен до 4,26 тысяч экземпляров. Первый номер газеты под названием «Знамя труда» (редактор Николай Яшин) вышел в январе 1963 года. Тираж тогда достиг 12 тысяч экземпляров. После Николая Яшина на протяжении примерно тридцатилетнего периода редакцию возглавлял Петр Дорофеев. С мая 2001 года по настоящее время редактором газеты является Людмила Можаяева, с 2013 года газета «Знамя труда» стала частью холдинга РИА «Воронеж». В настоящее время газета выходит раз в неделю тиражом 6 тысяч экземпляров (см. об истории газеты [2]).

Газета «Знамя труда» является неотъемлемой частью общественной жизни Грибановского района, сформировавшегося вокруг рабочего посёлка Грибановский, название которому дал Петр I по названию пересохшей в настоящий момент реки Грибань (о происхождении названия и истории рабочего поселка см. [8]). Сформировавшийся вокруг трех заводов (машиностроительного, мебельного и сахарного) рабочий посёлок Грибановский, на наш взгляд, органично соотносится с тем, что А.А. Агаркова охарактеризовала как «современные постсоветские «соцгорода» с их «плоскостным» культурным ландшафтом, без традиционной глубинки, этого значимого духовного измерения» [1, с. 119]. Исследование трансформации основных тематических блоков, наблюдаемое на пяти срезах, связанных с пятью десятилетними периодами второй половины XX века – начала XXI, осуществляемое на основе

статистического метода – оценки расхождений между выборочными частотами, т.н. критерия χ^2 (об основах использованного в статье метода см. подробнее [3, с. 28–38]) – позволяет сделать вывод о смене определенных доминант в социокультурном пространстве как района, так и региона в целом.

Признавая наличие исчерпывающей классификации журналистских жанров, разработанных Л.Е. Кройчиком (см. [5]), а также признавая в качестве основополагающих для региональной прессы жанры, выделенные П.А. Шапшай (заметка, репортаж и информационный отчет [9, с. 222]), мы считаем, что смена тематических доминант, наблюдаемая на странице изучаемого нами издания, лучше всего проявляет себя в соотношении контекстов трёх типов: производственных, социальных и информационно-развлекательных. Рассмотрим каждый из них отдельно.

Первый тип контекстов мы называем производственными (в дальнейшем для их обозначения мы будем использовать аббревиатуру ПК) – в них сообщается об основных событиях, произошедших в местной производственной сфере. Контексты данного типа могут касаться как промышленности, так и сельского хозяйства. Производственные контексты могут быть как поощрительной направленности – «Уберем урожай не более, чем за 12 календарных дней!», 07.07.1977 (в дальнейшем мы будем использовать аббревиатуру ПК+), так и критической направленности – «Молчалники из «Калиновского», 02.07.1977 (в дальнейшем мы будем использовать аббревиатуру ПК-). Поскольку заголовки в достаточной, на наш взгляд, степени свидетельствуют о контекстуальной отнесенности исследуемого материала, мы будем использовать в качестве примеров именно заголовки.

Контексты второго типа определяются нами как социальные (в дальнейшем для их обозначения мы будем использовать аббревиатуру СК). Контексты подобного типа часто бывают представлены в сообщениях о различных конкурсах, любительских соревнованиях, о выдающихся земляках, о строительстве и ремонте новых объектов инфраструктуры, о благотворительных акциях, об экологических проблемах, о религиозном прошлом и настоящем района и т.д.: Шелякина Е. «Клубничная поляна», 16.06.2023; Шелякина Е. «Спасительная сеть: кирсановцы передали в зону СВО более 200 метров маскировочных сетей», 07.06.2023; Попова С. «В церкви сделали школу», 09.06.2023 и др. Контексты социального типа соотносятся с выделенным нами ранее интегрирующими контекстами, являющимся неотъемлемой чертой региональных СМИ (см. [7]). Основной чертой социальных или интегрирующих контекстов является, на наш взгляд, воплощение в них тактик, выделенных Г.А. Шушариной: «тактика выражения заботы о жителях города, тактика сообщения об успехах жителей города, тактика выражения развития города, тактика выражения значимости города для России и края» [10, с. 52]. Социальные контексты могут носить как поощрительный характер (СК+) – Жемойтель Н. «Быть нужной людям», 17.06.2020, так и критический характер (СК-) – Шишов О. «Печальные последствия», там же.

Третий тип контекстов в прессе данного типа, на наш взгляд, акцентирован не столько на жизни района, сколько на проблемах и событиях, носящих универсальный характер. К нему относятся сообщения о событиях в мире, особенно популярные в советскую эпоху («Бесправие – удел миллионов!», 06.07.1985), полезные советы (Золотухина Н. «О донорстве», 06.07.2004), а также письма в редакцию, посвященные не столько жизни рабочего посёлка, сколько переживаниям личного характера. К этой же группе относятся размещаемые на страницах районной газеты законодательные акты, тезисы предвыборных программ региональных властей, анекдоты, стихи,

рассказы и т.д., поскольку все материалы вышеперечисленного типа, как правило, не созданы профессиональными журналистами.

Контексты, относящиеся к трем указанным нами типам, мы подсчитали и их количественные характеристики представили в следующей таблице:

Таблица 1. Значения эмпирических величин в распределении контекстов газеты «Знамя труда»

Названия контекстов / годы выпуска	1977	1985	1996	2004	2023
СК+	34	19	36	100	90
СК-	4	8	18	11	20
ПК+	48	41	15	6	2
ПК-	16	31	9	1	0
ИР	33	32	58	23	6

Для того чтобы верно интерпретировать полученные результаты, мы подвергли их статистической обработке, помогающей установить наличие или отсутствие фактора, оказывающего влияние на распределение чисел в таблице. Мы использовали метод статистического анализа с применением критерия χ^2 . Статья В.М. Глушака, О.В. Кисеевой показала эффективность данного метода для регионоведческих исследований (см. подробнее [3]). За нулевую гипотезу нами было принято положение о том, что между распределением материала по выделенным нами категориями и разными временными интервалами нет никакой статистической связи. После того, как имеющиеся наблюдаемые величины были проверены при помощи калькулятора онлайн [6] с активацией разделов «Коэффициент контингенции», «Коэффициент сопряженности Пирсона» и «Анализ результатов исследований», то при уровне значимости, равном 0,01, мы получили $\chi^2 = 310.35$. Поскольку χ^2 оказался больше крайнего значения $\chi^2_{табл} = 26.29623$, то нулевая гипотеза была нами отвергнута с вероятностью ошибки 0,05. Таким образом, статистический метод с использованием критерия χ^2 позволил нам сделать вывод о том, что соотношение цифр не является случайным, за ним скрывается некоторая социолингвистическая закономерность, проявляющая себя в разном соотношении производственных, социальных и информационно-развлекательных контекстов. Далее мы попытались выявить, есть ли связь между определенной строкой и определенной таблицей, для этого мы использовали методику вычисления стандартизированных остатков, также использованную в статье В.М. Глушака, О.В. Кисеевой [3]. Для этого мы извлекли из калькулятора онлайн ожидаемые величины, вычисление которых было промежуточным звеном, предшествовавшим выведению χ^2 . Мы заменили наблюдаемые величины ожидаемыми величинами, в результате чего таблица приобрела следующий вид:

Таблица 2. Значения теоретических величин в распределении контекстов газеты «Знамя труда»

Названия контекстов / годы выпуска	1977	1985	1996	2004	2023
СК+	56,982	55,293	57,404	59,514	49,806
СК-	12,458	12,089	12,551	13,012	10,89
ПК+	22,874	22,197	23,044	23,891	19,994

ПК-	11,641	11,297	11,728	12,159	10,175
ИР	31,044	30,124	31,274	32,424	27,135

Далее мы рассчитали стандартизированные остатки по каждой ячейке отдельно, отняв для каждой ячейки от наблюдаемого значения ожидаемое значение и поделив получившееся число на квадратный корень, извлеченный из ожидаемого значения [там же]. В результате всех этих преобразований вместо таблицы ожидаемых величин и таблицы наблюдаемых величин мы получили таблицу стандартизированных остатков, результаты в которой можно интерпретировать таким образом, что значения в ячейке более 1,64 (в таблице сопровождаются знаком (↑) свидетельствуют о склонности рассматриваемого явления к демонстрации данного признака, а значения в ячейке менее 1,64 (в таблице сопровождаются знаком (↓) свидетельствуют о том, что рассматриваемое явление не склонно к выражению данного признака. Значения, находящиеся между этими двумя крайними пределами, свидетельствуют о том, что явление выражает нейтральную позицию по отношению к данному признаку. После всех проведенных преобразований таблица, приобрела следующий вид:

Таблица 3. Значения стандартизированных остатков в распределении контекстов газеты «Знамя труда»

Названия контекстов / годы выпуска	1977	1985	1996	2004	2023
СК+	-3,04 (↓)	-4,95 (↓)	-2,82 (↓)	5,24 (↑)	5,69 (↑)
СК-	-2,39 (↓)	-1,17	-1,53	0,55	2,76 (↑)
ПК+	5,37 (↑)	3,99 (↑)	-1,67 (↓)	-3,66 (↓)	-4,02 (↓)
ПК-	3,41 (↑)	5,86 (↑)	0,72	-3,21 (↓)	0
ИР	0,35	0,34	4,77 (↑)	-1,65 (↓)	-4,05 (↓)

На основании данных таблицы мы можем сделать, прежде всего, один общий вывод о том, в газете «Знамя труда» наблюдается последовательный уход от производственной тематики в сторону тематики социальной, что выражается в смене производственных контекстов, обладающих статусом +1,64, социальными контекстами, обладающими данным статусом, и приобретением производственными контекстами статуса -1,64. Вполне ожидаемый переходный период являют собою 90-е годы прошлого века, в это время наибольшую значимость приобретают информационно-развлекательные контексты.

Разница между 70-ми и 80-ми годами отражается в смене статусов социальных контекстов, имеющих критическую направленность, со значения -1,64 до значения, находящегося в нейтральной зоне, что может быть связано с нарастанием проблем в социальной сфере и их более масштабным освещением. Увеличение количества материалов социальной тематики, обладающих негативной окраской и представленных в выпусках 1985 г., связано с антиалкогольной кампанией (Савельев В. «Против пьянства», 27.06.1985; Золотухин Н. «Алкоголизм и его последствия», 27.06.1985 и др.), – для подобных материалов была введена рубрика «Трезвость – норма жизни».

В 90-е годы XX в. группой контекстов, в которой проявилась склонность к отражению определенных признаков, стали информационно-развлекательные контексты, отличающиеся своим содержанием от аналогичных контекстов советского времени. В советское время в информационно-развлекательных контекстах были популярны либо сообщения о достижениях народного хозяйства в СССР и «развивающихся странах» (Кузьмин О. (корр. ТАСС) «Сегодня и завтра Кабула»,

04.07.1985, посвященный жизни в Афганистане; посвященный Армении и подготовленный Армянским информационным агентством материал «Орошение горного края», 02.07.1977), либо сообщения о социальных проблемах капиталистического мира («Бесправие – удел миллионов», 06.07.1985). В постсоветское время, в 90-е годы в информационно-развлекательном блоке появились сообщения о сверхъестественном («НЛО над Карачаном» в рубрике «Хотите – верьте, хотите – нет», 05.07.1994; Барч И. (перепечатка из газеты «Скандалы») «Техасское чудо», там же), зачастую являющиеся перепечатками из других источников, для чего была отведена отдельная рубрика «По страницам газет и журналов». Популярность приобрели эссе, написанные жителями района на нравственно-психологические (Горбунов М. «Он и она», 09.07.1994; Шестаков А. «Так и не стали родными», 05.07.1994) и социальные темы (Якушев С. «Перемены не к лучшему», там же) – для подобных материалов были отведены рубрики «Свободная трибуна» и «Личное мнение».

Если в социальных контекстах 2004 года наблюдается превалирование положительной оценки жизни района, то в материалах 2023 в зоне значимости появляются материалы, описывающие и проблемные стороны: отсутствие внимания местных властей, несчастные случаи, преступления: Попова С. «Чья ловушка? Грибановцы пожаловались на открытый колодец во дворе», 25.08.2023, Попова С. «Вандалы крушат места отдыха», 25.08.2023. Информационно-развлекательный блок представлен в этот период, как правило, полезными советами. В качестве яркого примера материалов данного типа можно привести рубрику «Научить жизни», направленную на социализацию детей: Шелякина Е. «Дети и деньги», 25.08.2023. Есть и рубрики, отражающие мнение жителей Грибановки («Взгляд из соцсетей», «Слово – землякам»), в них обсуждаются различные насущные вопросы, например, банковские карты или гражданский брак. Появляются проекты эколого-краеведческой направленности. В качестве примера можно привести проект «Край Семиречье», подчеркивающий индивидуальность региона через обращение к его прошлому, к его природе, его топонимике. В материалах этого проекта положительная тональность может сочетаться с критической, например, указывается на определённые экологические проблемы отдельных природных объектов. В качестве примера можно привести материал, посвященный реке Елань, в котором рассматривается история ее названия, описывается былая красота ее окрестностей и звучат тревожные нотки по поводу ее нынешнего состояния – Шелякина Е. «Река из слёз влюблённой девушки», 25.08.2023. В материалах 2023 года очень распространенной стала тема различных акций в поддержку участников СВО, для которой отводятся целые рубрики «Поддержка», «Мы вместе» и др. В качестве примеров публикаций данного типа можно привести следующие материалы: Шелякина Е. «Артисты выступили перед военнослужащими», 23.06.2023, «Священник отправился добровольцем в зону СВО», 14.07.2023; Попова С. «Школьники написали письма в зону СВО», 14.07.2023.

Таким образом, посредством использования статистических методов нам удалось установить существенную трансформацию в отношении тем, представленных в газете Грибановского района Воронежской области «Знамя труда». В советские годы газета была рупором, отмечающим как положительные, так и отрицательные стороны производственного процесса. В 90-е годы наблюдается превалирование развлекательной тематики и раздумий над процессами, касающимися не столько района, сколько России в целом. В настоящее время газета направлена на описание Грибановского района в аспекте высокого уровня социальной активности и ответственности его населения, а также улучшения жизненных условий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агаркова А.А. Метафизика городского посёлка: к изучению периферийных региональных «территорий» культуры (опыт Донбасса) / А.А. Агаркова // Вестник Донецкого педагогического института. – 2018. – № 1. – С. 109–121.
2. В Грибановке отметят 85-летие районной газеты «Знамя труда» (19 февраля 2020) / РИА «Воронеж» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://riavrn.ru/districts/gribanovsky/v-gribanovke-otmetyat-85-letie-rayonnoy-gazety-znamya-truda/> (дата обращения: 18.11.2023).
3. Глушак В.М. Степень русификации сургутского диалекта хантыйского языка: опыт социолингвистического эксперимента / В.М. Глушак, О.В. Кисеева // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. – 2019. – № 2 (24). – С. 39–50.
4. Головин Б.Н. Язык и статистика / Б.Н. Головин. – М.: Просвещение, 1970. – 190 с.
5. Кройчик Л.Е. Система журналистских жанров / Л.Е. Кройчик // Основы творческой деятельности журналиста: Учеб. для студентов вузов по специальности «Журналистика» / Ред.-сост. С.Г. Короконосенко. – СПб.: Знание, СПб ИВЭСЭП, 2000. – 272 с.
6. Онлайн-калькулятор [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://math.semestr.ru/corel/contingency.php> (дата обращения: 17.11.2023).
7. Тельпов Р.Е. Идентифицирующие контексты в текстах центральных и региональных СМИ / Р.Е. Тельпов // Материалы Международной научной конференции Стилистической комиссии Международного комитета славистов «Настоящее и будущее стилистики», 13-14 мая 2019 г., факультет журналистики МГУ. – М., 2019 – С. 754–760.
8. Тельпов Р.Е. О происхождении названия «Грибановка» / Р.Е. Тельпов // Педагогическое регионоведение. – 2021. – № 1 (18). – С. 84–88.
9. Шапшай Н.И. Новостная информация в региональных СМИ: жанровые и структурные особенности (на материале печатных изданий Владимирской области) / Н.И. Шапшай // Вестник Московского государственного университета. Серия 10. Журналистика. – М., 2009. – № 3. – С. 221–231.
10. Шушарина Г.А. Способы формирования региональной идентичности в дискурсе местных СМИ / Г.А. Шушарина // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. – Комсомольск-на-Амуре, 2013. – № 11-2 (14). – С. 51–55.

Поступила в редакцию 04.12.2023 г.

**TRANSFORMATION OF REGIONAL PRESS TOPICS IN STATISTICAL ASPECT
(BASED ON ISSUES OF NEWSPAPER “ZNAMYA TRUDA” PUBLISHED IN GRIBANOVSKY
DISTRICT OF VORONEZH REGION IN PERIOD OF 70s IN XX CENTURY - 20s IN XXI CENTURY)**

R.E. Telpov

The article deals with the transformation of the main thematic blocks in the newspaper “Znamya Truda” published in Gribanovsky district of Voronezh region. The newspaper materials are classified into three main types of contexts: industrial, social and information, and entertainment. Industrial and social contexts can be characterized as both encouraging and critical. The proportion of materials distributed across the contexts mentioned above was tested by applying the χ^2 test to establish their statistical significance. The statistical analysis clearly revealed the priority of industrial and social contexts, which determine the regional press outlook. The 90s of the last century have been identified as the transition period for the contexts priority, with the information and entertainment ones having been ranked as most significant types of contexts.

Key words: regional press, χ^2 criterion, statistical methods, linguistic and regional studies, statistical significance, press history, standardized residuals, empirical quantities, theoretical quantities.

Тельпов Роман Евгеньевич.

Кандидат филологических наук, доцент.
ФГБОУ ВО «Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина».
Доцент кафедры общего и русского языкознания.
E-mail: roman-telpov@yandex.ru

Telpov Roman Evgenievich.

Candidate of Philology, Associate Professor.
Pushkin State Russian Language Institute.
Associate Professor at Department of General and Russian Linguistics.
e-mail: roman-telpov@yandex.ru

УДК 81'371

ТАК СКАЗАТЬ С ПОЗИЦИИ ГОВОРЯЩЕГО

© 2023 Э.А. Титаренко

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»

В статье проанализированы возможные значения вводного словосочетания *так сказать* на примерах Национального корпуса русского языка. Цитирование, вводимое в высказывание при помощи *так сказать*, как правило, указывает на то, что используемая далее фраза или слово не свойственно для говорящего, анализируемая конструкция является своего рода свидетельством того, что автор осознает стилистическое отличие дальнейшего высказывания. Установлено, что употребление *так сказать* связано с дистанцированием говорящего от сообщаемого, что рассматривается нами как необходимое условие оценки сообщаемой информации касательно уместности употребления и точности именованного. Субъективно-модальные значения, реализуемые посредством употребления конструкции *так сказать*, обусловлены тем, что говорящий идентифицирует чужую речь в собственном высказывании, совершает переход от нейтральной лексики к книжной, и наоборот, от книжной – к простой, нейтральной или сниженной лексике, а также авторскому неологизму, метафоре.

Ключевые слова: вводное словосочетание, так сказать, значение, позиция говорящего, стилистическая уместность, оценка, цитация, чужая речь, прагматика.

Введение. В рамках традиционной грамматики вопрос о вводных словах не раз становился предметом исследования (Н.И. Греч, И.И. Давыдов, А.Х. Востоков, Ф.И. Буслаев, А.А. Потебня, Д.Н. Овсяннико-Куликовский, А.М. Пешковский, А.А. Шахматов и др.) и разрешался в зависимости от методологических позиций исследователя. А.М. Пешковский, что интересно для нас, учитывал позицию говорящего при определении групп вводных (модальных) слов, которые показывают (1) «как говорящий относится к той или другой мысли: верит он в нее или нет, доволен он ей или нет, хочет он ее осуществления или нет и т.д.»; (2) «что говорящий считает высказанную мысль не своей, а чужой»; (3) «отношение данной мысли к предыдущей или последующей речи» [8, с. 410]. В.В. Виноградов отмечает, что кроме указаний на чужую речь или на использование чужих выражений, модальные слова и словосочетания могут содержать оценку самого стиля. То или иное выражение нередко сопровождается стилистической отметкой говорящего лица, оценкой выбранной или принятой манеры речи. Говорящий как бы не решается признать свои слова адекватным отражением действительности или единственно возможной формой выражения передаваемой мысли. Поэтому он снабжает свои высказывания оговорками, стилистическими оценками и замечками, например: *буквально, так сказать, собственно (откровенно) говоря* [1, с. 604].

В ряде исследований последних лет активно рассматривается многозначность и полифункциональность модальных и вводных слов. Так, Р.И. Розина [10] анализирует семантику и текстовые функции группы вводных оборотов, выражающих отношение говорящего к манере речи (*как лучше сказать, иначе говоря, прямо сказать, грубо говоря, если можно так выразиться, вернее сказать* и др.) и доказывает, что эти обороты многозначны, их функции в тексте изменяются в диахронии. В статье Н.М. Девятовой вводно-модальные слова рассматриваются как средство выражения категории модальности, в плане отношения говорящего к высказыванию. Исследование модусной специфики вводно-модальных слов, по мнению автора, позволяет показать, как тонко и многообразно проявляется в языке человек и его точка зрения [2, с. 34].

Наиболее частотные аспекты оценки говорящим окружающего мира и лексика, которая во взаимодействии с устойчивой единицей «мягко говоря», рассматриваемой в качестве текстового оператора, передает эту оценку, представлена в работе Э. Лю и Е.С. Шереметьевой [6]. В монографии исследователей-русистов, принадлежащих к дальневосточной синтаксической школе, представлены словарные статьи слов разных классов: союзов, частиц, производных предлогов, слов-гибридов (*в массе (своей), в отдельности, по отдельности, в принципе, на минуточку/секундочку*) и текстовых скрепов (служебные единицы, выполняющие текстовую функцию связи, но не имеющие самостоятельного частеречного статуса в традиционной системе частей речи) [5]. В числе последних описаны *впрочем, иначе говоря, прежде всего* [там же].

Актуальность нашей работы определяет то, что прагматический аспект изучения отдельных вводных слов и модальных частиц стал предметом лингвистических исследований относительно недавно. Новизна работы в том, что словосочетания *так сказать* не было предметом исследования в прагматическом аспекте.

Цель статьи – проанализировать особенности употребления говорящим конструкции *так сказать* и реализуемые ею значения на материале примеров из Национального корпуса русского языка.

Основная часть. Интересно в аспекте грамматики говорящего исследование С.А. Крылова, представляющее собой тематический дайджест высказываний представителей лингвистической русистики 1970-х годов по теме «роль фигуры говорящего в грамматическом строе русского языка» с точными ссылками на страницы РГ-1980. Так, автором отмечено следующее суждение Н.Ю. Шведовой: «В каждом предложении и, шире, вообще в каждом высказывании, произнесенном или написанном, всегда присутствует лицо говорящее (или пишущее; далее – говорящий). Присутствие говорящего выражается в том, что он так или иначе относится к тому, о чем сообщает. Это отношение может быть или нейтральным, никак не выраженным, или ненейтральным. В последнем случае говорящий при посредстве разных языковых средств так или иначе оценивает свое сообщение или способ сообщения, что-то в нем акцентирует, соотносит с обстановкой речи, с источником своей информации, выражает уверенность или неуверенность в том, о чем он говорит. Весь этот широкий круг значений называется субъективно-модальными значениями» [4, с. 175]. К средствам формирования и выражения субъективно-модальных значений Н.Ю. Шведова относит в том числе и вводные слова, группы слов. Одним из аспектов точки зрения говорящего в исследовании В.В. Казаковской и Н.К. Онипенко названа вероятностная оценка, выражаемая вводно-модальными словами, эмоциональная оценка сообщаемого, установление авторства и «предъявление» источника информации, характеристика способа и стиля изложения [3, с. 246].

Проанализируем не ставший ранее предметом подробного рассмотрения вводный оборот *так сказать* в аспекте отношения говорящего к высказыванию. В справочниках данное словосочетание определяют как синонимичное выражению *если можно так выразиться*, связывают с желанием автора подчеркнуть или смягчить резкость определенного высказывания, с выражением неуверенности в точности сказанного.

С.Л. Сахно, анализируя приблизительное именование в естественном языке, вводное словосочетание *так сказать* определяет в группу приблизительных наименований, ориентированных на человека, носителя языка (приблизительная номинация группы «носитель языка») [11, с. 32]. О приблизительной номинации,

согласно исследователю, можно говорить тогда, когда при именовании говорящим отдельного элемента внеязыковой ситуации наблюдается некоторая модальная оценка номинации со стороны говорящего, например: 1) говорящий сомневается в достоверности номинации; 2) номинация не нравится говорящему; 3) говорящий не хочет нести ответственности за эту номинацию.

Согласно С.Л. Сахно, приблизительное именование конструкций *так сказать, что называется, так называемый* характеризуются той или иной степенью неудовлетворенности говорящего именем, отказом нести ответственность за номинацию. Формально такие приблизительные номинации совпадают с явлениями цитации, метаязыковой процедурой (метаязыком номинации). Именно поэтому их нередко отождествляли с обычными метаязыковыми средствами. С целью продемонстрировать разное значение (нейтральное и пренебрежительное, сомнительное) конструкций группы «носитель языка» С.Л. Сахно приводит пример употребления преподавателем словосочетания *так называемая* при чтении лекции: *Эту единицу называют фонемой. Эта так называемая фонема представляет собой...* В этом случае мы имеем дело с обыкновенной процедурой метаязыкового цитирования. Наоборот, в устах полемизирующего лингвиста, не согласного с теорией фонемы, номинация *то, что называют фонемой (так называемая фонема)* будет звучать с некоторым оттенком приблизительности [11, с. 32]. Сравним с употреблением вводного словосочетания *так сказать* в выступлении И.В. Сталина, полемизирующего с оппозиционерами:

Это, так сказать, первый шаг оппозиции к «безусловной» обороне СССР.

Это, так сказать, второй шаг оппозиции к «безусловной» обороне СССР.

Это, так сказать, третий шаг оппозиции к «безусловной» обороне СССР.

Это, так сказать, четвертый шаг оппозиции к «безусловной» обороне СССР.

[И.В. Сталин. Международное положение и оборона СССР (1927)]

Использование вводного словосочетания *так сказать* здесь связано с цитацией, определяет позицию несогласного выступающего, поддающего критике и осуждающего оппозицию, поэтому то, что именуется в приведенных примерах очередным шагом, это приблизительное наименование (сомнительное для автора) и по сути таковым не является: *Четвертый шаг к обороне СССР состоит, оказывается, в том, чтобы расколоть Коминтерн, организовать новую партию в Германии, во главе с пройдохами и контрреволюционерами Рут Фишер и Масловым, и затруднить тем самым поддержку СССР со стороны западноевропейского пролетариата. Итак, чтобы подготовить оборону СССР, надо, оказывается, расколоть Коминтерн. Это, так сказать, четвертый шаг оппозиции к «безусловной» обороне СССР.* [<https://marxism.online/stalin/ivs-vol-10/57/>].

Е.В. Падучева определяет характерным показателем цитаты экспрессию, причем в семантику экспрессивных слов «говорящий входит в самой “сильной” из своих ипостасей – в ипостаси субъекта речи» [7, с. 358]. Чужая речь, чужие именованья, вводимые посредством оборота *так сказать*, могут быть как принятыми, присвоенными говорящим, и тогда вводный оборот отмечает лишь стилевые различия, так и оспариваемыми, не соотносимыми ни с какими реалиями действительности. Последние рассматриваются С.Л. Сахно как приблизительная номинация. О формальном совпадении анализируемой конструкции с явлениями цитации, принятии говорящим «чужой» мудрости можно говорить в случаях, когда посредством *так сказать* вводятся идиоматические выражения, речевые клише:

*Бывают случаи, когда просто негуманно **отправить человека, так сказать, ни с чем*** [И.Э. Кио. Иллюзии без иллюзий (1995-1999)];

*Интонации взрослой женщины появляются у нее только тогда, когда она высказывает общее мнение, когда она, **так сказать, социально полноценна*** [Спасительная эстафета игры // «Экран и сцена», 2004.05.06];

*Конечно, мы выбираем, **так сказать, активных участников*** [Ordinamenti // «Экран и сцена», 2004.05.06].

Фразы «*социально полноценна*», «*активные участники*» оцениваются говорящим как отличающиеся стилистической окраской, книжные, однако соответствующие традиции употребления и точно именующие реалии. Цитирование, вводимое в высказывание при помощи *так сказать*, как правило, указывает на то, что используемая далее лексема/конструкция не свойственна говорящему, автор не считает ее принадлежащим своему языку, в текст вводится чужая речь:

*На этот вопрос есть два ответа – циничский и, **так сказать, психоаналитический*** [Вера Белоусова. Второй выстрел (2000)];

*Если передача ФСБ пограничников укрепляет, **так сказать, силовой компонент главной российской спецслужбы**, то поглощение ею ФАПСИ — информационно-аналитический* [Александр Гольц. Кремлевский звездопад // «Еженедельный журнал», 2003.03.17];

*Тут, видите ли, есть два пути – **так сказать, путь Холмса и путь Пуаро*** [Вера Белоусова. Второй выстрел (2000)].

Аналогичное значение отмечает Р.И. Розина для словосочетания *так называемый*. В любом случае, принятия либо непринятия чужой речи, вводимой посредством вводного оборота *так сказать*, анализируемая конструкция является определенным показателем того, что говорящий дистанцируется от высказывания, что и определяет возможность оценить объективность сообщаемой им информации. Примечательно, что при исследовании композиционных возможностей и закономерностей в построении произведения искусства Б.А. Успенский выделяет вопрос «точки зрения», причем «внешняя точка зрения подкрепляется “словами отстранения”» [12, с. 115], например, *как оказалось потом*.

Кроме обращения к чужой речи, отметим и другие значения анализируемой конструкции.

1. *Так сказать* может свидетельствовать о стремлении говорящего акцентировать внимание на нетипичном, эксцентричном наименовании, цель которого – более точное описание ситуации посредством авторского неологизма, что возможно в научном и ненаучном стиле:

*Бизнес-слой сегодня состоит из трех больших подгрупп: предпринимателей, имеющих свое дело, бизнесменов, занимающихся индивидуальной трудовой деятельностью, и, **так сказать, полупредпринимателей*** [Янис Астафьев. Кто будет работать в России в 2015 году? // «Отечественные записки», 2003];

*Но рядом с настоящими романскими языками существуют и языки, **так сказать «полуроманские»**, то есть языки, вставшие на путь постепенной замены своих оригинальных черт и элементов народнолатинскими, но не дошедшими в этом направлении до конца* [Н.С. Трубецкой. Мысли об индоевропейской проблеме (1938)];

*Его походка, интонации, голос, любое, **так сказать, дуракаваляние**, даже вне его блистательных реприз и сценок, оказывались самодостаточно комическими* [И.Э. Кио. Иллюзии без иллюзий (1995-1999)];

И вышли, так сказать, на хайвей Энтузиастов [Олег Сулькин. Самоидентификация Брайтон Бич. Эмигранты в США ополчились на «порочащий» фильм // «Известия», 2001.07.27].

2. Приведем пример, когда *так сказать* вводит метафорическое именование: *Слушайте, так вы для нас, так сказать, клад!* [Ю.О. Домбровский. Факультет ненужных вещей, часть 5 (1978)]. *Переносные наименования, вводимые посредством анализируемой конструкции, соотносимы не с речевыми, авторскими метафорами, а с языковыми, что можно рассматривать как осознание говорящим введения «чужой речи»:*

– *Ана, пока события не выходили, такъ сказать, изъ Русскихъ рамокъ, не затрагивали мировой политики – «Downing Street» могло молчать.* [П.Н. Краснов. Подвиг (1932)];

Если мы, такъ сказать, проткнули Америку, пройдя канал, мы оставили ее сзади себя и она очутилась на востоке. [П.Н. Краснов. Подвиг (1932)];

Заступитесь, г. начальник, не дайте погибнуть, такъ сказать, въ расцвѣтъ лѣтъ [А.Ф. Кошко. Воспоминания русского Шерлока Хольмса // «Иллюстрированная Россия», 1927].

3. Конструкция *так сказать* может быть использована и для введения менее официального, более простого, наименования:

Свой первый учредительный съезд – день рождения, так сказать, – «Единая Россия» проводила с большой помпой в Государственном Кремлевском дворце [Второй съезд // «Еженедельный журнал», 2003.03.24];

Фильм смотрится очень легко: фильм динамичный, живой, так сказать, и в очередной раз не лень его посмотреть по ТВ на досуге [Форум: комментарии к фильму «Все будет хорошо» (2008-2011)];

Галилей, так сказать, оторвался от телескопа и увидел на столе горстку лунного грунта! [Анатолий Азольский. Лопушок // «Новый Мир», 1998].

В последнем примере действия *Галилея*, ассоциирующегося с наукой, характеризуются лексемой *отрывается* в переносном значении ('то же, что отвлекается'), и использование вводного оборота *так сказать* указывает на осознание говорящим смешения стилей. Видим, что конструкция *так сказать* помогает осуществить переход и «снизу вверх», от нейтральной лексики к книжной, и «сверху вниз», от более сложного, книжного, к простому – нейтральному или сниженному слову, переносному наименованию, а также авторскому неологизму.

4. Словосочетание *так сказать* может вводить в текст заимствованное слово:

В связи с появлением в доме нормального компьютера у меня наконец руки дошли надергать фотографий с одной забавной видеокассеты полуторалетней давности. Girls' Power, так сказать [Наши дети: Подростки (2004)].

Ходят слухи, что наши «талантливые» и «находчивые» режиссеры пересняли, сделали так сказать ремейк фильма [Форум: рецензии на фильм «Служебный роман» (2006-2010)].

И на балконе был у Понтия Пилата, и в саду, когда он с Каифой разговаривал, и на помосте, но только тайно, инкогнито, так сказать, так что прошу вас – никому ни слова и полный секрет! [М.А. Булгаков. Мастер и Маргарита, часть 1 (1929–1940)].

Для наиболее ранних, по данным Национального корпуса русского языка, употреблений словосочетания *так сказать* характерно:

– введение чужой речи, цитация:

Самуил еще был, **так сказать, трилетний юнец**, незлобием преукрашенный юноша, и живу Богу будучи посвящен в жертву, жил в храме Господни [архиепископ Платон (Левшин). Предисловие на учение катихизическое (1757)];

– использование фразеологического оборота, идиомы, клише:

Котораго взял, так сказать, на свои руки, отринет ли? [архиепископ Платон (Левшин). Нравоучение третиенадесять (1758)];

– введение синонимичного авторского именованья, пояснение:

Кроме вышеобъявленных гонителей, которых можно назвать внешними или посторонними, были, так сказать, домашния, о коих <...> [архиепископ Платон (Левшин). Православное учение или сокращенная христианская богословия (1765)];

Какою радостию восхищенны были святые Апостолы, когда по вознесении от них дражайшаго их учителя, и так сказать, по осиротении, внезапно увидели, что отверзлись для них со славою небеса; [архиепископ Платон (Левшин). Слово в день Святыя Троицы (1775)].

Рассмотрим также конструкции *скажем так / так скажем*, для которых характерны такие, не отмеченные у *так сказать*, особенности употребления, как эвфемизация именованья:

Виктория – худенькая, тоненькая, как тростиночка, а я, скажем так, несколько другой комплекции [И.К. Архипова. Музыка жизни (1996)];

И если во время войны приходилось убедительно настаивать на еврейской половине, то в конце сороковых, когда били, скажем так, космополитов [И.Э. Кио. Иллюзии без иллюзий (1995-1999)]. Говорящий смягчает дальнейшие именованья, вводимые посредством анализируемой конструкции.

Примечательно, что И.В. Арнольд, А.М. Кацев рассматривают эвфемизмы как частный случай косвенной номинации, что характерно для широкого подхода к рассмотрению данного явления: «Косвенное наименование менее тесно и привычно связано с предметом высказывания, в нём предполагаются побочные ассоциативные связи с иным содержанием» [9, с. 32]. Видим, что употребление говорящим вводных словосочетаний *так сказать, скажем так* соотносимо с приблизительной и косвенной номинацией.

Вариантом анализируемой конструкции является вводный оборот *скажу так*, акцентирующий внимание на личности и авторской позиции говорящего в большей мере, чем оборот *так сказать*, однако он также выступает маркером осознания говорящим использования «чужой речи» и изменения стиля в своем высказывании:

Все вдовы, скажу так, похожи друг на друга – но несчастливы по-своему [Марина Семченко. Театр для прекрасно юного и думающего зрителя // «Дальний Восток», 2019];

Эти люди в силу ряда причин, скажу так, заимели на меня зуб [Виктор Вайнерман. Короткие встречи на всю жизнь // «Точка зрения», 2013].

Не будучи вводным, словосочетание скажу так используется для введения прямой речи, акцентирования внимания адресата на точке зрения говорящего: Резюмируя свои рассуждения, я скажу так: «Не верьте искусству и рекламе, красивым картинкам и несбыточным мечтам о счастье и совершенстве [Герман Садулаев. Таблетка (2008)]; *О себе скажу так: жизнь свою прожил – никогда не заносился* [Виктор Астафьев: «Жизнь свою прожил. Никогда не заносился» (2001) // «Известия», 02.12.2001].

Заключение. Таким образом, употребление вводного словосочетания *так сказать (скажем так, скажу так)* связано с дистанцированием (отстранением, если

использовать термин Б.А. Успенского) говорящего от сообщаемой информации. Дистанцирование рассматриваем как необходимое условие оценки, формирования и выражения точки зрения автора. Цель такого оценивания – поиски говорящим более точного именованного, желание быть понятным адресату, определение стилистической уместности сообщаемого. Рассмотрение конструкции *так сказать* в аспекте неточной номинации возможно в случае несогласия говорящего с цитациями в своем высказывании.

Как средство выражения субъективной модальности вводное словосочетание *так сказать* связано с обозначением заимствования, «не своей речи» в собственном высказывании, причем говорящий может как соглашаться с «чужим именованном», так и выражать сомнения в его правильности; с осознанием говорящим смешения стилей; со стремлением акцентировать внимание на нетипичном, эксцентричном наименовании. Варианты *скажем так / так скажем* могут переводить дальнейшую номинацию в состав эвфемизма и являться сигналами повышения степени позитивной оценки. Вариант вводного словосочетания *скажу так* отличает акцентирование внимание говорящего на своей личности. Перспективным считаем сравнительный аспект исследования прагматики вводных и модальных слов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове) / Под ред. Г.А. Золотовой. – 4-е изд. – М. : Рус. яз. 2001. – 720 с.
2. Девятова Н.М. Вводно-модальные слова и проблема их текстовой семантики / Н.М. Девятова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. – 2020. – № 1. – С. 26–36.
3. Казаковская В.В. Грамматика точки зрения: вводно-модальные слова в речи взрослых и детей / В.В. Казаковская, Н.К. Онипенко // Проблемы функциональной грамматики. Отношение к говорящему в семантике грамматических категорий / Отв. ред. В.В. Казаковская, М.Д. Воейкова. – М. : Издательский Дом ЯСК, 2020. – С. 246–288.
4. Крылов С.А. Роль фигуры говорящего в грамматическом строе современного русского языка. Часть 2. Синтаксис простого предложения / С.А. Крылов // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 6, Языкознание: Реферативный журнал. – 2020. – С. 170–186.
5. Лексикографические портреты служебных слов : монография / отв. ред.: Е.А. Стародумова, Е.С. Шереметьева, В.Н. Завьялов. – Владивосток : Изд-во Дальневост. федерал. ун-та, 2022. – 322 с. – Режим доступа: <https://www.dvfu.ru/science/publishing-activities/catalogue-of-books-fefu/> (дата обращения: 30.11.2023).
6. Лю Э. Метатекстовый оператор «мягко говоря»: специфика функционирования / Э. Лю, Е.С. Шереметьева // *Litera*. – 2021. – № 5. – С. 59–70. – Режим доступа: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=35595 (дата обращения: 30.11.2023).
7. Падучева Е.В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива / Е.В. Падучева. – М. : Языки славянской культуры, 2010. – 480 с.
8. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении / А.М. Пешковский. – [8. изд., доп.]. – Москва : Яз. славян. культуры, 2001. – 510 с.
9. Потапова Н.М. Краткий обзор некоторых исследований эвфемизмов / Н.М. Потапова // Язык, сознание, коммуникация: [сб. статей]. – М. : МАКС Пресс, 2007. – Вып. 34. – С. 27–37.
10. Розина Р.И. Так называемый: семантика вводных метаязыковых оборотов / Р.И. Розина // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : Материалы Международной конференции «Диалог». – 2009. – Том Выпуск 8(15). – Режим доступа: <https://www.dialog-21.ru/digests/dialog2009/materials/html/66.htm> (дата обращения: 30.11.2023).
11. Сахно С.Л. Приблизительное именование в естественном языке / С.Л. Сахно // Вопросы языкознания. – 1983. – № 6. – С. 29–36.
12. Успенский Б.А. Поэтика композиции / Б.А. Успенский. – СПб : Азбука, 2000. – 348 с.

Поступила в редакцию 04.12.2023 г.

SO TO SPEAK FROM SPEAKER'S POINT OF VIEW

E.A. Titarenko

The paper deals with possible meanings of the introductory phrase *so to speak*. The analysis is based on the National Corpus of the Russian Language material. The introductory phrase *so to speak* correlates with quotation and indicates that the words being used are not characteristic of the speaker, who is aware of the stylistic difference of the subsequent statement, if he uses the introductory phrase *so to speak*. In the course of the investigation, it has been revealed that the use of *so to speak* is associated with the speaker's distancing from the communicated statement, which is considered as a necessary condition for assessing the reported information. The speaker evaluates the appropriateness of use and accuracy of the utterance. Subjective modal meanings realized by *so to speak* depend on the speaker's identification of someone else's speech in his own statement. It enables the speaker not to resort to neutral vocabulary but to employ bookish words, and vice versa, to turn from bookish phrases to simple and neutral ones, as well as to use author's neologisms, and metaphors.

Key words: introductory phrase, *so to speak*, meaning, speaker's point of view, stylistic assessment, evaluation, quotation, another's speech, pragmatics.

Титаренко Эльвира Александровна.

Кандидат филологических наук.

Донецкий государственный университет.

Доцент кафедры общего, славянского и
прикладного языкознания имени Е.С. Отина.

E-mail: titarenko.el.a.@mail.ru

Titarenko Elvira Alexandrovna.

Candidate of Philology.

Donetsk State University.

Associate Professor at Department of General, Slavic
and Applied Linguistics named after E.S. Otin.

E-mail: titarenko.el.a.@mail.ru

УДК 811.161.1

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННЫХ ЖАРГОНИЗМОВ ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВА

© 2023 Ю.В. Щипанова, Н.В. Егорова, А.А. Полуфакина
ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет»

В работе рассматриваются современные жаргонизмы, функционирующие в интернет-пространстве. Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения данного пласта внелитературной лексики вследствие активного проникновения его единиц в общенародный язык. В ходе исследования текстов интернет-пользователей применялись различные методы и приемы: сплошная выборка, анализ, синтез и дифференциация жаргонных лексем. Выделены основные лексико-тематические группы жаргонизмов, определены наиболее продуктивные способы пополнения жаргонной лексики. Сделаны выводы о целях использования жаргонизмов в интернет-пространстве. В текстах пользователей интернет-площадок жаргонная лексика выполняет ряд функций: утилитарную, номинативную, экспрессивную, конспиративную, коммуникативную, мировоззренческую.

Ключевые слова: жаргонизм, интернет-пространство, лексико-тематическая группа, функционально-семантические особенности, способ образования.

Жаргон – лексико-семантический языковой пласт, функционирующий в рамках определенной сферы и в замкнутом кругу лиц, объединенных общими интересами: политическими, культурными, экономическими, бытовыми. Однако сегодня многие лингвисты отмечают активное проникновение особых, специфических, слов и выражений в общеразговорный язык. Не можем не согласиться с тем фактом, что жаргонная лексика все чаще используется в различных сферах общения, включая интернет-платформы, социальные сети, средства массовой информации.

Цель настоящего исследования – выявить наиболее распространенные в современном русском языке жаргонизмы и определить специфику их функционирования в интернет-пространстве. Достижение цели предполагает решение следующих задач: 1) уточнить термин «жаргон»; 2) классифицировать выявленные жаргонизмы и описать их лексико-тематические группы; 3) выявить продуктивные способы образования жаргонизмов; 4) определить особенности использования современных жаргонных слов в интернет-пространстве.

Несмотря на несовершенство терминологического аппарата, являющегося первопричиной разного толкования такого понятия, как «жаргон», большинство современных лексикографических источников под «жаргоном» понимают «некую разновидность языка, социальный диалект, который отличается от общенационального языка особым лексическим составом, фразеологией и т.д. Существенной особенностью жаргона является то, что он используется определенными социальными, профессиональными или иными группами, объединенными общими интересами» [8, с. 4].

В данной работе под термином «жаргон» мы вслед за В.Н. Ярцевой понимаем «разновидность речи, используемой преимущественно в устном общении отдельной относительно устойчивой социальной группой, объединяющей людей по признаку профессии, положения в обществе, интересов или возраста. От литературного языка жаргон отличается специфической лексикой, фразеологией и особым использованием словообразовательных средств. Часть жаргонной лексики – принадлежность не к одной, а ко многим (в том числе уже исчезнувшим) социальным группам. Переходя из одного жаргона в другой, слова их общего фонда могут менять форму и значение»

[7, с. 151]. Жаргон – это лексико-семантическая подсистема, которая ограничена сферой употребления и функционирует в речи людей, принадлежащих к определенной профессиональной, бытовой, культурной и другим группам.

Жаргонная лексика может выполнять различные функции. Так, например, обособленные социальные группы употребляют жаргонизмы с целью сделать речь непонятной для обычных носителей языка, например: *марафет* вместо *морфий*. Нередко жаргонные слова и выражения называют уже существующие явления действительности, но одновременно передают личное отношение человека к предмету речи, наделяются положительной или, чаще, отрицательной эмоциональной окраской: *дупло* вместо *рот*. Также жаргонизмы выполняют утилитарную функцию с помощью сокращения, стяжения или усечения слов, например: *нарк* вместо *наркоман*. Таким образом, жаргон призван реализовать следующие функции: 1) номинативную; 2) эмоционально-экспрессивную; 3) конспиративную; 4) коммуникативную; 5) утилитарную [2; 4; 10]. По мнению В.Е. Пелипаса, можно говорить также и о мировоззренческой функции: использование жаргона «оформляет в речевую форму новую систему смыслов» [9, с. 166].

Жаргонные слова возникают в обособленных социальных группах и отсюда могут проникать в литературный язык. В связи с этим особый интерес представляет функционирование жаргонизмов в пространстве интернет-коммуникаций: сообществ в социальных сетях, форумов, популярных среди пользователей разных возрастных категорий.

Анализируя тексты пользователей интернет-сообщества «Типичный Оренбург» и форума «Пикабу» за январь 2023 г., методом сплошной выборки мы выявили около 150 наиболее частотных жаргонных единиц, многие из которых не являются новыми, они функционировали в языке закрытых групп и в прошлом и зафиксированы в «Словаре русского арго» В.С. Елистратова [5], однако на современном этапе обрели иное значение или демонстрируют изменения в морфемном составе, например: *выпивалово* (*совр.*) – *выпивон* [5, с. 82].

В зависимости от сферы функционирования выделяют следующие разновидности жаргона: 1) молодежный; 2) воровской; 3) компьютерный [6, с. 151]. В настоящей работе мы рассмотрим жаргонную лексику, определив основные тематические группы внутри каждой из названных разновидностей.

Выявленные нами лексические единицы молодежного жаргона считаем возможным отнести к тематическим группам: 1) «Мода и стиль»; 2) «Человек»; 3) «Досуг» (музыкальный жаргон, спортивный жаргон); 4) «Субкультура».

Лексико-тематическая группа (далее – ЛТГ) «Мода и стиль» включает следующие жаргонные слова: *скин* – «одежда», *паль* – «аналог люксового бренда», *лук* – «образ, внешний вид человека», *застИлить* – (от слова «стиль») «оценить», *текстуры* – «одежда», *абибас* – «бренд Адидас», *рита* – «бренд Рибок», *тапочки* – «кроссовки», *вотчи* – «часы», *бархатные тяги* – «модная, но нелепая обувь». Примеры употребления: «Хочу *застИлить* его лук, какие подводные?»; «Как правильно сочетать и выбирать цвета и *текстуры*?»; «Привет! Есть кто из Польши? Хочу *тапочки* заказать»; «Продавцы *пали* не должны будут платить полный штраф производителю оригинала...».

Жаргонизмы ЛТГ «Человек» разнообразны и образуют подгруппы:

а) «Внешность человека»: *дистрофан* – «худой мужчина», *беременная* – «очень полная девушка», *мутант* – «накачанный мужчина», *селёдка* – «худая девушка», *кочка* – «мужчина, который занимается бодибилдингом»;

б) «Интеллектуальные способности человека»: *ламмер* – «идиот, дурак», *птушник* – «необразованный человек»;

в) «Части тела человека»: *фейс* – «лицо», *башня* – «голова».

Примеры употребления: «Подняли бы цены на алкоголь! Человек выкурит сигарету и не хулиганит, никому *фейс* не бьет...»; «Ты что меня в таком свете выставляешь? С *башней* не все нормально?».

В текстах интернет-пользователей «Типичного Оренбурга» и «Пикабу» было выявлено сравнительно немного жаргонных слов, относящихся к ЛТГ «Досуг». Лексемы, отобранные в результате исследования, возможно отнести к двум подгруппам:

а) «Музыка»: *анкер* – «прут из металла, размещенный внутри грифа», *драмка* – «электронные барабаны», *бочка / кабак* – большой барабан, *хай-хэт / чарлик* – «сдвоенная тарелка с педалью», *микро* – «микрофон», *жаба* – «название музыкального инструмента FenderJazzBass». Примеры употребления: «Через посредника хочу взять с томана электронную *драмку* и *микро*».

б) «Спорт»: *фарма* – «анаболические стероиды», *апнуть* – «улучшить физическую форму», *лвл* – «вес», *фэт* – «жир». Примеры употребления: «Поднял *лвл* с 68 до 81. Продолжаю набирать до 85 кг».

ЛТГ «Субкультура» представлена лексемами, распространёнными в речи хип-хоперов: *панч* – «колкая фраза», *вайб* – «атмосфера». Это может быть связано, во-первых, с низкой популярностью неформальных направлений среди пользователей группы «Типичный Оренбург» и форума «Пикабу», аудитория которых – взрослые люди, не вовлеченные в определённые обособленные сообщества; а во-вторых, с тем, что на смену эмо, готам и прочим субкультурам 2000-х пришли «дед инсайды», «мягкие девушки» (Soft-girl) и «томбои», участниками которых являются дети и подростки. Соответственно, другие направления теряют свою былую популярность среди представителей молодого поколения.

Лексика воровского жаргона образует следующие тематические группы: 1) «Наркотики»; 2) «Деньги»; 3) «Алкоголь».

К ЛТГ «Наркотики» примыкают жаргонизмы, обозначающие торговца наркотическими веществами, состояние наркотического опьянения и заключение сделки с представителями наркоторговли: *кайф* – «состояние полного удовольствия, наслаждения», *башлять* – «платить», *барыга* – «наркоторговец», может употребляться также в значении «продавец одежды».

К ЛТГ «Деньги» могут быть отнесены такие жаргонные слова, как *зелень* – «доллары», *крипта* – «криптовалюта, любой вид валюты в цифровой или виртуальной форме», *бабки*, *бабосы*, *куски*.

ЛТГ «Алкоголь» является самой большой по количеству составляющих её лексем и включает языковые единицы, именующие людей, страдающих алкогольной зависимостью, и события, в процессе которых используются спиртные напитки, например: *алик* – «алкоголик», *выпивалово*. Примеры употребления: «Жена лучшего друга выступала на ОИ. Найки ей *башляет* 2к *зелени* в год»; «Ну что, приходим в себя от *выпивалова*?».

Лексика, составляющая компьютерный жаргон, образует следующие тематические группы: 1) «Компьютерная техника»; 2) «Интернет»; 3) «Интернет-пользователь».

К ЛТГ «Компьютерная техника» относятся лексемы, обозначающие мобильные устройства и приложения, компьютерные увлечения, программы, составные части

компьютера: *телега* – «мессенджер Telegram», *прошка* – «наушники фирмы Freebuds», *яблофон* – «телефон Apple», *ведرويد* – «телефон Android», *баг* – «ошибка», *моник* – «компьютерный монитор», *пекарня* – «компьютер», *вики* – «Википедия», *клава* – «клавиатура». Примеры употребления: «Если есть деньги, то бери вторые *прошки*»; «Есть траблы в *телеге* на *ведроиде*»; «Прочел *вики*, нужна рекомендация!».

ЛТГ «Интернет» включает жаргонизмы, наиболее часто употребляемые интернет-пользователями на форуме «Пикабу»: *скроллить* – «плавно прокручивать в одном направлении текст или изображение в какой-либо прямоугольной области экрана электронного устройства; искать что-то в интернете», *пикрил* – «прикрепленная картинка, которая имеет непосредственное отношение к тексту комментария или поста», *анон* – «аноним, анонимность», *перекат* – «переход в другое пространство в рамках одной темы», *борда* – «доска», *тред* – «тема», *паста* – «недостовверная история, придуманная кем-то и распространяемая в интернете», *реквест* – «просьба, требование, запрос», *вкатиться* – «разбираться в чем-то», *сап* – «приветствие», *конфа* – «общий чат; конференция», *флудилка* – «тема на форуме, внутри которой происходит общение обо всем», *комменты* – «комментарии», *фиксить* – «исправлять», *чекать* – «проверять», *юзать* – «использовать». Примеры употребления: «Как сейчас воспринимаются *пикрил* советские сумки? Хочу ходить с ней на работу. Класть туда бутылочку с водой, документы и все такое»; «Создайте, плиз, новую *конфу*. Эта умерла»; «Не катался на лыжах с детства, хочу *вкатиться*. Что покупать?»; «Планирую стать как *пикрил*. Подводные?»; «Я не настолько продвинул как ты, *анон*»; «Вайпы *тредов* строго запрещены».

Отдельно можно выделить ЛТГ «Интернет-пользователь», которая включает лексемы, указывающие на:

а) социальный статус собеседников: *нормис* – «обыкновенный человек», *обывала* – «обыватель», *скуф* – «неопрятный мужчина старше 30 лет», *ноулайфер* – «человек, проводящий большое количество времени в сети Интернет», *лайфер* – «человек, который не абстрагируется от реальной жизни», *стейси* – «красивая девушка, пользующаяся популярностью в обществе», *чад* – «красивый молодой человек, пользующийся популярностью в обществе», *хикка* – «человек, отказывающийся от жизни в социуме»;

б) гендерный признак: *кун* – «молодой человек», *тян* – «девушка», *сис* – «сестра; обращение девушек друг к другу»;

в) продолжительность пребывания пользователя в интернет-пространстве: *нюфаг* – «новый пользователь», *олдфаг* – «давний, опытный пользователь».

Как правило, данные жаргонизмы используются молодыми участниками интернет-коммуникации в качестве средства номинации собеседника-ровесника. Примеры употребления: «Вот объясните мне, *куну* 23 лвл...»; «*Сис*, подскажите, плиз, *неймпикрила*».

Результаты проведённого нами исследования наглядно демонстрирует представленная ниже таблица.

Таблица

Лексико-тематические группы жаргонизмов

Молодежный жаргон		Воровской жаргон		Компьютерный жаргон	
ЛТГ	Примеры лексем	ЛТГ	Примеры лексем	ЛТГ	Примеры лексем
1. Мода и стиль	скин, паль, лук,	1. Наркотики	кайф, башлять, барыга	1. Компьютерная техника	телега, яблофон, прошка,

	застилить, текстуры, абибас, рита, тапочки, бархатные тяги				ведроид, моник, баг, пекарня, вики, клава
2. Человек	дистрофан, беременная, селедка, мутант, кочка, ламмер, птушник, фейс, башня	2. Алкоголь	выпивалово, алик	2. Интернет	скроллить, пикрил, анон, паста, борда, перекат, тред, вкатиться, конфа, флудилка, чекать, фиксить, комменты, юзать
3. Досуг	анкер, драмка, бочка/кабак, микро, хай- хэт/чарлик, жаба, апнуть, лвл, фэт, фарма	3. Деньги	зелень, бабки, крипта, бабосы, куски	3. Интернет- пользователь	скуф, нормис, обывала, ноулайфер, лайфер, чад, стейси, хикка, кун, тян, сис, ньюфаг, олдфаг
4. Субкультура	вайб, панч				

Рассматривая случаи употребления жаргонных единиц в сфере интернет-коммуникаций, мы также обратили внимание на способы их образования. Считаем возможным говорить о морфологическом и семантическом способах как основных путях пополнения жаргонной лексики.

Морфологические способы образования предполагают изменение морфемной структуры слова. В ходе нашего исследования обнаружилось, что наиболее продуктивными морфологическими способами образования современных жаргонизмов являются:

1) Сокращение (усечение) слов:

ава – аватарка;

алик – алкоголь, а также человек, страдающий алкогольной зависимостью;

анон – анонимный пользователь, а также анонимность;

вики – интернет-энциклопедия «Википедия»;

клава – клавиатура;

коммент (комент) – комментарий;

конфа – конференция;

крипта – криптовалюта, цифровые деньги;

микро – микрофон;

моник – монитор;
телега – мессенджер Telegram;
фарма – фармацевтические препараты, которые используют профессиональные спортсмены-бодибилдеры.

Большинство подобных жаргонизмов образованы по модели апокопы – выпадения конечного звука или звуков слова вследствие акцентно-фонетических процессов, приводящего к сокращению слова [1, с. 52].

2) Суффиксация:

выпивалово – от глаг. выпивать;

дистрофан – от сущ. дистрофия;

драмка – от англ. drum «барабан, ударный инструмент»;

обывала – от устар. обывать «жить, проживать, обитать»;

птушник – от аббр. ПТУ;

скроллить – от англ. scroll «прокручивать изображение в окне»;

фиксить – от англ. to fix «чинить, ремонтировать»;

флудилка, флудер, флудераст – от глаг. флудить «публиковать бессмысленные сообщения»;

чекать – от англ. to check «проверить»;

юзать, юзер – от англ. to use «использовать».

3) Нулевая суффиксация:

перекат – от глаг. перекачать; «переход в другое пространство в рамках одной темы».

4) Словосложение:

ведرويد – ведро + дرويد (англ.) «телефон Android»;

яблофон – яблоко + фон «телефон Apple».

5) Аббревиация:

LVL – от англ. level «уровень, ступень».

Семантический способ образования предполагает семантические трансформации, изменение семантики слова. Анализируя современные жаргонизмы, выявленные нами в ходе исследования, мы обратили внимание, что многие из них появились путем метафоризации. Чаще всего метафоризации подвергаются слова, которые обозначают наиболее известные понятия и предметы человеческого окружения, такие как, названия частей тела, животных, растений, материалов, предметов одежды, еды и т.д. [3, с. 94]:

башня – «голова»;

беременная – «очень полная девушка»;

косяк – «ошибка»;

мутант – «мужчина с очень развитой мускулатурой»;

пекарня – «компьютер»;

селёдка – «очень худая девушка»;

табло – «лицо».

Продуктивным способом появления современных жаргонизмов является заимствование лексических единиц из других языков. Чаще всего языками-донорами в этом случае выступают:

1) английский:

баг – bug «ошибка»;

бэг – bag «сумка»;

борда – «доска объявлений в интернете» от board «доска»;

вайб – vibe «вибрация, атмосфера»;

вотчи – watch «часы»

лайк – .like «любить, нравиться»);
лайфер – «человек, который живет реальной жизнью» от lifer «человек, приговоренный к пожизненному заключению; человек, делающий карьеру в армии»;
нормис – normies «человек с мелкими интересами»;
ноулайфер – nolifer «человек, проводящий большое количество времени в интернете»);
ньюфаг – newfag «новый пользователь, новичок»;
олд – old «старый»;
олдфаг – «люди, которые достаточно продолжительное время провели на каком-либо ресурсе, проявляя активность от oldfag «старый человек нетрадиционной сексуальной ориентации»;
панч – «острая фраза» от punch «удар кулаком»;
пикрил – от picrelated «связанная с текстом сообщения картинка»
скин – «одежда» от skin «кожа»
стейси – stacy «красивая девушка, пользующаяся популярностью в обществе»);
текстура – «одежда» от textures «изображение, внешнее строение материала»;
фейс – face «лицо»;
чад (чэд) – chad «красивый мужчина, пользующийся популярностью в обществе»);
2) японский:
кун – kun «мужчина»;
тян – chan «девушка»;
хикка (хики) – «молодые люди, которые находятся в социальной самоизоляции»;
3) арабского:
кайф – кэйф, кейф «время приятного безделья».

Обобщая сказанное, приходим к следующим выводам:

Современный этап характеризуется активным проникновением в русский язык жаргонной лексики, используемой носителями в различных сферах общения, в том числе на интернет-платформах, в социальных сетях, средствах массовой информации.

Анализ текстов пользователей интернет-сообщества «Типичный Оренбург» и форума «Пикабу» позволяет говорить о распространенности лексических единиц, характерных для молодежного, компьютерного, воровского жаргона.

Лексико-тематические группы выявленных жаргонизмов разнообразны, их объем и особенности функционирования лексем каждой ЛТГ во многом обусловлены социальными характеристиками носителя языка.

Современные жаргоны пополняют свой состав различными путями. Наиболее продуктивными морфологическими способами являются усечение слов, суффиксация, словосложение, аббревиация; на семантическом уровне новые жаргонизмы образуются чаще всего путем метафоризации; эффективный способ появления жаргонизмов – заимствование иноязычных лексем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. Изд. стереотип. / О.С. Ахманова. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. – 576 с.
2. Беспалова Д.С. Семантико-структурные свойства и пути формирования французских арготизмов и русских жаргонизмов: монография / Д.С. Беспалова. – М-во науки и высшего образования Рос. Федерации, Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет. – Челябинск: Южно-Уральский научный центр РАО, 2019 – 208 с.
3. Гак В.Г. Беседы о французском слове / В.Г. Гак. – М.: Издательство «Международные отношения», 1966. – 336 с.

4. Грачев М.А. Язык из мрака: блатная музыка и феня. Словарь / М.А. Грачев. – Нижний Новгород, издательство «Флокс», 1992. – 207 с.
5. Елистратов В.С. Словарь русского арго: Материалы 1980–1990 гг.: Около 9000 слов, 3000 идиоматических выражений / В.С. Елистратов. – М.: Русские словари, 2000. – 694 с.
6. Крысин Л.П. Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка / Л.П. Крысин. – М.: Наука, 1989. – 157 с.
7. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – 683 с.
8. Орлова Н.О. Сленг vs жаргон: проблема дефиниции / Н.О. Орлова // Ярославский педагогический вестник. – 2004. – № 3 (40). – С. 36–40.
9. Пелипас В.Е. О сленге наркоманов / В.Е. Пелипас // Вопросы наркологии. – 1999. – № 2. – С. 165–169.
10. Солодкий М.В. Сниженная лексика в современном немецком языке; источники пополнения и особенности функционирования в молодежном сленге: автореф. дис. ... канд. филол. наук / М.В. Солодкий. – Славянск-на-Кубани, 2004 – 43 с.

Поступила в редакцию 29.11.2023 г.

FUNCTIONAL AND SEMANTIC FEATURES OF MODERN JARGONISMS IN INTERNET SPACE

Yu.V. Shchipanova, N.V. Egorova., A.A. Polufakina

The paper deals with online functioning of modern jargonisms. The relevance of the study is accounted for by the need to study this layer of substandard vocabulary due to these units active penetration into the national language. In the course of the Internet texts analysis, various methods and techniques have been applied, such as continuous sampling, analysis, synthesis and differentiation of slang lexemes. The main lexical-thematic groups of jargonisms and the most productive ways of replenishing the jargon vocabulary have been determined. The conclusions are drawn as to such functions of jargonisms in the Internet space, as utilitarian, nominative, expressive, conspiratorial, communicative, and ideological ones.

Key words: jargonism, Internet space, lexical-thematic group, functional and semantic features, way of word formation

Щипанова Юлия Владимировна.

Кандидат филологических наук.
ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет».
Доцент кафедры русской филологии и методики преподавания русского языка.
E-mail: yuliya_yuliya_77@mail.ru

Егорова Наталья Валентиновна.

Кандидат филологических наук.
ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет».
Доцент кафедры русской филологии и методики преподавания русского языка.
E-mail: stella-env@yandex.ru

Полуфакина Анжелика Александровна.

ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет».
Студент.
E-mail: apol1213@yandex.ru

Shchipanova Yulia Vladimirovna.

Candidate of Philology.
Orenburg State University.

Associate Professor at Department of Russian Philology and the Russian language Teaching Methods.

E-mail: yuliya_yuliya_77@mail.ru

Egorova Natalia Valentinovna.

Candidate of Philology.
Orenburg State University.

Associate Professor at Department of Russian Philology and the Russian language Teaching Methods.

E-mail: stella-env@yandex.ru

Polufakina Angelika Alexandrovna.

Orenburg State University.

Student.

E-mail: apol1213@yandex.ru

УДК 81'42+82-3

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ КОД БЫТОВОЙ ЛЕКСИКИ В «ВЕЧЕРАХ НА ХУТОРЕ БЛИЗ ДИКАНЬКИ» Н.В. ГОГОЛЯ

© 2023 Д.А. Калмыкова

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»

Бытовая лексика, являясь предметом этнографического рассмотрения, включает в свой состав особые единицы – лексемы, называющие предметы обихода и быта. В статье анализируется специфика бытовой лексики в цикле произведений Н.В. Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки». Слова из повседневного обихода, к которым принадлежат названия одежды, предметов быта, глуттонимы, формируют устойчивую культурно-социальную составляющую национальной среды, уникальную языковую картину мира. В бытовой лексике «Вечеров на хуторе близ Диканьки» самыми частотными являются слова, формирующие следующие тематические группы. Первая группа включает наименования людей, их внешнего вида. Во вторую группу входят наименования предметов быта, наконец, третья состоит из глуттонимов и названий элементов застолья. В исследовании использовались описательный, сравнительно-исторический и сопоставительный методы.

Ключевые слова: лексика, этнос, реалии, диалектическая лексика, картина мира, лингвокультурный код, репрезентация.

Введение. Лингвистами XX-XXI веков неоднократно отмечалось, что в цикле «Вечера на хуторе близ Диканьки» Н.В. Гоголя осуществляется своеобразный срез этнокультурного дискурса соприкосновения историй и культур – основ национальной ментальности.

Действие исследуемого цикла произведений свободно переносится из XIX века («Сорочинская ярмарка») в XVII век («Вечер накануне Ивана Купала»), затем в XVIII век («Майская ночь, или Утопленница», «Пропавшая грамота», «Ночь перед Рождеством»), после вновь в XVII («Страшная месть»), далее – в XIX век («Иван Фёдорович Шпонька и его тётушка») и завершает цикл «Заколдованное место» сюжетным переплетением событий, происходящим в XIX в.

Данный цикл гоголевских произведений как бы соединяет прошлое и настоящее, быль и небыль. При этом течение времени в драматических повестях автора не разрывается на страницах произведения, а пребывает в «некой духовной и исторической слитности» [2]. Данный цикл фокусируется на историко-культурном националистическом дискурсе гоголевских драматических произведений, не затрагивая проблем персональной национальной идентичности. Также в нем тесно переплетаются элементы национальной (русской и украинской) этнокультур. Анализ, проводимый в рамках данной работы, позволяет сделать опосредованные выводы о том, что в историческом срезе общества на стыке двух культур происходит взаимопроникновение общих понятий и традиций. Умелое сочетание и выдержанное уместное использование этнолингвистических мотивов в тексте, позволяет создать уникальный культурный код, включающий исторические, культурные, локальные, хронотипические, языковые и бытовые особенности, что обеспечивает колоритность содержания авторского произведения [10, с. 87]. Эти выводы вытекают из совокупного исследования того, как Н.В. Гоголь разрабатывал тему культурных традиций народов в своих художественных произведениях. Самое важное в гоголевских произведениях то, что автором опосредована особая национальная

идентичность на стыке двух культур и традиций. Кроме того, трактование культурного кода в его текстах позиционируется на разноуровневых ментально-исторических дискурсах и бытовых реалиях времени [6].

Основная часть. Современные исследователи творчества Н.В. Гоголя полагают, что его национальная идентичность была определена гражданским патриотизмом и глубочайшей преданностью обоим национальным культурам, их богатству, разнообразию и схожести этносов [7].

Однозначный вывод о причине такого взаимопроникновения культур в тексте гоголевских художественно-драматических произведений сделать достаточно сложно. По мнению одних исследователей (П.И. Дышлевый, Л.А. Жуховицкий, И.Ф. Заманова), – это неизбежное «смещение языков» украинца, пишущего для русских читателей в устоявшейся поликультурной обстановке первой трети XIX столетия (открытие европейской литературы, науки, засилье галлицизмов, снижение культурного уровня общества, инертность и падение духовности мещанского сословия, «дворянский жаргон», разрушение традиционного мифологического мировоззрения в народной среде и т.д.) [3].

По мнению других (И.П. Колева, С.С. Константинова, О.А. Корнилов), – это не вынужденное двуязычие, а «непринужденное манипулирование языковыми средствами в культурном диалоге с элементами комизма» [5]. В рамках данного исследования, представляет интерес тот факт, что реализация подобного диалога культурных реалий интерпретирует часть глубинной авторской задачи – погружение читателя в историко-культурные бытовые реалии [8]. Потому, по мнению С.С. Константиновой, именно стремлением великого автора представляется «поиск ответов на вечные вопросы об этических законах общества, морали и духовности, системах культурных ценностей, духовной опоре на четкую гражданскую позицию в разных культурах, в родственных славянских национальных культурах» [6, с. 67].

Исследование И.П. Колевой показало, что этнолингвистический поход к изучению произведений Н.В. Гоголя, происходит как реконструкция через язык и поэтику богатого национального культурно-исторического достояния собственного народа, его (языческого, мифологического) мировоззрения (комплекса устойчивой картины мира в обществе, нравственно-этических норм, иерархии ценностей, народной идиоматики и т.д.) [5].

В исследовании О.А. Корнилова отмечается, что поиск и выделение элементов нравственно-философского, общеславянского, опыта через анализ языковой картины мира в определенном временном культурном срезе – это смысловой ключ к художественно-драматическим текстам Н.В. Гоголя [7].

Научная доказательная база в различных трактованиях исследователей, открывает всё новые возможности постановки и решения подобных проблем в современной лингвистике. Так, например, инструментарий лингвистического анализа художественного текста произведений цикла Н.В. Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки» при поиске способов осуществления диалога культур, могут существенно дополнить представления о языковой картине мира на стыке культурно-временных явлений XIX столетия.

Художественный мир цикла произведений «Вечера на хуторе близ Диканьки» состоит из мотивов разных жанров национального фольклора, объединяющего все повести цикла.

Ключевым звеном цикла является образ единого народа, с общим традиционным укладом, верованиями, праздниками. Можно выделить несколько разновидностей

элементов лексики устного народного творчества, воспроизводимых в «Вечерах на хуторе близ Диканьки»: фразеологические единицы, песенное творчество, легенды и сказочные элементы.

В рамках проводимого в данной статье анализа отдельного цикла авторских произведений, следует говорить не сколько обо всей картине мира, сформированной языком, столько о её репрезентации в данном цикле произведений Н.В. Гоголя. Данное уточнение необходимо, так как авторский художественный текст обуславливает общие черты языковой картины мира нации и эпохи, которой автор принадлежит, и особые черты – в преломлении именно авторских представлений, по сравнению со всем дискурсивным текстовым наследием автора.

Таким образом, с точки зрения поставленной в рамках данного исследования исследовательской задачи, необходимо обозначить понятие «языковой картины мира» до «картины мира, смоделированной автором в тексте конкретного произведения или цикла произведений» – в данном случае повестей цикла «Вечера на хуторе близ Диканьки» [4]. Образный уровень этнолингвистической лексики организован как текстовая модель мира, т.е. отражение мира реального в преломлении авторского видения. Так автором художественные образы произведения систематизируются в структуре историко-культурных представлений общества [5].

Языковой уровень формы (особенности лексики, синтаксиса, морфологии, фразеологии) реализуется в системе изобразительно-выразительных средств языка, использованных в структуре художественных произведений. В цикле «Вечера на хуторе близ Диканьки», как и в любом прозаическом тексте, особенно важен лексико-семантический фон, как в авторской речи, так и в стилизованной речи персонажей. Это фразеологемы и метафоры, которые определяют образно-смысловую строй текста, словарный состав (лексические единицы как средство создания национального колорита), игра функциональных стилей (просторечие и официально-деловая лексика в речи персонажей как средство их характеристики).

Понятие о языковой картине мира позволяет подойти также к решению вопроса о соотношении индивидуально-личностного (авторского) знания в тексте художественно-драматических произведений цикла «Вечера на хуторе близ Диканьки» [2, с. 14]. Анализ художественных изобразительно-выразительных средств авторского текста, с точки зрения их системной связанности, открывает более многогранность проникновения бытовой этнолингвистической лексики в содержание гоголевских произведений [9]. Такое образное кодирование закреплено в языке в качестве «единой системы взглядов» нации, некой «коллективной памяти социума» и «ментальной философии» носителей языка и соотносится со своеобразием народно-разговорной речи, так часто используемой Н.В. Гоголем [6].

К этнолингвистической лексике (лексика народно-разговорной речи) принадлежат словарные единицы, употребляемые всеми слоями носителей языка [2]. Без такого пласта лексики национальный язык просто не может существовать. Лексика народно-разговорной речи зачастую включаются в структуру авторского повествования и используется в роли образных компонентов развернутых описаний, принизанных ироническим отношением к изображаемому реалистическому быту произведения. Искусно вводятся в литературно-художественное изложение средства народной речи, расширяя диапазон образных языковых средств. Образно-народные выражения без труда воспринимаются читателем на фоне тех осмыслений, которые подсказываются контекстом: *бачь – смотри, турнуть – стремиться* [1].

Таким образом, в рамках данной статьи предлагается трактовать репрезентацию языковой картины мира автора в художественном тексте как дополнительную категорию текстового анализа. В указанных гоголевских литературных произведениях подобного рода анализ производится для постижения авторского мышления, так как авторские выражения строятся по законам народно-фольклорной лексики и социального мифологического сознания [4].

В ходе исследования произведений Н.В. Гоголя, также происходит переосмысление этно-фольклорного материала, который в структуре художественных произведений приобретает личностные аспекты, как часть его ментального опыта. В данном цикле произведений широко используются национальные выражения (*бандура, галушки, гопак, дивчина, парубок, кавун, рушник, черевички*), а также словоформы, обладающие способностью создавать художественное впечатление при сопоставлении: звательная форма (*хлопче, серденько, голубко*), краткие формы прилагательных и др. Слова, выражения, лексические, фонетические, словообразовательные формы диалектической речи героев, которые широко представлены в ранних повестях Гоголя.

В речь персонажей и авторское повествование вводятся диалектизмы. Они придают художественной речи яркость и красочность, остроту художественных оценок и реалистический колорит. Стоит отметить тот факт, что в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» автор в духе времени описывает культурно-бытовые детали своего народа, которые вызывают мировоззренческие ассоциации в воображении понимающего читателя (так называемые «диалектизмы» – лексические единицы, употребляемые жителями определенной местности [6, с. 19]), так как являются неотъемлемой частью национальной традиции и быта, например чаепития, но вызывают трудности восприятия у зарубежного читателя. Такого рода «тонкости» и составляют национально-культурный код в литературном изложении. В авторском изложении культурно-бытовая деталь является составляющей культуры, например: «*Вот вам приношения <...> варенички, галушечки пшеничные, пампушечки, товченички!*» [1, с. 33].

Данное уточнение автора определяет место действия произведения и является своего рода сигналом для читателей, которые сразу рисуют в воображении образ застолья героя произведения – типичного казака. Кроме того, Н.В. Гоголь достаточно часто применяет лексические диалектизмы, которые могут обозначать реалии, существующие только в данной местности и не имеющие названий в литературном языке, например: *дюже – очень, качка – утка, баской – красивый, хилый – слабый* [1]. Колоритность авторского описания места и времени действия героев передают также диалектизмы, которые совпадают в написании и произношении со словами литературного языка, но имеют иное, не характерное для определенного диалекта значение, например, *пахать – «мести пол»* [1, с. 40].

Подобного рода диалектизмы находятся вне литературного языка, но могут быть использованы в художественной литературе для создания местного колорита при речевой характеристике быта описываемого персонажа.

В цикле повестей Н.В. Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки» было отобрано 126 слов, относящихся к специфической авторской этнокультурной кодированной коммуникации [1].

Из них можно выделить следующие 3 тематические группы.

Группа 1: Наименования людей, их внешнего вида

1. Детали внешности героя: *дрибушки, оселедец, рудый, стусан, чуб*.

2. Наименования национальных элементов костюма: *видлога, жупан, кобеняк, кунтуш, свитка, тулуп, подбитый черными смушками, шуба из решетиловских*

смушек; запаска, плахта, портки, сукня, черевики, лапотки; капелюх, намитка, очипок, хустка, шапка из решетиловских смушек.

3. Атрибуты одежды: *гаман, дукат, монисто, синдячка, стричка, заплата, полутабенек.*

Группа 2. Предметы быта

1. Предметы быта: *дижа, дышло, каганец, кухва, кухоль, макитра, макогон, малахай, миска, табакерка, чарка.*

2. Предметы мебели: *люлька, скрыня, тахта, сундук.*

3. Музыкальные инструменты: *бандура, кобза, сопилка, цимбала.*

4. Танцы: *гопак, горлиця, тропак.*

5. Игры: *дурень, каша, тесная баба.*

Группа 3. Глуттонимы и элементы застолья

1. Наименования пищевых продуктов: *борщ, бублик, буряк, буханец, варенуха, вареник, галушка, гречаник, кавун, каравай, книш, корж, кутья, оселедец, паляница, путря, сладены, смалец, сыровец, товченик, цыбуля, щи.*

2. Элементы застолья: *вечерница, колядование, Сорочинская ярмарка, щедрование.*

Диалектическая лексика, применяемая подразделяется на собственно русскую, праславянскую и древнерусскую лексику и пополняет авторские произведения, делая их язык богаче, ярче и гибче, самобытнее. Данной лексики в цикле повестей Н.В. Гоголь использует достаточно много. При этом, особый интерес представляют предметы быта и их наименования: внимательное изучение лексико-семантической специфики таких слов, позволяет выявить не только этнографическую специфику, но и лингвокультурологические основы процессов номинации в языке и его диалектах.

Нами были выделены следующие этнокультурные авторские диалектизмы в бытовой лексике. Так например: *люлька, скрыня, книш, кавун, гаман, варенуха, галушки, каганец, цыбуля, хустка, тройчатка, рушник, поветка, путря рожок, шишка, сопилка, кухва, гречаник, кухоль, пищик, сыровец* и т.д. [1].

Культурно-бытовая лексика помогает автору в создании ярких образов героев. Например: *«...на возу сидела хорошенькая дочка с круглым личиком, с черными бровями, ровными дугами, поднявшимися над светлыми карими глазами, с беспечно улыбающимися розовыми губками, с повязанными на голове красными и синими лентами, которые, вместе с длинными косами и пучком полевых цветов, богатою короною покоились на ее очаровательной головке»* [1, с. 110]. При описании внешней красоты женщины автор применяет образность описания ее внешних характерно-личностный и национальных особенностей, а при описании ее духовной красоты – добрый веселый нрав и соответствие традиционному укладу жизни. Так как, незамужние девушки того времени собираясь на ярмарку, украшая себя они вплетали в косы ленту (это был своеобразный знак для неженатых мужчин), а замужние женщины – вплетали цветы, они были доброжелательны и веселы.

Данное описание представляет собой довольно распространённый прием у Н.В. Гоголя, который призван передать удивительную и редкую красоту героини произведения с учётом местного колорита населения.

Таким образом, автор детально описывает красоту, переплетая свое описание со своеобразием традиций местности. Способствует автору в этом введение в ткань художественного повествования элементов праздничной фольклорной обрядности – элементов ряжения («элемент народных праздников, обрядов и народных игрищ, сопровождающийся наряжением, переодеванием с применением карнавальных

элементов, праздничных ритуальных действий, имеющих исторические отсылки» (О.А. Корнилов [7])). Такие элементы словесности способствует раскрытию важных для идейного понимания цикла тем духовного состояния человека. Такое состояние сопряжено с ощущением ожидания праздника, осознания собственных традиций и устоявшихся обычаев своего народа [7, с. 33]. Колоритность праздника, описанная автором, напрямую относится к лингвокультурологической характеристике.

Некоторые культурно-бытовые детали в произведениях автора представляют малоизвестную для широкого круга читателей культуру. Такую лексику трудно пояснить, не имея фоновых знаний, так как она представляет детали характерные для узкого круга их употребления. Например, деталь, данная автором с пояснительным описанием в тексте – *каганец*: «...с каганцом в руках, обыкновенную малороссийскую светильню, состоящую из разбитого черепка, налитого бараньим жиром, отправился, освещая дорогу...» [1]. Автор также дает определение этого предмета в списке слов – род светильни. Данная деталь выполняет функцию передачи «деловой информации» [7, с. 65], но ее пояснение автором в значительной степени нейтрализует колоритность текста от ее употребления.

При детальном рассмотрении бытовой диалектической лексики обнаруживается богатое множество заимствованных слов в цикле повестей Н.В. Гоголя, таких как: *кафтан, смушка, курень, кавун, пупря, бандура* и т.д. Среди них особое место занимает лексика, заимствованная из украинского языка: *галушки, плахта, рушник* и т.д. С их помощью автор смог передать атмосферу, стиль жизни, быт и смешение культур украинского и русского народов того времени. Значительный пласт лексики в тексте повестей передаёт наименования национальных блюд, как составляющей предмета быта народа: *бублик, буханец, закваска, галушки, пампушки, куринец, беженина, блины, окорок, пуни, пудинг* [1] и т.д.

При этом, в авторском изложении текста тесно переплетаются и взаимодействуют названия блюд из разных языковых культур, что дополняет достоверности авторскому изложению. Рассмотрим следующий отрывок: «*Пили ли вы когда-либо, господа, грушевый квас с терновыми ягодами или варенуху с изюмом и сливами?*» [1, с. 39]. Для детального погружения читателя в повествование автор описывает наиболее запоминающиеся, по его мнению, угощения, которые должны произвести большое впечатление на читателя. Приведем следующий наглядный пример: «*Пили ли вы когда-либо, господа, грушевый квас с терновыми ягодами или варенуху с изюмом и сливами?*» [1, с. 68].

Анализ вышеозначенных примеров показывает, что так автор сохраняет детали быта и передает эмоции и чувства героев в присущей им временной эпохе. Данный стилистический прием реализуется автором в сюжете посредством различных комических элементов – пародии, гротеска, внешнего комизма, фарсовых сцен. В самом описании бытовых реалий появляется сравнение народного единства с хаосом, который создает тревожное ощущение, усиливающееся дальнейшим описанием нестройности, метания людей, гула, рева. Например: «*Разноголосные речи переполняют друг друга, и ни одно слово не выхватывается, не спасется от этого потопа, ни один крик не выговорится ясно <...> Ломается воз, звенит железо, гремят сбрасываемые на землю доски, и закружившаяся голова недоумеает, куда обратиться*» [1, с. 80]. При описании празднества автором создается картина ярморочной суматохи, которая несет сумятицу и неразбериху, сравнимую с потопом. Такое описание соответствует древнему пониманию праздника, когда разрушаются все установленные границы и нормы поведения участвующих в нем людей.

Классификация подобных характеризующих культурно-исторических наименований бытовой лексики по тематическому принципу позволила сделать вывод о том, что шире в повестях использовались этнокультурные реалии, относящиеся к человеческой деятельности, наименованиям пищевых продуктов и процессам принятия пищи, одежде и предметам быта.

В цикле произведений Н.В. Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки» встречаются культурно-бытовые детали-реалии в качестве стилистического приема. Используя прием «вкрапления» в текст художественного произведения элементов исторических и культурно-бытовых реалий, Н.В. Гоголь смог создать яркие и эмоциональные образы представителей глубинного народа, запоминающийся внешний облик народных героев и продемонстрировать изобразительно-выразительные возможности лексики родного языка.

Изучив способы передачи подобного рода культурно-бытовых деталей, мы установили, что они имеют особое фоновое значение и используются автором в качестве стилистического приема. В цикле повестей Н.В. Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки» встречаются культурно-бытовые реалии, которые помогают читателю ориентироваться на культуру оригинала. Изучение особенностей использования бытовых реалий языка в авторском исполнении позволяет более детально проанализировать культурно-бытовой национальный колорит художественного произведения в целом. В ходе исследования было обнаружено, что Н.В. Гоголь широко использует колорит диалектической лексики, описывая и дополняя колорит быта, нравов, культуры, мировоззрения, обычаев и характера народа. В рамках данной статьи невозможно всецело изучить выделенную проблематику, а лишь наметить некоторые существенные на наш взгляд положения, которые смогли бы в дальнейшем перерасти в более подробное исследование.

Заключение. Таким образом, гоголевские литературные произведения цикла «Вечера на хуторе близ Диканьки» построены по канонам народного мифологического сознания, но в процессе литературной обработки, переосмысления фольклорного материала содержание такого текста приобретает авторские, личностные аспекты. Н.В. Гоголь творчески культивировал национальные чувства, посредством описания культурного кода традиций народа и местности, в которой он проживал. В цикле «Вечера на хуторе близ Диканьки» автор обратился к картинам реальной жизни и красочно транслировал элементы культурно-национального кода в структуре художественных текстов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гоголь Н.В. Вечера на хуторе близ Диканьки [Текст] / Н.В. Гоголь. – Санкт-Петербург: Азбука. – 2007. – 320 с.
2. Дышлевый П.И. Что такое общая картина мира [Текст] / П.И. Дышлевый, Л.В. Яценко. – Москва: Знание, 1984. – 64 с.
3. Жуховицкий Л.А. Время Гоголя / Л.А. Жуховицкий // Нева, 2009. – № 3. – С. 213–217.
4. Заманова И.Ф. «Вечера на хуторе близ Диканьки» Н.В. Гоголя: пространство и время: Монография [Текст] / И.Ф. Заманова, Н.В. Бардыкова. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2005. – 168 с.
5. Колева И.П. О комическом в творчестве Н.В. Гоголя: традиции и новаторство / И.П. Колева // Русская словесность, 2008. – № 1. – С. 18–25.
6. Константинова С.С. Этнология. Конспект лекций [Текст] / С.С. Константинова. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2005. – 176 с.
7. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов [Текст] / О.А. Корнилов. – Москва: ЧеРо, 2003. – 287 с.
8. Музовецкая М.Ю. Метапоэтика художественных произведений Н.В. Гоголя // Человек и культура. – 2021. – № 3. – С. 7–9.

9. Никанорова Ю.В. Статус диалектной лексики в тексте поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души» / Ю.В. Никанорова // Вопросы языкознания. – Москва: 2009. – № 3. – С. 101–107.

10. Одекова Ф.Р. Лингвистические статьи и своды слов в метапоэтике Н.В. Гоголя / Ф.Р. Одекова // Знание. Понимание. Умение. – 2012. – № 4. – С. 202–205.

Поступила в редакцию 8.12.2023 г.

ETHNOCULTURAL CODE OF EVERYDAY VOCABULARY IN "EVENINGS ON A FARM NEAR DIKANKA" BY N.V. GOGOL

D.A. Kalmykova

As a subject matter of ethnographic study, household vocabulary includes special units, i.e. lexemes designating household items. The article deals with the specifics of everyday vocabulary in "Evenings on a farm near Dikanka" by N.V. Gogol. Words from everyday use, which include the nominations of clothes, household items, and gluttonyms, form a stable cultural and social component of the national environment, a unique linguistic worldview. In the household vocabulary of "Evenings on a farm near Dikanka", the most frequent words are the following thematic groups: designations of people and of their appearance; nominations of household items, and finally, gluttonyms and designations of the feast elements. Descriptive, comparative-historical and contrastive methods have been applied in the course of the analysis.

Key words: vocabulary, ethnos, realia, dialectical vocabulary, worldview, linguistic and cultural code, representation.

Калмыкова Дарья Андреевна.
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет».
Аспирант кафедры русского языка.
E-mail: darya-kalmikova@mail.ru

Kalmykova Daria Andreevna.
Donetsk State University.
Postgraduate student of the Russian Language Department.
E-mail: darya-kalmikova@mail.ru

УДК 811.11

АКТЫ, СРЕДСТВА И СПОСОБЫ НОМИНАЦИИ ВОЙНЫ В ДОНБАССЕ

© 2023 В.С. Коробова-Латынцева

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»

Статья посвящена особенностям наименования вооруженного конфликта в Донбассе 2014–2022 гг. Представлены основные виды и способы номинации, отмечающиеся в новостных, научных текстах, в текстах художественного, философско-публицистического и политического характера, а также в текстах обыденной речи жителей Донбасса, собранных в тематических сообществах в социальных сетях и мессенджерах. В исследовании применяются семасиологический и семантический подходы для фиксации того или иного типа номинации как целостного взгляда на объект, реализованного в спонтанной речи жителя Донбасса или в подготовленной публикации «лидера мнений». Путем описания актуализированных видов значений понятия «война» дается представление о концептах *война*, *мир*, *перемирие*. Показан деривационный потенциал данной части словаря.

Ключевые слова: способы номинации, виды номинации, понятие, слово, сюжет, ассоциативный ряд, концепт «война», концепт «мир», язык войны, война в Донбассе.

Различного рода социальные катаклизмы значительно влияют на язык в силу ломки прежнего миропорядка. Переживаемые потрясения получают выражение в языке чаще всего на лексическом уровне. Со временем новые слова и связи входят в активный лексикон или остаются в профессиональной сфере употребления, например, пополняют словарь военных или политических терминов, философских понятий и т.д. Фиксация и анализ подобных изменений позволяет описать путь становления новых идей и смыслов.

В официальном медиапространстве Российской Федерации, Донецкой и Луганской народных республик вооруженный конфликт на территории Донбасса не называют *войной*. Это особого рода вооруженный конфликт, для разрешения которого в феврале 2022 года началась специальная военная операция. В связи с этим в лексиконе публичных личностей и общественных деятелей, а также среди населения Донбасса появляются новые слова, обозначающие предельно актуализированные явления (в данном случае – военные реалии), осуществляется неономинация.

Название войны – прежде всего указание на то, ради чего воюют, при помощи каких средств и образов будут рассказывать об этой войне в будущем. В наименовании войны уже заложена своеобразная интерпретационная модель или метафора для рассказывания истории о произошедшем. Поэтому так важно описать путь образования данного наименования.

Со второй половины XX века пристальное внимание ученых привлекают, прежде всего, вторичная и событийная виды номинаций (Н.Д. Арутюнова, В.Г. Гак, Е.С. Кубрякова, Г.В. Колшанский, Ю.С. Степанов, В.Н. Телия, В.И. Теркулов, А.А. Уфимцева). В качестве объекта исследования выступают не только слова, но и словосочетания и предложения [1, 7, 11, 12, 13]. В современных исследованиях номинация понимается как процесс образования различных языковых единиц, предназначенных для выявления и называния отдельных фрагментов действительности, формирования представления о них в языковом сообществе. Номинация подразумевает и сам результат такого процесса, т.е. появления знаковой, предельно актуализированной единицы, закрепление ее в словаре. Таким образом, предметом теории номинации можно считать анализ языковых закономерностей в

проявлении номинативных свойств языковыми единицами, а также взаимосвязь между понятием и фрагментом объективной реальности [3].

Цель работы состоит в систематизации актов, средств и способов номинации войны в дискурсах о Донбассе.

Для проведения исследования были выбраны частотные безавторские и прецедентные авторские тексты о военном конфликте в Донбассе, а также произведены тематические выборки из чатов и системы комментирования каналов оповещения, созданных местными жителями и для них в соцсетях «ВКонтакте» и «Телеграм».

Номинация социальных катаклизмов коррелирует со множеством факторов: с идеологическими противоречиями; особенностями исторического развития региона; сложными условиями сожительства разных общностей; «спорными территориями» и распространением зон влияния; названием основных игроков, выражающих интересы сторон и т.д. В случае с войной в Донбассе, судя по данным как мировых, так и российских и украинских СМИ, изначально было важно конфликт локализовать и маргинализировать: 1) *Война/вооруженный конфликт на Востоке Украины (2014); боевые действия на территории Донецкой и Луганской областей Украины (2015); 2) война на Донбассе, вооружённый конфликт на Донбассе; 3) Подавление протестов на Юго-Востоке Украины; Наказание непокоренного Донбасса; 4) на Украине АТО (антитеррористическая операция) сменяется со временем ООС (операция объединенных сил), в качестве асимметричного ответа провозглашается СВО (специальная военная операция по демилитаризации и денацификации).*

Способы оценки войны, выражения точки зрения редакции или частного мнения чаще всего воплощались путем добавления прилагательного: *стихийное восстание на Донбассе, прямой конфликт Украины с Россией, кровавое возвращение Донбасса, огненная денацификация* и т.д.

Об аксиологической составляющей наименования данного противостояния первыми задумались писатели, философы и военные корреспонденты. Появляются названия для войны, образованные путем **заимствования** и **контаминации**. Выражая емко сущностную информацию, они переносят опыт прошлого в проекцию будущего путем анализа стереотипных ситуаций (Е.С. Кубрякова, В.Н. Телия, «структуры ожидания» по Р. Россу): *Донбасская война* (Захар Прилепин), *Русская реконкиста* (В. Даренский), *русско-украинская война* (А. Жучковский), *Четвертая мировая война* (А. Коробов-Латынцев), *Первая Постмодернистская война* (О. Шевченко), *Гибридная война 2014-2022* (доктрина Герасимова и пр.), *Священная война очищения* (Владлен Татарский), *Священная военная операция* (Д. Стешин) и т.д. Эти наименования встречаются в отдельных авторских публикациях, книгах воспоминаний, фигурируют в художественных текстах и т.д. Перед нами дискурсивный тип номинации.

В качестве аналогий, сближения по ассоциации можно привести следующие примеры наименования конфликта: *Великая Отечественная война, Священная война, война против нацизма, гражданская война, территория отчуждения, второе Приднестровье, война продолжающаяся* (имеется в виду с 1945 года) и *вспыхнувшая вновь* (о ВОВ), *Донбасс возвращается домой, Донбасс свой выбор сделал, восемь донбасских лет* (как интернет-мем «где вы были эти восемь лет» и название поэтического сборника Анны Ревякиной), *опыт Донбасса* (наряду с чеченским опытом, сирийским, африканским и т.д.) и прочее. Имеем ситуацию, когда о целеполагании и ценностном наполнении образа сообщают путем прямой идентификации с центральным концептом (*война, бой не на жизнь, а на смерть, мы за ценой не постоим*) для достижения (точнее – повторения) того же результата – Победы. Это

пример вторичной номинации, в ней используются семантические и синтаксические дословные трансформации формы и значения слова.

Слова разных частей речи, которые направлены на нейтральное описание происходящих изменений, содержат в себе потенциал развития того или иного понятия или его фрагмента во временном плане. Например, *начало вооруженного конфликта, угасание, напряжение, разведение, конфронтация, полномасштабное вторжение, ожидание контрнаступления, замороженный/тлеющий конфликт, позиционная война, переговорный процесс* и т.д. Эти наименования лишены патетики, описывают происходящее как энтропийный процесс с непредсказуемым исходом.

Семантическое поле «война» включает в себя как репрезентантов простого типа номинации – *конфликт, борьба, противостояние, отделение, террор, блокада, преступление, самооборона*; так и сложного – *метод запугивания/устрашения, продолжение пляски/шабаша на майдане, удар на опережение, удар на опережение, огненная денацификация, отправка гуманитарки* и т.д.

Для жителей Донбасса понятие *война* как обстоятельства жизни имеет широкий спектр значений. Представим некоторые из них:

I) Война как обстрел. Жизнь в условиях регулярных, нескончаемых и беспощадных обстрелов населенных пунктов, приводящих к разрухе и страшным публичным смертям, приучили жителей Донбасса к мысли о худшем, примирили с неизбежностью происходящего: *кровавое воскресенье, кровавое 2 число каждого месяца, обмен любезностями, закоимаривание, политика Киева, подарки/приветы для жителей Донбасса, доброе утро и добрый вечер* как обозначение обстрелов, осуществляемых в преддawnное и вечернее время. Такое понимание войны предполагает, что возможны минуты затишья (как своеобразная иллюзия, что война тоже может, *должна когда-нибудь закончиться*, по спектру переживаемых эмоций, обстрел это война в миниатюре, а не одна из ее составляющих), но и обязательного возобновления обстрела.

II) Война как забава. Со временем в речи жителей Донбасса слово *война* получило сниженную окраску с оттенком брезгливости и усталости от ее назойливой рутины: *войнушка, стрелкотня, пострелялки, пострелушки/ пострелухи/пострелялки, развлекалки, рубилово, бодание, разнос, замес, взаимный пинг-понг* и т.д. Использовать данные слова могут в двух полярных значениях: в ироническом ключе и в веселой залихватской манере. Последнее настроение характерно для молодых людей, военнослужащих и их окружения, людей веселого нрава, оптимистов: *заварушка, движуха, гасилово, нас бомбят, а мы скирдует* и т.д. А также *веселье, веселуха, веселушки, не жизнь, а сплошное веселье, где мы там веселье, как и где наша не пропала* и т.д. Подобное очарование войной приводит к тому, что в речи в качестве реакции появляются аналогии для войны из детской игровой сферы: *в игры играть, в игрушки не наигрались, в одной песочнице ведь играют* и т.д. – из уст людей, которые ставят себя в позицию старшего, осуждающего происходящее взрослого, журащего по-свойски его участников как детей малых и несмышленных. Отметим, что ироническое и статусное использование названий наделяют говорящего некоторой возможностью занять позицию над схваткой, позицию личной невовлеченности, что, в свою очередь, позволяет на ментальном уровне, защититься от деструктивных мыслей о происходящем.

III) Война как дело странное. По причине того, что Донбасс стал противостоять регулярной армии Украины не на вполне релевантных основаниях: *в тапках и с дубинкой, голыми руками на танки, затеяв игру в республики* – в отношении войны стали появляться такие лексические замены, как *недовойна, цирк, ни на что не похоже, не так, как в книжках об этом написано*, выражающие мнение о том, что невозможно противостоять

противнику, за которым стоят интересы стран западного мира. Во многом появление пренебрежительных форм названий в отношении реанимирования новых-старых географических названий и людей, поддерживающих изменения: *Педороссия, Недороссия, дэнээры, лугандоны* и т.д. – были направлены не на прямое оскорбление, а с целью предупреждения заблуждений и тщетных надежд, по причине страха перед неизвестностью, в силу ломки старых привычных типов взаимоотношений.

В выражениях *война понарошку* и *война не понарошку* на обсуждение выносятся степень серьезности и значимости происходящего. В первом случае имеются в виду внутренние распри среди своих или критикуется тот факт, что соблюдается лишь внешняя сторона войны, а «продукцию везем с Украины», «уголь продаем на Украину». Во втором случае подразумеваются все ужасы войны, выпадающие на долю мирного населения.

IV) Война как вечное настоящее, вечное возвращение. Ситуация военных действий оказывает деструктивное влияние на психологическое состояние личности прежде всего потому, что нет возможности планировать дела, видеть обозримое будущее. Когда на первом месте стоят потребности физического выживания, нет сил различать дни и недели, надеяться на улучшение ситуации: *как-то будет, это надолго, это навсегда, будет только хуже, надо потерпеть, привычка, день сурка, жизни (от них) нет, не мира, не войны* и т.д.

Слово «перемирие» как срединный компонент оппозиции **война – мир** и как нестабильная форма преодоления конфликта на определенный промежуток времени имеет ряд окказиональных значений: 1) усиление обстрелов вопреки установленному режиму тишины; 2) осуждение вялотекущего свойства военного конфликта, периодическое нарушение режима тишины; 3) безрассудное поведение политиков, обремененных рамками дипломатических отношений. Под таким углом зрения слова из дипломатической сферы становятся метафорами для обозначения тех процессов на поле сражений, против которых они направлены: *поддерживаем режим тишины и переговоры начались, перемирие пасхальное/праздничное, работа трёхсторонней контактной группы в самом разгаре, «норманнский» формат гремит, работают минские* в отношении ужесточения обстрелов городов Донбасса и т.д. Эти энантиосемы отражают взаимопроникаемость концептов война и мир. Адъективными вариантами словосочетаний в этом ассоциативном поле являются – *перемирие по-зеленский, укроперемирие, ублюдочное перемирие, минское предательство/минский договорняк, минский сговор, бесконечные минские* и т.д. Как видим, слово перемирие в народе получило сугубо отрицательные коннотации, в форме оксюморона выражено желание однозначно развести такие понятия, как мир и война.

Т.Ю. Власкина настаивает на принципиальной важности бинарной оппозиции «война – мир», которая расширяет зону влияния и значения концепта «война» и относит его к ментефактам, входящим в центральную зону культурного пространства. «Концепт война как экспонент русского языкового сознания имеет сложное строение, иерархизированное по полевому или циклическому принципу, где ядро образуют наиболее яркие и устойчивые универсальные надвременные компоненты, а периферийные поля обусловлены исторически и дискурсивно», – отмечает ученый [5, с. 176]. *Война* и *мир* являются центральными концептами, не только принципиально друг другу противопоставленными, но и объединенными самыми разными (в том числе и причинно-следственными) связями.

V) Война как мероприятие. Часто война в речи населения воюющих территорий предстает как мероприятие, то, что организовано и предсказуемо, имеет начало, кульминацию и завершение: *концерт, парад, кино, (не)легкая прогулка, праздник какой-то* и т.д. В этом отношении легко заметить желанность завершения

войны в частотных благопожеланиях: *до победного конца, до победы, победного нам мира, главное – дожить до победы*, так и гуманные выражения о степени безрассудности поведения врага, правительства Украины – *война до последнего украинца*, о готовности идти до конца – *бить до талого, дойдем до Киева* и т.д.

VI) Война как сговор. Усталость от войны выражается в речи описанием унылого положения дел, разрешение которого невозможно или не в силах простых людей: *многоходовка/многоходовочка, договорняк, петляния, вечные минские, схемы, предательство (минское), надоело, самоубийство, увязнуть, только повод нужен* и т.д.

VII) Война как ад на земле. Привычные для культуры способы презентации военных действий. *Мясорубка, рубилово, бойня* – об осуждении жестокости происходящего, бессмысленности жертв, *(бесконечная) волынка* – выражение озабоченности или даже страха в отношении того, что война может быть бесконечной, *полный/беспросветный мрак* – того, что только все усугубляется, не видно просвета или близости разрешения вопроса, *странная война, не как в книжках/фильмах* – страх перед новыми неизведанными формами конфликта нового типа и особенностей современной войны. *Армагедон, Армагедец (за окном) Армагеддон (за окном), открытый портал в ад, как выжить в таких условиях/в таком/этом аду* – стандартные метафоры войны.

VIII) Война как судьба страны. Воспринимать войну как неизбежность, судьбу – предельно соединять представление о личной жизни с судьбой страны, своего народа. Для выражения именно этих идей появилось много высказываний, тиражируемых с начала вооруженного конфликта в регионе: *у нас не было выхода, судьбу не выбирают, Донбасс козел отпущения, плата за счастливое будущее наших детей, надо было их где-то остановить, обычная мужская работа, герой – обычный парень с нашего двора, священный долг, народное творчество, народное ополчение, народ восстал, надо потерпеть, денацификация, спасение, преобразование, перепрошивка, возрождение* и т.д. – существование такого понимания говорит о зрелости и единстве общества.

Чтобы проиллюстрировать тезис о большом деривационном потенциале подобных наименований и языка войны в целом, обратимся к фрагменту словаря – к словам с приставкой *от-* в Словаре военной повседневности Донбасса. Именно эта группа слов дает представление о непосредственном действии войны – о боях и обстрелах, наступлении и уничтожении врага, прочем.

Данный материал можно распределить среди следующих тематических групп:

А) ответный выстрел как реакция на обстрел – *отлётмы* (выпущенные в сторону вражеских войск снаряды), *отправлять/посылать* (вести обстрел).

Б) способ ведения боевых действий, сделать работу, выполнить задание – *отбомбить* (атаковать с воздуха, сбрасывая бомбы, закончить атаку), *откалибровать* (поразить цель ракетой «Калибр» или какой-либо другого наименования, *откалиброванный*), *отработать (по врагу, по цели)* (закончить обстрел, выполнить задачу), *отстреляться* (выполнить боевую задачу по обстрелу противника) и т.д.

В) то, что требует исправления, также то, что не подлежит исправлению – *отработчик*, или *робот* (лицо, задержанное за правонарушение (например, за нарушение комендантского часа или вождение транспорта в нетрезвом виде), такого гражданина используют для штрафных работ различного рода, *отвоевал* (умер или получил серьезное ранение), *отслужил* (пришел в непригодность, не о человеке – поломался), *отжатый* (насилно присвоенное имущество), *оторванный* (временно оккупированная территория) и т.д.

Г) то, что предполагает дистанцию или ее преодоление – *отодвинуть, отбросить (от фронта)* – оттеснить армию противника от линии разграничения,

откопать – найти (пушку танк, ружье со времен ВОВ, старинный трофей, трофей прошлой войны, который критически необходим и пригодится в настоящем конфликте на этапе его неорганизованного стихийного восстания).

Д) действие, имеющее строгую направленность – *отдать* (сдать территории), *отбить* (вернуть территории), *отрапортовать* (сделать доклад), *отомстить за* (нанести ответный удар, отстоять честь), *отправлять, отправление, отправка, отправить* (произвести выстрел, о выходе снаряда), *отпускать (на войну)* – смириться с решением близкого человека пойти воевать, *отход, отвод, отодвинуть (врага), отменять, отражать (атаку), отбомбить, отработать, отступление* – военная терминология представлена больше всего именно в этом разделе и т.д.

Е) о действиях, не имеющих строгой направленности и цели – *отстреливаться* (сетования на то, что армия не ведет наступательных действий), *отвлечься* (перенести внимание на другой объект, что обязательно приведет к плохим последствиям), *отстреляться, отвоевать свое* – отказаться от службы по веским причинам, *отсиживаться* – занимать выжидательную позицию.

Ё) разновидности звучания войны – *отчетливо, отдаленно, отрывистый, отдельный* (одиночный выстрел), *отголоски, отдаленные звуки, в отдаленье* (звуки затихающего или далекого боя, обстрела) и т.д.

Большинство представленных слов – глаголы или отглагольные части речи. Все они объединены единым значением прекращения длительного неоднаправленного действия, но действия, что принципиально, завершающего характера. Напомним, что важным тезисом стороны Донбасса и России в противостоянии: *не мы начинали эту войну, но мы хотим ее закончить* (В.В. Путин, <https://sev.tv/news/90044.html>).

Рассматривая приставку *от-* как значимый смыслопорождающий формант для образования видовременных характеристик глаголов А.В. Бондарко [2] выделил отдельные классы слов по способу действия. Применим эту классификацию к нашему материалу:

1. Общезначимый – непосредственная связь с результатом, нацеленность на него: *отодвинуть, отомстить, отправить, отстрелять, отработать* и т.д.

Интенсивно-результативный – подразумевается полнота и исчерпанность результата, подчеркивается тщательность исполнения, иногда – в сочетании со значением интенсивности и экспрессивности действия. От – значение тщательной отделанности, отлаженности действия, направленного на объект *от-* (+ся): *отвоеваться, отработаться, откричаться* и т.д.

Интенсивно-кратный – действие производится усиленно, с повторением и выделением отдельных компонентов. Модель слова: *от-* + *ива-* и *-ва*. Примеры: *отстреливаться, отодвигаться, откалибровать* и т.д.

2. Финитивный, или окончательный – прекращение длительного действия: *отвоевать (свое), отслужить, отмаяться, отмантулить* и т.д.

Как видим, словообразовательные модели *от-* + *ть* и *от-* + *ть(ся)* имеют принципиальное отличие: постфикс *-ся* появляется, когда надо подчеркнуть, что результативность и ее качество зависят от субъекта действия в направлении объекта, речь об определении зоны ответственности.

Концепт *война* доминирует в общественном сознании уже очень давно, если не весь период существования человечества. Язык войны в Донбассе не имеет отдельных перенесенных из других областей метафорических моделей, все они погружены в военный сленг, предельно милитаризированы. Есть случаи выхода в черный юмор или сарказм, самоиронию, формализованного использования военной лексики в дипломатии и

законодательстве, криминального жаргона и городского просторечия, задействования форм детского игрового фольклора с целью показать абсурдность происходящего.

В русской культуре есть сильный центральный фрейм в структуре концепта *война* – *Священная война, вечная Отечественная*. Это воплощение интерпретационных моделей идеологического противостояния сторон: одни утверждают, другие – отрицают и низвергают: *противостояние победителей с проигравшими*.

Мы перечислили основные вехи становления концепта *война* в отношении понимания и интерпретации современного вооруженного конфликта (*new war* по М. Калдор) [6], Донбасской войны, дали представление о том, на каких языковых уровнях проявляются смыслы, порождающие в свою очередь особую систему образов и открывающие новые интерпретационные возможности лексики, рожденной войной о войне. Понятие войны и ее идентифицирующие атрибуты становятся общеупотребимыми для повседневной жизни отдельной части граждан большой страны, привлекают к себе ее абсолютное большинство в качестве сочувствующих, вовлеченных (семьи военнослужащих) и созидающих ради победы.

Все известные виды и способы номинации реализованы в именовании войны: деривация, заимствование, метафорический и метонимический переносы, образование составных наименований и т.д. Новые понятия и замещающие образы к концепту «война» по большей части образуются путем семантической деривации. Не в последнюю очередь источником пополнения языка новыми словами можно считать военную метафору. Как известно, «военная сфера – это один из основных источников метафорической экспансии на самых разных этапах развития языка» [13, с. 246].

Рассматриваемый нами номинативный процесс является естественным по своему типу. В обществе на протяжении всего времени развертывания конфликта остро звучала потребность «назвать войну войной», чтобы от позиции «нас нет» и «до наших смертей никому нет дела» перейти к позиции защиты, физической и моральной, граждан своей страны. Все это совершалось постепенно и на наших глазах.

Название современной войны (или вооруженного конфликта между странами) чаще всего претерпевает три этапа развития. Вначале в названии войны получаем обозначение территорий, локаций, где вспыхнул конфликт: *конфликт на юго-востоке Украины*. Со временем в названии обозначают сторон-участников, назначают виновников и ответственных. Иногда (здесь уже прослеживается заинтересованность либо позиция того, кто занимает сильную позицию в конкретном случае номинации) *русско-грузинская война*, поэтому могут встречаться вспомогательные характеристики *Освободительная, Великая* и т.д. На третьем этапе в названии остаются самые важные характеристики, которые выделяют данное явление среди прочих: *Пятидневная война, война яйца и меча* и т.д.

Таким образом, в развитии дискурса о вооруженном конфликте в Донбассе в отечественном медиапространстве просматривается определенная логика, которая позволяет понять не только процесс развития конфликта, но и спрогнозировать последующие этапы этого конфликта, лучше понять его завершающий этап: специальную военную операцию на Украине.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. – 2-е изд., испр. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
2. Бондарко А.В. Русский глагол: Пособие для студентов и учителей / А.В. Бондарко, Л.Л. Буланин; Под ред. проф. Ю.С. Маслова. – Ленинград: Просвещение. Ленингр. отделение, 1967. – 192 с.; Бондарко А.В. Вид и время русского глагола: Значение и употребление: Пособие для студентов. – Москва: Просвещение, 1971. – 239 с.

3. Виноградов В.В. Основные типы лексических значений слова. Избранные труды. Лексикология и лексикография / В.В. Виноградов. – М., 1977. – 312 с.
4. Власкина Т.Ю. Донбасс: концептуализация образа войны в свете комплексных источников / Т.Ю. Власкина // Известия военного образования Донецкой Народной Республики: сборник материалов международной научной конференции «Епишевские чтения: история, культура и философия военного дела» / под общей редакцией генерал-майора Тихонова М.Г. – Донецк: ГОУ ВПО «ДОН ВОКУ», 2020. – 193 с. – С. 176–179.
5. Гималетдинова Г.К. Метафорическая репрезентация военного конфликта в новостном тексте / Г.К. Гималетдинова, Л.К. Халитова // Филология и культура. Philology and culture. – 2013. – № 3 (№ 33). – С. 74–78.
6. Калдор М. Новые и старые войны: организованное насилие в глобальную эпоху / М. Калдор // Пер. с англ. А. Апполонова, М. Дондуковского; ред. перевода А. Смирнов, В. Софронов. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. – 416 с.
7. Колшанский Г.В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке / Г.В. Колшанский. – М.: Наука, 1975. – 230 с.
8. Комлев Н.Г. Ономазиология как учение о языковом обозначении неязыковой действительности / Н.Г. Комлев // Вопросы лингвистики и методики преподавания иностранных языков. – М.: Московский университет, 1968. – С. 80–89.
9. Лозовой А.Ю. К проблеме номинации. особенности современной эргонимии / А.Ю. Лозовой, И.А. Названова // Известия ЮФУ. Технические науки. Раздел I. Проблемы филологии. – 2013. – № 10. – С. 25–30. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-probleme-nominatsii-osobennosti-sovremennoy-ergonimii> (дата обращения: 15.12.2023).
10. Серебрянников Б.А. Языковая номинация (виды наименований) / Б.А. Серебрянникова, А.А. Уфимцева. – М.: Наука, 1977. – 356 с.
11. Телия В.Н. Метафоризация и её роль в создании языковой картины мира / В.Н. Телия // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. – М, 1988. – С. 173–203.
12. Теркулов В.И. Номинатема: опыт определения и описания / В.И. Теркулов. – Горловка: ГГПИИЯ, 2010. – 228 с. – (Серия «Знак – Сознание – Знание»). – ISBN 978-966-8469-82-4
13. Чудинов А.П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации / А.П. Чудинов. – Екатеринбург: изд-во УрГПУ, 2003. – 346 с.
14. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры / А.П. Чудинов. – Екатеринбург: изд-во УрГПУ, 2001. – 238 с.
15. Янкович М. Язык современной российской прессы. Военные метафоры в текстах о конфликте в Донбассе / М. Янкович // Русский язык и культура в зеркале перевода. – 2020. – № 1. – С. 613–625.

Поступила в редакцию 12.12.2023 г.

ACTS, TYPES AND WAYS OF NOMINATING WAR IN DONBASS

V.S. Korobova-Latyntseva

The article deals with peculiarities of nominating the war in Donbass. The main types and ways of nomination used in news reports, scientific, belles-lettres, philosophical, publicistic, and political texts, as well as in the speech of Donbass residents, collected in thematic communities in social networks and messengers, are presented. The semasiological and semantic approaches are used to identify a type of nomination as a holistic view of the object, implemented in the spontaneous speech of a Donbass resident from the Internet or in a prepared publication from an opinion leader. The concepts *war*, *peace*, *armistice* are presented by describing the actualized types of meanings of the notion "war". The derivational potential of this layer of the vocabulary is brought into the open.

Key words: ways of nomination, types of nomination, concept, word, plot, associative series, concept "war", concept "peace", language of war, war in Donbass.

Коробова-Латынцева Виктория Сергеевна.
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет».
Преподаватель кафедры русского языка.
E-mail: v.korobova-latyntseva@mail.ru

Korobova-Latyntseva Victoria Sergeevna.
Donetsk State University.
Lecturer of the Russian Language Department.
E-mail: v.korobova-latyntseva@mail.ru

УДК 81

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ИМЕНА В ТУЛЬСКОМ ТЕЗАУРУСЕ

© 2023 К.С. Мозгачёва

ФГБОУ ВО «Тульский государственный педагогический университет
им. Л.Н. Толстого»

В исследовании представлены результаты комплексного анализа прецедентных имён тульского тезауруса. Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения прецедентных имён в рамках лингвокультурологического аспекта и регионального компонента. При изучении прецедентного феномена в Тульском крае применялись следующие методы: сбора и синтеза информации, исторический комментарий, анкетирования и эксперимента. Автором обобщены теоретические знания в области изучения тульского тезауруса на примере прецедентных имён, выделены важные концептосферы, разработаны перспективы изучения данной темы. На базе прецедентных имён выделены следующие лингвокультурные единицы: символы, эталоны, эмблемы, бренды, ключевые знаки. В ходе исследования выявлены доминирующие когнитивные тематические группы: «Защита Отечества», «Промыслы и производство» и «Жизнеустройство». Полученные материалы использованы при работе над лингвокультурологическим словарем, а также для реконструкции модели региональной культуры.

Ключевые слова: прецедентные имена, тезаурус, тульская лингвокультура, региональная культура, лингвокультурные единицы.

Введение. Исследование прецедентных имён в нашей статье носит лингвокультурологический характер. Мы опираемся в своих суждениях на представление о взаимодействии языка и культуры, которое заключается в том, что эти два понятия являются взаимосвязанными явлениями, влияют друг на друга и определяются друг другом. По мнению Д.Б. Гудкова, «культура представляет собой особую иерархизированную семиотическую систему, находящуюся в весьма сложных взаимоотношениях с системой естественного языка» [1, с. 2]. Культура оказывает воздействие на язык через свою историю, традиции, социальные нормы, ценности и менталитет, а язык в свою очередь передаёт и сохраняет культурное наследие, выражает национальные особенности и идентичность и устанавливает коммуникацию между представителями разных культур. Таким образом, язык и культура вместе формируют и определяют идентичность и поведение людей, а также способствуют развитию межкультурного диалога и понимания. Наше теоретическое обоснование находит своё отражение в трудах М.Л. Ковшовой [2], Ю.М. Лотмана [3], А.А. Потемни [4], В.И. Телия [5], Н.И. Толстого [11], Г.В. Токарева [9]. Научная концепция исследователей заключается в том, как культурные концепты отражаются в языке определённой лингвокультуры. Наше исследование обосновывает одно из ведущих положений лингвокультурологии: прецедентные имена отражают знания жителей, сформированные на их представлениях, наивных суждениях.

Цель исследования – изучение прецедентного имени в тезаурусе культуры, выявление особенностей данных культурных знаков в региональном аспекте. Для воссоздания более точной языковой картины мира региона и тезауруса культуры, на наш взгляд, будет актуальным рассмотрение прецедентного имени на примере Тульского края. В ходе реализации цели исследования мы определили несколько задач: 1) изучение теоретической основы тезауруса и понятия прецедентного имени; 2) сбор практического материала для воссоздания модели прецедентного имени в тульском тезаурусе; 3) систематизация и классификация полученного материала. В

статье обоснованы теоретические положения нашего исследования. Выявлены особенности прецедентных имён тульского тезауруса, установлены особенности прецедентного явления как культурного знака. Знак культуры «отражает представления о мире, наделяется особой ценностью для членов лингвокультурной общности» [10, с. 11].

«Тезаурус культуры – это упорядоченное представление содержания текста. Тезаурус культуры по отношению к текстам культуры является неким инвариантом, конструктом, представляющим собой абстрактную модель действительности. В этом смысле понятие тезауруса культуры совпадает с понятием концептуальной картины мира. Можно сказать, что тезаурус культуры – это структурированная картина мира. Тезаурус культуры включает в себя не только объективную модель мира, но и ту или иную аксиологическую иерархию» [8, с. 120]. Региональный тезаурус – это систематизированное представление содержания текста, ориентированное на определенный регион или территорию. В отличие от общего тезауруса, который может охватывать широкий спектр культур, региональный узконаправлен, он охватывает важные сферы в жизни региона, значимые для жителей региона.

Прецедентные имена являются одними из основных единиц, представляющих региональную идентичность и вербализирующих культурные концепты.

Г.В. Токарев описывает в своих исследованиях прецедентные единицы как «знаки, в основу которых положены имена общеизвестных персоналий, обозначающие типы людей». Он пишет, что «как правило, прецедентные имена формируются в сферах искусства, общественной жизни, в средствах массовой информации» [7, с. 64].

Свойствами прецедентных имён можно отметить следующие: широкая узнаваемость, частотная воспроизводимость, общеизвестность. Прецедентные имена региональной культуры начинают функционировать как лингвокультурные единицы на основе имён персоналий, которые проживали в данной местности, либо выдающихся личностей, отличавшихся своей деятельностью, значимой для данной локации.

От этапа персонализации имени собственного до выражения знака культуры происходят весомые изменения в значении и функции имени. Наивное сознание носителей культурных смыслов отбрасывает научный подход к описанию дефиниции имени собственного.

Имя собственное в своём первоначальном значении несёт знания энциклопедического характера, учитывая не сколько культурные ценности, а точные данные, фактологические признаки, упоминая отчества, даты и т.д. Затем прецедентное имя, как правило, актуализирует один или несколько признаков, которые выражают стереотипное мнение о нём. Причем, сознание утрачивает ряд признаков, не связанных со стереотипными и не относящиеся к культурно-маркированным. На заключительном этапе, группируясь по принципу подобия, имя становится знаком культуры, выражает ключевые идеи региональной культуры. При этом, хочется отметить, что «важнейшей характеристикой прецедентных феноменов, является их способность фиксировать культурный, исторический и языковой опыт носителей» [6, с. 533]. Понятие прецедентности основывается на фоновых знаниях представителей субкультур, например, региональной, затрагивая при этом практически все сферы деятельности. Важными сферами тульской лингвокультуры можно отметить следующие: обороностроения, защиты Отечества, ремесла и промыслов, здравоохранения, творческо-интеллектуальной, научной, православной, и др. Именно в этих сферах чаще всего возникают группы прецедентных имён с важными маркированными значениями.

Основная часть. Прецедентные имена выступают как основа для формирования лингвокультурных единиц тезауруса. На базе прецедентных имён мы можем выделить следующие лингвокультурные единицы: символы, эталоны, эмблемы, бренды, ключевые знаки.

Рассмотрим каждую единицу отдельно.

1. Прецедентные имена становятся символами региональной культуры. Понятие символа включает ключевую идею. Например, *Икона Николы Тульского* – символ святости, чудодействия.

2. Прецедентное имя выступает эталонами культуры. Эталоны включают стереотипные представления о качествах человека. Например, *Болдин, Волнянский, Горшков* – эталон патриотизма, мужества в годы Великой Отечественной войны, *Маргелов, Руднев* – эталон защитника Отечества, *Болотников* – эталон смелости, бунтарства, решительности, *Баташёвы, Лугинин, Мосоловы* – эталон тульских предпринимателей и меценатов, *Белоусов, Смидович* – эталон служения общественным интересам, *Болотов* – эталон учёного, общественного деятеля, *Бутович* – эталон общественного деятеля, тульского предпринимателя, *Вересаев, Даргомыжский, Гумилевская, Дрейер, Жуковский, Крылов, Успенский, Хомяков,* – эталон интеллигента, *Каменев* – эталон служения делу, *Левша* – эталон мастера, *Матрона Московская* – эталон святости, *Поленов* – эталон человека-искусства, *Белобородов* – эталон изобретательности, незаурядных музыкальных способностей, *Грязев, Дегтярёв, Стечкин, Шипунов* – эталон современного оружейника, *Калашников, Макаров, Мосин, Токарев* – эталон оружейника.

3. Бренды выражают процесс семиотизации, вокруг которого происходит развитие символа. Например, *Толстой//Лев Толстой* – бренд Тульского края. Стратегии брендинга связаны с наименованием университета им. Л.Н.Толстого, локаций – Ясная Поляна, названий общепита «Еда и Мирь» и т.д.

4. Ключевой знак культуры – наименование локации, предмета, имеющий прецедентный характер, выражающий обобщенные обыденные представления об этом месте или явлении, предмете. За ключевым знаком всегда стоит прецедентное имя. Например, *Винтовка Мосина* – ключевой знак, выражающий представления о тульском оружии. С представлениями об этом оружии связано имя *Мосина, разработчика винтовки. Училище суворовское* – ключевой знак, обозначающий военное общеобразовательное учебное заведение. Название места связано с именем *А.В. Суворова* – известного русского полководца. *Ваныкинская больница/ Семашко* – ключевой знак, обозначающий главную городскую больницу Тулы. Знание о месте связано с именем купца *Д. Ваныкина*, который пожертвовал деньги на строительство больницы. А также с именем *Н.А. Семашко*, который также содействовал строительству одного из корпусов в больнице. После чего в наивном сознании закрепилось название «Семашко». Белый дом – знак культуры, обозначающий здание, в котором располагаются городские и областные органы власти. Долгое время назывался *Юнакиевский собор*, связанно с знаниями о первом секретаре Тульского обкома КПСС – *И.Х. Юнаке*. *Баташи* – ключевой знак, связанный с представлениями о парковых пространствах города. Представление об этом знаке связаны с фамилией предпринимателей – *Баташёвых*. Магазин Филипповский – ключевой знак, обозначающий хлебный магазин, владельцем которого был Дмитрий Иванович Филиппов.

Многие прецедентные имена могут функционировать как несколько лингвокультурных единиц. Например, *Токарев//Тульский Токарев – символ тульского оружия, тульский оружейный бренд, эталон туляка.*

В ходе нашего исследования были использованы следующие методы работы:

1. Метод проведения анкетирования жителей Тульской области (вопросно-ответная форма работы, предполагающая сбор информации о личностях, событиях, зданиях, значимых объектах, связанных с прецедентным феноменом). В ходе анкетирования установлено, что большая часть имен утратили своё прецедентное значение, в связи с чем не были включены в словарь региональной идентичности. Данный факт характерен для прецедентного феномена. Изменения названий улиц, районов города (улица М. Смирнова раньше называлась Фоминская, ул. Пионерская носила название Сушкинская, Чапаева – Гольпяковская, Старо-Никитская – Добрынинская). Отсутствие развития семиотизации вокруг символа-бренда (Гиппиус, Гартунг и др.)

2. Психолингвистических экспериментов (на первом этапе группе испытуемых были предложены имена деятелей региона из разных сфер с целью установки ассоциативных связей, выявления типичных признаков; на втором этапе после выборки конкретных прецедентных имён было предложено установить символы, культурные значения, эталоны, вызывающие реакции на данные имена).

Прецедентное имя тульской лингвокультуры представлено различными культурными стратами. Причём, рассматривать данное явление можно как в синхронном понимании, так и диахроническом.

Культурными стратами тульского текста культуры первой трети XXI века являются:

Группа «*Защита Отечества*» включает в себя следующие прецедентные имена: *Болдин, Волнянский, Горшков, Маргелов*. Культурные смыслы данных имён связаны с событиями Великой Отечественной войны. Для коллективной памяти характерны знания, связанные с операциями, в которых участвовали герои, или руководили ими. В настоящий момент вокруг имён развивается символизация: установлены памятники, мемориальные доски, проводятся лекции в память о выдающихся личностях и т.д.

Группа «*Промыслы и производства*» включает: *Баташёвы, Белоусов, Болотов, Бутович, Вересаев, Даргомыжский, Гумилевская, Дрейер, Жуковский, Вересаев, Каменев, Крылов, Лугинин, Матрона Московская, Мосоловы, Поленов, Смидович, Успенский, Хомяков*. Знания об именах связаны с их достижениями в области науки, здравоохранения, литературы, творчества, общественно-полезной деятельности. Развиваются данные символы путём реализации брендинга: парк имени Белоусова, роддом имени доктора Гумилевской, больница им. Каменева, музей Крылова, дом-музей Вересаева, Дом-музей «Поленово», музыкальное училище имени Даргомыжского, усадьба Дворяниново, школа им. Хомякова, памятник Успенскому, улица Смидович и др.

В диахроническом аспекте изучения тульского тезауруса в поле нашего исследования попали следующие прецедентные имена: *Тальков, Шемарины, Фомины, Зайковы, Гольпяковы, Добрынины Лопатин, Сушкины, Мотякины*. Остановимся подробнее на каждом из них.

Легасов Валерий Алексеевич (1936-1988) – химик, академик, возглавлял группу по ликвидации последствий Чернобыльской аварии. С именем Легасова связаны загадочные обстоятельства произошедшего, наполненные легендами и преданиями. Для коллективной памяти актуальны следующие знания о нём:

- место рождения – г. Тула, в доме по ул. Коммунаров (сейчас – пр-т. Ленина);
- представления о Легасове связаны со знаниями об аварии Чернобыльской АЭС. Валерию Алексеевичу было поручено разобраться в причинах и устранить последствия масштабной аварии;

- представления о нём, как о честном человеке, не боящимся сказать правды об аварии. С его именем связана легенда: последствия катастрофы могли затронуть и интересы Европы, но учёный на протяжении пяти часов на конференции в Вене открыто рассказывал о произошедшем. После доклада с нашей страны были сняты претензии;

- с именем Легасова связаны трагические события: через 2 года после катастрофы академик повесился, за один день до оглашения результатов своих исследований. Есть легенда, что через год после катастрофы он уже совершал попытку свести счёты с жизнью, по одной из версий это было доведение до самоубийства. Развитие значения имени осуществляется путём семиотизации пространства вокруг символа:

- в 1966 году удостоен звания Героя России;
- на доме, где жил В. Легасов, в 2012 г. установлена памятная доска;
- бюст В. Легасова установлен в г. Новомосковске при филиале Российского химико-технологического университета;

- образ В. Легасова запечатлён в сериале «Чернобыль», снятом в 2019 году.

Тальков Игорь Владимирович (1956-1991) – певец, музыкант, исполнитель собственных песен. Для коллективной памяти актуальны следующие знания о нём:

- место его рождения – Тульская область, Щёкинский район, с. Грицовка;
- рок-музыкант, карьера началась с исполнения им песни «Чистые пруды», которая стала визитной карточкой музыканта. Тальков основал группу «Спасательный круг»;

- представление о нём, как о красивом, харизматичном артисте. Тальков помогал материально, никогда не забывал свою родину, друзей. Его охранник был его лучший друг, земляк;

- неоднозначные представления о творчестве Талькова: отрицательная оценка, связанные с представлением о фальшивом исполнении песен, подражанию западным исполнителям, и положительная оценка, связанная с представлениями о певце из провинции, который добился всего сам;

- с именем Талькова связаны трагические события: певца убили во время его концерта. По легенде он предчувствовал свою смерть, утверждал друзьям, что погибнет при скоплении народа, причем убийцу не найдут. Всё случилось именно так, имя убийцы до сих пор неизвестно.

- Выступал со сцены с критическими речами в адрес власти.

Зайковы – оружейники, проживающие в Заречье (раньше – Чулковская слобода) в конце XVIII-нач. XIX вв. Для коллективной памяти актуальны следующие знания о них:

- Зайков Ермил работал оружейником, занимался резьбой по дереву и металлу;
- Зайков Тимофей с сыном – иконостасные мастера;
- До 1923 г. улица Осташева именовалась улицей Зайковая, на ней и жили оружейники.

Гольтяковы – оружейники, проживающие в Заречье (раньше - Чулковская слобода). Для коллективной памяти актуальны следующие знания о них:

- Братья Николай и Пётр Гольтяковы были оружейниками. Их ружья находятся в Эрмитаже и в ГИМе Москвы;

- Гольтяковы были резчиками, конструкторами, гравёрами;
- с ними связано имя Мосоловых. Именно братьям Гольтяковым Мосоловы продали свой дом по ул. Октябрьской.

- одна из улиц Тулы носила имя Гольтяковская, сейчас это улица Чапаева.

Добрынины – общественные деятели, почётные жители Тулы. Для коллективной памяти актуальны следующие знания о них:

- улица Старо-Никитская ранее называлась ул. Добрынинская. Точного упоминания о времени и причины смены названия не обнаружено.

- Добрынины прославились щедрыми людьми, занимались благотворительностью, помогали сиротам.

Лопатин Дмитрий Борисович – купец, проживающий в Туле во второй половине XVIII века. Для коллективной памяти актуальны следующие знания о нем:

- дома по ул. Менделеевской, которыми владел богатый купец, сохранились до сих пор.

- До 1907 г. ул. Менделеевская называлась Лопатинской.

Мотякины – купцы, проживающие в Туле. Для коллективной памяти актуальны следующие знания о них:

- представление о Мотякинском роднике. С этим местом связана легенда о Чёртовом мостике, где постоянно грабили людей, происходили необъяснимые вещи. Рядом протекала река Серебрянка, которая и брала начало в Мотякинском роднике;

- улица Мотякинская в настоящее время носит имя Льва Толстого.

Шемарины – купеческая семья, организовали производство самоваров. В Туле их прозвали «короли самоваров». Для коллективной памяти актуальны следующие знания о Шемариных:

- семья, открывшая в Туле свою мастерскую по изготовлению самоваров. Положил начало династии самоварщиков Иван Шемарин и пять его братьев. Однако есть и раннее упоминание: в 1886 В. Шемарин уже устроился на один из самоварных заводов, где добился значительных успехов и быстро овладел производством;

- представление о них, как о людях «приезжих», неместных, но открывший миру удивительный мир тульских самоваров. По другой версии, Шемарины были выходцами из Одоевского уезда, относились к крепостным;

- самовары Шемариных прославились не только в России, но и за рубежом, выигрывали различные международные конкурсы;

- представление о Шемариных как о щедрых людях, занимающихся благотворительностью;

- заводу по изготовлению самоваров в 1918 году было присвоено имя В.И. Ленина.

Развитие значения символа осуществляется путём семиотизации пространства вокруг символа-бренда:

- На ул. Луначарского стоит красивый дом, в котором жил Николай Шемарин, младший брат Ивана Шемарина;

- В Музее самоваров и бультоков д. Груманты можно увидеть самовары Шемариных.

Сушкины – купцы, предприниматели. Для коллективной памяти актуальны следующие знания о них:

- улица Пионерская раньше называлась Сушкинская, вплоть до 1920 г.

- в 1874 г. Сушкины создали в Туле первый городской банк. Однако банк разорился, а Сушкины были сосланы в Сибирь.

Фомины – владельцы самоварной фабрики. Для коллективной памяти актуальны следующие знания о них:

- семья Фоминых жила в Заречье, их дом был самым видным. Но до наших дней не сохранился. Именно в доме Фомин П. П. устроил самоварную фабрику;
- дело отца продолжили его сыновья. В 1898 г. открылась «Самоварная фабрика наследников П. П. Фомина»;
- дочь Фомина шила модную одежду для жителей города;
- улица М. Смирнова ранее называлась Фоминская.

Тот факт, что данные имена потеряли свою значимость, говорит о динамичных процессах в лингвокультурологии. Прецедентные имена утрачивают свою культурную маркированность, вместе с тем современный житель Тулы уже не идентифицирует себя с именами этих личностей. Из этого следует, что понятие прецедентности может носить и временный характер, они свойственны конкретной эпохе. Но есть и такие имена, которые актуальны и узнаваемы длительный период.

Заключение. Подводя итог, отметим, что прецедентные имена региональной культуры выражают концепты, связанные с высокой общеупотребительностью и узнаваемостью. Отметим, что прецедентные имена, функционируя как знак культуры, выражают обыденное представление носителей лингвокультуры о своей идентификации.

В ходе исследования выявлены доминирующие когнитивные тематические группы, в которые входят прецедентные имена: «Защита Отечества», «Промыслы и производство» и «Жизнеустройство». Установлено, что процесс формирования данных концептосфер связан с преобладающей деятельностью жителей региона: оружейное дело, культура, промышленные заводы, участие в оборонительных и наступательных военных операциях. На примере тезауруса Тульского края показаны значимые прецедентные имена, даны их характеристики, типичные черты.

Перспективы исследования заключаются в дальнейшем изучении прецедентных имён как составляющих тульской лингвокультуры, выражающих её региональную идентичность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гудков Д. Б. Коды культуры и система естественного языка / Д. Б. Гудков. – Русистика без границ. – 2017. – Т.1. – № 4.
2. Ковшова М. Л. Теоретические и лексикографические аспекты исследования антропонимов в составе загадок, пословиц и идиом / М. Л. Ковшова. – Мир русского слова. – № 1, 2021. – С. 5-12.
3. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре/ Ю. М. Лотман. – СПб.:Искусство. – 1994. – 399 с.
4. Потенба А. А. Мысль и язык/ А. А. Потенба. – М.: Лабиринт, 1999. – 300 с.
5. Телия В. Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты/В. Н. Телия. – М.: Языки русской культуры. – 1996.
6. Титова А.С. Прецедентное имя как диахроническая матрица (эволюция имени Плюшкин в коммуникативном сознании). А. С. Титова. – Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 38 (4): 532–539. – 2019.
7. Токарев Г.В. Дискурсивные лики концепта: Монография / Г.В. Токарев. – Тула: ТППО, 2003.
8. Токарев Г.В. Использование семиотических методов в лингвистике / Г.В. Токарев // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. – № 1, 2015. – С. 120.
9. Токарев Г. В. Лингвокультурный симболярный: квазисимволы / Г. В. Токарев. – Тула: ТППО, 2021. – 113 с.
10. Токарев Г.В. Словарь лингвокультурологических терминов / Г.В. Токарев. – Тула: ТППО, 2022. – 57 с.
11. Толстой Н. И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике/ Н. И. Толстой. – М. – 1995.

Поступила в редакцию 04.12.2023 г.

PRECEDENT NAMES IN THE TULA THESAURUS

K.S. Mozgacheva

The contribution presents the results of a comprehensive analysis of precedent names in the Tula thesaurus. The relevance of the study is due to the need to study precedent names within the framework of the linguocultural aspect and the regional component. When studying the precedent phenomenon in the Tula region, the following methods were used: collection and synthesis of information, historical commentary, questioning and experiment. The author summarizes theoretical knowledge in the field of studying the Tula thesaurus using precedent names as an example. Important conceptual spheres have been highlighted. The prospects for further research have been outlined. Based on the precedent names, the following linguocultural units have been singled out, among them are symbols, standards, emblems, brands, key signs. The dominant cognitive thematic groups “Defense of the Fatherland,” “Crafts and Production,” and “Life Management” have been considered in the course of the analysis. The materials obtained have been used in compiling a linguistic and cultural dictionary, as well as in reconstructing a model of regional culture.

Key words: precedent names, thesaurus, Tula linguoculture, regional culture, linguocultural units.

Мозгачёва Ксения Сергеевна.

ФГБОУ ВО «Тульский государственный университет им. Л. Н. Толстого».

Ассистент кафедры документоведения и стилистики русского языка.

E-mail: mozgachevak@mail.ru

Mozgacheva Kseniia Sergeevna.

Tula State Pedagogical University named after L.N. Tolstoy.

Assistant at Department of Documentation and Stylistics of the Russian language.

E-mail: mozgachevak@mail.ru

УДК 811.161.1

О СПОСОБАХ КРЕОЛИЗАЦИИ ТЕКСТА

© 2023 А.А. Рештаненко

ФГАОУ ВО «Московский политехнический университет»

Работа посвящена изучению компонентов полимодальных текстов в их взаимосвязи, а также способов и средств креолизации материала. Значимость исследования определяется глобальной тенденцией к визуализации информации, что подтверждается не только обилием текстов, но и интересом отечественных лингвистов. Основой для статьи послужили научные труды Е.Е. Анисимовой, Д.П. Чигаева и др. а также был использован языковой материал из авторской картотеки, полученный методом сплошной выборки. Итогом работы стало достижение следующих задач: определено понятие креолизации и описана сущность данного явления, рассмотрены виды связи компонентов креолизованных текстов, выделены и описаны основные способы креолизации материала. Результаты, полученные в процессе исследования, позволяют многоаспектно охарактеризовать креолизованные тексты как феномен современной медиакультуры и могут быть положены в основу дальнейших исследований.

Ключевые слова: креолизованный текст, креолизация, визуализация, вербальный план, иконический материал, невербальный компонент, изображение, текст.

Введение. Глобализация, развитие информационного пространства, освоение новых форм и технических возможностей сказывается на всех процессах, проходящих в обществе, и язык не исключение. О многочисленных разноплановых трансформациях можно судить и по исследованиям последних десятилетий, посвящённых креолизации материала. И если для психолингвистики важным оказывается прагматический аспект, связанный с восприятием текста, его волонтактивной функцией, то теория языка занимается вопросами способов создания креолизованных текстов, способов и средств трансформации исходных вербальных текстов в креолизованные.

Цель нашего исследования заключается в изучении компонентов полимодальных текстов в их взаимосвязи, а также способов и средств креолизации вербальной части материала. Базисом для работы послужили труды отечественных лингвистов, занимающихся проблемами креолизованных текстов и креолизации. В исследовании также был использован языковой материал из авторской картотеки, полученный методом сплошной выборки.

Основная часть. В толковом словаре Т.Ф. Ефремовой приведено следующее определение понятия: «**Креолиза́ция**, ж. – образование смешанного – по лексике и грамматике – языка в результате взаимодействия двух и более языков, функционирующих на данной территории [8]. Е.И. Епишкин в «Историческом словаре галлицизмов русского языка» уточняет, что результатом этого процесса считается появление именно разговорного языка, а пределы изменения не ограничены ни временем (автор употребляет сочетание «далеко идущая креолизация»), ни степенью проявления [9].

Как правило, данный термин употребляется в контексте языка пиджин. Например, в словаре социолингвистических терминов понятие креолизации языка используется наряду с **нативизацией** языка как процесс, «в результате которого пиджин начинает обслуживать все основные потребности социума, в том числе и сферу внутрисемейного бытового общения, и становится родным, а часто и единственным языком нового поколения» [15]. Однако в кратком словаре В.М. Панькина и А.В. Филиппова появляется более широкая дефиниция: под креолизацией языка понимается «изменение какого-либо современного

европейского языка ... вследствие длительного общения на нём с коренным населением какой-либо азиатской, африканской, американской страны» [19].

Нельзя не отметить, что каждое из этих определений формируется в контексте языка, но не текста. Теория о смешении языков, которая также представлена в терминах «гибридизация», «метизация» (Е.Д. Поливанов) и др., несмотря на достаточную проработанность и популярность у исследователей, имела и противников [1, с. 289]. И если А. Шлейхер говорил о дивергенции языков, т.е. о расхождении, о возникновении диалектов [1], а Г. Шухардт отмечал, что скрещения и заимствования есть в каждом языке [1], то Н.Я. Марр писал о том, что имеющееся множество языков возникает самостоятельно, независимо друг от друга, скрещение является лишь одним из языковых процессов, формирующих диалекты, но никак не самостоятельные языки [2, с. 112]. И.В. Сталин, комментируя эти постулаты, говорит о том, что в результате этих неизбежных трансформаций остаётся «язык-победитель», вышедший из исходных языков и характеризующийся изменённым лексическим фондом [17].

В нашем исследовании понятие креолизации применяется в отношении текста как объединённой смысловой связью последовательности знаковых единиц, поэтому в данном случае результатом смешения является не новый самостоятельный язык, а креолизованный текст, а элементами смешения – компоненты этого текста, принадлежащие к разным знаковым системам. Так, А.А. Бернацкая пишет о том, что **креолизация** – это «комбинирование средств разных семиотических систем в комплексе, отвечающем условию текстуальности» [5, с. 104]. При этом креолизация может трактоваться как процесс создания новых единиц – креолизованных текстов – и как процесс включения в структуру уже существующего текста, представленного знаками какой-либо системы, элементов другой знаковой системы.

Понятие креолизации, разумеется, связано с термином «**креолизованный текст**» (далее – КТ), который Е.Ф. Тарасов и Ю.А. Сорокин определили как «текст, фактура которого состоит из двух разнородных частей: вербальной (языковой/речевой) и невербальной (принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык)» [6, с. 180].

Следует обратить внимание на то, что концепция Московской психолингвистической школы в понимании феномена КТ базируется на тезисе о том, что креолизация является неотъемлемым свойством текста, т.к. любой текст не свободен от признаков своей формы представления, имеющей определённое содержание и добавляющей это содержание к содержанию текста, который выражен вербально [10]. Исследователи убеждены, что именно синтетичность структуры КТ обеспечивает комплексность и успешность восприятия текста реципиентами, а взаимозависимость компонентов с превалированием невербального элемента была подтверждена многочисленными экспериментами.

Идея доминирования иконических элементов встречается во многих научных трудах. Например, А.Л. Ломоносова пишет о том, что иконические элементы являются определяющими, т.к. это образы, интегрированные в вербальный текст по смыслу и композиции [11]. Компоненты КТ функционируют в едином пространстве, формируя целостность текста и усиливая его коммуникативную составляющую. Реципиент же декодирует информацию двупланово, однако получает единый смысл.

В.В. Волкова также говорит о формировании иконическими средствами доминанты КТ. На примере социальной рекламы автор описывает иллюстрацию как «самый яркий, в первую очередь привлекающий внимание компонент полосы, её визуальный, а, следовательно, и композиционный центр» [7, с. 95]. Д. Огилви

объясняет это тем, что невербальные элементы вызывают меньшее сопротивление у читателя, они потенциально являются более убедительными, чем вербальные [14].

Однако Л.П. Амири придерживается теории о том, что оба негомогенных компонента текста могут выступать в роли доминирующего элемента, это зависит от способа актуализации информации в рекламном тексте [3]. По мнению исследователя, эти компоненты могут обладать относительной самостоятельностью, семантической независимостью, но вербальный компонент, рассматриваемый отдельно от иконического, может привести к неверному толкованию КТ реципиентами.

Описывая соотносимость компонентов КТ, нельзя не упомянуть труды Е.Е. Анисимовой. Филолог выделяет три типа текстов в зависимости от наличия или отсутствия изображения и характера его связи с вербальной частью.

1. Тексты с **нулевой** креолизацией – это тексты без элементов креолизации, т.е. выраженные компонентами одной знаковой системы и представляющие собой либо изображение, либо текст. Однако здесь используются другие средства креолизации: например, графическое выделение текста.

2. Тексты с **частичной** креолизацией – тексты, в которых вербальный компонент является самостоятельным и лишь частично сопровождается изображением, а значит, может быть верно, без потери смысла, истолкован читателями и без иконического элемента. По мнению автора, примером такого синтеза могут являться иконки на рабочем столе компьютера.

3. Тексты с **полной** креолизацией – это тексты, в которых негомогенные компоненты образуют единое взаимозаменяемое целое. При отсутствии невербального элемента они не могут быть декодированы читателем. Один из примеров реализации – это символные замены, которые встречаются в рекламных текстах и слоганах: так, глагол «люблю» может быть заменён на иконическое изображение сердца, но изъятие этого элемента из структуры текста приведёт к непониманию его семантики [4].

М.Д. Маричев, характеризуя связь вербального и невербального компонентов, выделяет эксплицитно-выраженные тексты, в которых между текстом и изображением складывается чёткая и явная связь, и эксплицитно-невыраженные, в которых эта связь является опосредованной и неявной. Автор подчёркивает роль изображения в передаче информации и говорит о шести типах текстов:

– в **рецепционных** текстах информация иконического компонента дублирует информацию вербального элемента;

– **оппозитивные** тексты характеризуются противоречием информации текста и изображения, поэтому нередко служат средством создания комического эффекта;

– в **аддитивных** текстах информация изображения дополняет информацию вербального компонента;

– **выделительным** текстам свойственно преобладание вербальной составляющей, однако невербальная составляющая подчёркивает какие-либо элементы текста;

– обратное явление наблюдается в **изобразительно-центрических** текстах, т.е. информативная функция реализуется по большей части именно в иконическом материале, а вербальный элемент служит средством выделения какой-либо его части;

– в **интегративных** же текстах информация вербального и невербального плана дополняет и уточняет друг друга [12].

А.Ю. Медведева на примере рекламных КТ предлагает выделять следующие структуры сочетания вербального и невербального компонентов:

– текст является главным;

– изображение является главным;

- вербальный компонент выступает в роли комментария к невербальной части текста;
- невербальный план иллюстрирует текстовую часть;
- обозначающие взаимоотношения, т.е. оба элемента определяют суть рекламы;
- самобытные взаимоотношения, при которых компоненты текста способствуют созданию сообщения как совместно, так и отдельно;
- вербальный элемент представляет собой речь главного героя, которая оформлена графически [13, с. 251].

Возвращаясь к концепции Московской психолингвистической школы, следует уточнить: несмотря на то, что исследователи рассматривают текст как синтетический, комплексный феномен, который декодируется целно и закономерно, уместно говорить о степени креолизации. Проведя ряд экспериментов, связанных с восприятием КТ, авторы монографии «Креолизованный текст: смысловое восприятие» ввели термин «**коэффициент креолизации**», указывающий на целостность составляющих КТ, подробно описали методику исчисления данного показателя и пришли к выводу о том, что креолизация влияет на оценку текста, т.к. может «ослаблять» нежелательные характеристики и «усиливать» желательные [10].

В связи с этим авторы предлагают разделять обоюдонаправленную и однонаправленную креолизацию. При **обоюдонаправленной** креолизации визуальные параметры влияют на текст и наоборот, а вот при **однонаправленной** креолизации воздействие визуальных параметров на читателя не зависит от вербального текста, т.е. в данном случае изображение играет главную роль в восприятии и понимании КТ.

Лингвисты отмечают, что в прагматическом аспекте однонаправленная креолизация обладает большим потенциалом, т.к. может привести к выявлению автономно функционирующих иконических компонентов, а обоюдонаправленная креолизация обладает различной степенью влияния, т.к. предопределяется конкретными сочетаниями параметров вербального и невербального планов [10, с. 156].

Различия в функционировании компонентов КТ, в степени автономности и доминирования отдельных его составляющих, представленных разными семиотическими элементами, даёт основание говорить о закономерных (потенциально универсальных) моделях креолизации текста или способах создания новых КТ.

В фундаментальной работе Д.П. Чигаева приведены три основные модели креолизации текста:

- вербальный текст + изображение;
- изображение + вербальный текст;
- вербальный текст = изображение.

Первая модель (**вербальный текст + изображение**) – к исходному вербальному компоненту добавляются иконические элементы – является превалирующей, именно она положена в основу многих современных рекламных текстов. Однако этот процесс не хаотичен, а базируется на определённых принципах, на основании этого выделяют три способа сочетания вербальной и невербальной составляющей:

1. **Наглядное изображение.** Это включение в структуру исходного вербального текста изображения того, о чём в нём говорится. Это визуализация всевозможных элементов текста: оформления слова «дерево» текстурой дерева, придание объёма словам и др.

2. **Корреляция.** Корреляция одного из слов вербальной части с изобразительным рядом является более сложным способом креолизации. Но такой метод позволяет, например, актуализировать значения лексем. Д.П. Чигаев приводит в пример

корреляцию изображения конструктора со словом «складывается» в рекламе сотового оператора.

3. **Конвергенция.** Этот способ заключается в выделении ассоциативной смежности текстового и иконического материала, при этом изображение не коррелирует с какой-либо лексемой или фразой, а сопоставляется читателем на основе его жизненного опыта.

Вторая модель (**изображение + вербальный текст**) основана на необходимости акцентировать именно иконическую составляющую и используется, например, в рекламе товара, привлекающего покупателей в первую очередь своим внешним видом, а не результатом применения. Таким текстам свойственна заменяемость вербального компонента, которая не влияет на семантику самого изображения.

Третья модель (**вербальный текст = изображение**) реализуется в тех коммуникативных ситуациях, когда целью стоит создание монолитного образования, не подразумевающего замены или опускания вербального или невербального компонентов. Эта модель является своего рода конечной, т.к. представляет собой высшую степень креолизации, ведь текст изначально создаётся как креолизованный и не может быть потенциально расширен за счёт включения других планов [18].

Говоря о разной степени взаимодействия компонентов текста, следует подробнее рассмотреть способы креолизации. На наш взгляд, следует разделять технические средства и смысловые.

Технические средства включают различные способы графического оформления вербального текста. Например, Е.Е. Анисимовой пишет о цвете, шрифте, символах, интерлиньяже, кернинге, пунктуационных и орфографических приёмах, но уточняет, что полный спектр креолизации ещё не обозначен и не описан [4]. Эти компоненты, по мнению исследователя, оказывают влияние на интерпретацию текста. Например, полужирное начертание позволяет выделить значимые части текста, как и различные подчёркивания, изменения кегля и регистра (Рис. 1).

~~~~~  
 А может быть, никаких аллюзий на положение своих дел  
 Полански в «Дворец» и не закладывал

“

~~~~~  
 Вошли и вышли, приключение на 20 минут

Рис. 1. Примеры оформления частей текста в материалах интернет-портала

К такому способу креолизации текста часто обращались авторы советских агитационных плакатов, сочетая разные цвета и формы, используя геометрические фигуры и яркие элементы (Рис. 2).

Рис. 2. Агитационные плакаты СССР

Наряду с особенностями оформлением текста в КТ нередко используются эмодзи и эмодзи. Такие единицы не являются речевыми, однако выполняют экспрессивную функцию, поскольку выступают своего рода имитацией эмоций участников дискурса или иконически дублируют информацию из вербальной части текста. Перечень подобных элементов не ограничен.

Под **смысловыми** средствами мы понимаем такие, которые являются содержательным отражением вербального текста, но при этом не выступают в роли простой иллюстрации. Например, на рис. 3 вербальный компонент «Тем, кто за мир, мы протягиваем руку!» может быть воспринят полноценно и верно, только в совокупности с иконическим материалом. Поскольку именно изображение на фоне очертаний государственных границ СССР советского мужчины с протянутой рукой отражает авторский замысел и выражает идеологию лозунга. То же самое с КТ с подписью «Не будь таким!», которая получает определённый смысл только в сочетании с невербальным компонентом – изображением сидящего в транспорте мальчика, рядом с которым стоит пожилая женщина (Рис. 4).

Рис. 3. Плакат «Тем, кто за мир, мы протягиваем руку!»

Рис. 4. Плакат «Не будь таким!»

Но однозначно разделить КТ на тексты с технической или смысловой креолизацией довольно трудно. В некоторых случаях применяется **смешанный** тип креолизации, объединяющий в себе разные средства. В других же смысл вербального компонента понятен и без дополнительных элементов, однако при наличии таковых КТ приобретает особую экспрессию. Например, на рис. 5 содержится вербальный материал, который понятен и без специальных иконических компонентов, однако оформление цифры в виде стрелки часов является значимым элементом, т.к. визуально делит изображение на несколько частей, структурно

оформляет информацию, реализует аттрактивную функцию благодаря особой контрастности и цветовому решению.

Рис. 5. Плакат «Дорожи минутой на работе!»

Несмотря на то, что креолизация даёт возможность автору свободно использовать потенциал языковых средств других знаковых систем и значительно расширить смысловые границы текста, существуют определённые требования. Так, М.Д. Маричев пишет о том, что, поскольку главной задачей КТ является предоставление реципиенту информации в том виде, который обеспечивает более лёгкую интерпретацию, этот процесс должен быть подчинён ряду правил [12]. В первую очередь, сочетание компонентов призвано формировать информативную целостность, т.е. изображение и текст не должны противоречить друг другу, дублировать информацию. Авторам важно использовать простые грамматические конструкции (односоставные предложения, форму повелительного наклонения глагола и т.д.), соблюдать лексическое и морфологическое единство (часто используются существительные, т.к. они имеют простую структуру, но при этом обладают высоким уровнем семантической наполненности).

Ряд рекомендаций был дан представителями Московской психолингвистической школы. Ранее упоминалось, что исследователи проводили эксперименты, связанные с восприятием КТ, и ввели понятие коэффициента креолизации, т.к. пришли к выводам о том, что синтетичность проявляется в разной степени и тексты не могут быть креолизованы одинаково. Опираясь на этот тезис, И.В. Вашунина, А.А. Нистратов, Е.Ф. Тарасов приводят рекомендации по использованию параметров изображения, которые могут скорректировать восприятие текста. Так, включение в структуру вербального текста любой иллюстрации повышает его образность, при этом наибольшим прагматическим потенциалом обладают КТ, в которых цветовая гамма не соответствует эмоционально-смысловой доминанте текста [6].

Креолизация исходного вербального текста может осуществляться различными способами и привносить изменения на разные уровни. Технические средства усиливают аттрактивную функцию, позволяют выделить значимые элементы и создать определённую иерархию частей материала. Смысловая креолизация может служить средством создания двусмысленности, языковой игры.

Заключение. Интерес исследователей к проблеме визуализации объясняется особенностями современной коммуникации, тенденцией синтеза различных форм и элементов, постоянным поиском авторами идеальных сочетаний и моделей. В этом исследовании перед нами стояла следующая цель: изучить компоненты полимодальных

текстов в их взаимосвязи, описать способы и средства креолизации материала. В процессе работы были определены и выполнены следующие задачи: а) дано определение креолизации; б) описана сущность явления с опорой на труды отечественных лингвистов, занимающихся проблемами КТ и креолизации; в) рассмотрена взаимосвязь компонентов КТ; г) выделены и охарактеризованы основные способы создания поликомпонентного текста.

Подводя итог, следует изложить основные результаты: под креолизацией подразумевается процесс создания новых единиц (КТ) или процесс включения в структуру уже существующего текста, представленного знаками какой-либо системы, элементов другой знаковой системы. Несмотря на коммуникативное единство, обеспечиваемое взаимодействием планов КТ, уместно говорить о доминанте какого-либо плана, а также о разной степени взаимодействия. В некоторых случаях ведущая роль отводится иконическим элементам, в других же они выполняют вторичную функцию. При этом всё креолизация влияет на оценку текстов в разной степени, позволяет «ослабить» нежелательные характеристики вербального текста и «усилить» желательные. Кроме того, креолизация может являться средством манипуляции, потому как воздействие иконического материала не всегда осознаётся реципиентами.

Описанные нами аспекты КТ не дают исчерпывающей оценки процессов, происходящих в современном русском языке. Однако они позволяют в большей степени изучить креолизованные тексты как феномен современной медиакультуры и дают тезисы для дальнейших исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алпатов В.М. История лингвистических учений : 4-е изд., испр. и доп / В.М. Алпатов. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – 368 с.
2. Алпатов В.М. Марр, марризм и сталинизм / В.М. Алпатов // Философские исследования, 1993. – № 4. – С. 271–288.
3. Амири Л.П. Текстовые деликты, или «Шоковые» способы воздействия на потребителя в креолизованных рекламных текстах / Л.П. Амири // Медиаскоп. – 2013. – № 2. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/tekstovye-delikty-ili-shokovye-sposoby-vozdeystviya-na-potrebitelya-v-kreolizovannyh-reklamnyh-tekstah> (дата обращения: 18.11.2023).
4. Анисимова Е.Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов) / Е.Е. Анисимова. – М.: Издательский центр «Академия», 2003. – С. 15–17.
5. Бернацкая А.А. К проблеме "креолизации" текста: история и современное состояние / А.А. Бернацкая // Речевое общение: специализированный вестник. – Красноярск: Красноярский университет, 2000. – Вып. 3 (11). – С. 104–110.
6. Вашунина И.В. Креолизация текста как способ изменения его восприятия / И.В. Вашунина, А.А. Нистратов, Е.Ф. Тарасов // Полилингвильность и транскультурные практики. – 2019. – № 4. – С. 472–484.
7. Волкова В.В. Дизайн газеты и журнала / В.В. Волкова, С.Г. Газанджиев, С.И. Галкин, В.П. Ситников. – М.: Аспект Пресс, 2003. – 95 с.
8. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный / Т.Ф. Ефремова. – М.: Русский язык, 2000. – 1084 с.
9. Исторический словарь галлицизмов русского языка под ред. Н.Е. Епишкина. – Режим доступа: http://www.ets.ru/pg/r/dict/gall_dict.htm (дата обращения: 18.11.2023).
10. Креолизованный текст: Смысловое восприятие. Коллективная монография / Отв. ред. И.В. Вашунина. Ред. колл.: Е.Ф. Тарасов, А.А. Нистратов, М.О. Матвеев. – М.: Институт языкознания РАН, 2020. – 206 с.
11. Ломоносова А.Л. Социокультурный аспект креолизованных текстов. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsiokulturnyy-aspekt-kreolizovannyh-tekstov> (дата обращения: 18.11.2023).
12. Марищев М.Д. Особенности креолизованного текста и его классификация. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-kreolizovannogo-teksta-i-ego-klassifikatsiya> (дата обращения: 18.11.2023).

13. Медведева А.Ю. Способы креолизации рекламных текстов / А.Ю. Медведева // Журналистика, мультимедиа: информационный и социокультурный потенциал. – Краснодар: Кубанский государственный университет. – 2018. – С. 249–253.
14. Огилви Д. Тайны рекламного двора. Советы старого рекламиста / Д. Огилви. – М.: Финстатинформ, 1994. – 38 с.
15. Словарь социолингвистических терминов / Отв. ред. В.Ю. Михальченко. – М.: Институт языкознания РАН, 2006. – 312 с.
16. Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция / Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов // Оптимизация речевого воздействия. – М.: Высшая школа, 1990. – С. 180–186.
17. Сталин И.В. Марксизм и вопросы языкознания / И.В. Сталин // Правда. – М., 1950, 20 июня. – Режим доступа: <https://web.archive.org/web/20070629064025/http://www.philology.ru/linguistics1/stalin-50.html> (дата обращения: 18.11.2023).
18. Чигаев Д.П. Способы креолизации современного рекламного текста: дисс. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» / Д.П. Чигаев. – М.: Московский педагогический государственный университет, 2010. – 222 с.
19. Языковые контакты: краткий словарь / Отв. ред. В.М. Панькин, А.В. Филиппов. – М.: Наука : Флинта, 2011. – 156 с.

Поступила в редакцию 01.12.2023 г.

ON WAYS OF TEXT CREOLIZATION

A.A. Reshtanenko

The contribution deals with the study of the components of polymodal texts in their connection, as well as the ways and means of the material creolization. The study relevance is determined by the global tendency to visualize information, which manifests itself in the abundance of texts, and by the domestic linguists' interest in the phenomenon under study. The article is based on the scientific works by E.E. Anisimova, D.P. Chigaev and others, and on the empirical corpus compiled by the author. The following tasks have been achieved in the course of the research: the concept of creolization has been defined, and the essence of this phenomenon has been described; the types of connections between the components of creolized texts have been considered; the main ways of the material creolization have been identified and described. The results obtained in the course of the study make it possible to multifacetedly characterize creolized texts as a phenomenon of modern media culture, and can be the basis for further research.

Key words: creolized text, creolization, visualization, verbal plan, iconic material, non-verbal component, image, text.

Рештаненко Анна Александровна.

ФГАОУ ВО «Московский политехнический университет».

Преподаватель кафедры русского языка и истории литературы.

E-mail: ann.reshtanenko@gmail.com

Reshtanenko Anna Alexandrovna.

Moscow Polytechnical University.

Teacher at Department of Russian Language and Literary History.

E-mail: ann.reshtanenko@gmail.com

ПСИХОЛОГИЯ

ПСИХОПАТОЛОГИЯ НАЦИЗМА: ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКАЯ КОНСТРУКЦИЯ ДЕНАЦИФИКАЦИИ

© 2023 *Е.Г. Максименко*

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»

В статье автор размышляет над вопросом денацификации с позиции психолога психоаналитического направления. Анализируется связь между радикальным движением нацизма и личностью ее создателя А. Гитлера. Нацизм рассматривается как следствие нарциссической самости Гитлера, личность которого включает симптомы пограничной организации: механизмы расщепления и проективной идентификации, диффузную идентичность. Сила и дисциплина, стремление к всемогуществу и, одновременно, переживание глобальной беспомощности, малочеловечности, одиночества обусловили отношение Гитлера к стране, народу, власти. Автор опирается на концепцию родительской депривации и ее влияния на формирование личности ребенка, отмечая черты, свойственные пережившему эмоциональное отчуждение матерью своего ребенка. Конструкция денацификации определяется по аналогии с психотерапией нарциссичных личностей пограничной организации. Основным подходом в работе предлагается механизм положительной дезинтеграции и вторичной интеграции психики на более высоком уровне. Обязателен учет требований к личности психотерапевта, его культуре и образованию, умению быть стабильной точкой опоры для пациента.

Ключевые слова: нацизм, нарциссизм, всемогущество, малочеловечность, Я-реальное, Я-идеальное, защитные механизмы, родительская депривация.

Задача денацификации Украины, поставленная президентом Российской Федерации, имеет глобальное значение для мировой истории и политики. Нацизм как явление существует много веков под разными «именами», деструктивно влияя не только на жизнедеятельность современников, но и на научно-технический прогресс, развитие духовности и культуры общества. Перефразируя З. Фрейда, зададим вопрос: что мы можем сделать, чтобы освободить человечество от столь деструктивного явления, как нацизм? Как выглядит проблема денацификации с точки зрения психолога?

Обратимся к дефиниции понятий для уточнения нашего исследования [13].

Нация (лат. *natio* – племя, народ) – историческое сообщество людей, которое сложилось в процессе формирования общности их территории, экономической жизни, культуры, языка и особого самосознания.

Национализм (фр. *nationaliste*, от лат. *natio* – народ) – идеология, система политических взглядов, основу которых составляют идея национального превосходства и национальной исключительности, приоритет национальных ценностей. Первоначально возник как форма политического протеста против колониального угнетения, борьбы за национальное освобождение. Идеология, психология и политика в национальном вопросе, базирующиеся на признании приоритета национального фактора в общественном и культурном развитии, преувеличенной оценке значения, достоинств и роли собственной народности, нации, вплоть до идеи национальной исключительности и превосходства, однобоком противопоставлении одной национальности другой. Крайние формы национализма – расизм, шовинизм и прочие – являются источником межнациональных конфликтов, расовой и этнической дискриминации.

Нацизм (нем. *nazismus* – от названия национал-социалистической партии Германии) – одно из названий гитлеровского фашизма – политического режима, существовавшего с 1933 по 1945 г. в Германии. Национал-социализм как разновидность тоталитарного политического режима вобрал в себя черты как фашизма, так и коммунистического тоталитаризма, но, вместе с тем, отличался от них по целям и социальным приоритетам. Цели национал-социализма сводились к воссозданию могущества германского рейха и достижению мирового господства арийской расой. Как и фашизм, национал-социализм основывался на главенствующей роли партии и культе вождя (фюрера).

Все три понятия имеют родственное значение – народ. Люди объединяются по языку, вере, культуре, национальности. «Две вещи удерживают сообщество вместе: давление силы (власть, прим. авт.) и общность чувствований составляющих его людей, что иначе можно еще назвать идентификацией. ... Общность чувств или объединяющие идеи, естественно, могут иметь значение лишь тогда, когда в них находят свое выражение весьма важные общие черты членов сообщества. Речь идет лишь о том, насколько они сильны» [22].

В своем непосредственном значении, нацизм представляет собой явление, проявляющееся как крайне правая идеология политического строя государства, включающая идею, что существуют люди «высшей расы», которые имеют право доминировать над другими людьми и очищать общество от предполагаемых «низших элементов».

В психопатологии данное явление можно назвать «нарциссической ветвью» – любовь к себе и чувство идентичности, Идеал-Я (Идеал-Себя), нарциссическая рана, базовое насилие, страх утраты объекта, депрессия – главные параметры диахронически развивающейся человеческой психики. Диахронический конфликт – противоречие между двумя поколениями конфликтов. Согласно З. Фрейду, первичный (хороший) нарциссизм способствует выходу за пределы примитивного аутоэротизма, обеспечивает дифференцированную интеграцию образа другого, создает и поддерживает минимальную и необходимую для выживания «любовь к себе» и может называться «удовольствием функционирования». Вторичный нарциссизм – это изъятие либидо из объектных нагрузок и обращение его вновь на Я [14]. По З. Фрейду, Идеал-Я (Идеал-Себя) становится устойчивым и постоянным нарциссическим образованием, возникающим вследствие функционирования психологической защиты в случае сильнейшей фрустрации на этапе выбора объекта.

Психоаналитическая практика демонстрирует нам, что депрессия развивается на уже подготовленной и благоприятствующей почве – определенной личностной организации. Речь не идет о больших психотических депрессиях (в структуре маниакально-депрессивного психоза), а о состояниях, связанных с идеями малоценности и разрушения, недостойности и стыда, вины за ошибки или проступки. Эти идеи могут доходить до бреда и приводить к суицидам, самоуничтожению. Депрессия развивается на основе нарциссизма в случае утраты нарциссического объекта, Идеала-Себя, чувства ценности. В депрессии человек готов на сильнейшие разрушающие действия, направленные на себя и/или на объект.

Психопатология нацизма, по нашему мнению, не может быть рассмотрена без анализа личности А. Гитлера, как основателя данного политического режима. Деструктивная политическая деятельность Гитлера, по мнению многих исследователей, непосредственно связана с полученными в детстве психическими травмами [12]. Отношения в родительской семье предвосхищали отношения в тоталитарном государстве, которое он в последствии создал. Биографы и аналитики жизни А. Гитлера

отмечали крайнюю деспотичность его отца по отношению как к матери, так и детям. Семья из шести человек ютилась в маленькой подвальной квартирке. Родители ежедневно ругались друг с другом, не стесняясь в выражениях, на глазах у детей отец избивал мать. Воспитание детей в их семье проводилось с помощью жестких многочасовых избиений, даже свою собаку хозяин бил до тех пор, «пока она не начинала вся извиваться и делать на полу лужицы» [там же, с. 129]. Подобное родительское отношение деструктивно влияет на психику и личность развивающегося ребенка, для которого родители, отец, все равно остаются любимыми фигурами и их отношение, лишённое нежности и доброты, воспринимается как некая норма. Интернализированные в детстве паттерны объектных отношений создают основу для формирования внутриличностных и межличностных конструктов.

В семьях, в основе которых не любовь, а власть взрослых, сопряженная с эмоциональным и физическим насилием, дети переживают состояние родительской депривации, отчуждения родителей от собственных потребностей.

Согласно А. Маслоу, К. Роджерсу, фрустрация основных потребностей (фактически переживание родительской депривации) приводит к появлению разрушительных сил в природе человека. Депривационная ситуация – это жизненная ситуация, в которой удовлетворение основных физиологических или психологических потребностей человека невозможно. В психологии подобные условия обозначают термином «обедненная среда». В обедненную среду часто попадает ребенок, оказавшийся в детском доме, больнице или другом учреждении закрытого типа, а также в родительской семье, жестко контролирующей и регламентирующей жизнь и поведение всех членов семьи.

По данным исследователей Д.Б. Винникотта, М.С. Малер, А. Миллер, Р. Шпица и др., в условиях эмоционально-материнской депривации наблюдаются следующие варианты психической патологии: 1) нарушение формирования личности; 2) нарушение психического и интеллектуального развития; 3) психические расстройства.

Как отмечают Б. Микиртумов, А. Кошавцев и С. Гречаный [11], чем раньше возникла депривация, тем тяжелее возникающая патология. Для раннего возраста характерными являются преобладания расстройств эмоционально-волевой сферы, неравномерность интеллектуального развития с преимущественным нарушением развития речи (особенно экспрессивной). Часто выявляются патологические привычные действия, признаки депривационной (апатической или маскированной) депрессии, явление депривационного псевдоаутизма. После трех лет психическая патология представлена в основном характерологическими нарушениями и задержками интеллектуального развития. Во всех возрастных группах у депривированных детей отмечается малая дифференцированность и поверхностность в общении с окружающими, недостаточность развития высших эмоций – чувства жалости, сочувствия, соучастия, способности сознавать свою вину, испытывать чувство стыда.

Характерный для депривированных детей симптомокомплекс в виде недостаточности развития аффективной стороны личности, задержки или искажения формирования психических функций, парааутистических проявлений и др. называется синдромом «сиротства» [15, 17, 21], который может быть диагностирован и у детей семейных, но переживших деструктивные ситуации родительского насилия.

Родительская депривация существенно повышает риск социальной депривации в зрелом возрасте. Это обусловлено как выраженной тенденцией к самоизоляции, неспособностью устанавливать полноценные социальные отношения, так и тем, что у депривированных детей наблюдается повышенная склонность к агрессивному и криминальному поведению: ранняя эмоциональная депривация закладывает основы

будущего неприятия социальной среды и ее ценностей, ожидание угрозы со стороны окружающего мира. Подобные деструктивные установки личности по отношению к внешнему миру, в основе которых лежит дефицит базисного доверия, могут быть следствием не только полной, но и частичной материнской депривации. Как отмечал Э. Эриксон, «...степень доверия, определяемая самым ранним детским опытом, по-видимому, не зависит от абсолютного количества еды или демонстраций любви, а зависит от качества связей ребенка с матерью. Матери формируют у своих детей доверие при таком типе отношения к ребенку, который сочетает тонкую реакцию на индивидуальные запросы младенца и твердое чувство собственной уверенности в контексте взаимного доверия их совместного стиля жизни» [26, с. 238]. В противном случае имеет место частичное, а иногда и полномасштабное патогенное развитие, характерное для ситуации полной эмоционально-материнской депривации [9].

Наши размышления позволяют констатировать, что психопатология нацизма, в своей основе содержит деструктивные элементы личности своего создателя А. Гитлера, пережившего в детстве родительскую депривацию, в частности накопившуюся с детства ненависть и желание мстить, быть настолько «сильным» и жестким, чтобы противостоять любым врагам. Это психология человека, развивающегося в условиях отсутствия любви, дружбы, взаимного уважения. Психология жертвы, которой выпала возможность стать преследователем. Дефицит матери, от которой не было достаточной любви и заботы, посредством механизма идентификации с агрессором (безудержной силой авторитарного и жесткого отца, который имел безграничную власть в семье, в том числе и над матерью), составила основу патопсихологии Гитлера и его политики. Переживание экзистенциальных страхов и одиночества, крайнего недоверия к людям и агрессивные деструкции обусловили перспективы развития его личности и, шире, страны. Нарциссическое завоевание мира – следствие психопатологии личности Гитлера, в котором его внутренний траур из-за ощущения одиночества, малоценности, превращался в национальную идею сверхценности. Результатом является ошеломляющее чувство бесполезности и никчемности собственной жизни, которое в свою очередь проявляется в самых разных формах отвержения самого себя и других людей. Ничто не имеет смысла. Смерть – это бессмысленное завершение бессмысленной жизни: «отсутствие или утрата интеграции «Эго» выражается в страхе смерти: единственный и неповторимый жизненный цикл не принимается как завершение жизни. Отчаяние выражает сознание того, что времени остается мало, чтобы начать новую жизнь» [26, с. 258].

В научной литературе (К. Роджерс, В. Франкл, Э. Фромм, К. Хорни, К. Ясперс и др.) при рассмотрении чувства одиночества выделяют два важных аспекта. Первый – это отчуждение человека от самого себя, своих желаний, непринятие собственных чувств, качеств характера, потребностей организма и т. д. Вторым аспектом выделяют отчуждение от других, которое выражается в невозможности для субъекта открыть свои переживания, свое «Я» другому. По К. Роджерсу, «если у нас нет таких отношений с другими людьми, при которых мы могли бы выразить обе стороны нашего разделенного «Я» – наш сознательный фасад и наши подлинные внутренние переживания – мы испытываем одиночество, отсутствие подлинной связи, подлинного контакта с кем-либо из людей» [17, с. 216].

Парадоксальны аффективные компоненты переживания одиночества. Теряя собственную индивидуальность, ради эмоциональной близости со значимыми людьми человек полностью подчиняет свою жизнь ожиданиям других, испытывая при этом сильнейший страх, тревогу, депрессию. Стремление к обществу происходит одновременно с изоляцией себя от общества, как самонаказание «недостойного» члена

этого общества. Самокритика, самобичевание, хроническое недовольство и раздражение в отношении себя – постоянные попутчики переживания одиночества.

Переживания одиночества, экзистенциальной изоляции по своей сущности связаны с поиском свободы. Э. Фромм [23] считал, что изоляция – первичный источник тревоги, подчеркивая чувство беспомощности как детерминанту фундаментальной отчужденности. Недостаток родительского принятия предопределяет компенсированное формирование родителя в самом субъекте. Существование в качестве собственного родителя – это и есть одиночество, в той мере, в какой человек отвечает за свою жизнь. «Акту самосотворения сопутствует глубокое одиночество» [27, с. 228]. Согласно И. Ялomu, смешанный аффект одиночества-беспомощности является эмоциональной реакцией на вынужденное существование, т.е. существование, которое не выбрано индивидом, в которое он, по определению М. Хайдеггера [24] оказался «вброшенным».

Поиск свободы, движение к свободе на фоне одиночества-беспомощности практически становится недостижимой мечтой, ирреальностью. Только в своих фантазиях, представлениях или галлюцинациях индивид получает возможность, хоть и иллюзорного, но удовлетворения глубинной потребности в самореализации, в свободе самовыражения.

По мнению К. Хорни [25], психопатология возникает тогда, когда неблагоприятные обстоятельства препятствуют ребенку развивать заложенный в нем потенциал (Гитлер мечтал быть художником). Вследствие этого ребенок теряет образ своего потенциального «Я» и формирует другой образ – «Я идеальное», к которому и направляет свою психическую энергию. К. Хорни обращает внимание на чувство отчуждения, возникающее у человека как реакция на неприятие собственного образа, ведущее к подавлению истинных чувств, желаний и мыслей.

Противоречие, возникающее на бессознательном уровне между «Я-актуальным» (часто это, отрицательный образ), «Я-реальным» (глубинное потенциальное «Я») и «Я-идеальным» (образ, к которому стремится субъект) вынуждает человека презирать и ненавидеть самого себя, прежде всего, за отступление от собственной сущности. Преодоление данных чувств может происходить в течение всей жизни.

Сущность личности Гитлера опирается на самую сильную потребность – потребность в покровительстве отца, в готовности к самопожертвованию ради высоких идеалов, что и было продемонстрировано народу Германии и получило широкий отклик (только отец может так жертвовать собой ради счастья детей). Насилие в отношении тех, кто мешал удовлетворению потребности в покровительстве (в отце) не воспринималось негативно, ему поверили и доверили свои жизни миллионы людей. Люди чувствовали его внутреннее одиночество и каждый готов был его разделить. Люди по своей природе склонны к зависимости от более сильного, так как вышли из зависимого начала [5], особенно, если видят свою особую роль в этих отношениях и свой вклад в некое общее дело. Психопатологически мы определяем его как нарциссическую личность пограничной организации, имеющую склонность к проявлению насилия и давления на окружающих, индуцированию сверхценными идеями, которые опирались на силу дисциплины и общность людей «избранной» нации, причастность к которой воспринималась как признание и личностный рост. Основные психологические защиты – расщепление (всемогущество и обесценивание) и проективная идентификация (проекция агрессивной идентификаций).

Психотерапия травмы депривированного ребенка крайне длительный и сложный процесс. Человеку нужно осознать деструктивное влияние агрессивной фигуры родителя на патологию характера и личности, что фактически невозможно на ранних этапах лечения. Особенностью пограничных пациентов является «дефицит способности к снижению негативного аффекта посредством переоценки» [16, с. 37].

Конструкт агрессия, насилие для счастья и благополучия очень сложно разбирается, особенно, когда в идее счастья – исключительность, превосходство над другими, избранность, согласие на стремление к превосходству. Ведь только так можно победить «отца», быть исключительным и особенным, как он, лучше, чем он.

С психоаналитической позиции конструкт денацификации может быть рассмотрен как аналог психотерапевтической работы с нарциссической личностью, пережившей родительскую депривацию с симптоматикой одиночества, страха смерти и в тоже время влечения к смерти (самопожертвование), стремления к превосходству, извращенной личностной самоактуализацией (асоциальной направленности), замещением Я-реального идеализированными репрезентациями, фантазиями и представлениями.

Психотерапия вышеописанных проблем требует от терапевта особой подготовки, речь идет не только о профессиональных компетенциях, а о личностных, шире – духовных и культурных. Механизм терапии будет опираться на экзистенциальные вопросы о смысле жизни, общечеловеческие ценности и традиции, веру, любовь.

Изучение проблемы подводит нас к размышлениям о жизни людей, подверженных влиянию нацизма и национализма. Вопрос о качестве современной жизни достаточно широко обсуждается различными научными социально-психологическими концепциями. Принцип стремления к счастью, например, является основополагающим в позитивной психологии, рассматривающей эвдемонизм как ориентацию на суммарный баланс удовольствий и цены, которую за них приходится платить индивиду. Эвдемонизм считает оправданным стремление к счастью при условии, что оно понимается в широком жизненном контексте. Согласно Д. Леонтьеву, введение в анализ проблемы более широкого контекста – есть введение категории смысла [7, с. 504].

В различных философских подходах понятие смысла интерпретируется по-разному. В феноменологии акцент делается на интенциональной природе сознания, что обращает к феноменальности смысла и отождествлению с активностью сознания и формой его существования. В герменевтике смысл рассматривается в неразрывной связи с определенными историческими способами «истолкования» и «интерпретации». В рамках системо-мыследеятельностного подхода О. Генисаретского и Г. Щедровицкого, смысл – это структурное представление процесса понимания. Смысл есть структурный коррелят самого понимания, задающий особую форму существования знаков [4, с. 1248].

Н. Бердяев, А. Введенский, В. Розанов и другие философы противопоставили принципу стремления к счастью принцип стремления к смыслу как интенциональной направленности на что-то ценное в мире. Смысл жизни рассматривается ими как нечто выходящее за пределы самой жизни, возвышающееся над ней. Именно поэтому человек оказывается способен переносить страдания: страдание, смысл которого осознан, отличается от страдания без цели и смысла [2, с. 90–94]. Развивая эту позицию, В. Франкл подчеркивает, что нам нужно не столько само счастье, сколько основания для него; если они есть, счастье придет само [19]. Именно смысл служит основанием для счастья, и обладание им – предпосылка счастья и даже самой возможности его испытывать. Отсутствие смысла лишает человека способности как переживать счастье, так и переносить страдание.

Фундаментальным психологическим фактом является широкое распространение чувства смыслоутраты, бессмысленности жизни, прямым следствием которого является рост самоубийств, наркомании, насилия и психических заболеваний, в том числе

нусогенных неврозов – неврозов смыслоутраты – все то, что согласно В. Франклу соотносится с понятием экзистенциального вакуума (ощущения пустоты).

Чувство вины, угрызения совести, ценностные конфликты, переживания одиночества, свободы, любви, утраты, страх смерти, нравственные, религиозные, этические коллизии – перечень некоторых экзистенциальных переживаний человека, дающих основу для потери смысла жизни.

В современной философии (в феноменологии, экзистенциализме) понятие «экзистенция» используется для обозначения конкретного бытия человека как живой процессуальности, динамической и открытой реальности, которая, по словам Ж.-П. Сартра «должна ожидать себя и делать себя», у которой «существование предшествует сущности» [4, с. 1248]. Внутреннее онтологическое устройство человеческого существа в аспекте экзистенции характеризуется неполным, незавершенным существованием, понимающим мир и самого себя. Экзистенция – постоянный выбор человеком своих возможностей, своего будущего, доопределение человеком себя в мире. В этом проявляется близость экзистенциальной философии с гуманистической психологией, рассматривающей человека как существо саморазвивающееся, активное, как самоактуализирующегося творца, стремящегося к альтруистическому отношению с миром.

Согласно Ж.-П. Сартру, переживания экзистенции – это переживания человеческого существования, которому принадлежат страх, неуверенность в будущем, всеобщая бессмысленность жизни. Исследователь считал, что человек брошен в эту «мутную бессмысленность существования», и все же лишь в этом мире отрицательного, бессмысленного он может добиться свободы, не зависеть ни от кого и ни от чего. «Бытию-в-себе-вещей» противостоит «для-себя-бытие-человека» – их разделяет ничто, небытие. Сущность человека – то, что он умеет делать из своего существования во встречающихся ему ситуациях. Его «для-себя-бытие» заключается в постоянном проектировании своей самости.

Переживания, эмоции, чувства являются необходимым фактором выживания, позволяющим подготовиться и отреагировать на критическую ситуацию. Ф. Василюк [3], обсуждая проблему процесса переживания, связывает этот процесс с механизмами психологической защиты. «Успешность» переживания как результат продуктивной совладающей стратегии поведения характеризуется адаптационными способностями субъекта, целенаправленностью и сознательностью действий, принятием и анализом реальности, реалистичностью и дедуктивностью при решении практической задачи, коммуникабельностью.

В тех случаях, когда человек не успевает проанализировать уровень сложности ситуации и собственные возможности, включаются психические автоматизмы (инстинкты, аффекты, механизмы психологической защиты и пр.). Психика субъекта запускает привычную для нее программу, обычно включающую отрицание, вытеснение, уход от нежелательной информации; формы поведения не учитывают целостность ситуации, их характер нереалистичен; в отношениях с окружающими включаются инфантильные потребности в гиперопеке значимыми людьми и дистанцировании от внешнего социума (вплоть до социофобии). У взрослого человека возникает ощущение бессмысленности жизни. Как правило, данная проблема остро проявляется в кризисные периоды жизни взрослого человека.

Экзистенциальные переживания личности могут как оказывать терапевтическое воздействие на психику, развивая рефлексивное отношение к себе, к жизни, к миру, так и депривировать, дефрагментировать структуру психики, формируя тенденцию психологической импотенции, самодепривации, психологической смерти. Конечный

результат определяется, на наш взгляд, готовностью человека к деятельным активным изменениям, рефлексивному отношению к жизни.

Развитие механизмов рефлексии рассматривается в концепции онтогенетического развития субъективной реальности В. Слободчикова. Рефлексия в этой концепции определяется как «специфическая человеческая способность, которая позволяет ему сделать свои мысли, эмоциональные состояния, свои действия и отношения, вообще всего себя предметом специального рассмотрения (анализа и оценки) и практического преобразования» [9, с. 288]. Это определение перекликается с идеей способности к самодистанцированию или самоотстранению как одной из базовых антропологических характеристик человека. В. Слободчиков характеризует рефлексю как разрыв в потоке жизни, внутри которого происходит повседневное существование человека, и способность отнестись к жизни в целом, осуществить по отношению к ней ценностно-смысловое самоопределение.

В. Слободчиков вводит понятие «со-бытийная общность». В основе ее лежит принцип неслиянности и нераздельности. Суть принципа в том, что люди в социуме – вместе и, в то же время, каждый уникален, самобытен. Причем сама по себе эта со-бытийность не складывается. Чтобы объединиться по данному принципу, люди должны приложить усилия. В противном случае они попадают либо в симбиотическую общность, либо в формальную структуру. В первом случае самобытность, индивидуальность человека уничтожается, во втором – человек «атомизируется», происходит обезличивание, деперсонализация.

Таким образом, целеполагание, активность, завершенность рефлексии определяют развитие смыслового и онтологического пространства человека, открывают суть его бытия.

Онтологический вопрос является одним из важнейших в теории и практике экзистенциальной философии (А. Баранников, Э. Гуссерль, М. Мерло-Понти, В. Франкл, М. Хайдеггер, К. Ясперс и др.).

Пребывание в пространстве экзистенции, где приходится отвечать на постоянные вопросы, задаваемые жизнью, на первый взгляд, является привычной необходимостью. Однако нахождение в онтологическом измерении, окрашенном духовно-религиозным или мистическим содержанием, отстраняющим от ситуативной реальности, отдаляет человека не только от конкретности жизни, но и от самого себя.

Исходя из вышеизложенных соображений, условно представим соотношение экзистенции, онтологического пространства и самодепривации. Согласно представлениям К. Ясперса, «бытие остается для нас незакрытым; оно во все стороны тянет нас в безграничное» [28, с. 21]. Экзистенция – центр онтологического пространства, измерение которого напоминает расширяющуюся во все стороны и до конца непознанную вселенную (рис. 1). Границы этой области, субъективно доступные лишь в переживании, определяются А. Лэнгле как основа бытия.

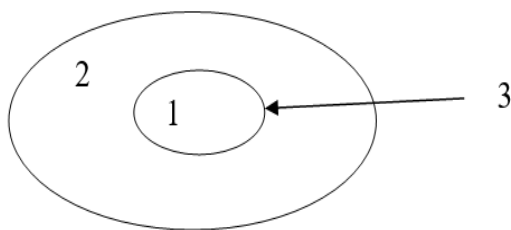

Рис. 1. Онтологическая реальность

Примечание: 1 – экзистенция; 2 – онтологическое пространство; 3 – граница переживаний.

На рис. 1 мы видим, что нахождение в онтологическом пространстве (2) не всегда сопровождается взаимодействием с основой бытия (1). Между началом и бесконечностью находится предел (3), отражающий интенцию переживания, при котором происходит значительная редукция чувственного компонента переживания и возникает отчуждение, изоляция.

Экзистенциальные переживания функционально определяют интенцию психики: развитие или регресс. Согласно теории В. Франкла [19], человек может быть собой, если включается во что-то, живет ради чего-то. Попадая в «порочный круг» переживаний (рис. 1), субъект ощущает некоторую ирреальность окружающей действительности, создающей иллюзию полноты и завершенности страданий. Завершенности в их понятийности, соотнесенности с конкретными формами проявления. Человек страдает от болезни, от неудач, от потерь и становится заложником своих страданий: «значит так начертано судьбой». Разрешение предела страданий часто невозможно из-за отсутствия способности «трансцендироваться» из конкретной ситуации, которая, по мнению Р. Мэй, является основой человеческой свободы. Попадание в онтологическое пространство, как встреча с собственной самостью, есть способ устранения заблокированности переживаний. Субъект познает истинную реальность, позволяющую быть самим собой и жить ради себя-(своих принципов)-в-бытие.

По мнению Л. Сонди [8, 9], существуют следующие факторы, определяющие выбор человека: 1) наследственность; 2) бессознательная защитная деятельность Эго; 3) социальное окружение; 4) мировоззренческое, ментальное окружение. Все четыре фактора определяют «навязанную судьбу» человека. Таким образом, «навязанная судьба» означает, что каждый человек неизбежно усваивает особенности, формы судьбы или формы существования, которые ему были навязаны предками или исторической ситуацией, в которой он развивался. Однако в течение жизни человек способен осознавать это и в определенных границах самостоятельно определять свой выбор (управляемый фатализм).

Благодаря своему сознательному «Эго» субъект может прорваться через барьеры наследственности, инстинктов, социального и ментального окружения (эготропный выбор) и самостоятельно и свободно строить свою судьбу. Этот прорыв возможен, если человек способен с помощью своего «Эго» участвовать в надиндивидуальной наделяющей смыслом (духовной) реальности, ощущая необходимость придерживаться философских, этических или религиозных ценностей.

Поиск смысла жизни, мысли о смерти создают некую пустоту в движении человека: ощущение потери самости, «утраты души», регресс в символическую утробу, как способа защиты. Вместе с тем, через осознание границ и содержание жизни, через переживание психологической смерти наступает прорыв и новое возрождение.

Идеальное Я должно пережить символическую смерть, чтобы произошло значимое изменение и исцеление. Процесс успешного анализа нарциссических личностей включает в себя «смерть» негативных родительских интроектов (которые проецировались на других людей) и возрождение заново построенного «Эго», связанного с самостью. В концепции Т.С. Яценко [8, 9] данный процесс носит название механизм позитивной дезинтеграции и вторичной интеграции психики субъекта на более высоком уровне развития. Т.С. Яценко придает ему основное значение в процессе глубинно-психологического анализа личности. По силе и временным параметрам процессы дезинтеграции и интеграции психики должны иметь обратную связь.

Глубинное самораскрытие должно происходить пошагово, постепенно, так, чтобы субъект не пожалел о своей открытости. Очень важно, на начальных этапах работы,

когда происходит процесс «размораживания», не поспешить с интерпретациями, способными вызвать сопротивление, а дожидаться момента возникновения у анализанта чувства принятия и доверия, как со стороны терапевта, так и в себе самом. Субъект должен себя ощущать в безопасности. С этого момента начинается процесс позитивной дезинтеграции психики. Глубинно-психологический анализ способствует ослаблению связей между вытесненным психическим содержанием и постепенному осознанию травмирующих инфантильных переживаний. Происходит «расчистка запруженности» бессознательного психики и одновременно расширение опыта взаимодействия с другими людьми. Процесс позитивной дезинтеграции у каждого человека индивидуален по времени и зависит от количества и силы вытесненного психологического содержания. Как правило, психоанализ комплекса тематических психорисунков позволяет полностью дезинтегрировать деструктивные связи психики и освободить энергетический потенциал для процесса интеграции психических субстанций и формирование целостности психики.

Индикаторами дезинтеграции являются эмоциональные состояния субъекта (удивление, стыд, смущение, ощущение «потери опоры под ногами», неудовлетворенность собой и др.). Показателями интеграции на более высоком уровне развития есть расширение самосознания, способность к самоанализу, рефлексии, сензитивности, понимания роли детства в определении глобальных жизненных установок, способность к самоанализу и самопринятию и др. Психокоррекция должна пробуждать конструктивные проявления энергии либидо, а не деструктивные, разрушительные действия мортидо. Ослабление деструктивных тенденций способствует становлению вторичных интеграционных процессов, что приближает субъекта к психическому здоровью, чувству идентичности.

Экстраполируем вышеописанное в ситуацию денацификации, опираясь на основные параметры психотерапии пограничных расстройств. От психотерапевта требуется следующие знания, умения [9, 14, 27]:

1. Базовое искусство ведения беседы. а) уровень общения, определяющий степень включенности и глубины самораскрытия собеседников в межличностном взаимодействии, а также то, насколько полно присутствуют и как глубоко погружены в беседу ее участники; б) присутствие и общность (альянс). Уровень взаимной психологической вовлеченности и контакта, которые оказывают решающее влияние на качество процесса психотерапии (как по форме, так и по содержанию); в) осознание наличия межличностного давления, его различных способов, которыми один человек пытается влиять на мысли, чувства или действия другого человека в процессе их общения.

2. Влияние на субъективные процессы. а) тематическое параллелирование. Относится к степени близости темы и содержания высказываний собеседников (фасилитатора и клиента); б) эмоциональное параллелирование определяет уровень сосредоточенности собеседников на чувствах и переживаниях друг друга; в) параллелирование рамок фиксирует степень обобщенности/конкретности, «масштаб» рассмотрения обсуждаемых вопросов; г) параллелирование локуса определяет то, на чем фиксируется высказывание человека – на нем самом, на психотерапевте или на некотором аспекте их взаимодействия.

3. Достижение большей глубины. а) пропорция объективность-субъективность характеризует степень, с которой клиент ограничивается отстраненными, обезличенными высказываниями или, напротив, выражает более эмоциональные и индивидуально окрашенные суждения; б) сопротивление клиента рассматривается как важнейшая составляющая процесса его развития, которая предполагает не «купирование», а внимание, осторожность и уважение.

4. Внутрличностные процессы. а) забота – это наименование гештальта чувств и интенций клиента, которые должны быть мобилизованы, чтобы результатом психотерапии стали действительно существенные жизненные изменения; б) интенциональность понимается как направленность и интенсивность глубинных процессов клиента, которые с необходимостью меняются, если он ищет более удовлетворительный для себя жизненный путь.

5. Собственное существование психотерапевта. а) обязательства – принципиально значимая категория; необходимое условие эффективности жизнеизменяющей психотерапии и аутентичного существования самого психотерапевта; б) искусство и мастерство – характеризует поглощенность психотерапевта своей деятельностью, его зрелость и постоянно развивающиеся сензитивность и умения, его подлинную творческую реализованность в процессе работы.

Обобщая вышеизложенное, отметим, что процесс денацификации может начаться только тогда, когда объект данного процесса столкнется с деструктивными последствиями выбранного пути для собственной жизни, ощутит экзистенциальный кризис потери смысла жизни и ему потребуется помощь. Выбор помогающего определяется доступностью, эмоциональной устойчивостью, стабильностью, готовностью принять и помочь, профессионализмом, справедливостью, зрелостью, культурностью и образованностью. Помогаящий должен быть точкой опоры.

Успех процесса будет зависеть от использованных механизмов, способных мягко, с эмпатией и принятием, выдерживать различного рода эмоциональные атаки и нарушение психологических границ, дезинтегрировать конструкт денацификации, создавая взамен пространство для вторичной интеграции на более высоком уровне жизни и деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адлер А. О нервическом характере / пер. с нем. И. В. Стефанович ; под ред. Э. В. Соколова. – СПб. : Университетская книга, 1997. — 388 с.
2. Бердяев Н.А. О самоубийстве / Н. А. Бердяев // Психологический журнал. – 1992. – Т. 13. – № 1. – С. 90–94.
3. Василюк Ф.Е. Психология переживания: анализ преодоления критических ситуаций / Ф.Е. Василюк. – М. : Изд-во Москов. ун-та, 1984. – 200 с.
4. Всемирная энциклопедия: философия: глав. науч. ред. и сост. А. А. Грицанов. – М. : АСТ; Минск : Харвест; Современ. литератор, 2001. – 1312 с.
5. Далай-Лама. Мудрость Востока и Запада. Психология равновесия / Далай-Лама, П. Экман . – СПб. : Питер, 2012. – 2012. – 304 с.
6. Лангмейер Й. Психическая депривация в детском возрасте / Й. Лангмейер, З. Матейчек. – Прага : Авиценум, 1984. – 334 с.
7. Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности / Д.А. Леонтьев. – 3-е изд., доп. – М. : Смысл, 2007. — 511 с.
8. Максименко Е.Г. Современные направления глубинной психологии: учеб.-метод. пособие для студ. ВУЗов / Е.Г. Максименко. – Донецк : ИПО ИПР УМО, 2011. – 212 с.
9. Максименко Е.Г. Глубинная психокоррекция самодепривации личности / Е. Г. Максименко : монография. – Слово'янськ : Вид-во Б. Маторіна, 2016. – 350 с.
10. Малер М.С. Психологическое рождение человеческого младенца: симбиоз и индивидуация / М.С. Малер, Ф. Пайн, А. Бергман ; пер. с англ. – М. : Когито-Центр, 2011. – 413 с. – (Библиотека психоанализа).
11. Микиртумов Б.С. Клиническая психиатрия раннего детского возраста / Б.С. Микиртумов, А.Г. Кошавцев, С.В. Гречаный. – СПб. : Питер, 2001. – 250 с.
12. Миллер А. Вначале было воспитание / А. Миллер ; пер. с англ. – М. : Академ. проект, 2003. – 464 с.
13. Новейший политологический словарь/ авт.-сост. Д.Е. Погорелый, В.Ю. Фесенко, К.В. Филиппов. – Ростов н/Д : Феникс, 2010. – 318 с. – (Словари).

14. Патопсихология. Психоаналитический подход: Теория и клиника: Учеб. Пособие для студентов вузов / Под ред. Ж. Бержере; Пер. с фр. И научн. Ред. А.Ш. Тхостова. – М.: Аспект Пресс, 2008. – 397 с.
15. Прихожан А.М. Психология сиротства / А. М. Прихожан, Н. Н. Толстых. – СПб. : Питер, 2005. – 400 с.
16. Психотерапия, фокусированная на переносе, при пограничном расстройств личности. Клиническое руководство / Ф. Йоманс, Д. Кларкин, О. Кернберг. – М., 2018. – 498 с.
17. Роджерс К. Эллиен Вест и одиночество / К. Роджерс // Психология личности: хрестоматия ; под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, А.А. Пузыря, В. В. Архангельской. – М. : АСТ; Астрель, 2009. – С. 200–211.
18. Спиркин А. Г. Философия: учебник для тех. вузов / А.Г. Спиркин. – М. : Гардарики, 2000. – 368 с.
19. Франкл В. Человек в поисках смысла / В. Франкл. – М. : Прогресс, 1990. – 308 с.
20. Фрейд А. Детская сексуальность и психоанализ детских неврозов / А. Фрейд, З. Фрейд. – СПб. : Ин-т психоанализа, 1997. – 387 с.
21. Фрейд А. Война и дети З. Фрейд, Д. Берлингер // Развитие личности. – 2004. – № 3. – С. 184–208.
22. Фрейд З. Неизбежна ли война? [Электронный ресурс] / З. Фрейд Режим доступа: [http : //monocler.ru/neizbezhna-li-voyna/?ysclid=lp1f8qx2fj534632874](http://monocler.ru/neizbezhna-li-voyna/?ysclid=lp1f8qx2fj534632874) (дата обращения: 16.11.2023).
23. Фромм Э. Бегство от свободы / Э. Фромм ; пер. с англ. – М. : Прогресс, 1989. – 280 с.
24. Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления / М. Хайдеггер ; сост., пер. с нем. В. В. Бибихина. – М. : Республика, 1993. – 447 с.
25. Хорни К. Собрание сочинений: в 3 т. Т. 3. Наши внутренние конфликты. Невроз и развитие личности / К. Хорни ; пер. с англ. – М. : Смысл, 1997. – 696 с.
26. Эриксон Э. Детство и общество / Э. Эриксон ; пер. с англ. – СПб. : Речь, 2000. – 328 с.
27. Ялом И. Истории для души / И. Ялом ; пер. с англ. Е. Климовой, М. Будыниной. – М. : Эксмо, 2011. – 832 с.
28. Ясперс К. Собрание сочинений по психопатологии: в 2-х т. / К. Ясперс. – М. : Академия; СПб. : Белый кролик, 1996. – Т. 1. – 352 с., Т. 2. – 256 с.

Поступила в редакцию 17.11.2023 г.

PSYCHOPATHOLOGY OF NAZISM: PSYCHOANALYTICAL CONSTRUCTION OF DENAZIFICATION

E.G. Maksimenko

In the article, the author reflects on the issue of denazification from the position of a psychoanalytic psychologist. The connection between the radical movement of Nazism and the personality of its creator A. Hitler is analyzed. Nazism is seen as a consequence of Hitler's narcissistic self, whose personality includes symptoms of borderline organization: mechanisms of splitting and projective identification, diffuse identity. Strength and discipline, the desire for omnipotence and, at the same time, the experience of global helplessness, low value, and loneliness determined Hitler's attitude towards the country, people, and power. The author relies on the concept of parental deprivation and its influence on the formation of the child's personality, pointing out to the traits characteristic of a survivor of emotional alienation by the mother of her child. The design of denazification is defined by analogy with the psychotherapy of narcissistic personalities of the border organization. The mechanism of positive disintegration and secondary integration of the psyche at a higher level is claimed to be the main approach in the work. It is necessary to take into account the requirements for the personality of a psychotherapist, his culture and education, and the ability to be a stable point of support for the patient.

Key words: Nazism, narcissism, omnipotence, low value, real self, ideal self, defense mechanisms, parental deprivation.

Максименко Елена Георгиевна.

Доктор психологических наук, доцент.

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет».

Профессор кафедры психологии.

E-mail: e.maksimenko.dongu@mail.ru

Maksimenko Elena Georgievna.

Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor.

Donetsk State University.

Professor at Department of Psychology.

E-mail: e.maksimenko.dongu@mail.ru

УДК 159.9.072

ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЫ В ЮНОШЕСКОМ ВОЗРАСТЕ

© 2023 *А.В. Гордеева*

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»

В статье рассматриваются вопросы восприятия социальной рекламы в юношеском возрасте. Акцент сделан на когнитивном и эмоциональном аспектах восприятия социальной рекламы разного содержания: потеря отца, помощь другу и отказ от суицида, память о молодых героях Великой Отечественной войны, добрые дела и помощь в экстремальных ситуациях. Установлено, что все темы получили положительный отклик у зрителей, были понятны и вызвали интерес. Выделены особенности восприятия социальной рекламы в зависимости от ее контекста. Более близкими по восприятию содержания оказались темы, связанные с близкими людьми и друзьями. Большой эмоциональный отклик вызвала реклама, связанная с героями отечественной войны, отдавшим свои жизни во имя будущего. Полученные результаты подтверждают то, что социальная реклама находит эмоциональный отклик у современной молодежи, она понимает ее контекст и адекватно реагирует на него.

Ключевые слова: реклама, социальная реклама, информация, восприятие, когнитивный аспект, эмоциональный аспект, эмоциональные переживания, эмоциональность, юношеский возраст, молодежь.

Введение. Социальная реклама выполняет ряд функций, направленных на формирование у населения значимых ценностей, которые являются актуальными в данный момент времени, позволяют сплотить общество, объединить его на основе некоторой матрицы, элементами которой и будут являться те самые значимые ценности, как старые, так и новые, обусловленные вызовами, стоящими перед обществом. И несомненно, молодежь, от которой зависит и настоящее, и будущее общества, является одним из главных потребителей, на кого направлена социальная реклама. Молодым людям свойственна интеллектуальная активность, легкость восприятия современных технологий, эмоциональность и мобильность, они восприимчивы и быстро реагируют на то, что видят в сети. Хорошая реклама будет способствовать формированию их личностного мировоззрения в соответствии с запросами общества.

Социальная реклама в отличие от обычной рекламы рекламирует не продукт, а определенное отношение к миру и обществу. Она должна отражать общественные и государственные интересы и помогать достижению важных социальных целей. Основным источником для появления социальной рекламы выступает общественная жизнь, которая переполнена конфликтными ситуациями и противостоянием на уровне разных социальных групп. Специальная военная операция, мигранты, искусственный интеллект... – можно перечислить еще ряд сложных и важных проблем, стоящих в настоящее время перед обществом и молодыми людьми в том числе. Молодежь очень нуждается в позитивно-созидательных стимулах и процессах, способных привлечь ее и направить ее деятельность на благо общества. Социальная реклама способна утвердить в сознании молодых людей понимание ценности человеческой жизни, воспитать уважение прав и суверенитета личности. Как утверждают специалисты в области рекламы, не менее трети от всего количества создаваемой социальной рекламы рассчитана на молодежь. Она затрагивает социальные, культурные, политические, экономические и многие другие сферы человеческой деятельности. Реклама на

настоящий момент является одним из инструментов, влияющим на формирование предпочтений, ориентиров молодежи, которые определяют ценностные ориентации и установки личности [4, 6, 13].

Отметим, что само понятие «реклама» имеет много определений. В Федеральном законе «О рекламе» Российской Федерации раскрывается понятие рекламы как информации, которая распространяется любыми способами с использованием разных средств с целью рекламирования, привлечения внимания для продвижения на рынке определенных товаров [1]. Широко используется определение рекламы, которое дал Ф. Котлер в своем известном учебнике «Основы маркетинга». В нем он описывает рекламу как форму коммуникации, которая осуществляется с привлечением финансирования через платные средства распространения информации [9, с. 125].

Беря за основу определение Ф. Котлера, Т. Маслова, С. Божук и Л. Ковалик говорят о том, что реклама – «инструмент коммуникационной политики, который основан на использовании неличных форм коммуникаций, которые в свою очередь предназначены неопределенному кругу лиц, осуществляются с помощью платных средств распространения информации с четко указанным источником финансирования, формируют и поддерживают интерес к физическому, юридическому лицу, товарам, идеям и начинаниям и способствуют их реализации» [11, с. 248].

Можно выделить основные черты, которые принято отражать в определении рекламы: все авторы отмечают то, что реклама подразумевает под собой некую информацию, которая направлена не на конкретное лицо, а на группу потенциальных покупателей. Также многими авторами подчеркивается, что рекламная деятельность – это массовая коммуникация, целью которой является побуждение к приобретению товара или услуги.

Под социальной рекламой подразумевается вид коммуникации, ориентированный на привлечение внимания к самым актуальным проблемам общества и его нравственным ценностям, ориентированный на актуализацию проблем общества. Её предназначение – гуманизация общества и формирование его нравственных ценностей. Миссия социальной рекламы – изменение поведенческих моделей в обществе [5].

Горностаева И.Н. выделила следующие типы социальной рекламы в зависимости от темы [3]. Борьба с угрозами, катастрофами, отрицательными воздействием и обозначение благих целей – это одно направление. Здесь возможны проблемы, связанные с экономикой, политикой, государственностью или духовностью. Вторая тема связана с декларацией ценностей. Третья – с призывами к созиданию, достижение, как социальных идеалов, так и индивидуальных. Четвертая тема – социальная терапия, связана с такими проблемами в обществе, когда население массово охвачено негативными эмоциями, тревожностью, страхом, неуверенностью в завтрашнем дне, депрессивными состояниями, потерей социального статуса.

На сегодняшний день принято выделять два типа социальной рекламы: первый – закрепляет определённые правила и нормы, социальные установки, моральные и поведенческие нормы; второй – показывает идеальную картину отношения к миру, правильную модель поведения и реакцию на те или иные события [15, 17].

К сожалению, более эффективная реклама второго уровня в нашей стране еще не получила должного распространения. В основном создается социальная реклама первого, «инструментального», уровня. Она описывает действия, которые необходимо совершить, не привязывая их к системе ценностей общества [5, 7].

В структуре социально-психологического воздействия рекламы на потребителя как правило выделяют три направления: когнитивное (познавательное) – как человек

воспринимает рекламу; эмоциональное (аффективное) – как относится к объекту рекламной информации; поведенческое (конативное) – отражается в поведении человека [6, 10]. Выделяются основные психологические механизмы воздействия социальной рекламы на человека. Это механизмы убеждения, заражения, внушения и идентификации. В нашем прошлом исследовании механизмов воздействия социальной рекламы на молодежь было установлено, что ведущим является механизм идентификации. Однако по эффективности воздействия более сильными оказались убеждение и заражение [2].

Так как темой данной статьи является восприятие социальной рекламы, остановимся на критериях ее восприятия, основывающихся на отношении целевого адресата к социальной рекламе. Здесь выделяют степень зрелости общественно значимой потребности, поднимаемой рекламой, и понимание возможности ее решения у социального адресата; степень осознанности или неосознанности общественной потребности, как лично значимой; наличие социальных характеристик адресата, относящих его к «группе риска»; наличие у адресата внешних и внутренних условий, определяющих возможность актуализации такой потребности [12].

Таким образом, создавая рекламу, надо опираться не только на агитацию и пропаганду, но и на аргументацию. Поэтому социальная реклама и приобретает характер смысловой коммуникации, а не манипулятивно-знаковой, как это может быть в случае коммерческой рекламы.

Для социальной рекламы сложной является проблема определения ее эффективности. Существуют разные подходы ее решения.

Одни авторы утверждают, что эффективность социальной рекламы заключается в результатах воздействия на целевую аудиторию, проявляемых в трансформации её негативных стереотипов и установок, изменений образа жизни и поведения, формировании социальных ценностей [8].

Другие авторы говорят о том, что эффективность социальной рекламы заключается в социальном регулировании поведения целевой аудитории и основана на социальной ответственности субъектов, качестве социальной кампании, а также проявляется в настоящее время, в среднесрочной и долгосрочной перспективе [14].

Выделяют следующие критерии эффективности: информативность, запоминаемость, привлекательность и побудительность [16].

По-настоящему эффективной может быть только такая социальная реклама, которая не просто воздействует на целевую аудиторию, а управляет ее социальным поведением: изменяет отношение к определенной проблеме, а в долгосрочной перспективе – создает новые социальные ценности.

Основная часть. Как было отмечено выше, чтобы социальная реклама была эффективной, необходимо, чтобы аудитория, на которую она направлена, понимала ее контекст, то есть то, на что она направлена, а также имела достаточно сильный эмоциональный отклик. Разумеется, это не все критерии эффективности, мы остановились только на двух аспектах ее восприятия: когнитивном и эмоциональном.

Данное исследование было выполнено в рамках магистерского исследования студентки Донецкого государственного университета А.А. Костюренко. В исследовании приняло участие 30 студентов (17 девушек и 13 юношей), средний возраст которых – 21,7 лет.

В качестве стимульного материала были подобраны четыре видеоролика социальной рекламы, имеющие разный смысловой контекст.

1. Социальный видеоролик «Папа» (Режим доступа: <https://youtu.be/EwayrN9WuEk>) – рассматривается тема взаимоотношений родителей и детей, уделяется внимание проблеме уважительного отношения к старшим.

2. Социальный видеоролик «Не клади трубку» (Режим доступа: https://youtu.be/j14hzBw_SoM) – рассматривается тема значимости жизни, а также дружеской поддержки.

3. Социальный видеоролик «Пусть это будет не зря» (Режим доступа: <https://youtu.be/mKvnbVw1P5Y>) – данный видеоролик рассматривает тему значимости военного подвига, а также несет посыл о том, что в любой ситуации необходимо оставаться человеком и любить Родину.

4. Социальный видеоролик «Атмосфера добрых дел» (Режим доступа: <https://youtu.be/wksqC4GOaKE>) – видеоролик направлен на привлечение к добрым делам, несет посыл о том, что, делая доброе дело, мы запускаем цепочку добрых дел.

Длительность первых трех роликов примерно одинаковая около 4,5 минут, четвертый ролик более короткий – около двух минут.

С целью определения общего эмоционального состояния испытуемых, которое могло повлиять на восприятие видеороликов, были использованы три методики.

1. Методика «Шкала позитивного аффекта и негативного аффекта» (авторы Д. Уотсон, Л. Кларк, А. Теллеген; адаптация Е.Н. Осина). Методика представляет собой опросник, направленный на диагностику широкого спектра позитивных и негативных эмоциональных состояний. Результаты диагностики испытуемых показали, что шкала позитивного аффекта находится на среднем уровне (средний балл 36,17), шкала негативного аффекта – также на среднем уровне (20,3). Это характеризует эмоциональное состояние испытуемых как состояние приятной вовлеченности, достаточной энергичности.

2. Методика «Характеристики эмоциональности» (Е.П. Ильин). Данные результаты показывают следующее: все показатели находятся на среднем уровне (шкала «Эмоциональная возбудимость – средний балл 4,23; шкала «Интенсивность эмоций» – 4,53; шкала «Длительность эмоций» – 4,07), кроме показателя отрицательного влияния эмоций, который находится на низком уровне (средний балл 3,07). У испытуемых выражена чувствительность, легкость и быстрота возникновения различных эмоциональных переживаний. Эмоциональные переживания не слишком глубоки, характерен средний уровень длительности эмоций. Низкий уровень отрицательного влияния эмоций на эффективность деятельности и общения.

3. Методика «Самооценка психических состояний» (Г. Айзенк). Баллы по шкале тревожности (средний балл 10,57) находятся в пределах нормы, что говорит о том, что у испытуемых достаточный порог для возникновения тревожности. Испытуемые редко испытывают тревогу, связанную с ожиданием неблагоприятного исхода, с предчувствием опасности. Баллы по шкале фрустрации (10,2) находятся на среднем уровне, что говорит о том, что испытуемые редко испытывают ощущение разочарования, раздражения, тревоги, отчаяния и подобное. Баллы по шкале агрессивности (8,87) находятся на границе низкого и среднего уровней, что говорит о следующем. Для испытуемых не характерна не вызванная объективными обстоятельствами неспровоцированная враждебность по отношению к людям и окружающему миру.

Сравнение средних оценок восприятия социальной рекламы

<i>Характеристика</i>	<i>1 ролик</i>	<i>2 ролик</i>	<i>3 ролик</i>	<i>4 ролик</i>
Расслабленный - напряженный	0,17	-0,60	1,07	1,13
Скромный - навязчивый	-1,80	0,90	-0,50	0,37
Понятный - непонятный	-0,83	-1,17	-1,20	-0,10
Интересный - скучный	-0,87	0,63	-0,93	1,23
Радостный - грустный	2,27	-0,43	2,30	0,67
Информативный - неинформативный	0,60	-0,80	-0,93	0,33
Быстрый - медленный	1,50	-0,80	-0,20	-0,20
Оригинальный - банальный	0,17	0,83	-0,70	0,23
Умный - глупый	-1,00	0,53	0,07	0,70
Неагрессивный - агрессивный	-0,30	0,77	1,27	0,47
Красивый - некрасивый	-0,73	0,50	-0,80	-0,60
Привлекательный - отталкивающий	-1,03	-0,23	0,57	-0,60
Правдивый - лживый	-1,00	-0,43	-0,20	-0,17

Таким образом, общий фон эмоционального состояния испытуемых благополучный, без выраженных отклонений от среднего.

Основное исследование состояла в получении двух оценок каждого из четырех просмотренных видеороликов. Оценивалось восприятие ролика с помощью модифицированного метода семантического дифференциала Ч. Осгуда. В качестве вербальных антонимов использовались 13 характеристик просмотренного видеоматериала по шкале от 3 до +3. Второй оценкой было эмоциональное восприятие (12 эмоций), оцениваемое по той же шкале. В таблице 1 приведены средние оценки по каждой из характеристик, на рис.1 дано их графическое представление.

Отметим основные характеристики роликов.

Реклама «Папа», посвященная уважительному отношению к родителям, характеризуется следующим образом: грустный (2,27), медленный (1,5) и скромный (-1,8).

Респонденты оценивают второй видеоролик, который направлен на профилактику суицида как понятный (-1,17), быстрый (-0,8) и информативный (-0,8).

Социальная реклама «Пусть это будет не зря», которая направлена на увеличение информированности граждан о войне и уважительной памяти к её героям, оценивается как грустная (2,3), неагрессивная (1,27) и понятная (-1,2).

Респонденты оценивают видеофрагмент «Атмосфера добрых дел» как скучный (1,23), напряженный (1,13), грустный (0,67), красивый (-0,6) и привлекательный (-0,6).

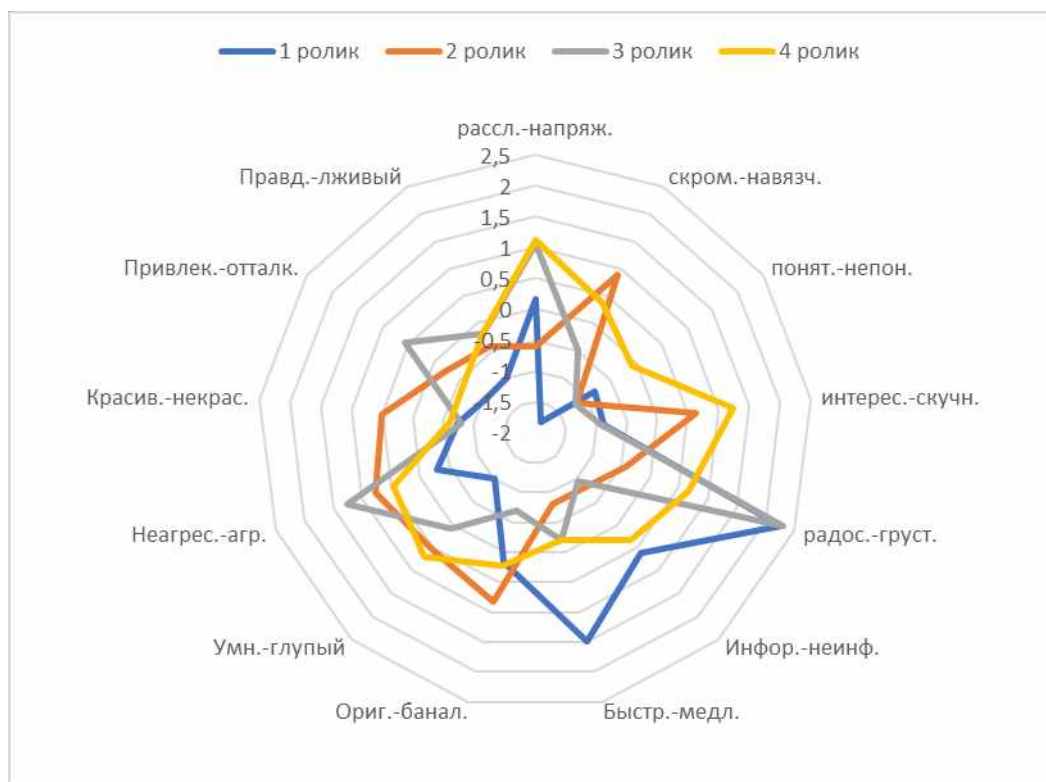

Рис.1. Графическое представление характеристик видеороликов

Примечание: отрицательные значения указывают на степень выраженности первого слова в паре антонимов, положительные оценки – второго слова.

Сравнивая оценки видеофрагментов между собой, можно отметить, что первый ролик о папе показался более правдивым, умным, неагрессивным, но медленным. Вторым ролик о суициде – более понятным, интересным, но и напряженным. Третий о войне – интересным и оригинальным. Четвертый – более напряженный, скучный и немножко даже глупый. Все участники исследования оценили видео как правдивые и понятные.

Таблица 2

Сравнение средних эмоционального отношения к роликам

Эмоция	1 ролик	2 ролик	3 ролик	4 ролик
Умиротворение	-2,87	0,80	0,50	-1,63
Умиление	-2,23	1,83	0,73	-1,57
Удивление	-0,30	0,67	-0,40	2,50
Страх	0,80	-0,03	-0,83	2,40
Смех	-3,10	-0,17	-3,60	-2,73
Скука	-0,20	-0,47	-1,30	-0,93
Раздражение	0,70	1,10	-1,13	-0,07
Радость	-3,10	0,53	-3,63	1,80
Неловкость	0,73	0,50	0,50	-0,60
Возбуждение	-1,63	1,10	-2,83	0,67
Заинтересованность	1,50	1,63	3,53	-0,60
Грусть	2,43	0,77	3,87	-0,60

В табл. 2 выделены показатели, соответствующие самым выраженным или невыраженным эмоциям в сравнении четырех роликов.

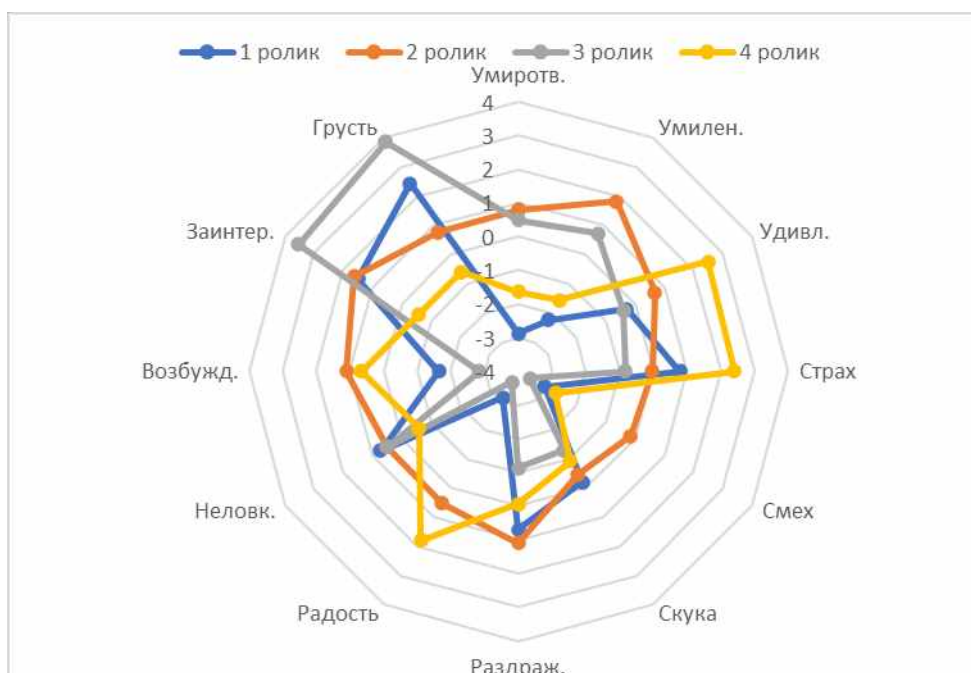

Рис.2. Графическое представление эмоционального отношения к видеороликам

Примечание: отрицательные значения указывают на достаточно низкие показатели этой эмоции, положительные оценки – высокие показатели выраженности эмоции.

Из табл. 2 и рис. 2 можно выделить основные эмоции, которые вызывает или не вызывает просмотренный ролик.

1 ролик «Папа»: грусть (2,43) и отсутствие радости (-3,10), смеха (-3,10) и умиротворения (-2,87).

2 ролик «Не клади трубку»: нет ярко выраженных или невыраженных эмоций – умиление (1,83), заинтересованность (1,63).

3 ролик «Пусть это будет не зря»: сильную грусть (3,87), заинтересованность (3,53) и отсутствие радости (-3,63), смеха (-3,6) и возбуждения (-2,83).

4 ролик «Атмосфера добрых дел»: удивление (2,5), страх (2,40) и отсутствие смеха (-2,73).

Если сравнить ролики между собой по силе проявления эмоций, не учитывая их слабую выраженность или отсутствие, то первый ролик о папе превзошел все остальные только по неловкости, этот показатель невысокий для все просмотрев и составил всего 0,70. Второй ролик о суициде воспринят как умиротворяющий и умиляющий, что, видимо, обусловлено хорошим концом: отказом от суицида двух друзей, героев видеоролика. Третий ролик о войне вызвал заинтересованность и грусть. Четвертый ролик о волонтерах вызвал самую высокую степень удивления и страха вместе с тем радость.

Анализируя содержание последнего ролика о волонтерах, можно предположить, что причины более негативных эмоций следующие: во-первых, ролик по продолжительности короче первых трех; во-вторых – там нет героя, за которым бы

следили зрители и сопереживали ему, в ролике показаны добрые дела и поступки разных людей, но нет общего сюжета и вовлеченности зрителя в то, что он видит, нет сочувствия и переживания.

Интересным показалось сравнить ролики по степени сходства восприятия их между собой. С этой целью был проведен иерархический кластерный анализ и получены две дендрограммы, приведенные на рис. 3.

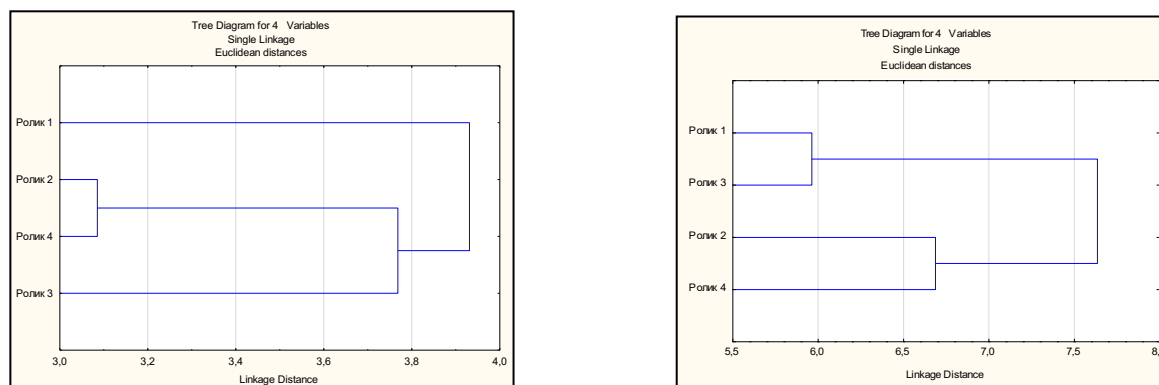

Рис.3. Сходство восприятия роликов по двум параметрам: когнитивный эмоциональный аспекты

Как видно из рис. 3, наибольшее сходство по ответам испытуемым, касающимся оценочных характеристик видеороликов, оказались видеоролики 2 и 4. Оба ролика о помощи друзьям или другим людям в трудных жизненных обстоятельствах. Отдельно выделяется первый ролик об отношении к престарелым родителям, он вызвал совершенно другую интерпретацию в оценках его характеристик. Подавляющее большинство отметили в диаде радость-грусть именно грусть. Эта характеристика была такой же и в оценивании ролика 3 о войне. Большинству испытуемым первый ролик показался слишком медленным.

Что касается эмоционального реагирования на социальную рекламу, то по эмоциональному отклику близкими оказались проблемы, связанные с потерей родителей и гибелью молодых людей в годы Великой Отечественной войны. А также ролики помощи близким и незнакомым людям.

Заключение. Реклама на настоящий момент является одним из инструментов, влияющим на формирование предпочтений, ориентиров индивида, которые в свою очередь определяют ценностные ориентации и установки личности.

Направленность социальной рекламы на разные проблемы человека и общества вызывает эмоциональный отклик у молодых людей. Это показали результаты диагностики восприятий четырех разных видеороликов социальной рекламы. Были подобраны четыре темы: о том, как важно ценить родителей и уважительно относиться к ним, когда они требуют внимания; направленный на профилактику суицида; на увеличение информированности о войне и уважительной памяти к её героям; на привлечение к добрым делам, значимости работы волонтеров.

Все видеоролики вызвали интерес в той или иной степени, были отмечены, как правдивые и понятные. Более сильные положительные эмоции оказывают реклама, в которых есть герой. Эмоциональная вовлеченность в сюжет повышает эффективность социальной рекламы.

Наибольшую эмоциональную реакцию вызвал видеоролик, посвященный войне и её героям, именно этот сюжет вызвал у студентов больший интерес. Данный видеоролик

эмоционально достаточно тяжелый, и реакция на него – слезы и грусть. Испытуемые отмечали, что данная реклама вызывала у них ассоциации, связанные с происходящим в стране, и из-за этого эмоции были намного сильнее.

Интересной оказалась группировка реклам по оцениванию ее характеристик и по эмоциональному отклику. Если по первым показателям близкими в оценках оказались 2 и 4 рекламы, общим у них является помощь другим, друзьям и незнакомым людям, попавшим в беду, то по эмоциям близки 1 и 3 ролики – здесь сильные эмоциональные переживания за потерю других людей – близких, дорогих и любимых или отдавших свои жизни за Родину и мирную и счастливую жизнь в будущем.

Таким образом, социальную рекламу можно воспринимать как отражение наиболее актуального состояния общества и массового сознания. Полученные результаты подтверждают то, что социальная реклама находит эмоциональный отклик у современной молодежи, она понимает ее контекст и адекватно реагирует на него.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Азарова А.С. Специфика процесса институционализации социальной рекламы в современном российском регионе: автореф. дис. ... канд. социол. наук : спец. 22.00.04 «Социальная структура, социальные институты и процессы» / А.С. Азарова. – Барнаул, 2005. – 18 с.
2. Гордеева А.В. Психологические механизмы воздействия социальной рекламы на молодежь / А.В. Гордеева // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2019, № 2. – С. 86–93.
3. Горностаева И.Н. Психологические аспекты и критерии психологической эффективности социальной рекламы в процессе изучения ее влияния на потребителей / И.Н. Горностаева // Сибирский торгово-экономический журнал. – 2016, № 1 (22). – С. 127–130.
4. Дитятев Г.Г. Качественные исследования рекламы / Г.Г. Дитятев. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.on-lan.ru/reklama_i_pr/kachestvennye_issledovaniya_reklamy.php (дата обращения: 02.12.2023).
5. Дмитриева Л.М. Социальная реклама / Л.М. Дмитриева. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2012. – 271 с.
6. Иштуганов Э.М. Психологическое воздействие социальной рекламы / Э.М. Иштуганов // Тенденции развития науки и образования. – 2019. – № 51-2. – С. 16–19.
7. Ковалева А.В. Основы социальной рекламы: учебное пособие для вузов / А.В. Ковалева. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2021. – 155 с.
8. Копылова Е.А. Влияние социальной рекламы на сознание молодежи / Е.А. Копылова // Гуманитарные научные исследования. – 2017. – № 3. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://human.snauka.ru/2017/03/23113> (дата обращения: 07.11.2023).
9. Котлер Ф. Основы маркетинга / Ф. Котлер, Г. Амстронг. – ИД «Вильямс», 2003. – 1200 с.
10. Кривцова Е.В. Исследование коммуникативного воздействия социальной рекламы / Е.В. Кривцова, И. Ю. Рассохина, М. В. Гершун // Реклама: теория и практика. – 2020. – № 1. – С. 2–11.
11. Маслова Т.Д. Маркетинг : учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности 080502 "Экономика и управление на предприятии (по отраслям) / Т.Д. Маслова, С.Г. Божук, Л.Н. Ковалик. – 3-е изд., доп. и перераб. – Санкт-Петербург : Питер, 2008. – 384 с.
12. Массовая коммуникация и массовое сознание [сб. научн. статей / под ред. В.Л. Артемова]. – Москва : изд-во Эксмо, 2006. – Вып. 4. – 148 с.
13. Николайшвили Г.Г. Социальная реклама: теория и практика / Г.Г. Николайшвили. – М.: Акспект-пресс, 2008. – 191 с.
14. Пейсахова Д.Э. Функции социальной рекламы в обществе / Д.Э. Пейсахова // Хроноэкономика. – 2020. – № 4 (25). – С. 77–82.
15. Плеханова О.В. Социальная реклама: особенности и роль в обществе / О.В. Плеханова, А.А. Брякина // Тенденции развития науки и образования. – 2019. – № 52-1. – С. 77–80.
16. Теоретические и практические проблемы рекламы как социального института в России: монография / А.Н. Горностаева, И.Н. Горностаева, Н.О. Радькова – Изд-во Брянский государственный технический университет (Брянск), 2015. – 178 с.
17. Савельев Н.В. Особенности исследования российской социальной рекламы / Н.В. Савельев // Развитие образования. – 2020. – № 2 (8). – С. 88–92.

PERCEPTION OF SOCIAL ADVERTISING AT YOUNG AGE

A. V. Gordeeva

The article addresses perception of social advertising in adolescence. The emphasis is made on cognitive and emotional aspects in perception of social advertising on various topics, including the loss of a father, helping a friend and refusing suicide, the memory of young heroes of the Great Patriotic War, good deeds and help in situations of emergency. It has been found out, that all the topics evoked a positive response inside the audience; they were clear and aroused interest. The dependence of social advertising perception upon its context has been highlighted. The topics related to close people and friends turned out to be better perceived. The advertisements related to the heroes of the Patriotic War who gave their lives in the name of the future evoked a deeper emotional response. The results obtained confirm that social advertising finds an emotional response among modern youth. Young people understand its context and respond adequately to it.

Key words: advertising, social advertising, information, perception, cognitive aspect, emotional aspect, emotional experiences, emotionality, adolescence, youth.

Гордеева Алла Валериановна.

Кандидат психологических наук, доцент.
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный
университет».
Заведующий кафедрой психологии.
E-mail: a.valer@mail.ru

Gordeeva Alla Valerianovna.

Candidate of Psychological Sciences, Associate
Professor.
Donetsk State University.
Head of Psychology Department.
E-mail: a.valer@mail.ru

УДК 616-072.7

ПОСЛЕРОДОВАЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ АДАПТАЦИЯ ЖЕНЩИН В КОНТЕКСТЕ СОХРАНЕНИЯ ЗДОРОВЬЯ

© 2023 *Н.И. Ковальчишина*¹, *С.В. Ковальчишина*², *О.С. Вальтер*¹

¹*Филиал Российского Социального Университета в г. Минске, Республика Беларусь*

²*ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»*

В статье рассматривается проблема послеродовой депрессии женщин, факторы, которые влияют на адаптацию женщин к новым обстоятельствам жизни. Авторы анализируют возможные психологические последствия, с которыми женщина сталкивается после рождения малыша. Даже если ребенок желанный и беременность протекает нормально, женщина подвержена различным негативным эмоциональным переживаниям, обидчивости, раздражительности, неуверенности, слезливости. Часто ее охватывает чувство паники, что она не справится со своими обязанностями, страх причинить вред ребенку. В ходе эмпирического исследования относительно эмоционального состояния рожениц, степени их депрессивного состояния было установлено, что многие женщины находятся в эмоциональном нестабильном состоянии, фон настроения и активность снижены, самочувствие на низком уровне, наблюдается депрессия. В качестве профилактики подобных явлений предлагается больше внимания уделять формированию семейных установок, в контексте осознания женщинами своей истинной роли – роли матери и хранительницы домашнего очага.

Ключевые слова: адаптация, здоровье женщины, послеродовая депрессия, эмоциональное состояние, роль матери.

Введение. Важным событием в жизни любой женщины является рождение ребенка. Можно отметить, что это главное ее предназначение – роль матери. Девять месяцев беременности, безусловно, определенный период испытания, когда меняется не только физиологическое состояние будущей мамы, а и психическое, и психологическое. На этом этапе необходимо, чтобы женщина находилась в комфортных условиях, хорошо питалась, много гуляла и психологически готовилась к появлению малыша. Казалось бы, после рождения ребенка все тревоги должны уйти, но женщиной овладевает необъяснимое чувство одиночества, появляется раздражительность, агрессивность, слезливость и др. Ежесекундная потребность малыша в маме вызывает у многих чувство безысходности, что это никогда не закончится и теперь в ее жизни никогда не будет как раньше, и ей все время надо будет кормить, убаюкивать, умывать качать и так круглосуточно.

Естественно, через время эти негативные мысли и ощущения пройдут, но часто они оставляют след не только в отношениях с близкими, но и влияют на здоровье женщины. Ее обиды на непонимание, тревога за малыша, ограничение свободы – все это сказывается на отношениях с ребенком и мужем.

Как известно, весь период беременности мать и ребенок составляют единое целое. Природа позаботилась о том, чтобы максимально снизить влияние внешних неприятностей на ребенка, наделив женщину умением защищать и оберегать маленького человека. За девять месяцев будущая мама свыкается с ролью защитницы, принимает на себя огромную ответственность за сохранение жизни, здоровья и счастья малыша. Теперь она будет воспринимать состояние ребенка как свое собственное, чувствовать его голод, испуг, боль, радость, блаженство [11]. И хотя такое понимание гарантирует малышу безопасность и выживание в первые недели жизни, для матери вес

ответственности может оказаться в виде послеродовой депрессии. И очень важно в этот период помочь женщине справиться с ее тревожным состоянием.

В настоящее время имеется достаточно большое количество научных трудов, посвященных послеродовой депрессии женщин (ПРД). Это работы И.В. Добрякова, 2010; Н.А. Корнетова, 2015; В.А. Руженкова, 2012; Г.Г. Филиппова, 2018 и многих других авторов, но проблема не теряет своей актуальности и требует детального рассмотрения, особенно в вопросах адаптации женщин к своей новой роли – мама.

Наиболее типичными расстройствами послеродового периода (60-70% случаев) являются депрессивные расстройства различной степени выраженности (невротическая депрессия, психозы). Однако диагноз послеродовой депрессии устанавливается лишь в 3% случаев, после чего проводится соответствующее лечение (Murraу, 1991).

Как правило, рождение ребенка рассматривается как сложный период в личностном развитии женщины, как этап серьезного пересмотра жизненных перспектив, который может сопровождаться внутриличностными конфликтами, оказывающими неблагоприятное влияние на развитие ребенка и на здоровье самой матери (Е.В. Галкина, 2013; Т. Гарнизов, 2015; А.В. Левченко, 2013; E.S. Miller, 2013).

Цель статьи – рассмотреть психологические особенности женщин в послеродовой период их жизни, проанализировать факторы, которые влияют на их адаптацию к своему новому положению.

В качестве теоретико-методологических подходов для исследования можно обозначить следующие: теория интегративных психических образований (А.В. Микляева, В.Н. Панферов, П.В. Румянцева); биопсихологическая теория эмоциональных состояний (П.К. Анохин, А.Н. Леонтьев); теория формирования доминантных состояний (А.С. Батуев, А.А. Ухтомский); концепция диадических отношений в системе «мать и дитя» (Д.В. Винникотт); теоретические положения клинической психологии семьи (Э.Г. Эйдемиллер); биопсихосоциальный подход в перинатальной психологии (Г.Г. Филиппова).

Многие авторы утверждают, что «беременность очень важный этап в жизни женщины, который нуждается в адаптационном периоде, как на физиологическом, так и на психологическом уровнях» [1, с. 403].

Психологические особенности послеродового периода характеризуются формированием своеобразного комплекса «мать-дитя», на который влияют последовательно сменяющие друг друга различные доминанты: «гестационная, родовая и лактационная» [2].

По данным некоторых исследователей, на фоне негативных эмоциональных состояний и низкого качества жизни значительная доля здоровых матерей не могут выработать адекватного отношения к ребенку на первом году его жизни, что актуально и требует более детального изучения [4].

Основная часть. Обычно послеродовая депрессия проявляется уже с первых дней рождения ребенка и связано это, в первую очередь, с гормональной перестройкой организма женщины. Молодые мамы подвержены чрезмерной обидчивости, плаксивости и тревожности.

Многие авторы называют этот период в жизни женщины «периодом материнской адаптации» [2, 4, 10]. Прежде всего, это связано с новой ролью женщины – матери. Ей нужно научиться обращаться с ребенком, соблюдать режим и правила ухода за ним, правильно реагировать, когда он плачет. В семье происходит некая турбулентность, все буквально «трещит по швам», муж, родители роженицы также пытаются освоить свои

роли, естественно, такая неустойчивая обстановка может приводить к определенному напряжению, к взаимным упрекам и конфликтам и т.д.

В подобной ситуации важно, чтобы молодая мама осознавала, что такое состояние эмоциональной неустойчивости и недовольства – нормальный процесс естественного восстановления ее психики [11].

В контексте рассмотрения психического состояния роженицы, также следует уделить внимание функциональному состоянию ее центральной нервной системы и вегетативной нервной системы. Исследования в данной области свидетельствуют о том, что после родов в коре головного мозга отношения между процессом возбуждения и торможения изменяются в сторону ослабления последнего. У здоровых рожениц наблюдается изменение функционального состояния различных отделов, особенно появляющихся около 5-го дня после родов [2].

Подчеркнем, что рождение ребенка рассматривается как критический период в личностном развитии женщины, как этап серьезного пересмотра ею жизненных смыслов, ценностных ориентаций, личностных перспектив, который может сопровождаться «внутриличностными конфликтами, оказывающими неблагоприятное влияние на развитие ребенка» [9].

Иногда послеродовая депрессия может проявляться в нарушении сна, характеризоваться резкими перепадами настроения, вкусовыми изменениями, снижением аппетита, страхом своим незнанием причинить вред ребенку, паническими мыслями «я не справлюсь», «у меня не получится», «я не готова» и т.п.

Так, например, М.А. Макарова подчеркивает, что у молодых мам снижается интерес к жизни, каким-то занятиям, которые ранее приносили радость и вдохновение, появляется ощущение вины и собственной бесполезности, снижается способность концентрироваться и принимать решения, при затяжной депрессии в зависимости от индивидуальных особенностей и обстоятельств – суицидальные мысли [10].

По данным Всемирной организации здравоохранения, подобное состояние испытывает каждая шестая молодая мать. Послеродовая депрессия в слабой форме проявляется почти у 50% женщин, сильно выражается в 15% случаях [5].

Важным является факт, что в послеродовом периоде происходит некое соединение эволюционно ожидаемых условий для матери и ребенка. Такой процесс, безусловно, способствует образованию эмоциональной взаимосвязи. У мамы это происходит в процессе послеродового общения с ребенком и прикладывания его к груди. Как известно, женщины очень долго помнят мельчайшие детали рождения ребенка и все, что с этим связано. В связи с этим, изменение эволюционно ожидаемой ситуации в это время для мамы наблюдается в перераспределении материнских функций, «обедняя стимуляцию, необходимую для возникновения эмоциональной связи с ребенком; копирование активной целенаправленной деятельности с полноценным операционным составом», что составляет необходимость «приложения» нереализованных тенденций достижения цели и их замена другими составляющими; наличие долевой или полной сепарации матери и ребенка [6].

Все эти особенности могут быть по-разному выражены, в зависимости от этого различным будет их вклад в динамику развития материнской сферы

Можно выделить следующие этапы в послеродовом периоде женщины (рис.1).

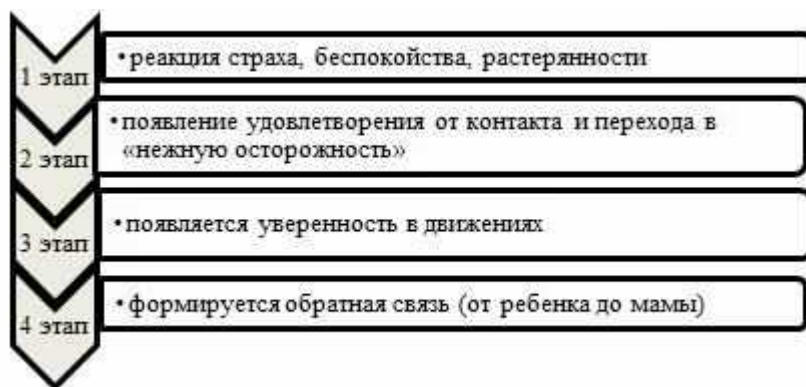

Рисунок 1 – Этапы в послеродовом периоде у женщин

1. Первый этап можно охарактеризовать беспокойством, реакцией страха, растерянностью или осторожностью. В этот период мама мало концентрируется на своих ощущениях от тактильного контакта с ребенком, а в основном испытывает смешанное чувство удивления, восхищения или опасности и привыкает к внешнему виду и самому существованию ребенка. Это может проявляться в разных вариантах от отношения к ребенку как «чуду», к паническому страху перед ним.

2. Второй этап детерминируется появлением удовлетворения от контакта и перехода в «нежную осторожность» или «тревожную осторожность» в зависимости от своей динамики составляющей материнской сферы и условий взаимодействия. На этом этапе возникает тенденция увеличивать или ущемлять тактильный контакт.

3. На третьем этапе появляется уверенность в движениях. Тактильный контакт приобретает самостоятельный статус ласки. Мама начинает инициировать прикосновение. Переводя его в способ общения. Объединение эмоциональной ценности контакта под влиянием других ценностей оставляет тактильный контакт в процессе ухода за самостоятельной ценностью для мамы и не способствует этому как средству эмоционального общения.

4. На последнем этапе формируется обратная связь (от ребенка до мамы) и индивидуальный стиль ухода.

Условия прохождения периода новорожденности влияют и на другие операции общения (эмоциональное выражение лица мамы, зрительный контакт). Заинтересованность мамы внешним видом ребенка, способность и возможность сконцентрироваться на его лице и «поймать» свои переживания, которые при этом возникают только в том случае, если маму не отвлекают мысли, далекие от непосредственного взаимодействия. Мама может заметить изменения в мимике лица ребенка, движения его глаз. Уже к трем неделям у таких матерей хорошо выражено экспериментирование с реакциями во время взаимодействия, которое выражается в изменении положения ее лица, удержании взгляда [7].

Широко известное утверждение «счастье материнства», к сожалению, далеко не всегда отражает реальное положение вещей, поскольку никто не застрахован от стрессов, которые переживает женщина при беременности и особенно после нее. Душевное и физическое здоровье недавно родившей ребенка требует не только от нее понимания своего состояния, но и от окружающих ее близких людей. Процесс адаптации в послеродовой период во многом зависит от того, в каких условиях и обстоятельствах живет роженица, насколько желанен малыш для нее и ее супруга/партнера, какая помощь оказывается, как организован быт и др.

Как показывает практика, при психологическом стрессе стресс-реакция возникает опосредованно, через эмоционально-психические реакции в ответ на стрессовую ситуацию. Если стрессовые воздействия чрезвычайно интенсивны или чрезмерно продолжительны, адаптационный синдром через кратковременную стадию резистентности переходит в стадию истощения, а адаптационные системы организма претерпевают патологические изменения.

Наряду с целым рядом общесоциальных факторов, порождающих стресс, существуют специфические предпосылки, характерные для развития эмоционального стресса у женщин в их «интересном положении». В качестве критериев, которые могут способствовать проявлению послеродовой депрессии у рожениц, исследователи, как правило, называют следующие: возраст, индивидуальные особенности женщины, социально-экономические условия, благоприятные/неблагоприятные семейные взаимоотношения, наличие или отсутствие супруга, желанность ребенка, состояние здоровья и другие внешние условия [3].

Существует еще один фактор, который может провоцировать негативное состояние женщины после родов – это потеря (или не появление) каких-либо материнских чувств к ребенку. Несмотря на то, что это чувство всегда в какой-то мере ожидается матерью, после родов возникает резкое чувство вины, что она ничего не чувствует по отношению к малышу и т.д.

Таким образом, можно подчеркнуть, что процесс деторождения для каждой женщины – серьезный этап в жизни. Рождение ребенка для нее является неким разделением на жизнь «до» и «после». Причем это касается не только физиологических и психических трансформаций, а и психологических. Безусловно, каждая молодая мама индивидуально будет проходить все этапы адаптации к новым для нее условиям, и зависит это, прежде всего, от уровня ее физического здоровья, личностных особенностей (жизнестойкости, стрессоустойчивости и др.), благоприятного семейного климата и внешних обстоятельств.

Для изучения особенностей эмоционального состояния женщин и наличия у них симптомов ПРД нами проводилось исследование, в котором приняли участие 58 женщин, в возрасте от 23 до 32 лет, недавно родившие ребенка (от 1-го до 3-х месяцев), роды первые.

Вначале респондентам была предложена анкета для выявления их социально-демографического статуса (семейного статуса, благополучности отношений с супругом, протекания беременности и др.).

В процессе общения с молодыми мамами было установлено, что большинство женщин (60%) родили детей в благоприятном браке. 21% рожениц испытывают трудности в семейных отношениях, брак заключен в связи с беременностью. Небольшое количество мам (14%) родили без официальной регистрации отношений, 5% не собирались вступать в серьезные отношения, ребенок, по их мнению, получился случайно. Вопросы, также касались физического здоровья женщин, их эмоционального состояния, самочувствия в первые дни после родов.

Выяснено, что физически практически все респонденты чувствовали себя в основном нормально, относительно легко перенесли роды, без осложнений и были в положенный срок выписаны домой. Однако большинство (55%) отмечали, что буквально через 5-7 дней после рождения малыша появились какие-то тягостные мысли, слезливость, обидчивость, усталость от необходимости круглосуточно выполнять одни и те же действия, раздражение, невозможность выспаться и др.

Далее нами проводилось исследование эмоционального состояния (самочувствие, активность, настроение) рожениц по методике В.И. Доскина, Н.А. Лаврентьевой, В.Б. Шарай, М.П. Мирошникова (САН). Результаты исследования представлены на рис. 1.

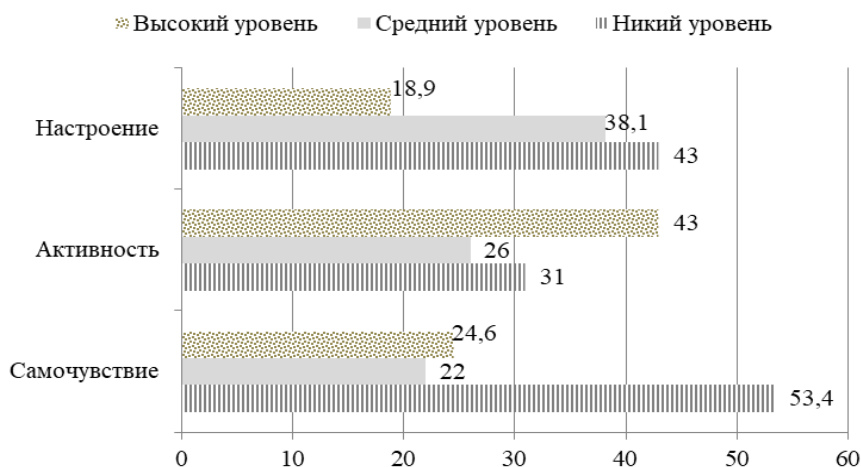

Рисунок 1 – Выраженность эмоционального состояния рожениц (самочувствие, активность, настроение) по методике В.И. Доскина и др., в %

У большинства респондентов (53,4%), как видим, на рисунке выявлен низкий уровень самочувствия, что свидетельствует о преобладании слабости, отсутствия сил, плохого самочувствия, напряженности и т.п. Средний уровень самочувствия обнаружен у 22% рожениц, что может говорить о выраженности обоих полюсов.

Также у многих снижена активность (31%) и обнаружен низкий уровень настроения (43%), что естественно в положении женщин недавно родивших. Полученные результаты могут говорить о том, что многие молодые мамы испытывают трудности в адаптации к своему новому положению, не привыкли к режиму постоянного взаимодействия с ребенком, необходимости ухода за ним, ограничению личностной свободы и т.п.

Для выявления депрессивных расстройств в послеродовом периоде нами использовалась Эдинбургская шкала постнатальной (послеродовой) депрессии – клиническая скрининговая методика в виде самоопросника [12].

Полученные результаты представлены на рисунке 2.

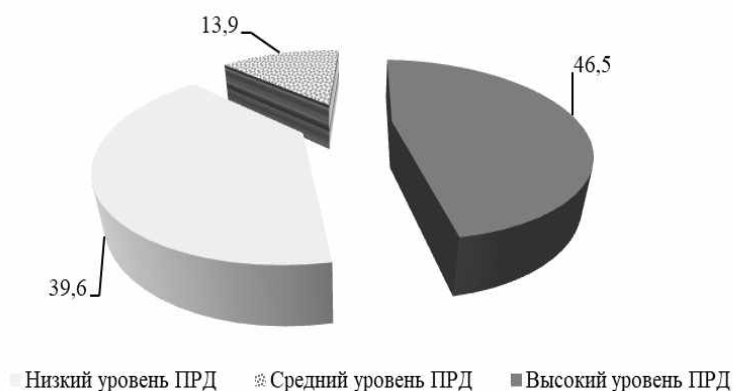

Рисунок 2 – Выраженность депрессивных расстройств в послеродовом периоде у женщин по методике «Эдинбургская шкала постнатальной (послеродовой) депрессии», в %

Полученные данные, отображенные на рисунке, показывают, что у многих опрошенных (46,5%) наблюдается высокая вероятность наличия послеродовой депрессии, которая может проявляться в чувстве вины, тревоге и беспокойстве, неспособности смеяться, копинг-дефиците, бессоннице, грусти, плаксивости и других негативных мыслях. Таким женщинам можно порекомендовать обратиться к специалисту (психологу), пройти групповые терапевтические сеансы по коррекции своего психологического состояния.

Вместе с тем, более трети женщин (39,6%) нормально себя чувствуют, у них обнаружена низкая вероятность наличия послеродовой депрессии. Несмотря на трудности различного характера, сопровождающие женщин в это время, они вполне адекватно относятся к своему состоянию, легко адаптируясь к новым обстоятельствам жизнедеятельности. В этой группе женщины, детям которых уже по три месяца, они достаточно быстро освоились со своей новой ролью и приняли материнство.

Средний уровень послеродовой депрессии выявлен лишь у 13,9% респондентов. Можно констатировать, что у этих женщин наметилась тенденция к налаживанию своей эмоциональной сферы и жизни в ритме своего малыша, что непременно приведет к стабилизации настроения и самочувствия, положительно скажется на их здоровье.

В процессе исследования были выявлены значимые корреляционные связи (по Спирмену, при $p < 0,05$) между показателями «самочувствие», «настроение» и степенью послеродовой депрессией, чем лучше самочувствие и настроение, тем ниже уровень депрессии и наоборот.

Проведенное исследование позволило сделать вывод, что женщинам в послеродовом периоде свойственно переживать депрессивные состояния различного характера, что связано с естественными процессами функционального свойства. Однако спустя какое-то время, в зависимости от индивидуальных качеств, состояния физического здоровья, возраста, различных социальных и семейных обстоятельств женщина приобретает навыки стабилизации эмоционального фона и принятия роли матери.

Заключение. Проблема послеродового состояния женщин, состояния их здоровья имеет большое значение, особенно в контексте реализации государственных программ по улучшению демографической ситуации в любой стране. Статистика последних десятилетий неутешительна, в России, Белоруссии, многих европейских странах наблюдается «демографическая яма», в связи нежеланием женщин рожать детей, ограничиваясь, в лучших случаях, одним ребенком. Конечно, современный образ жизни, стремительное развитие технологий, сложные социально-экономические взаимоотношения, нестабильность политической системы, межгосударственные конфликты не способствуют созданию семьи и рождению детей, но не только в этом причина, присутствует и эгоистическая, потребительская позиция многих людей, как женщин, так и мужчин.

Мир перевернулся в своем привычном представлении, женщина в большей степени сегодня взяла на себя мужскую роль, она активно строит карьеру, осваивает новые технологии, нередко содержит себя и мужа, что, естественно, не оставляет ни времени, ни сил на рождение и воспитание ребенка. Присутствует также определенный страх – родишь ребенка, останешься ни с чем, потеряешь комфорт, который выстраивала много лет.

На основании всего вышеизложенного, следует отметить, что проблема женской депрессии в послеродовом периоде, сохранение здоровья женщины зависит от многих факторов, которые требуют комплексного и системного подхода. В первую очередь,

это связано с развитием ценностно-смысловой сферы женщины, ее мировоззрением, традициями в обществе, привитием семейных ценностей, сохранением традиций рода, где женщина, прежде всего, мать, хранительница домашнего очага. С этой целью должны разрабатываться соответствующие программы, проводиться консультации, тренинги и арт-терапевтические мероприятия, которые учитывают гендерные различия, свободны от догматических трактовок их опыта и поведения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абабков В.А. Дистресс у женщин: до и после родов / В.А. Абабков, Е.А. Бурина, Е.А. Пазарацкас, С.В. Капранова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер.: Психология, 2019. Т. 9, вып. 4. С. 401–410.
2. Батуев А.С. Психофизиология матери и ребенка: итоги и перспективы / А.С. Батуев, Л.В. Соколова, Л.Н. Станкевич // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2007. – Т. 4, № 3. – С. 27–43.
3. Ветчанина Е.Г. Особенности реакции беременных на психоэмоциональный стресс в различные сроки беременности / Е.Г. Ветчанина, Г.Б. Мальгина // Сибирский психологический журнал. – 2001, № 14-15. – С. 150–151.
4. Голубых А.И. Эмоциональные особенности беременных женщин и отношение к будущему ребенку и супругу / А.И. Голубых, С.С. Савеньшева // Научные исследования выпускников факультета психологии СПбГУ. – СПб.: 2014. – № 2, С. 72–78.
5. Добряков И.В. Депрессия в период беременности / И.В. Добряков, И.А. Колесников // Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. – 2008. – № 7. – С. 91–97.
6. Казаева Е.А. Исследование особенностей послеродовой депрессии у женщин / Е.А. Казаева // Психология семьи в современном мире. – 2017. – С. 176–182.
7. Коваленко Н.П. Психопрофилактика и психокоррекция женщин в период беременности и родов / Н.П. Коваленко. – СПб.: СПбГУ, 2001. – С. 99–107.
8. Копытин А.И. Арт-терапия женских проблем / А.И. Копытин. – М.: Когито-Центр, 2014. – 270 с.
9. Левченко А.В. Психоэмоциональное состояние во время беременности у первородящих и повторнородящих женщин / А.В. Левченко // Психология. Экономика. Право. – 2013. – № 1. – С. 37–45.
10. Макарова М.А. Факторы риска возникновения аффективных расстройств у женщин в послеродовом периоде / М.А. Макарова, Т.И. Авдеева // Сборник тезисов межрегиональной научно-практической конференции «Актуальные вопросы психиатрии, неврологии и клинической психологии». – Тамбов. – 2019. – С. 59–61.
11. Филиппова Г.Г. Психология материнства: учеб. пособие для академического бакалавриата. – 2-е изд., испр. и доп. / Г.Г. Филиппова. – М.: Издательство Юрайт, 2018. – 212 с.
12. Шаманин М.В. Опыт применения Эдинбургской шкалы послеродовой депрессии у российских женщин / М.В. Шаманин, Г.Э. Мазо // Обзорение психиатрии и медицинской психологии им. В.М. Бехтерева. – 2015. – № 1. – С. 74–82.

Поступила в редакцию 15.12.2023 г.

POSTNATAL PSYCHOLOGICAL ADAPTATION OF WOMEN IN CONTEXT OF MAINTAINING HEALTH

N.I. Kovalchishina, S.V. Kovalchishina, O.S. Walter

The article deals with the issues of women's postnatal depression, and factors that influence women's adaptation to new life circumstances. The authors analyze the possible psychological consequences that a woman faces after the birth of a baby. Even if the child is desired and the pregnancy is proceeding normally, the woman is susceptible to various negative emotional experiences, resentment, irritability, uncertainty, and tearfulness. She is often overcome by a feeling of panic that she will not be able to cope with her responsibilities, and a fear of harming the child. In the course of the empirical study focusing on the emotional state of women in labor and the degree of their depressive state, it has been found out that many women are in an emotionally unstable state, their mood and activity levels are reduced, their state of health is low, and depression is observed. To prevent

such phenomena, it is proposed to pay more attention to the formation of family attitudes, in the context of women's awareness of their true role as a mother and homemaker.

Key words: adaptation, woman's health, postnatal depression, emotional state, mother's role.

Ковальчишина Наталья Ивановна.

Кандидат психологических наук, доцент.
Филиал Российского Государственного
Социального Университета в г. Минске,
Республика Беларусь.

Доцент кафедры психологии и конфликтологии.

E-mail: natkov4@mail.ru

Ковальчишина Светлана Владимировна.

Кандидат психологических наук.

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный
университет»

Доцент кафедры психологии.

E-mail: lanessa88@mail.ru

Вальтер Ольга Сергеевна.

Магистрант 1-го курса «Психология» Филиала
РГСУ в г. Минске, РБ.

E-mail: valter.os@yandex.ru

Kovalchishina Natalya Ivanovna.

Candidate of Psychology, Associate Professor.
Branch of the Russian State Social University in
Minsk, Republic of Belarus.

Associate Professor at Department of Psychology and
Conflictology.

E-mail: natkov4@mail.ru

Kovalchishina Svetlana Vladimirovna.

Candidate of Psychology.

Donetsk State University.

Associate Professor of Psychology Department.

E-mail: lanessa88@mail.ru

Walter Olga Sergeevna.

Master degree student.

Branch of the Russian State Social University in
Minsk, Republic of Belarus.

E-mail: valter.os@yandex.ru

УДК 159.9

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ САМОРЕАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ СТУДЕНТОВ

© 2023 *М.А. Липодаева, И.В. Ревуцкая*
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»

В данной статье анализируются различные теоретические подходы к проблеме самореализации личности в юношеском возрасте в период студенчества. Рассмотрены взгляды исследователей на понятие самореализации личности. Изучены концепции отечественных и зарубежных психологов юношеского периода онтогенеза личности, как сензитивного возраста для самоопределения и выбора своего жизненного пути. Рассмотрены факторы, влияющие на самореализацию студентов. Представлен комплексный подход к изучению психологических особенностей самореализации студентов. Большинство исследований в этой области фокусируются на отдельных аспектах самореализации, таких как мотивация, самооценка, личностные качества и т.д. В данном исследовании все эти аспекты рассматриваются в совокупности, опираясь на особенности юношеского возраста, что позволяет получить более полное представление о психологических особенностях самореализации студентов. Статья может быть полезна для преподавателей, студентов и исследователей в области психологии и образования.

Ключевые слова: самореализация личности, самоактуализация, факторы самореализации, студенчество, юношеский возраст, психологическая готовность, профессиональная самореализация, самопроектирование, идентичность.

В современном обществе самореализация личности является одной из ключевых целей для каждого человека. Особенно важно это для студентов, которые получают высшее образование и формируют свое будущее.

Процесс самореализации играет ключевую роль в формировании профессиональных навыков и успешной карьеры, а также способствует развитию личностного потенциала студентов, их критического мышления и творческих способностей. Кроме того, эта тема актуальна в контексте современных социальных условий, характеризующихся рыночной экономикой, политической нестабильностью и усилением социального неравенства. Это требует от студентов способности адаптироваться к изменяющимся условиям, готовности к конкуренции на рынке труда и наличия навыков саморазвития и самореализации.

Теоретическую основу исследования составили подходы и концепции, сформулированные ведущими отечественными и зарубежными учеными по проблеме самореализации личности (Ф. Баррон, Э.В. Галажинский, Д. Зиглер, Д.А. Леонтьев, А. Маслоу, Н.С. Пряжников, К. Роджерс, Э. Фром, Л. Хьелл); концепции и подходы к изучению юношеского возраста (Дж. Биррен, Л. И. Божович, Д.Б. Брамлей, Л.С. Выготский, И.А. Зимняя, В.С. Мухина, Д.И. Фельдштейн, Э. Эриксон).

Центральной идеей во многих психологических теориях является идея саморазвития, самореализации и самоактуализации личности. Основатель гуманистической психологии Абрахам Маслоу был одним из первых, кто затронул тему самореализации в научном сообществе. В своей теории потребностей Маслоу определил потребность в самоактуализации как наивысший уровень в иерархии человеческих потребностей, понимая её как стремление реализовать свои возможности.

По мнению Маслоу, кажется, что у человечества есть единственная конечная цель, к которой стремится каждый человек. Различные авторы называют эту цель по-

разному (самоактуализация, самореализация, автономия, интеграция, психологическое здоровье, продуктивность), но все они сходятся во мнении, что это путь к полноценной реализации потенциала личности, становлению человека в полном смысле слова, воплощению всех его возможностей [10].

Маслоу считает, что стремление к самоактуализации является ядром личности, основой для ее развития и самореализации.

Самореализация всегда связана с ситуацией, когда человек становится активным участником собственного развития. По мнению Ф. Баррона, способность к самопроектированию является ключевой функцией личности, которая реализуется через творчество [1].

Самоактуализация и самореализация могут рассматриваться как две взаимосвязанные стороны единого процесса роста и развития. Результатом этого процесса является максимально раскрытый потенциал человека, использующего все свои возможности, то есть самоактуализированная личность.

Самореализация — это непрерывный процесс, в ходе которого человек осознает свои сильные стороны, стремится к саморазвитию и реализует себя посредством осознанного выбора, выстраивая новые социальные связи. По мнению Эриха Фромма, самореализация предполагает, что человек воспринимает себя преобразователем своих сил и действующей силой, что он чувствует единство со своими способностями и они не являются чуждыми для него [14]. Фромм также утверждал, что творчество является важным аспектом самореализации личности, поскольку оно способствует развитию критического мышления, сопровождающегося рефлексией.

Рассмотрим ключевые характеристики самоактуализированной личности, выделенные Абрахамом Маслоу:

- способность принимать жизнь во всем ее многообразии;
- конструктивное отношение к жизни и способность извлекать уроки из неудач;
- умение принимать людей такими, какие они есть, без критики и осуждения;
- готовность к сотрудничеству и взаимопомощи;
- чувство собственного достоинства и уважение к себе;
- эмоциональная независимость и богатый внутренний мир;
- зрелость чувств и эмоций;
- автономия и умение противостоять давлению общества;
- более объективный взгляд на вещи;
- постоянное стремление к развитию и самосовершенствованию;
- творческий подход к любой деятельности и открытость для нового опыта;
- соответствие мыслей, слов и поступков – конгруэнтность личности [9].

На основе всего вышесказанного, можно определить самореализацию как процесс активного раскрытия своих возможностей и способностей, который позволяет человеку стать полноценной и гармоничной личностью.

Самореализация личности – это процесс, который включает в себя не только решение таких важных вопросов, как выбор профессии и определение своего места в жизни, но и понимание себя, своих сильных и слабых сторон, увлечений и склонностей. Для этого необходимо пройти через ряд испытаний, которые помогут юноше определить свое место в мире и достичь успеха в будущем [8].

По Э.В. Галажинскому «Самореализующаяся личность – это самостоятельная творческая личность, способная конструировать собственную жизнь в позитиве до уровня успеха» [4].

Студенчество является важным периодом для становления личности, потому что личность в студенческие годы принимает ответственные решения, связанные с возможностями для профессиональной и личностной самореализации. Так, И.А. Зимняя считает, что студенчество – это центральный период становления человека, личности в целом, проявления самых разнообразных интересов [7].

Изучение самореализации личности студентов невозможно без рассмотрения юношеского периода онтогенеза личности, так как данный возраст является сензитивным для самоопределения и выбора своего жизненного пути. Слово «юность» означает фазу перехода от зависимого детства к самостоятельной и ответственной взрослости. Л.С. Выготский одним из первых указал, что «по общему смыслу и по основным закономерностям возраст от 18 до 25 лет составляет скорее начальное звено в цепи зрелых возрастов, чем заключительное звено в цепи периодов детского развития. Трудно представить себе, что развитие человека в начале зрелости (с 18 до 25 лет) могло быть подчинено закономерностям детского развития» [3].

Следует отметить, что границы юношеского возраста неоднозначны. Многие исследователи по-разному определяют возрастные границы юношеского возраста, но в основном эти границы условны от 15-16 до 21-25 лет. В отечественной психологии принято разделять период юности на два этапа: ранняя юность (16-18 лет) и поздняя юность (19-25 лет). Так, Д.И. Фельдштейн рассматривает юношеский возраст как период жизни и развития человека от 16 до 18 лет [13, с. 94–98]. В.С. Мухина определяет границы юности от 16-17 до 21-25 лет [11, с. 490]. В периодизации Дж. Биррен период юности охватывает 12-17 лет. Д. Б. Брамлей рассматривает циклы – утробный, детства и юности. При этом цикл юности подразделяется на две стадии: 1) половое созревание (от 11 до 15 лет); 2) поздняя юность (15-21 год). В периодизации Э. Эриксона юность очерчивалась от 12-13 до 19-20 годами [5, с. 227].

По Э. Эриксону, юношеский период падает на пятую стадию жизненного цикла, которая является самой значимой для психосоциального развития личности. Возрастные рамки от 12-13 до 19-20 лет. В этот период юноша сталкивается с новыми требованиями к его поведению и увеличением ответственности за свои действия [16].

По Э. Эриксону формирование «внутреннего чувства идентичности» является длительным и сложным процессом самоопределения. Учёный выделил два вида идентичности: дарованную и конструируемую. Если дарованная идентичность связана с процессом осознания и принятия своей этнической, расовой, половой принадлежности, то конструируемую идентичность необходимо построить. Интроекция, идентификация, ролевое экспериментирование рассматриваются ученым как механизмы самоопределения.

Достижение идентичности, является статусом, достигаемым теми, кто прошел через кризис идентичности и принял свои обязательства. В итоге молодые люди сделали определенный выбор в отношении профессиональных и ценностных позиций. Юноши и девушки стремятся руководствоваться в жизни собственными целями, убеждениями, ценностями, при этом, не проявляя конфронтации с групповыми нормами [16].

Нейрофизиологическое развитие в этом возрасте, связанное с развитием ЦНС, характеризуется такими особенностями: быстрое реагирование, которое выражается в скорости реакции на любой внешний раздражитель; оптимальное развитие абсолютной и распознавательной чувствительности всех анализаторов; пластичность и гибкость деятельности коры головного мозга; высокий уровень кратковременной и оперативной памяти; высокий уровень внимания; высокая скорость решения вербально-логических задач.

В связи с этим познавательное развитие юноши имеет свою специфику. Во-первых, проявляется повышенный интерес к рефлексии и самонаблюдению, потребность структурировать и обобщать знания о самом себе. Во-вторых, мышление характеризуется эмоциональностью, появляется повышенная склонность к рассуждениям о проблемах мировоззрения. Процессы мышления приобретают такие характеристики, как критичность, логичность и систематичность. В-третьих, концентрация, устойчивость внимания, объём памяти достигают высокого уровня в своем развитии. Таким, образом, у студентов способы запоминания приобретают другой характер – мнемический [5]. Именно поэтому данный возрастной период является благоприятным для профессионального обучения.

Такому возрасту свойственны самоанализ и рефлексия. Юноша начинает задаваться вопросами: «Кто я?», «Каков я?», «К чему я должен стремиться?». Таким образом, у человека формируется самосознание. У молодых людей и девушек появляется целостное представление и отношение к себе; они могут дать оценку самому себе о своих действиях, внешности, мыслях, достоинствах и недостатках. На этой основе создается возможность для осознанного самосовершенствования и самовоспитания [6].

Также начинает формироваться мировоззрение – система взглядов и представлений об окружающем мире. Это отражается в поиске места себя в этом мире, осознание себя как социальная единица, как частица общества. Человек стоит перед выбором своего будущего социального положения и ищет возможности и способы его достижения. Как полагает Л.И. Божович, только в юношеском возрасте моральное мировоззрение начинает представлять собой такую устойчивую систему нравственных идеалов и принципов, которая становится постоянно действующим нравственным побуждением, опосредующим все их поведение, деятельность, отношение к окружающей действительности и к самому себе. Д. И. Фельдштейн отмечает, что важной чертой нравственного развития является усиление роли нравственного сознания в поведении. Формируется принципиальность, развиваются убеждения, чувство долга и ответственности. Повышается интерес к философско-этическим проблемам чести, жизненной цели, счастья, долга, любви, дружбы.

В данной возрастной категории психология общения имеет противоречивый характер двух потребностей: потребности в принадлежности к какой-либо социальной общности и обособления (приватизации).

Стремление к коллективности – это еще одна особенность этого периода. В этой характеристике сочетаются растерянность с самоуверенностью, общительность с негативизмом. Также, можно отметить, что происходит активное развитие волевых качеств личности, являющиеся основой для достижения собственных целей и профессионального становления. К этим качествам относятся: настойчивость, терпеливость, целеустремленность, решительность, дисциплинированность, самостоятельность и др.

Одной из ключевых задач в процессе самореализации личности в юношеском возрасте является осознание своих сильных сторон и слабостей. Чтобы выбрать наиболее подходящую профессию и достичь успеха в жизни, необходимо понимать свои интересы, увлечения и склонности. Однако не менее важно осознавать свои недостатки и работать над ними, учиться новому и развиваться.

Для юношеского периода характерна учебно-профессиональная деятельность. Человек, выходя со стен школы, делает шаг к развитию новой социальной ситуации развития – поступление в учебные заведения: колледжи, техникумы, ВУЗы. Именно на

данном этапе жизни юноши начинается процесс реализации самого себя. Эту ситуацию обуславливают не только вход человека в новый коллектив, но и направленность на построение планов на будущее, формирование образа жизни и т.п. Потребность такого выбора устанавливается самой жизненной ситуацией, стимулируется родителями, направляется учебным учреждением. Следственно, в этот этап жизни активизируется развитие способности к самосовершенствованию: устойчивая мотивация к саморазвитию, овладение субъектом способностью самоуправления. Это явление связано со стремлением к проявлению самостоятельности и автономии в этом возрасте.

В современном обществе образование играет одну из ключевых ролей в жизни каждого человека, особенно в период юности, когда молодые люди стоят на пороге взрослой жизни и выбирают свой путь. Высшее образование является одним из основных инструментов самореализации, ведь оно не только дает знания и навыки необходимые для будущей профессии, но также способствует развитию личностных качеств студентов, формированию их мировоззрения, становлению их как полноценных членов общества.

Обучение в университете является первым этапом формирования и развития человека как будущего специалиста в своей сфере. Этот этап, в контексте концепции развития профессиональной личности, не ограничивается лишь периодом адаптации и подготовки к будущей работе, но также включает этапы профессионального самопознания и самоопределения, а также поиска путей применения своих возможностей в будущей карьере. Именно этот этап является наиболее благоприятным для создания основы будущей профессиональной самореализации. Задача университета состоит в том, чтобы подготовить выпускников к профессиональной самореализации, что требует применения специального набора инструментов и методов, которые стимулируют этот процесс.

Студент университета еще не имеет четкого представления о своей будущей профессии, поэтому он не может полностью реализовать себя в профессиональном плане. Вместо этого у него формируется только готовность к этому процессу.

Анализ литературных источников позволяет выделить особенности взаимосвязи между психологической готовностью будущих специалистов к их профессии и стремлением к самореализации [12].

Психологическая готовность включает осознание человеком своих потребностей. Мотивационный компонент играет важную роль в психологической готовности, поскольку он отражает отношение человека к своей профессиональной деятельности. Студент, который стремится работать в выбранной сфере и имеет устойчивый интерес к своей профессии, обладает важным условием для будущей профессиональной самореализации. Однако мотивационные составляющие не всегда достаточны для будущей самореализации. Важно, чтобы человек осмысливал свою деятельность. Осмысление деятельности способствует формированию положительного отношения к ней, что в свою очередь влияет на эффективность формирования компонентов психологической готовности и, следовательно, на успешность профессиональной самореализации.

Таким образом, различные факторы влияют на процесс профессиональной самореализации. Становление профессиональной самореализации студентов исходит из современных социальных условий, включающих в себя рыночные взаимоотношения, экономические и политические изменения, усиление социального расслоения, ощущение социальной несправедливости и притеснения у низких слоёв населения.

То есть, профессиональная самореализация — это процесс реализации личного потенциала, который включает профессиональное обучение в соответствии с утвержденными образовательными стандартами, овладение специальными навыками, готовность осваивать профессию с учетом требований рынка труда, условий профессиональной конкуренции и индивидуальных возможностей для карьерного роста.

Психологические особенности самореализации студентов определяются рядом внутренних и внешних факторов. Внутренние аспекты определяются индивидуальными особенностями личности, ее потенциалом и мотивацией. Согласно теории иерархии потребностей А. Маслоу, важными характеристиками студента являются:

- мотивация – заинтересованность в обучении, желание учиться именно в этом вузе, стремление достичь успеха и профессионально расти;
- система ценностей – наличие ценностей, присущих самореализующейся личности;
- эмоциональная сфера – умение радоваться жизни, контролировать и регулировать свое эмоциональное состояние, получать удовлетворение от учебного процесса и собственных достижений;
- коммуникативные навыки – способность строить конструктивные межличностные взаимоотношения [10].

Внешние факторы, в свою очередь, включают социальное окружение, образовательную среду и экономические условия. Например, поддержка со стороны семьи и друзей может способствовать успешной самореализации студента, в то время как отсутствие такой поддержки может привести к негативным последствиям. Образовательная среда также играет важную роль, поскольку она может как способствовать, так и препятствовать самореализации студентов.

Также на основе концепций ряда авторов (А. Маслоу, К. Роджерс, Э. Эриксон), нами было выделено несколько факторов самореализации личности студентов: возрастные, социальные и личностные.

Возрастные особенности: студенты находятся в периоде активного развития и становления личности, когда происходит формирование ценностных ориентаций, жизненных целей и стратегий их достижения. Процесс самореализации в этом контексте связан с поиском своего места в жизни, определением профессионального пути и развитием личностных качеств.

Социальные особенности: студенты являются частью определенной социальной группы – студенчества, которое имеет свои нормы, ценности и традиции. Это может оказывать влияние на процесс самореализации личности, например, через формирование общих интересов, целей и установок. Студенты взаимодействуют друг с другом, формируют дружеские и профессиональные связи, участвуют в общественной жизни, могут заниматься волонтерством, участвовать в студенческих организациях и клубах. Данные особенности способствуют развитию коммуникативных навыков студентов, умения работать в команде и решать конфликты. В своей социальной группе студент может найти своё место в обществе, развить лидерские качества, умение понимать себя и другого, устанавливать контакт с людьми.

Личностные особенности: самореализация личности студентов связана с развитием таких качеств, как автономность, ответственность, умение принимать решения и действовать в условиях неопределенности. Юношам важно научиться принимать самостоятельные решения, управлять своим временем и ресурсами, быть способными отвечать за свои поступки и действия. Также важным является

способность к самоанализу, рефлексии и саморазвитию: студенты учатся лучше понимать себя и свои потребности, размышлять о своих успехах и неудачах, принимать их и извлекать уроки из своего личного опыта, стремятся к постоянному развитию своих знаний, умений и навыков.

Данные факторы самореализации личности студентов взаимодействуют друг с другом и влияют на процесс становления личности.

Обобщая всё вышесказанное, юношеский возраст – это один из ответственных этапов в жизни человека. Этот возраст сензитивен для развития жизненных приоритетов и перспектив; самосознания, формирования Я-образа и самореализации. Ведущей деятельностью этого возраста является учебно-профессиональная деятельность. К центральному новообразованию можно отнести становление идентичности (т.е. готовность к личностному и профессиональному самоопределению). К другим новообразованиям относятся: развитие метапознания (способность анализировать собственные мыслительные рассуждения), переход к самодетерминации поведения, формирование мировоззрения и жизненных планов, а также построение системы ценностей и этических принципов как ориентиров собственного поведения.

Студенческий возраст, соединяющий в себе юность и раннюю зрелость, является сензитивным периодом для саморазвития, затрагивающего все внутренние сферы человека. Самореализация личности в юношеском возрасте является сложным и многогранным процессом, который зависит от многих факторов. Она важна для развития личности и ее самопознания, а также для достижения успеха и удовлетворенности в жизни.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баррон Ф. Личность как функция проектирования человека человеком самого себя / Ф. Баррон // Вопросы психологии. – 1990. – №2. – С. 153-159.
2. Божович А.И. Личность и ее формирование в детском возрасте / А.И. Божович. – М.: Совершенство, 2005. – 204 с.
3. Выготский Л.С. Психология развития человека / Л.С. Выготский – М.: Изд-во Смысл; Изд-во Эксмо, 2005. – 1136 с.
4. Галажинский Э.В. Системная детерминация самореализации личности. Автореф. дисс.на соис. ученой степени д.псх.н. – Барнаул: БГПУ, 2012. – 43 с.
5. Донцов Д.А. Психологические особенности юношеского (студенческого) возраста / Д.А. Донцов, М.В. Донцова // Образовательные технологии. – 2013. – № 2. – С. 34–42.
6. Донцов Д.А. Психологические особенности, социально-психологические закономерности и специфика развития личности в юношеском возрасте / Д.А. Донцов, Л.В. Сенкевич // Российский научный журнал. – 2013. – №1 (32). – С. 198–207.
7. Зимняя И.А. Педагогическая психология / И.А. Зимняя. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1997. – 480 с.
8. Леонтьев А.Н. Деятельность, сознание, личность / А.Н. Леонтьев. – М.: Политиздат, 1975. – 304 с.
9. Маслоу А. Самоактуализация // Психология личности / под ред. Ю.Б.Гиппенрейтер, А.А.Пузыря. – М.: изд. МГУ, 1982. – 282 с.
10. Маслоу А. Теория самоактуализации / А.Маслоу // Психология личности. Хрестоматия. – Самара, 2006. – Т.1 – С. 383–386.
11. Мухина В.С. Возрастная психология. Феноменология развития. 10-е издание. / В.С. Мухина. – М.: Академия, 2006. – 607 с.
12. Пряжников Н. С. Профессиональное самоопределение: теория и практика / Н. С. Пряжников. М., 2007. – 499 с.
13. Фельдштейн Д.И. Психология взросления: структурно- содержательные характеристики процесса развития личности: Избранные труды / Д.И. Фельдштейн. – М., 2004. – 672 с.
14. Фромм Э. Психоанализ и этика: основы гуманистической психологии / Э. Фромм. – М., 1993. – 415 с.
15. Хьелл Л. Теории личности. 3-е издание. / Л. Хьелл, Д. Зиглер. – СПб.: Питер, 2008. – 609 с.

16. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис / Э. Эриксон, пер. с англ. – Москва: Прогресс, 1996. – 344 с.

Поступила в редакцию 01.12.2023 г.

PSYCHOLOGICAL FEATURES OF STUDENTS' SELF-REALIZATION

М.А. Lipodaeva, I.V. Revutskaya

This article analyzes various theoretical approaches to the problem of personal self-realization in adolescence during the student period. The views of researchers on the concept of personal self-realization are considered. The concepts of domestic and foreign psychologists about the youthful period of personality ontogenesis as a sensitive age for self-determination and choice of one's life path are studied. The factors influencing students' self-realization are considered. A comprehensive approach to the study of the psychological characteristics of students' self-realization is presented. Most of the research in this field is devoted to individual aspects of self-realization, such as motivation, self-esteem, personal qualities, etc. In this study, all these aspects are considered together, based on the characteristics of adolescence, which allows for a more complete understanding of the psychological characteristics of students' self-realization. The article may be useful for teachers, students and researchers in the field of psychology and education.

Key words: self-realization of personality, self-actualization, factors of self-realization, student life, adolescence, psychological readiness, professional self-realization, self-projection, identity.

Липодаева Маргарита Андреевна.

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет».

Студент 2 курса магистратуры, направление подготовки 44.04.02 Психолого-педагогическое образование.

E-mail: mlipodaeva@mail.ru

Ревуцкая Ирина Викторовна.

Кандидат психологических наук.

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет».

Доцент кафедры психологии.

E-mail: irina.revutskaja@yandex.com

Lipodaeva Margarita Andreevna.

Donetsk State University.

Master degree student.

E-mail: mlipodaeva@mail.ru

Revutskaya Irina Viktorovna.

Candidate of Psychology.

Donetsk State University.

Associate Professor of Psychology Department.

E-mail: irina.revutskaja@yandex.com

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

1. Для публикации в журнале «Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология» принимаются оригинальные научные работы, содержащие результаты исследований в следующих отраслях наук:

5.9. Филология:

- 5.9.1 Русская литература и литература народов Российской Федерации;
- 5.9.3 Теория литературы;
- 5.9.5 Русский язык. Языки народов России;
- 5.9.6 Языки народов зарубежных стран;
- 5.9.8 Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика;
- 5.9.9 Медиакommunikации и журналистика.

5.3. Психология:

- 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии.

Статьи, опубликованные ранее в других журналах, к рассмотрению не принимаются. Решение о публикации выносится редакционной коллегией журнала после рецензирования. Рукописи, не соответствующие редакционным требованиям, и статьи, не соответствующие тематике журнала, к рассмотрению не принимаются. Если рецензия положительная, но содержит замечания и пожелания, редакция направляет статью авторам на доработку вместе с замечаниями рецензента. Автор должен ответить рецензенту по всем пунктам рецензии. После такой доработки редколлегия принимает решение о публикации статьи. В случае отклонения статьи редакция направляет авторам либо рецензии или выдержки из них, либо аргументированное письмо редактора. Редколлегия не вступает в дискуссию с авторами отклонённых статей, за исключением случаев явного недоразумения. Рукописи авторам не возвращаются. Статья, задержанная на срок более трёх месяцев или требующая повторной переработки, рассматривается как вновь поступившая. Редакция оставляет за собой право проводить редакционную правку рукописей. Корректур статей авторам не высылаются.

Редакция не взимает плату с авторов за подготовку, размещение и печать материалов.

2. Рукопись подаётся в одном экземпляре, напечатанном с одной стороны листа бумаги формата А4 (экземпляр подписывается авторами). Объём рукописи, как правило, не должен выходить за пределы диапазона **7-15** страниц (от **20000** до **40000** знаков), включая рисунки, таблицы, список литературы. Страницы рукописи должны быть последовательно пронумерованы. Параллельно с предоставлением рукописи на адреса редколлегии (vi.terkulov@mail.ru, v.korobova-latyntseva@mail.ru) высылается во вложении полный текст статьи (в формате WORD или RTF, Office 97-2010) (название файла «(Фамилия автора) статья», например, «Петров_статья»). В случае невозможности передачи в редколлегию рукописи на электронную почту редакции высылается во вложении полный текст статьи в формате pdf.

ВНИМАНИЕ! ОБЯЗАТЕЛЬНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ:

1. **Основной текст статьи** — шрифт Times New Roman, размер 12 пт., с выравниванием по ширине;

2. **Аннотация, список литературы, таблицы, подрисуночные подписи, информация об авторах** — шрифт Times New Roman, размер 10 пт.

3. Поля **зеркальные**: верхнее — 20 мм, нижнее — 25 мм, слева — 30 мм, справа — 20 мм. Междустрочный интервал — одинарный.

4. Абзацный отступ — 1 см.

5. Текст набирается **без** автоматической расстановки переносов (выравнивание по ширине);

6. В тексте допускаются выделения курсивом, жирным шрифтом, разрядкой (**но не подчёркиванием**). Для выделения примеров в тексте используется только курсив, например: Слово *прилагательное* – субстантивированное прилагательное. При необходимости выделения примеров в пределах набранного курсивом предложения, а также для акцентирования внимания на какие-то из примеров – полужирный курсив: *Я памятник себе **воздвиг** нерукотворный*; слова категории состояния: *хорошо, **можно**, пора*;

7. Для названий произведений используются «угловые» кавычки: «Война и мир»;

8. Цитирование, прямая речь и т.д. оформляются угловыми кавычками вида «...»; при необходимости использовать кавычки внутри цитаты, внешними должны быть «угловые» кавычки: «... "..."...»;

9. Необходимо правильно употреблять тире (–) и дефис (-); различие заключается в размере и наличии пробелов перед и после тире: Жуковский – поэт-романтик; первый знак пунктуационный, второй орфографический;

10. Для обозначения страничных, временных и других интервалов используется не отделённое пробелами от смежных знаков тире: с. 24–26;

11. Если стихотворные тексты печатаются как включение в текст, то строки разделяются наклонной чертой, а строфы – двумя наклонными чертами:

Ты этого хотел. – Так. – Аллилуйя. / Я руку, бьющую меня, целую. // В грудь, оттолкнувшую – к груди тяну, / Чтоб, удивясь, прослушал тишину. (М. Цветаева. Пригвождена...);

12. Если стихи воспроизводятся с соблюдением строфического оформления, то необходимо использовать следующие параметры: размер шрифта – 12, междустрочный интервал одинарный, абзацный отступ – 4 см.:

*В нем пунша и войны кипит всегдашний жар,
На Марсовых полях он грозный был воитель.
Друзьям он верный друг, красавицам мучитель,
И всюду он гусар.*

(А. Пушкин. К портрету Каверина);

13. Неразрывный пробел (Ctrl+Shift+пробел) обязательно используется:

а. между инициалами и фамилией (между инициалами имени и отчества пробел не используется): В.И. Супрун, Супрун В.И., В. Супрун, Супрун В.

б. после знака «с.» (страница) перед номером страницы (страничным интервалом): в тексте статьи – с. 212, с. 212–218; в библиографическом описании – С. 212–218;

в. после указания на количество страниц в библиографическом описании: 418 с.;

г. в сочетаниях и т.д., и т.п.

3. Текст рукописи должен быть построен по следующей схеме:

– Индекс УДК в верхнем левом углу страницы (без абзацного отступа и без выделения).

– **НАЗВАНИЕ** статьи — полужирный, по центру (прописными буквами без переноса слов);

– Через строчку: копирайт ©, год (точка после года не ставится) (полужирный), (три пробела), инициалы и фамилия (фамилии) автора (авторов): выравнивание по левому краю без абзацного отступа (полужирный курсив).

– На следующей строке: официальное название организации (курсив).

– Через строчку: аннотация на русском языке (10 кегль) объёмом не менее 100 и не более 150 слов, которая должна кратко отражать **проблему, методы, материал и основные результаты исследования**. **Ключевые слова:** (это словосочетание – полужирным курсивом) (8–15 слов).

Образец оформления начала статьи:

УДК 81:112

**ИСТОРИЗМЫ КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ
С СОЦИОКУЛЬТУРНЫМ КОМПОНЕНТОМ В ТЕКСТОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ
МИХАИЛА МАТУСОВСКОГО**

© 2021 *Т.А. Дьякова*

ГОУК ЛНР «Луганская государственная академия культуры и искусств имени М. Матусовского»

В работе рассматриваются историзмы из произведений М. Матусовского, представляющие интерес как источники социокультурной информации. Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения этого слоя словаря писателя для адекватного восприятия культурно-исторических, социально-бытовых аспектов литературных произведений, отражающих различные периоды развития общества. В процессе исследования текстов применялись различные методы и приемы: анализ и синтез, сплошная выборка единиц определенной группы, культурологический, этимологический, исторический комментарий. Историзмы, использованные писателем, объединены для анализа в несколько групп: одежда и ее детали; приборы, технические средства; музыкальные инструменты и звуковоспроизводящие аппараты; осветительные приборы и приспособления; ткани и др. Сделаны выводы о целях использования устаревших слов. В текстах они служат для создания культурно-исторического и социально-бытового колорита, обеспечения эмоционально-экспрессивного фона повествования. Историзмы применяются как детали портретных характеристик персонажей, используются как художественные средства выразительности.

Ключевые слова: историзм, социокультурный компонент, лексема, лингвистическая реалья, культурно-исторический колорит, социально-бытовой колорит, портретная характеристика.

Для создания отделяющих линий используется инструмент «Границы».

– Через строчку – текст статьи (12 кегль), который включает введение, основную часть и заключение.

Введение: постановка проблемы в общем виде и связь с важнейшими научными и практическими задачами, краткий анализ последних исследований и публикаций, в которых начато решение данной проблемы и на которые опирается автор, выделение нерешённых ранее частей общей проблемы, которым посвящена статья, формулировка цели и задач статьи.

Основная часть: основные материалы исследования с полным обоснованием полученных научных результатов; как правило, содержит такие структурные элементы: постановка задачи, метод решения, анализ результатов.

Заключение: констатация решения поставленных во введении задач, перспективы дальнейших изысканий в данном направлении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ (10 кегль без абзацного отступа). Перечень литературных источников (СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ) приводится общим списком в конце рукописи по алфавиту на языке

оригинала в соответствии с ГОСТ 7.1-2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание» и ГОСТ 7.05-2008 «Библиографическая ссылка». Ссылка на источник даётся в квадратных скобках. Ссылки допускаются только на опубликованные работы. Необходимо включение в список как можно больше свежих первоисточников по исследуемому вопросу (не более чем трёх–четырёхлетней давности). Не следует ограничиваться цитированием работ, принадлежащих только одному коллективу авторов или исследовательской группе. Желательны ссылки на современные зарубежные публикации.

В тексте работы **не допускаются** пристражные и концевые сноски. Ссылка на источник в библиографии оформляется по модели [номер в списке литературы, запятая, с., страница]: [4, с. 23].

Корректными считаются не более двух ссылок на работы автора статьи.

Минимальное количество источников в списке литературы, на которые в обязательном порядке должны быть ссылки в тексте статьи, – 10.

Словосочетание **СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ** (Полужирный) выравнивается по левому краю:

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс / Н.Д. Арутюнова // Теория метафоры. – М.: Наука, 1990. – С. 5–33.

2. Белозерова Е.В. Текстовые реализации лингвокультурных концептов / Е.В. Белозерова // Профессиональная коммуникация: проблемы гуманитарных наук : [сб. науч. тр.]. – Волгоград : ВГСХА, 2005. – Вып. 1. Филология, лингвистика, лингводидактика. – С. 10–17.

3. Леонтьев А.А. Психолингвистические особенности языка СМИ [Электронный ресурс] / А.А. Леонтьев. – Режим доступа: [http : www.genhis.philol.msu.ru/article_286.shtml](http://www.genhis.philol.msu.ru/article_286.shtml) (дата обращения: 25.10.2014).

4. Магера Т.С. Текст политического плаката: лингвориторическое моделирование (на материале региональных предвыборных плакатов): автореф. дисс. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» / Т.С. Магера. – Барнаул, 2005. – 18 с.

5. Методология исследований политического дискурса : [сб. научн. тр. / под ред. Васюткина Е.С.]. – М.: Мысль, 2000. – 347 с.

– Далее приводится аннотация на английском языке (10 кегль), включающая:

- название статьи (полужирный шрифт – выравнивание по центру),
- через строку: инициалы и фамилия автора (авторов) (полужирный курсив – выравнивание по ширине),
- через строку: аннотация, ключевые слова (словосочетание **Key words**: – полужирный курсив) – выравнивание по ширине.

HISTORICISMS AS LINGUISTIC REALIAS WITH SOCIOCULTURAL COMPONENT IN WORKS BY MIKHAIL MATUSOVSKY

T.A. Diakova

The work examines historicisms from the works of M. Matusovsky as linguistic realias with a socio-cultural component. The historicisms used by the writer are classified into several groups: clothes and their parts; devices, hardware and apparatus; musical instruments and sound reproducing apparatus; lighting devices and gear; fabrics. Conclusions about the purposes of using historical lexemes are drawn. In the texts, they serve to create a cultural, historical and social atmosphere, to convey the temporal and local characteristics of the described epoch, to provide the narrative emotionally expressive background. Historicisms are used as means of character drawing and function as various tropes.

Key words: historicism, socio-cultural component, lexeme, linguistic realia, cultural and historical atmosphere, social and everyday atmosphere, portrait characteristic.

– После аннотации курсивом (10 кегль, выравнивание по левой стороне) делается запись: *Поступила в редакцию xx.xx.20xx г.*

– В конце статьи обязательно параллельно в таблице на русском и английском языках указываются (10 кегль, выравнивание по ширине, без абзацного отступа) следующие сведения об авторах (для каждого автора – отдельная строка):

- Фамилия, имя, отчество полностью (полужирный);
- Ученая степень и звание (без выделения).

- Полное название организации – места работы каждого автора, страна, город (без выделения).
- Должность (без выделения).
- Адрес электронной почты.

В конце каждой строки ставится точка.

Образец:

Дьякова Татьяна Алексеевна. Кандидат филологических наук, доцент. ГОУК ЛНР «Луганская государственная академия культуры и искусств имени М. Матусовского». Доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин. E-mail: diako122@rambler.ru	Diakova Tatiana Alekseevna. Candidate of Philology, Associate Professor. State Culture and Art Academy of Lugansk named after M. Matusovsky. Associate Professor of Department of Social and Humanitarian Disciplines. E-mail: diako122@rambler.ru
---	--

4. Отдельными файлами после рецензирования и получения информации о приёме статьи к публикации автором подаются подписанные им Лицензионный договор и Согласие на обработку данных.

5. В отдельном файле и на отдельном листе подаются **фамилия и инициалы автора**, а также **название статьи на русском и английском языках**. При этом **фамилия и инициалы автора** набираются через неразрывный пробел и с разреженным межбуквенным интервалом (3 пт) (название файла «(Фамилия автора)_для_оглавления», например «Петров_для_оглавления»).

Образец

Петров А. В. Глагольные конструкции с предлогом «под» со значением сравнительно-уподобительным.

Petrov A. V. Verbal constructions with the preposition 'under' in the meaning of comparison and similarity

6. Аспиранты и соискатели вместе со статьёй подают рецензию научного руководителя.

7. Авторы научных статей несут персональную ответственность за наличие элементов плагиата в текстах статей, а также за содержание и достоверность фактов, цитат, имён собственных и других сведений.

8. Контактная информация:

283001, г. Донецк, ул. Университетская, 24, 1 корпус, Филологический факультет (ауд. 451, 452).

Ответственный редактор: **Теркулов Вячеслав Исаевич**, д-р филол. наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка Донецкого государственного университета (E-mail: vi.terkulov@mail.ru).

Ответственный секретарь: **Вильдгрубе Светлана Александровна**, канд. психол. наук, доцент кафедры психологии ДонГУ (E-mail: s.vildgrube@mail.ru).

Технический секретарь: **Коробова-Латынцева Виктория Сергеевна**, преподаватель кафедры русского языка ДонГУ (E-mail: v.korobova-latyntseva@mail.ru).

Научное издание

Вестник Донецкого национального университета

Серия Д. Филология и психология

Научный журнал

2023. – № 4

На русском, украинском и английском языках

Технический редактор: В.С. Коробова-Латынцева

Подписано в печать 23.12.23
Формат 60x84/8. Бумага офсетная.
Печать – цифровая. Условн. печ. л. 28,75.
Тираж 100 экз. Заказ № _____

Издательство Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения
высшего образования «Донецкий государственный университет»
283001, г. Донецк, ул. Университетская, 24.
Тел.: +7 (856) 302-92-27.